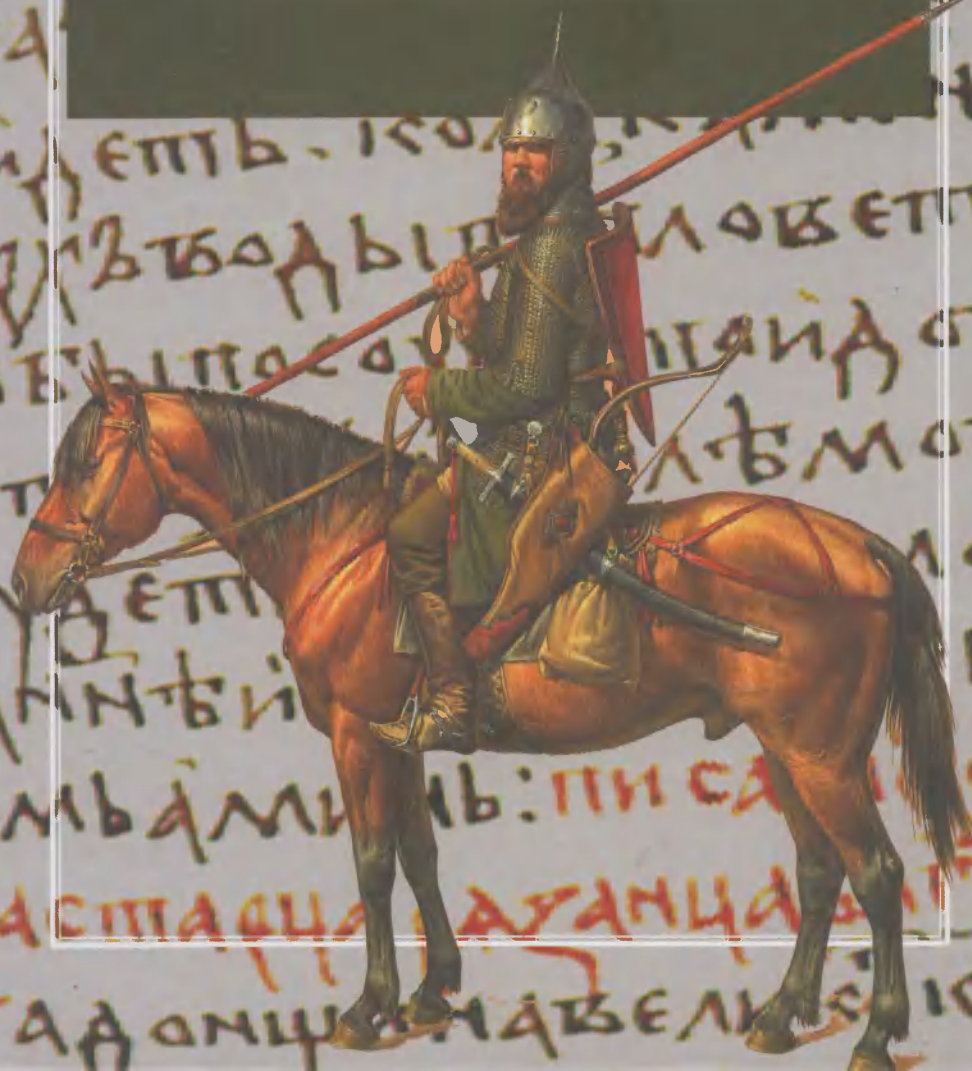

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. О. Амелькин, Ю. В. Селезнев

**КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
СОВРЕМЕННИКОВ
И ПАМЯТИ ПОТОМКОВ**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

Государственный военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово Поле»

Воронежский государственный университет

Воронежский государственный педагогический университет

МОСКВА
Квадрига
2011

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. О. Амелькин, Ю. В. Селезнев

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
СОВРЕМЕННОКОВ
И ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

МОСКВА
Квадрига
2011

УДК 94(47)»13»
ББК 63.3(2)42-681
А 61

Научные редакторы:
Проф., д. и. н. А. А. Горский,
Вед. н. с. РГБ А. В. Кузьмин

Рецензенты:
Доц., к. и. н. А. В. Шеков,
Доц., к. ф. н. С. В. Никишин

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.

А 61 Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков / А. О. Амелькин, Ю. В. Селезнев. – М.: Квадрига, 2011. – 384 с. + илл. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-074-1

Монография посвящена рассмотрению восприятия событий Куликовской битвы в общественном сознании России на протяжении XV–XX столетий.

Особое внимание уделено самому Донскому побоищу и его осмыслению в ранних источниках, а также в исследованиях, публицистике, художественных произведениях, живописи. На оценки влияли эсхатологические воззрения, установки Просвещения, господствовавшие идеологические течения, а также внешнеполитические и внутрисоссийские события.

В настоящее время изучение эпохи Дмитрия Донского переживает подъем. Нестабильное положение общества порождает попытки (в т.ч. фантастичные) переосмыслить значение битвы.

Новые исследования Куликовской битвы учеными приносят новые открытия в изучении этого ключевого события русской истории.

УДК 94(47)»13»
ББК 63.3(2)42-681

ISBN 978-5-91791-074-1

- © Амелькин А. О., наследники, 2011
- © Селезнев Ю. В., 2011
- © Темушев В. Н., наследники, карты на вкладке по материалам Ю. В. Селезнева, (С. 2–5, 12–13), 2011
- © Гласко М. П., Гоняный М. И., Зайцев А. К. (наследники), карты по реконструкциям на вкладке (С. 6–11), 2011
- © Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2011
- © Издательство «Квадрига», оформление, 2011

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Идея представленной вниманию читателей книги «Победа на Куликовом поле в сознании современников и потомков» возникла у Андрея Олеговича Амелькина в непростое время переосмысления прошлого, в 1990-х гг. Тогда, после нашей совместной (мы ездили втроем – Андрей Олегович, Александр Ильич Филюшкин и я) поездки на конференцию в Тулу осенью 1999 г., мой Учитель (я тогда только поступил в аспирантуру, а он стал моим научным руководителем) озвучил проблему отсутствия комплексного исследования истории Куликовской битвы 1380 г. Подобная работа в его представлении должна была стать не просто описанием сражения. В ней должна была быть рассмотрена история изменения восприятия битвы в общественном сознании на протяжении длительного времени – в конце XIV – начале XXI в. Именно тогда он и предложил совместно реализовать этот замысел.

К сожалению, в силу субъективных и объективных причин, нашей профессиональной и бытовой занятости, работа продвигалась медленно. Большое подспорье в решении задачи оказали конференции, ежегодно проводящиеся музеем-заповедником «Куликово поле». Именно для выступления на них (а затем и для публикации в сборниках по итогам конференций) Андрей Олегович разработал темы «Куликовская битва: опыт реконструкции»¹ – 1999 г. – отправная работа, «Епифаний Премудрый о войне московского великого князя Дмитрия Ивановича с татарами»² – 2000 г., «Куликовская битва в памяти потомков»³ – 2003 г., «Образ Мамаева побоища в общественном сознании России XVIII–XX вв.»⁴ – 2006 г.

Амелькин А. О. Куликовская битва: опыт реконструкции событий // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 286–296.

Он же. Епифаний Премудрый о войне московского великого князя Дмитрия Ивановича с татарами // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 137–146.

Он же. Куликовская битва в памяти потомков // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 2. С. 23–33.

Он же. Образ Мамаева побоища в общественном сознании России XVIII–XX вв. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 208–251.

При этом, так или иначе, Андрей Олегович затрагивал проблемы, связанные с Куликовской битвой, и в других своих выступлениях и публикациях⁵.

Лишь в 2006 г. наш совместный проект принял более-менее систематизированный характер. Именно тогда исследование проблем, связанных с Куликовской битвой, было поддержано грантом РГНФ. Это потребовало определенной концентрации усилий именно над тематикой истории событий Мамаева побоища. Работа над темой вылилась в ряд совместных и персональных статей, а также в две книги⁶. Однако реализация первоначального замысла была еще далека от завершения.

Помощь предложили Владимир Петрович Гриценко и Андрей Николаевич Наумов – дирекция музея-заповедника «Куликово поле», с которыми мы уже продолжительное время успешно и плодотворно сотрудничали. Обсуждение деталей совместной работы, которое затруднялось, кроме всего прочего, географическим фактором (мы – авторы – в Воронеже; издатели – в Туле), заняло начало 2007 г. Когда же принципиальное согласие по всем пунктам предстоящей работы наконец-то было достигнуто, случилось непоправимое. 3 мая 2007 г. Андрей Олегович скоропостижно скончался.

Увы, завершать этот весьма непростой проект мне пришлось одному. Наверное, конечный результат работы не совсем укладывается в

См., например: *Амелькин А. О.* К вопросу о государственной принадлежности Куликовского поля // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: Сб. науч. докладов V Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М.; Брянск, 1996. С. 54–55; *Он же.* Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Материалы к конференции. М., 1999. С. 86–90; *Он же.* Пересвет никогда не бился с Челубеем // Человек и наука. 2003. № 9 (23). С. 37–39; *Он же.* Вожская и Куликовская битвы в памяти современников и потомков // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 5–11.

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Политические границы в верхнем Поочье и среднем Подонье после Куликовской битвы: (По материалам кладов джучидских монет) // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 48–52; *Они же.* Куликовская битва: Книга для учащихся. Воронеж, 2006; *Они же.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2006; *Селезнев Ю. В.* К вопросу о количестве населения и мобилизационном потенциале Руси в конце XIV – начале XV в.: (К постановке проблемы) // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2007. № 1. С. 198–204; *Он же.* Особенности трансформации образа темника Мамай в памятниках Куликовского цикла // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Т. 2. Вып. 2. С. 18–22.

первоначальный замысел Андрея Олеговича. Вероятно, не со всеми выводами он был бы согласен. Какие-то аспекты он осветил бы по-другому и, несомненно, лучше. Но пусть факт того, что идея не исчезла вместе с уходом из жизни Андрея Олеговича, а получила определенную завершенность, станет данью памяти моему **Учителю**.

Ю. В. Селезнев

ГЛАВА 1

ИЗУЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ИСТОРИКАМИ

§ 1. Изучение Куликовской битвы и ее времени в отечественной историографии в 1715–1980 гг.

Исследование историографии Куликовской битвы началось сравнительно недавно, оно сразу же ознаменовалось серией фундаментальных работ. Среди их авторов следует отметить, тем не менее, Л. Г. Бескровного, С. З. Зарембу, А. Д. Горского¹. Их выводы и наблюдения по-прежнему представляются ценными как для изучения событий русско-ордынского противостояния последней четверти XIV в., так и для истории отечественной исторической науки. Не пытаясь пересмотреть сделанные ими выводы, попробуем еще раз осуществить обзор работ российских и советских исследователей Куликовской битвы за период с 1715 по 1980 г.

С начала XVIII в. происходит перестройка всей русской культуры, и этот грандиозный процесс не мог не затронуть историописание в России. На смену летописанию и историческому повествованию приходит научное исследование событий и явлений в жизни общества и государства. Куликовская битва первоначально рассматривалась в рамках общих трудов по отечественной истории как одна из замечательных ее страниц.

Так, А. И. Манкиев в написанном им в 1715 г. «Ядре Российской истории», опираясь на «Летописную повесть о Куликовской битве»²,

Бескровный Л. Г. Историография Куликовской битвы // Куликовская битва: Сборник статей / Отв. ред.: Л. Г. Бескровный. М., 1980. С. 6–25; *Заремба С. З.* Куликовська битва в історичній літературі // УІЖ. 1980. № 9. С. 141–150; *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной научной конференции: Сб. ст. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1983. С. 15–42.

В то же время в работе А. И. Манкиева нет характерных для «Сказания о Мамаевом побоище» сообщений о поездке великого князя Дмитрия Ивановича в

дал короткое, но емкое и достаточно близкое источнику описание сражения: узнав о победе великого князя Дмитрия Ивановича над Бегичем, Мамай «по совету Князя Литовского Ягелы и Князя Рязанского Олега, собравшись со всеми своими силами, пошел в Русь»; но великий князь Димитрий, стремясь не допустить врага «до самой утробы государства... славную победу на Куликовом поле над Татарами одержал, что на несколько верст поле Татарскими трупием от Русских побитым, было покрыто»³. В книге А. И. Манкиева просматривается стремление дать толкование событий с точки зрения приоритетов светского государства.

Стремление рационалистически объяснить события 1380 г. отчетливо наблюдается и у В. Н. Татищева, который в своей «Истории Российской» привел подробное описание Куликовской битвы⁴. Основным источником для рассказа о событиях 1380 г. В. Н. Татищеву послужило «Сказание о Мамаевом побоище», которое он нашел в составе Никоновского летописного свода. Причина такого выбора источника кроется в существовавшем тогда уровне развития исторической мысли. В. Н. Татищев исходил из необходимости дать наиболее подробное описание событий, а сомнений в известиях, приводимых летописью, обычно не возникало. Уточнения вносились лишь в детали повествования. Пытаясь найти рационалистическую причину всех действий русских и татар, В. Н. Татищев исходит из опыта военных действий XVIII в. Так, участие купцов-сурожан в походе князя Дмитрия он объясняет необходимостью снабжения русского войска. Характерно, что именно В. Н. Татищев первым высказал предположение, что удар засадного полка был нанесен на левом фланге русской рати. Об этом можно судить по его замечанию о том, что полк «правой руки», успешно оборонявшийся от татар, не мог перейти в наступление из-за боязни оголить правый фланг основных сил русского войска. Историк стремился приблизить к привычным для него, реальным для времени его жизни масштабам и сведениям о численности войск, десятикратно уменьшая цифры: вместо 200 тыс. – 20 тыс., вместо 400 тыс. – 40 тыс. человек⁵. Хотя в основу повествования было поло-

Троице-Сергиев монастырь, о поединке с ордынцем Пересвета, засадном полке и т. д.

Хилков А. Я. Ядро Российской истории. М., 1784. С. 135–136.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1784. Кн. 4: (1238–1462 гг.: От Ярослава II Всеволодовича до Василия III включительно); Он же. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 138–150, 286–290.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. С. 144, 287. Примеч. 268; С. 288. Примеч. 281; Афанасьев Э. Л. Куликовская битва в изображении русских писателей

жено наполненное невероятными подробностями «Сказание», историк не стал повторять описания чудес, знамений и молитв. Он отказался от имеющихся в «Сказании» сравнений участников событий 1380 г. с героями и антигероями древности (Навуходоносором, Александром Македонским, Дарием, Пором, Антиохом и др.).

Гораздо более объемный круг источников по истории Куликовской битвы был известен М. В. Ломоносову. Как отмечают исследователи, ему были знакомы «Летописная повесть о Куликовской битве» и несколько редакций «Сказания о Мамаевом побоище» (по Никоновской летописи и Синописису, Лицевому летописному своду XVI в.)⁶. М. В. Ломоносову была знакома и созданная в XV в. немецкая хроника А. Кранца, которая имеет краткое известие о Куликовской битве⁷. В качестве источника М. В. Ломоносов использовал «Историю Российскую» В. Н. Татищева. К сожалению, исследователь не составил подробного описания битвы в своих исторических сочинениях. В «Кратком летописце» он лишь отмечал, что великий князь Дмитрий Донской темника Мамаю «дважды в Россию с воинством не допустил и в другой раз победил совершенно»⁸.

В отличие от М. В. Ломоносова князь М. М. Щербатов дает подробное описание событий 1380 г. в своей «Истории Российской»⁹. При этом он опирался на многочисленный ряд источников: известия Типографской, Никоновской и некоторых других летописей, использовал Хронограф, Синописис, «Скифскую историю» А. И. Лызлова, родословные материалы и исторические труды иностранных авторов. Главным источником князя М. М. Щербатова о Куликовской битве стало «Сказание о Мамаевом побоище», которому он дал в примечаниях историко-географический, хронологический, палеографический и генеалогический комментарии. В духе эпохи Просвещения князь М. М. Щербатов с рационалистических позиций критикует досто-

XVIII в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 4. С. 294; Горский А. Д. Куликовская битва в исторической науке. С. 20.

Беляевский М. Т. История России в литературных произведениях М. В. Ломоносова // ВМГУ Сер. 9. 1961. № 5. С. 23–26; Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 10–12, 24, 90–91, 97, 232–236, 259–262; Горский А. Д. Куликовская битва в исторической науке. С. 20.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 573.

Там же. С. 316, 370.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. 4. Ч. 1: От начала царствования великого князя Дмитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования великого князя Иоанна Васильевича. С. 121–172.⁹

верность известий о количестве участников битвы, гадании князя Дмитрия Боброка Волынского накануне битвы и чудесных явлениях. Таким образом, князь М. М. Щербатов стал первым русским исследователем, который не ограничился пересказом одного или нескольких источников по истории Куликовской битвы, а попытался критически исследовать их содержание.

И. Н. Болтин в «Примечаниях» на «Историю» Леклерка затрагивает вопрос численности войск, участвовавших в Куликовской битве. Он, как большинство историков XVIII в., критически подходит к показаниям источников, критикуя Леклерка за использование больших цифр, упоминаемых «многими летописями». Ссылаясь на показания «других летописей, рукописных» и на «продолжение истории Татищевой», автор определил численность войск Дмитрия Ивановича «поболее 200 000», отмечая, что «сие изчисление подтверждается соображением обстоятельств предыдущих и последующих битв». И. Н. Болтин выразил сомнение и по вопросу о количестве татарских войск, участвовавших в сражении, и о потерях в бою. Так, ссылаясь на сведения других летописей и ряд собственных соображений, он считал «число убиенных на сражении», сообщаемое Синописом (253 тыс. человек), «невероятным». И. Н. Болтин, продолжая традиции рационалистической критики известий о Куликовской битве, положил начало дискуссии о численности войск, участвовавших в битве на Дону, размере потерь¹⁰. Если В. Н. Татищев отразил свои сомнения в показаниях источников лишь в редакторской правке текста своей «Истории Российской», то И. Н. Болтин смог сделать этот вопрос предметом открытого обсуждения.

В последнем десятилетии XVIII в. Куликовской битве было посвящено несколько работ, имевших скорее справочный или научно-популярный, а не исследовательский характер¹¹. Наиболее подроб-

Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 296, 297.

Дмитрий VII Иванович Донской. Историческая надпись к нему // Разные письменные материи. Б.м., 1791. С. 109–122; Дмитрий VII Иванович Донской. Биографические сведения // Словарь исторический. М., 1791. Ч. 5. С. 156; *Михайлов И.* Низверженный Мамай, или Подробное описание достопамятной битвы и последовавшей за нею знаменитейшей победы, бывшей в царствование великого князя Димитрия Иоанновича, на Куликовом поле, между рек Мечи и Дона, при устье речки Непредвы, взятое из разных достоверных авторов. М., 1798; *Захарьин П. М.* Новый Синопис, или Краткое описание о происхождении славяно-русского народа, владычествовании всероссийских государей в Нове Городе, Киеве, Владимире и Москве, с подробным повествованием поражения страшного

но события 1380 г. освещены в книге И. М. Стриттера «Истории Российского государства», изданной в 1801 г.¹² Ее автор опирался прежде всего на «Сказание о Мамаевом побоище»¹³. В соответствии с духом эпохи Просвещения И. М. Стриттер дает рационалистические толкования отдельных известий. Так, гадание перед битвой он трактует как рекогносцировку, победу на Куликовом поле объясняет не помощью Небесных Сил, а расстановкой русских полков «сообразно с местоположением». Однако сочинение И. М. Стриттера можно рассматривать как определенную веху в изучении событий 1380 г., поскольку он обратил внимание на политические итоги битвы и идеологическое значение победы над Мамаем.

Этот усложненный взгляд на итоги сражения присутствует и у Н. М. Карамзина, который в «Истории государства Российского» высоко оценивает значение Куликовской битвы, но отмечает, что окончательно ликвидировать иноземное иго не удалось¹⁴. Хотя само сражение описывается им вполне традиционно, труд Н. М. Карамзина стал важным рубежом в изучении событий 1380 г. Впервые историк обратился к источниковедческому анализу привлекаемых источников. Он выделил две версии рассказа о Куликовской битве: достоверную (представленную Ростовской и другими летописями) и «баснословную» (в Сипонсисе и Никоновской летописи). Признавая недостоверность «Сказания о Мамаевом побоище» и критикуя своих предшественников за повторение «сих сказок», Н. М. Карамзин считал наличие в этом источнике и данных о «некоторых обстоятельствах вероятных и сбыточных». Историк расширил круг использованных источников, причем привлек данные иностранных источников – двух немецких хроник, содержащих упоминания о битве. Исследователь описывал события 1380 г., вычлняя из общего их хода отдельные проблемы. В частности, он обстоятельно рассмотрел вопрос участия новгородцев в Куликовской битве. По сути дела, все намеченные им подходы к изучению Куликовской битвы сохраняют свое значение и ныне.

татарских, войск полководца Мамаю, от Димитрия Ивановича великого князя Московского, и о последующих по нем великих князьях и царях, до вступления на престол государя императора Петра Великого. Николаев, 1798.

Стриттер И. Г. История Российского государства. СПб., 1801. Отд. 1. Ч. 2. С. 357–530.

Там же. С. 439–473.

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. С. 61–78, 28–41 [вторая пагинация].

В 20-х гг. XIX в. делаются первые попытки изучения самого Куликова поля, начало которых связано с именем директора училищ Тульской губернии, члена Императорского Общества истории и древностей Российских в Москве С. Д. Нечаева. Он «владел частью сего знаменитого места», а его интерес к данной теме был стимулирован подготовкой к предполагаемому сооружению памятника на месте сражения¹⁵. В 1821 г. появилась статья С. Д. Нечаева, посвященная локализации места битвы¹⁶. Ему также принадлежат первые статьи о находках старинных вещей на Куликовом поле¹⁷. Кроме того, С. Д. Нечаев вел большую собирательскую деятельность и к концу своей жизни стал владельцем «значительного собрания предметов». «Здесь были панцири, кольчуги, шлемы, мечи, копья, наперсные кресты, складни и т. п.»¹⁸ Позднее эта коллекция С. Д. Нечаева рассеялась. Интерес к месту сражения проявляли и другие краеведы и путешественники¹⁹.

Хотя основную массу литературы о Куликовской битве в 20–40-х гг. XIX в. составляли популярные сочинения, основанные главным образом на данных И. Г. Стриттера и Н. М. Карамзина²⁰, в это время начинается серьезная работа по выявлению и введению в научный оборот источников по истории Куликовской битвы и связанные с ней филологические исследования (К. Ф. Калайдовича, В. М. Ун-

Нечаев С. [Д.] Письмо из Тулы // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 149.

Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. Ч. 118. № 14. Июль. С. 125–129.

Нечаев С. Д. Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 24. С. 348–350; 1823. Ч. 123. № 8. С. 307–311.

Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1902. Т. 2: Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 541; *Фехнер М. В.* Находки на Куликовом поле: К вопросу о месте битвы 1380 г. // Труды ГИМ. 1990. Вып. 73: Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. ред.: А. К. Зайцев. С. 72–78.

Макаров М. Н. Село Рождественно-Монастырщина и поле Куликово. М., 1826.

Покровский Ф. Дмитрий Иванович Донской великий князь Московский: Историческое повествование. Тула, 1823; Битва Задонская или поражение Мамаев на полях Куликовских: Историческое событие, происшедшее 1380 года Сентября 8 дня. М., 1825; *Казадаев А.* Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому. СПб., 1827; *Гурьянов И.* Дмитрий Иоаннович Донской или Ужасное Мамаево побоище: Повесть XIV ст. 1839; 1845; 1847; 1852; 1854; 1867; 1868; Дмитрий Иоаннович Донской, или история о Мамаевом побоище. М., 1843. Некоторые из них (например, И. Гурьянова) стоят на грани исторического «повествования» и лубочной литературы. Об этих изданиях см.: *Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П.* Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX – начала XX в. // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 134, 141, 144; *Троицкий В. Ю.* Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10–30-х гг. XIX в. // Там же. С. 221–223, 230–232.

дольского, И. М. Снегирева, Н. Головина и др.). Некоторые из работ этого и последующего времени интересны известиями историко-географического и археологического характера о Куликовом поле и его окрестностях, о находках на нем древних крестов, складней, обломков оружия²¹.

В 1827 г. была опубликована статья Н. С. Арцыбашева «Дмитрий Донской»²², в которой автор привлек довольно широкий круг источников, в частности опубликованные к этому времени летописи (Архангелогородскую, Львовскую, Никоновскую, Новгородские) и одну рукописную (Псковскую), акты, историко-географические материалы, известия иностранцев, родословец (рукописный), предшествующую литературу (к примеру, «Историю государства Российского» Карамзина). Как представитель «скептического» направления в русской историографии Арцыбашев стремился критически подойти к показаниям источников, отмечая имеющиеся разночтения в летописях, отдельные ошибки (например, у того же Карамзина); в его «примечаниях» к основному тексту имеются полезные наблюдения и замечания генеалогического, терминологического, топографического и тому подобного характера. Однако, как отметил А. Д. Горский, «источниковедческие выводы Арцыбашева не утешительны»²³. «Обстоятельства сей войны, — пишет он, — так искажены витийством и разноречием летописцев, что во множестве переиначек и прибавок весьма трудно усмотреть настоящее»²⁴. Это, однако, не мешает ему вести прагматический, охватывающий события с 1361 по 1389 г. рас-

Афремов И. Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы. М., 1849; *Марков А.* Татарский шлем, найденный на Куликовом поле // Вестник истории и археологии. СПб., 1885. Кн. 5. С. 63–66; *Мартынов П.* Куликово поле в Епифанском уезде и битва на нем в 1380 г. // Тульские губернские ведомости. 1873. № 67–69; *Тихомиров Д.* Краткое описание Куликова поля // ЧОИДР. 1846. Кн. 2. Отд. 4. С. 36; *Турбин С. И.* Куликово поле. СПб., 1867; *Сахаров И. П.* Памятники Тульской губернии. СПб., 1851; *Троицкий Н. И.* Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении // Труды VII археологического съезда в Ярославле. М., 1890. Т. 1. С. 80–97 (см. также: *Он же.* Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении: [Репринт ст. из материалов археолог. съезда / Н. И. Троицкий. Тула, 1887]. Тула, 1998. 22 с.); *Он же.* Село Городище. Тула, 1897 (1901); *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843.

Арцыбашев Н. С. Дмитрий Донской // Вестник Европы. 1827. Ч. 153. № 9. С. 3–26, № 10. С. 81–110; № 11. С. 161–191; № 12. С. 241–270; № 14. С. 154–160.

Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 24.

Арцыбашев Н. С. Дмитрий Донской // Вестник Европы. Ч. 153. № 11. С. 180. Примеч. 164.

сказ, не очень, впрочем, оригинальный в своей основе по сравнению с работами Стриттера и Карамзина²⁵.

В «Истории русского народа» Н. А. Полевого, описывая события 1380 г.²⁶, автор подчеркивает, что Дмитрий Иванович Московский проявил решительность в борьбе с Ордой, что серьезную помощь ему оказали Владимир Андреевич Серпуховской и Сергей Радонежский. Н. А. Полевой осуждает тех князей, которые уклонились от этого похода. Изложение событий ведется в романтическом духе. Правда, Н. А. Полевому не был чужд и критический подход к источникам, рассуждения о численности войск у Дмитрия и Мамаю. Критерий достоверности у Полевого – наличие данного известия «во всех» источниках. Н. А. Полевой, кажется, первым из исследователей привлек для изучения состава участников Куликовской битвы свидетельство Успенского синодика XV в. (по публикации Н. И. Новикова из «Древней российской вивлиофики»). Н. А. Полевой также обратил внимание на публикацию 1829 г. И. М. Снегиревым «Сказания о Мамаевом побоище»²⁷. В остальном он так же, как и Н. С. Арцыбашев, почти не выходит за круг источников, использованных Н. М. Карамзиным²⁸.

Данный круг источников, как и описание событий перед Куликовской битвой, самой битвы и ее результатов становится довольно традиционным в русской историографии. В большинстве трудов изложение обрастает лишь некоторыми дополнительными соображениями, сводясь, в общем и целом, к прославлению Дмитрия Донского (иногда вкуче с Владимиром Храбрым или Дмитрием Боброком-Волынским и т. д.), без серьезного анализа причин победы на Куликовом поле, с декларацией приверженности авторов интересам довольно абстрактного «народа». Подобное освещение Куликовской битвы и особенно личности Дмитрия Донского всячески поощрялось официальной властью. Примером может служить

Мало нового дают наблюдения о Куликовской битве, изложенные Н. С. Арцыбашевым в «Повествовании о России» (М., 1838. Т. 2. С. 130–131).

Полевой Н. А. История русского народа. Т. 5. М., 1833. С. 111–131. Об освещении Н. А. Полевым Куликовской битвы см. также: *Курилов А. С.* Памятники Куликовского цикла и русское литературоведение первой половины XIX в. // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 201, 204; *Елизаветина Г. Г.* Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеро-демократов // Там же. С. 234–236.

«Это уже совершенная поэма, в прозе, подобная... “Слову о полку Игореве”», – пишет Н. А. Полевой.

Подробнее об этом см.: *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 24–25.

большая статья Н. В. Савельева-Ростиславича²⁹, отмеченная наградой и перепечатанная еще раз в другом периодическом издании³⁰. В 1837 г. в свет уже выходит его книга на ту же тему³¹. За данные работы Н. В. Савельев-Ростиславич был избран в Москве соревнователем Императорского Общества истории и древностей Российских. Данные сочинения вызвали полемику, в которой приняли участие такие известные русские журналисты, как В. Г. Белинский и Н. А. Полевой³². По мнению А. Д. Горского, она – яркий «пример того, каким образом интерпретация и оценка в историографии дел “давно минувших дней” могли приобрести остроту звучания в общественной борьбе в России XIX ст.»³³.

Однако, конечно же, было бы упрощением говорить, что произведения, подобные работам Н. В. Савельева-Ростиславича, содержали лишь славословия Дмитрию Донскому как монарху, «самодержавцу», единоличному победителю Мамаю. Они имеют слова о том, что «уважение и слава предков есть уважение самих себя, залог будущего величия, источник самостоятельности, единства и возвышенности народного духа», а также что «борьба с монголами и свержение ига их были не действиями одного человека, но целого народа»³⁴.

В «Истории России» С. М. Соловьев, рассказывая о событиях, связанных с Куликовской битвой, и о самом ее ходе, ведет изложение сдержанно, строго, без эмоционального нажима, стремясь точно следовать показаниям источников. С. М. Соловьев останавливается на памятниках Куликовского цикла, которые делит на три группы: первоначальное, а следовательно, и наиболее достоверное сказание («Летописная повесть о Куликовской битве»), сказание с «большими подробностями, вероятными, подозрительными, явно неверными» («Сказание о Мамаевом побоище») и художественное сказание, напи-

Савельев-Ростиславич Н. В. Историческое значение и личный характер Дмитрия Донского // ЖМНП. 1837. № 6. С. 378–407.

Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1837. Т. 9. № 3. С. 44–76.

Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837.

Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. № 1. Отд. 6. С. 12; Северная пчела. 1838. № 6. С. 22; Сын Отечества. 1838. Т. 1. Февр. С. 24–31; Современник. 1839. Т. 14. С. 37; Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1839. № 15; Маяк. 1840. Кн. 9. С. 48–55; Отечественные записки. 1843. Т. 26. № 2. С. 66–67.

³³ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 25.

³⁴ Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской. С. 3, 31.

санное «явно по подражанию... Слову о полку Игореве» и выражающее «взгляд современников на Куликовскую битву» («Задонщина») ³⁵.

Д. И. Иловайский подробно проанализировал поведение великого князя Олега Ивановича в 1380 г. ³⁶ Ссылаясь на тенденциозность «северных» летописей, на сложность положения правителя Рязанской земли и т. д., исследователь отмечает двойственность его поведения во время похода Мамаю 1380 г. и в конечном счете оправдывает рязанского великого князя, считая, что в 1380 г. он принес своим «союзникам» (Мамаю и Ягайло) «гораздо более вреда, нежели помощи» ³⁷, но вместе с тем спас Рязанское княжество от разгрома войсками Мамаю. Позднее Д. И. Иловайский повторил свои выводы ³⁸.

Н. И. Костомаров дважды обращался к теме Куликовской битвы. Во-первых, в специальной работе он в беллетристической форме излагает события, явно выражая сомнение в главной роли в сражении московского великого князя Дмитрия Ивановича, очевидно, полемизируя с предшествующей литературой (и летописцами), прославлявшей Донского. Наоборот, позиция Олега Рязанского, вступившего в союз с Мамаем, оправдывается Костомаровым.

Еще более отчетливо эти тенденции обнаруживаются в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», где политика великого князя Дмитрия Донского и его личные качества оцениваются крайне низко ³⁹. Критикуя «Сказание о Мамаевом побоище» за недостоверность, Н. И. Костомаров, тем не менее, признавал правдоподобными существенные известия этого источника (например, удар засадного полка). Он также не отрицал большое влияние Куликовской победы на дальнейшее развитие борьбы за освобождение от иноземной зависимости ⁴⁰. Брошюра Н. И. Костомарова 1864 г. (а также его же

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. Т. 3–4. С. 284–288, 633–637.

Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 163–180.

Там же. С. 175.

³⁸ Иловайский Д. И. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880; *Он же*. История России. М., 1884. Т. 2. С. 114–143. К интерпретации поведения Олега Рязанского, данной Д. И. Иловайским, позднее обратился советский писатель Ф. Ф. Шахмаонов. Он повторил аргументы Д. И. Иловайского, включая его ссылки на труды Арцыбашева и Щербатова (*Шахмаонов Ф. [Ф.] Секретная миссия рязанского князя: (К истории Куликовской битвы 1380 г.) // ТМ. 1977. № 12. С. 50–53; Он же*. Кого же предал рязанский князь Олег // Тайны веков. М., 1978. С. 384–403; *Он же*. На Куликовом поле. М., 1980; и др.). Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 27–28. Костомаров Н. И. Куликовская битва // Месяцеслов на 1864 г. СПб., 1864 [отд. оттиск]; *Он же*. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1915. Т. 1. С. 181–206.

более ранняя статья 1862 г.) о Куликовской битве вызвала полемику. В ней приняли участие консервативные, охранительного толка литераторы Д. В. Аверкиев и В. М. Аскооченский, известный историк М. П. Погодин. Скептицизму Н. И. Костомарова (считавшего, что московский великий князь «на самом деле всего менее был героем и что освободил Россию не он, а исключительно благоприятно сложившиеся обстоятельства») они противопоставили апологетическое прославление Дмитрия Донского⁴¹.

В полемику с Н. И. Костомаровым вступил и Д. И. Иловайский⁴². Как подчеркнул А. Д. Горский, полемично уже само ее название. Она подчеркивает особую роль Дмитрия Донского в событиях 1380 г., которую стремился принизить Костомаров. Брошюра написана в «старомодном» ключе. Сначала идет несколько беллетризованный рассказ о событиях до Куликовской битвы, о самой битве, ее последствиях и значении, затем в виде приложений следуют «примечания и объяснения» с перечнем и характеристикой использованных источников (в том числе свидетельств из «Истории Российской» В. Н. Татищева), с элементами полемики с предшественниками⁴³. Д. И. Иловайским привлечен значительный круг источников, подвергнутых умелой обработке. И в самой брошюре, и в приложении содержатся полезные наблюдения. Так, при выяснении хода сражения автор обращает внимание на особенности местности, отмечает удачное расположение русских войск с учетом этих особенностей, уточняет в связи с этим первоначальное местонахождение засадного полка, указывает на двойственность поведения Олега Рязанского во время похода Мамай 1380 г., пытаясь выяснить ее причины. Кроме того, он анализирует действия Дмитрия Донского после первых известий об угрозе нашествия до победного окончания битвы, приходя, вопреки Костомарову, к выводу о разумности действий московского великого князя и его личной отваге. В заключение Д. И. Иловайский отмечает значение Куликовской победы для активизации борьбы против Орды, для укрепления авторитета Москвы среди русских земель. К брошюре приложена карта-схема

⁴¹ Библиографию работ по этой полемике подробнее см.: Куликовская битва: Сб. ст. С. 295–296. О Д. В. Аверкиеве и его пьесе «Дмитрий Донской», вызвавшей критику Д. И. Писарева как по ее содержанию (Писарев, в частности, упрекал автора за недостаточное внимание к роли народа в борьбе с полчищами Мамай), так и по литературным качествам, подробнее см.: *Писарев Д. И.* Прогулка по саду российской словесности // Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 331–337.

⁴² *Иловайский Д. И.* Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского.

⁴³ *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 28.

Куликовской битвы. В целом работа Д. И. Иловайского была выдержана в монархическом духе⁴⁴.

В 1880–1890-х гг. появляются многочисленные публикации, посвященные Куликовской битве в связи с 500-летием со дня смерти Дмитрия Донского и Сергия Радонежского. Они в большинстве своем носили сугубо популярный по форме и официально монархический по содержанию характер. Выход в свет подобных сочинений наблюдается и в конце XIX – начале XX в.⁴⁵

В. О. Ключевский рассматривал проблемы Куликовской битвы в рамках истории Русского государства, не выделяя их в специальные вопросы. Тем не менее отдельные его высказывания представляют несомненный интерес. Так, он справедливо писал, что «союзные князя большею частью становились под руку московского государя, уступая его материальному давлению и его влиянию в Орде или движимые патриотическими побуждениями, по которым некоторые из них соединились с Дмитрием Донским против Твери и Мамаея». Правда, сам автор склонен был считать перечисленные причины «случайными временными отношениями». Время с 1328 по 1368 г., писал В. О. Ключевский, «считалось порой отдыха для населения... Руси... В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринном: они и вышли на Куликово поле». По справедливым словам А. Д. Горского, «надо отдать должное В. О. Ключевскому: он в немногих словах по достоинству оценил и народный характер Куликовской победы, и роль Москвы, и заслуги Дмитрия Донского, подчеркнув, что почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило московскому князю значение националь-

⁴⁴ Аналогичное, также беллетризованное, хотя, разумеется, сокращенное изложение причин, хода, значения Куликовской битвы и оценка позиций участников событий 1380 г. повторены Д. И. Иловайским в его «Истории России» (М., 1884. Т. 2. С. 114–143).

Таковы книги и статьи Н. П. Барсова, А. П. Берже, Н. И. Веселовского, М. О. Кояловича, П. П. Мельгунова, М. Прокудина-Горского, С. П. Соловьева, К. Н. Цветкова и других авторов, а также анонимные. К этим работам необходимо добавить указатели: *Тихомиров Е. А.* Куликовская битва: Исторический очерк, составленный к 500-летней годовщине Куликовской битвы. М., 1880; *Харлампий, иеродиак.* Пятисотлетие Куликовской битвы. М., 1880; Великий князь Дмитрий Иванович Донской и славная битва Куликовская. Владимир, 1889; *Прозоровская В.* Дмитрий Донской. М., 1901; *Троцкий Н. И.* Куликовская победа. Тула, 1903.

ного вождя северной Руси в борьбе с внешними врагами». «Молодость (умер 39 лет), – писал о Донском мастер исторического повествования, – исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем, что он был “крепок и мужествен и взором дивен зело”»⁴⁶. Широко известен афоризм В. О. Ключевского о том, что Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»⁴⁷.

В своей диссертации, написанной и защищенной в предреволюционные годы, а увидевшей свет уже в 1918 г., А. Е. Пресняков рассматривает политическую ситуацию на Руси накануне Куликовской битвы. Исследователь приходит к выводу, что «Дмитрию не удалось собрать всю великорусскую ратную силу для выступления на Куликовом поле». «Не было с ним, – отмечает А. Е. Пресняков, – ни новгородского ополчения, ни рати нижегородской, ни тверских полков...» В ходе изложения автор высказывает ряд интересных историографических и источниковедческих замечаний. «Победа русских войск на Куликовом поле, – делает он общий, несколько пессимистический вывод, – сгубила Мамаю, но не создала какого-либо перелома в русско-татарских отношениях; не связан с ее последствиями и какой-либо перелом во внутренних отношениях Великороссии»⁴⁸.

Особое значение приобретают оценки в дореволюционное время событий Куликовской битвы с точки зрения уровня развития военного искусства. Как отметил А. Д. Горский, «начало изучению этого аспекта темы положил еще В. Н. Татищев»⁴⁹. В книге князя Н. С. Голицына «Русская военная история»⁵⁰ кроме общеизвестных сведений дается подробная характеристика поля боя в военно-тактическом отношении, конкретно рассматриваются маршруты движения противников

⁴⁶ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 29.

⁴⁷ Ключевский В. О. Соч. М., 1956. Т. 2. С. 21, 23, 50, 110; *Он же*. Боярская дума Древней Руси. М., 1908. С. 525.

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» (СПб., 1906) // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 81. С. 79–204; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918. С. 212, 239–241, 274–275, 318–325; и др.

⁴⁹ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 30.

⁵⁰ Голицын Н. С. Русская военная история. СПб., 1877. Т. 1. Ч. 1.

к Куликову полю и ход самой битвы. Пониманию хода событий помогают приложенные чертежи и сравнительные планы Куликова поля в 1380 г. и в 70-х гг. XIX в. Подробно рассматривает поход Дмитрия Донского в верховья Дона и само сражение генерал-лейтенант, профессор П. А. Гейсман⁵¹. Довольно слабая в освещении общеисторической обстановки описываемого времени, брошюра эта полезна (как и работа князя Н. С. Голицына) для понимания военного устройства русского и татарского войск, организации и осуществления похода на Дон; интересны расчеты реальных сроков преодоления разных этапов пути, характеристика места сражения и хода боя. Вполне закономерно, что заканчивается брошюра откровенно верноподданнической сентенцией.

Вне всякого сомнения, при характеристике дореволюционной историографии Куликовской битвы нельзя не упомянуть еще раз о заслуге русских филологов (И. М. Снегирева, В. М. Ундольского, И. И. Срезневского и др.), открывших, публиковавших и изучавших различные варианты памятников Куликовского цикла, включающего в себя, собственно, почти весь основной комплекс письменных источников о Куликовской битве. Большое значение для последующих исторических исследований о Куликовской битве имеет капитальный труд С. К. Шамбинаго о памятниках Куликовского цикла «Повести о Мамаевом побоище» (1906). В этом филологическом исследовании мобилизован и проанализирован в пределах возможностей того времени огромный материал не только различных памятников литературы и языка, но и собственно исторических памятников, относящихся к изучаемым проблемам. Рецензия А. А. Шахматова на упомянутую работу Шамбинаго представляет собой, по существу, самостоятельное исследование произведений Куликовского цикла⁵². Обе эти работы не утратили своего научного значения и по сей день.

В целом изучение Куликовской битвы в дореволюционной историографии привлекало пристальное внимание. Научный интерес

⁵¹ Гейсман П. А. Поход великого князя Дмитрия Ивановича Донского от Москвы к верховьям Дона и сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. С 7-ю планами и схемами. Киев, 1913. По отдельным вопросам автор полемизирует с князем Н. С. Голицыным и Д. Ф. Масловским, автором статьи «Из истории военного искусства в России. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 г. до Куликовской битвы включительно» (Военный сборник. 1881. № 8–9). Подробнее о дореволюционной военной историографии см.: *Бескровный Л. Г. Историография Куликовской битвы. С. 18–20.*

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго... С. 79–204.

к этой теме оживился в связи с первыми научными публикациями текстов «Сказания о Мамаевом побоище» – в 1829 и 1838 гг., и «Задонщины» – в 1852 г., а также с юбилейными датами 1880, 1889 и 1892 гг. Важные результаты были достигнуты историками (совместно с представителями филологических наук) в выявлении, накоплении и расширении круга источников по истории Куликовской битвы, в критической оценке степени их достоверности, классификации и источниковедческом анализе. Кроме того, были восстановлены политическая обстановка накануне битвы и ход самого сражения, сделаны попытки определить его историческое значение. Полезный вклад в изучение конкретного хода военных действий в 1380 г. был внесен представителями дореволюционной военно-исторической науки.

Однако, как подчеркнул А. Д. Горский, «в изучении Куликовской битвы дореволюционной историографией сказались общие, свойственные как дворянской, так и буржуазной историографии идеалистические исходные методологические позиции. Отсюда невнимание к социально-экономическим процессам на Руси и в Орде в XIV в., обусловившим противоположные направления политического развития обеих сторон, скрестивших оружие на Куликовом поле. Отсюда недостаточно глубокое определение причин столкновения Руси и Орды и его результатов. Свойственная домарксистской историографии недооценка решающего значения роли народных масс в истории и в данном конкретном случае неизбежно имела следствием невнимание к социальному составу сражающихся войск, особенно русской рати, определившему в конечном счете исход сражения. Несомненно, на степени полноты и глубины исследования дореволюционной историографией Куликовской битвы сказался и тогдашний уровень развития исторической и смежных с ней наук, в особенности филологии»⁵³.

Вполне естественно, что принципиально новым этапом в изучении Куликовской битвы являлась разработка этой темы советской исторической наукой.

Тем не менее в первые годы советской власти события, связанные с Куликовской битвой, оказались вне внимания исследователей. Это было обусловлено широко бытовавшим суждением о том, что для истории развития народных масс и широких общественных процессов военная история Средневековья не представляет большого значения.

⁵³ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 30–31.

Кроме того, подобные события происходят исключительно в интересах правящих классов и их главных представителей (например, князя Дмитрия Московского), что не может быть в центре новой социально-экономической истории.

Ярким примером такого подхода могут служить работы ученика В. О. Ключевского, видного историка-марксиста М. Н. Покровского, в которых Куликовская битва упоминается лишь один раз, и то не в авторском тексте, а в цитате из летописи – о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.⁵⁴ В «Русской истории в самом сжатом очерке» нет даже и этого.

Однако к середине 1930-х гг. в связи с нарастанием военной напряженности в мире наблюдается обращение к победоносному военному прошлому России, формирование нового советского патриотизма на основе славных боевых традиций, меняется и отношение к изучению средневековой истории и Куликовской битвы.

Большое значение в обращении советской исторической науки к изучению героической национально-освободительной борьбы русского народа в далеком прошлом, в частности Куликовской битвы, сыграли Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. и другие руководящие материалы, нацеленные на улучшение исторического образования и развитие советской исторической науки. В частности, в 1937 г. увидела свет книга Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда», где наряду с очерком по истории улуса Джучи в XIII–XIV вв. рассказывалось о героической борьбе русского народа против золотоордынского ига и о Куликовской битве как важнейшем событии. В 1941 г. вышло второе издание этой книги.

Важное значение для изучения взаимоотношений Руси и Орды, героической борьбы русского народа против иноземного ига имеет исследование А. Н. Насонова⁵⁵. А. Д. Горский, анализируя его выводы, отметил, что «хотя сама Куликовская битва подробно автором не рассматривается, но тщательное изучение золотоордынской политики в отношении Руси и борьбы русского народа против гнета золотоордынских феодалов дало ценный материал для понимания предпосылок и значения Куликовской победы. А. Н. Насонов справедливо

⁵⁴ Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 266.

⁵⁵ Насонов А. Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 134–135; *Он же*. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 85.

подчеркивает решающую роль народных масс. «Подъем, охвативший массы, – пишет он, – объясняет нам успех в подготовке и проведении операции, завершившейся полным разгромом войск Мамай»⁵⁶.

В 1930–1940-х гг. С. Б. Веселовским были написаны очерки по истории наиболее известных московских боярских родов XIV–XVI вв. Они имеют ценные данные о биографии и генеалогии бояр – сподвижниках и соратниках Дмитрия Донского, в числе которых было немало участников Куликовской битвы⁵⁷.

Кроме того, в 1937–1941 гг. вышли из печати ряд брошюр и статей о Куликовской битве, Дмитрии Донском и Куликовом поле⁵⁸. По наблюдениям А. Д. Горского, «не отличаясь новизной фактического материала, но написанные с позиций исторического материализма, они должны были по-новому освещать героическое прошлое русского народа, его борьбу против иноземных захватчиков и, несомненно, сыграли важную роль в военно-патриотическом воспитании советского народа в предвоенные годы»⁵⁹.

Необходимо отметить, что к периоду Великой Отечественной войны наряду с другими подобными изданиями относится большое число публикаций о Куликовской битве и Дмитрии Донском⁶⁰. Нельзя не согла-

⁵⁶ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 32.

⁵⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служивых землевладельцев. М., 1969. С. 54, 57, 163, 197–198, 216, 218, 235, 266, 285–286, 331, 341–342, 375, 377, 397–398, 474, 482, 485, 490–491, 493, 495, 497–499.

⁵⁸ Осипов К. Куликовская битва // Красная звезда. 1937. 24 нояб.; Безбах С. Куликовская битва // ИЖ. 1938. № 1. С. 52–60; Ивлев А. Куликовская битва. М., 1938; Альшиц Д. [Н.] Роль Куликовской битвы в определении национального самосознания русского народа // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1939. № 36. С. 110–123; Глязер С. Куликовская битва // Молодой большевик. 1939. № 9. С. 44–51; Коган А. М. Куликовская битва // Сборник статей студентов исторического ф-та МГПИ им. К. Либкнехта. М., 1939. Вып. 3: Работы по истории СССР. С. 15–34; Кучин П. Куликовская битва. М., 1939; Луцкий Е. А. Экскурсия на Куликово поле // Советский музей. 1939. № 9. С. 36–40; Он же. Куликово поле // ИЖ. 1940. № 9. С. 44–54; Он же. Куликово поле // Ученые записки МГПИ. 1941. Т. 2. Вып. 1. С. 169–182; Федоров Б. В. Куликовская битва. М., 1939; Головкин А. Куликовская битва: (К 560-летию со дня сражения) // Московский большевик. 1940. 8 сент.; Мерзон А. Ц. Дмитрий Донской. М., 1940; Осипов К. Куликовская битва // Что читать. 1940. № 8. С. 16–19; Тамарин П. Оружие времени Куликовской битвы // Коммунар. Тула, 1940. 8 сент.; Шунков В. Куликовская битва, 1380–1940 // Вечерняя Москва. 1940. 7 сент.; Афанасьев В. Куликово поле // ВИЖ. 1941. № 2. С. 153–156.

⁵⁹ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 32.

⁶⁰ Авторами брошюр и статей о Дмитрии Донском, вышедших в годы войны, были М. Андреев, С. В. Бахрушин, С. К. Бушуев, В. В. Данилевский, В. В. Мавродин, П. Е. Матвиевский, А. Михайлова, К. Осипов, А. П. Пьянков, Л. П. Ташчиан, В. Тихомиров, М. Н. Тихомиров, Р. Терновая, Н. Яковлев, Э. Н. Ярошевский и др. Статьи о полководческом таланте Дмитрия Донского входили в состав сборников

ситься с мнением А. Д. Горского, что «трудно переоценить значение этих, более чем скромных по оформлению, напечатанных на газетной бумаге тоненьких книжечек, звавших к борьбе, к подвигам, к победе»⁶¹.

После Великой Отечественной войны, в первое десятилетие, продолжали выходить брошюры и статьи научно-популярного характера (особенно в связи с 575-летием Куликовской битвы), отражающие, в общем, уровень научной разработки темы того времени⁶². В обобщающих трудах этого периода⁶³, так же как и в популярной литературе, как правило, отсутствуют элементы историографического и источниковедческого порядка, а круг источников весьма ограничен. Однако, несмотря на отдельные недочеты, эти издания были весьма полезны, так как знакомили читателей с одним из крупнейших событий героического прошлого русского народа. Примерно в этот же период появились исследования историков и филологов о Куликовской битве. Филологи подробно проанализировали памятники Куликовского цикла, подготовили несколько академических и научно-популярных публикаций по этим памятникам и дали к ним археографические, исторические и текстологические комментарии (С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржига, А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Л. Виноградова, О. Т. Воронков, Л. А. Дмитриев, А. Н. Котляренко).

Значительными этапами в изучении памятников Куликовского цикла явились научно-исследовательские сборники, специально посвященные проблемам изучения и публикации памятников Куликовского цикла. В первом из них, подготовленном к изданию В. Ф. Ржигой, Л. А. Дмитриевым и академиком М. Н. Тихомировым, представлены

«Наши великие предки», изданных в Москве, Архангельске, Сталинграде, Фрунзе, Чкалове, Хабаровске. Своеобразным памятником, связывавшим героическое настоящее с героическим прошлым, является одно из первых военных изданий, включающее материалы и о Куликовской битве и Дмитрии Донском, – брошюра «Мужественные образы наших великих предков», вышедшая в 1941 г. с грифом «Политуправление Северо-Западного фронта».

Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 33.

Бочкарев В. Н. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской. М., 1946; *Мавродин В. В.* Куликовская битва // За родную землю. XIV–XVII вв. М., 1949. С. 3–34; *Карасев А. В., Оськин Г. И.* Дмитрий Донской. М., 1950; *Ашурков В. [В.]* Куликовская битва. Тула, 1955; *Карышковский П.* Куликовская битва. М., 1955.

⁶³ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 241–242, 290–294; *Мавродин В. В.* Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 111–122; Очерки истории СССР. Период феодализма XIV–XV вв. М., 1953. С. 222–226.

тексты «Задонщины», «Летописной повести» о побоище на Дону (три редакции), Забелинский список «Сказания о Мамаевом побоище» с примечаниями, вариантами и комментариями. В издание включены исследовательские статьи о Куликовской битве, «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», обзор редакций и описание рукописных списков источников. По мнению А. Д. Горского, «это издание – полезный пример плодотворного сотрудничества историков и филологов в разработке важных научных проблем»⁶⁴. Данное издание – применение комплексного подхода к исследованию памятников «Куликовского цикла», который ранее применялся А. А. Шахматовым и С. К. Шамбинаго.

Второй сборник включает статьи Ю. К. Бегунова, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева, Р. П. Дмитриевой, М. А. Салминой, О. В. Творогова, посвященные сравнению особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», сопоставлению в разных отношениях памятников Куликовского цикла между собой и другими источниками, анализу исторической основы «Сказания о Мамаевом побоище» и т. д. Важным археографическим достоинством сборника является публикация в нем шести известных ныне списков «Задонщины». Помимо этого, сборник содержит аннотированный библиографический указатель исследовательских работ о памятнике⁶⁵.

Большая серия статей о памятниках Куликовского цикла опубликована в 1979 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома (т. 34)⁶⁶. Особенно интересны среди них, на наш взгляд, заметка М. Крбец и Г. Н. Моисеевой («Первое известие о Задонщине»), статьи Р. П. Дмитриевой («Был ли Софоний автором Задонщины?») и Г. Н. Моисеевой («К вопросу о датировке Задонщины»).

А. Д. Горский подчеркнул, что «из историков в послевоенное время большое внимание уделил Куликовской битве М. Н. Тихомиров»⁶⁷. В своих книгах «Древняя Москва» и «Средневековая Москва в XIV–XV веках» и в двух специальных статьях о Куликовской битве⁶⁸

⁶⁴ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 33.

⁶⁵ Повести о Куликовской битве. М.; Л., 1959; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.

⁶⁶ ТОДРЛ. 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания.

⁶⁷ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 34.

⁶⁸ Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947; *Он же*. Куликовская битва 1380 г. // ВИ. 1955. № 8. С. 11–25; *Он же*. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957; *Он же*. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. С. 325–376.

М. Н. Тихомиров в значительной мере по-новому рассматривает ряд весьма существенных исторических и источниковедческих вопросов, интенсивно привлекая новый материал источников. В числе этих вопросов – экономические предпосылки активизации борьбы русского народа против ордынского ига, социальный состав русского войска, разгромившего полчища Мамаю на Куликовом поле⁶⁹, степень участия в войске отрядов из разных русских земель, роль Москвы и москвичей в Куликовской битве, позиция рязанского князя Олега, стратегические и тактические замыслы Мамаю и русского командования, уточнение хронологической последовательности событий, действий противоборствующих сторон, ход самой битвы, ее военные, политические и внешнеполитические результаты и международное значение. В этих трудах М. Н. Тихомирова имеются ценные источниковедческие наблюдения о времени составления «Задонщины», ее авторе, о сравнительной достоверности известий различных летописных сводов, а также критические замечания о литературе и источниках, сохранивших известия о Куликовской битве. В «Древней Москве» дается яркая характеристика Дмитрия Донского как политического деятеля и полководца.

Отдельную главу Куликовской битве в своей фундаментальной монографии «Образование Русского централизованного государства» посвятил Л. В. Черепнин⁷⁰. Она начинается с определения источниковой базы, в основе которой памятники Куликовского цикла. Автор приводит их классификацию, принятую в литературе, высказывает свое мнение о времени возникновения «Летописной повести о Куликовской битве» (характеризуя разные версии этой повести и прослеживая эволюцию ее текста по различным летописям), «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», об их взаимоотношении. Большое внимание уделяет Л. В. Черепнин анализу идейной направленности различных версий повествования о Куликовской битве, отмечая, что на содержание и характер этих повествований наложили свой отпечаток разные политические тенденции, существовавшие в среде русских феодалов. Л. В. Черепнин рассматривает развитие

Бабляк М. М. До питання про участь і роль народних мас в Куликовській битві 1380 р. // Наукові записки Луцького державного педагогічного ін-ту. Сер. історичних наук. Київ, 1954. Т. 2. Вип. 1. С. 19–36.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 596–623.

событий, завершившихся сражением на Куликовом поле, по этапам, критически анализируя варианты известий разных источников, степень их достоверности. Так, рассматриваются вопросы о целях похода Мамаю на Русь, о составе его войска, о привлечении к походу Ягайло и Олега Рязанского (позицию последнего Л. В. Черепнин считает «двойственной»), вопросы о том, население каких русских земель приняло участие в Куликовской битве, о социальном составе войска Дмитрия Ивановича (этому последнему вопросу Л. В. Черепнин уделяет особо пристальное внимание, расширяя аргументацию М. Н. Тихомирова). Высоко оцениваются деловитость и быстрота в организации похода московским правительством, действия русских разведывательных отрядов. Описание хода самой битвы, выводы историка относительно деятельности и роли Дмитрия Донского и его сподвижника Владимира Серпуховского также основаны на критическом сравнительном анализе различных версий источников. Глава о Куликовской битве составляет часть монографии Л. В. Черепнина, и ее содержание органически вытекает из предыдущих глав, характеризующих социально-экономическое и политическое развитие Руси, активизацию ее борьбы с Ордой в предшествующее битве на Дону время. Все это, естественно, подчеркивает значение Куликовской битвы, которую Л. В. Черепнин справедливо считает «переломным моментом в борьбе Руси за свою независимость, в образовании Русского централизованного государства». Подготовке Мамаю к походу на Русь в 1380 г. и международному значению Куликовской победы посвящена отдельная статья Л. В. Черепнина⁷¹.

Значительное внимание уделит литературным памятникам Куликовского цикла И. У Будовниц⁷². Полемизируя с С. К. Шамбинаго, В. П. Адриановой-Перетц и другими исследователями, И. У. Будовниц высказывает и аргументирует свое мнение об авторе «Задонщины», о связи рассказа о Куликовской битве в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и в «Летописной повести» о побоище на Дону, о датировке «Летописной повести» и «Слова», анализирует идейную и политическую направленность памятников Куликовского цикла.

⁷¹ Черепнин Л. В. Отражение международной жизни XIV – начала XV в. в московском летописании // Международные связи России до XVII в.: Сб. ст. / Редколл.: А. А. Зимин, В. Т. Пашуто. М., 1961. С. 238–244.

Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 439–455.

Довольно ценные наблюдения о положении в татарских ханствах накануне и в период похода Мамаю на Русь, о соотношении сил, подготовке похода татарскими феодалами и т. п. содержатся в книге М. Г. Сафаргалиева⁷³, основанной на широком круге разнообразных источников.

Как отметил А. Д. Горский, «большой интерес представляет статья Ю. К. Бегунова⁷⁴, в которой рассмотрены литературные источники «Сказания», анализируется степень достоверности известий этого памятника о маршруте движения войск к Куликову полю, «уряжении» полков, ходе битвы, проводится отождествление упоминаемых «Сказанием» географических названий с географическими реалиями, а личных имен – с реальными людьми, сопоставление сведений о них в «Сказании» и других источниках. Не со всеми выводами и методами этой содержательной статьи можно согласиться, но работа, сделанная автором, кропотливая и нужная, основанная на огромном материале источников и литературы, заслуживает всяческого одобрения и продолжения»⁷⁵.

Исследовались также частные вопросы истории битвы.

А. Г. Кузьмин вновь поставил вопрос о необходимости выяснить позицию рязанского великого князя Олега летом—осенью 1380 г. Автор полагал, что измена Олега и его пособничество Мамаю не являются историческим фактом⁷⁶.

С. Н. Азбелев рассмотрел вопрос о возможной помощи новгородцев Дмитрию Донскому, об участии их в Куликовской битве⁷⁷.

Монография И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды»⁷⁸ посвящена рассмотрению международной обстановки в Восточной Европе в эпоху Куликовской битвы. Автор также характеризует древнерусские литературные произведения, отразившие сложную политическую ситуацию как в русских землях, так и между Русью и соседними государствами. В числе этих произведений и памятники

⁷³ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960. С. 122–136.

⁷⁴ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 477–523.

Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 35–36.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 228–229.

Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор: (Материалы и исследования). Л., 1972. Т. 13. С. 77–102.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Куликовского цикла, по поводу источниковедческой характеристики, датировок, литературной истории и идейной направленности которых И. Б. Греков полемизирует с другими авторами, в особенности с филологами.

В. Д. Назаров провел анализ обстановки на Руси накануне Куликовской битвы⁷⁹. В. А. Кучкин рассмотрел жизнь и деятельность одного из видных участников Куликовской битвы – князя Владимира Андреевича Храброго⁸⁰. В. Л. Янин в статье, казалось бы не имеющей отношения к Куликовской битве, показал, что источниковедческие возможности изучения событий и лиц, связанных с ней, далеко не исчерпаны. Исследователь выдвинул интересную версию о последних годах жизни одного из главных участников сражения на Дону – князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского⁸¹.

Советскими историками военного искусства – А. А. Строковым, Е. А. Разиным, Н. Н. Азовцевым и рядом других⁸² была освещена военная сторона событий 1380 г. Охарактеризовано состояние вооруженных сил Руси и Орды (организация, вооружение, тактические приемы и подготовка противников к битве). Рассмотрено, с учетом материальных и физических возможностей войск, передвижение противников к месту боя, проанализированы их стратегические и тактические замыслы, поэтапно изучен ход сражения. Как подчеркнул А. Д. Горский, «авторы высоко оценивают подготовку и осуществление похода русских войск к верховьям Дона, тщательную организацию разведки русским командованием, продуманный выбор позиции, расстановку войск, создание частного и общего резерва, моральную готовность ратников к бою, стойкость русских полков, целесообразность и своевременность действий русских военачальников, а также выдающиеся качества Дмитрия Донского как полководца»⁸³.

Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы // ВИ. 1978. № 8. С. 98–114.

Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 104–116.

Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. 1979. С. 52–61.

Строков А. А. Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949. С. 154–190; *Он же.* История военного искусства. М., 1955. Т. 1. С. 268–299; История военного искусства. М., 1966. С. 63–68 (текст А. А. Строкова); *Разин Е. А.* История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 268–291; *Азовцев Н. Н.* О полководческом искусстве Дмитрия Донского // О начальных этапах развития русского военного искусства: Сб. ст. М., 1951. С. 101–123; История военного искусства / Под. общ. ред. П. А. Ротмистрова. М., 1963. Т. 1. С. 71–73, 77–80.

⁸³

Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 36–37.

Кроме того, организация военных сил Московского княжества и развитие военного искусства в период княжения Дмитрия Донского (включая Куликовскую битву) подробно и всесторонне рассмотрены Б. А. Рыбаковым⁸⁴.

В монографии А. Н. Кирпичникова⁸⁵ содержатся ценные сведения о вооружении русской рати, а также соображения о составе, численности и боевых действиях войска Дмитрия Донского 8 сентября 1380 г.

В 60–70-х гг. продолжали выходить научно-популярные брошюры и статьи, учитывавшие результаты исследований истории Куликовской битвы⁸⁶.

§ 2. Изучение Куликовской битвы и ее времени в отечественной историографии в 1980–2005 гг.

За четверть века с 1980 по 2005 г. произошло крупнейшее историческое событие в истории нашего Отечества – распад СССР, которое не могло не сказаться на изучении ключевых событий российской истории. В частности, с образованием независимых государств возник вопрос о становлении национальных исторических научных школ. Кроме того, на волне исторического нигилизма, возникшего в результате всеобщей критики идеологизированной науки, появились (и продолжают появляться) не только работы, целью которых было взвешенное переосмысление событий прошлого, но и явно ненаучные изыскания, нередко полностью отрицающие те или иные события отечественной истории, в том числе и Куликовскую битву.

Тем не менее в рамках исследования событий Мамаева побоища огромное значение имело празднование в 1980 г. юбилея Куликовской битвы, которое способствовало росту внимания к событиям русско-

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1970. Ч. 1. С. 380–388.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 12, 14–18, 26, 95–96, 100.

Шевяков В. Н. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков в XIII–XV вв. М., 1961; Ашурков В. Н. На поле Куликовом. Тула, 1967; 1970; 1976; Он же. Памятники Куликова поля // ВИ. 1971. № 4. С. 217–220; Каргалов В. В. Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига // ВИ. 1969. № 4. С. 130–133; Он же. Куликовская битва // Преподавание истории в школе. 1972. № 5. С. 18–25; Он же. Куликовская битва и ее место в отечественной истории // Там же. 1979. № 5. С. 15–23; Он же. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973. С. 63–74; и др.

ордынского противостояния шестисотлетней давности. В этом году было опубликовано значительное количество книг, статей, очерков, заметок и литературных произведений, как о самом Мамаевом побоище, так и об эпохе Дмитрия Донского в целом. По подсчетам А. Д. Горского, за весь предшествующий период развития исторической науки в нашей стране (начиная с XVIII в.) было издано около 500 названий специальных трудов о Куликовской битве и публикаций исторических источников по этой эпохе, а в связи с 600-летием знаменитого сражения количество публикаций (книг, брошюр, тематических сборников, отдельных статей), вышедших только в центральных издательствах, достигло 150 наименований. И это не считая газетных статей, очерков, заметок и информации⁸⁷. Празднование стало своего рода подведением итогов изучения советской наукой знаменательного события, комплексной разработки важной исторической проблемы учеными разных специальностей.

Необходимо отметить, что в ходе торжественных мероприятий в Колонном зале Дома Союзов в Москве состоялось торжественное заседание⁸⁸. Были проведены научные конференции в Туле 4–7 сентября (организаторы – Отделение истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР, Министерство просвещения СССР, Тульский областной педагогический институт им. Л. Н. Толстого)⁸⁹, в Москве 2 сентября (совместное заседание ученых советов исторического факультета МГУ, Государственных музеев Московского Кремля, Государственного исторического музея)⁹⁰, 8–10 сентября (организаторы – исторический факультет МГУ, Государственные музеи Московского Кремля, Государственный исторический музей)⁹¹, 18 сентября (организатор – Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР)⁹² и 26 сентября (организатор – Центральный государственный архив древних актов)⁹³,

⁸⁷ Правда. 1980. 16 июля; 10, 15, 29 авг.; 8–9 сент.

⁸⁸ Там же. 1980. 9 сент.

⁸⁹ *Ашурков В. Н.* Научная конференция, посвященная 600-летию Куликовской битвы // ВИ. 1981. № 3. С. 112–113; *Рахматуллин М. А.* Научная конференция в Туле // ИСССР. 1981. № 2. С. 232–237; Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 270.

⁹⁰ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 270–275.

⁹¹ 600 лет Куликовской битвы: Тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции. М., 1980; Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. *Шанский Д. Н.* Юбилейная конференция в Москве // ИСССР. 1981. № 2. С. 237–239; *Он же.* Юбилейная научная конференция «600-летие Куликовской битвы» // ВМГУ. Сер. 8. 1981. № 2. С. 81–84; и др.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 270.

Душинов С. М. Конференция в ЦГАДА // ИСССР. 1981. № 2. С. 239–241; Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 270.

в Калуге 8 ноября (организаторы – Калужский педагогический институт им. К. Э. Циолковского и Калужский отдел Географического общества СССР)⁹⁴.

По всей стране были организованы просветительские лекции и выставки (в Государственном историческом музее, Третьяковской галерее и т. д.), посвященные 600-летию Куликовской битвы⁹⁵. К юбилею сражения вышла целая серия статей в популярных журналах и альманахах, а также пропагандистских изданиях⁹⁶. К этой же

Алексеев Ю. Г. Научная конференция в Калуге // ВИ. 1981. № 5. С. 149; *Пушкарев Л. Н., Снесаревский П. В.* Научная конференция в Калуге // ИСССР. 1981. № 2. С. 241–243.

Разманова И. П. Книжная выставка «Навечно в памяти народной» // ИСССР. 1981. № 2. С. 243–244; *Шкурко А. И., Корх А. С., Горохова Е. Г. и др.* Тематико-экспозиционный план юбилейной выставки Государственного ордена Ленина исторического музея «600 лет Куликовской битвы» // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 278–310; *Никологорская О.* «Русь великая одолела Мамай»: Куликовская битва в живописи // Родина. 2003. № 12. С. 96–98.

Агеев В. Славная страница отечественной истории. (К 600-летию Куликовской битвы) // Коммунист Вооруженных сил. 1980. № 17. С. 35–38; *Амосов А. [А.]* Миниатюры Лицевого свода // ЗС. 1980. № 9. С. 43–45; *Ашурков В. Н.* Великая победа русского народа // Блокнот агитатора. 1980. № 10. С. 15–24; *Белявский М. [Г.]* Победа русских воинов на Куликовском поле // Политическое самообразование. 1980. № 8. С. 122–126; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва (1380 г.) // ВИЖ. 1980. № 8. С. 17–24; *Бобров Л.* Чистое поле: К 600-летию Куликовской битвы // Октябрь. 1980. № 8. С. 180–186; *Брагин А.* Посреди России: История создания Куликовского мемориального комплекса // Наш современник. 1980. № 9. С. 180–185; *Буганов В. И.* И силы брали у родной земли... // Смена. 1980. № 17. С. 20–22; *Голицын С.* «За всю землю Русьскую» // Дружба народов. 1980. № 9. С. 176–191; *Гумилев Л. Н.* Эпоха Куликовской битвы // Огонек. 1980. № 36. С. 16–17; *Зенин Д.* Не числом, а умением // ТМ. 1980. № 9. С. 10–11; *Зерцанинов Ю.* Тесно было на том поле // Юность. 1980. № 9. С. 87–89; *Он же.* И грянул бой! // ТМ. 1980. № 9. С. 5; *Прищепенко В.* Русское оружие 1380 г. // Там же. 1980. № 9. С. 4–5; *Каргалов В. В.* Москва и Куликовская битва // Москва. 1980. № 8. С. 187–200; *Он же.* Ратная слава России: Раздумья о Куликовом поле // Наш современник. 1980. № 6. С. 172–179; *Он же.* От Непрядвы до Угры // Там же. 1980. № 9. С. 160–179; *Кардашов В.* Поле русской славы // Нева. 1980. № 9. С. 173–185; *Клибанов А. И.* «О светло светлая и красно украшенная земля Русская!» // Новый мир. 1980. № 9. С. 175–184; *Киртичников А. Н.* Русская рать перед битвой // ЗС. 1980. № 9. С. 32–34; *Курилов А. С.* Открытие сказания // Огонек. 1980. № 36. С. 13; *Курицын В.* Важный этап на пути становления Российской государственности // Человек и закон. 1980. № 9. С. 26–32; *Кучкин В. А.* На поле Куликовом // ЗС. 1980. № 9. С. 20–25; *Лихачев Д. С.* Русь перед Куликовской битвой // Там же. 1980. № 8. С. 15–17; *Малафеев А.* На поле Куликовом // Военный вестник. 1980. № 9. С. 20–21; *Мальшев И.* Слава русского воинства // Наука и жизнь. 1980. № 9. С. 26–27; *Матусевич К.* На поле между Доном и Непрядвой // Неман. 1980. № 9. С. 180–190; *Николаев В.* «...Став впереди всех» // ТМ. 1980. № 9. С. 14–15; *Новосельцев А. П.* К 600-летию Куликовской битвы // Агитатор. 1980. № 16. С. 32–36; *Петренко В.* Славная победа // ТМ. 1980. № 9. С. 2–3; *[Рыбаков Б. А.]* Славы русской юбилей // Огонек. 1980. № 36. С. 8–9; *Сверковский Н.* За Доном в поле Куликовом // Молодой коммунист. 1980. № 9. С. 107–112;

группе публикаций можно отнести и ряд научно-популярных книг и брошюр⁹⁷.

Но помимо этой, очень важной, популяризаторской работы в ходе подготовки к юбилею были проведены серьезные научные исследования, результаты которых увидели свет в 1980 г. или вскоре после этого юбилейного года. Надо признать, что данная литература заслуживает, несомненно, специального рассмотрения, анализа и оценок.

Юбилейный год стал хорошим поводом подвести некоторый итог трудам, проделанным исследователями за предшествующий период. Не случайно поэтому именно в 1980 г. появились специальные историографические очерки изучения Куликовской битвы, авторами которых были Л. Г. Бескровный, С. З. Заремба, А. Д. Горский, Э. Л. Афанасьева и др. Историографическая статья Л. Г. Бескровного – один из первых опытов изучения обширной литературы по истории Куликовской битвы. Особенно удался автору разбор освещения ее в летописях и трудах историков военного искусства.

К 600-летию Куликовской битвы были подготовлены и библиографические указатели. Так, в Туле вышел в свет указатель научной и художественной литературы, а также произведений искусства, отображающих Куликовскую битву, составленный В. М. Рудневым, автором предисловия и научным консультантом которого являлся В. Н. Ашурков⁹⁸. Этот указатель насчитывает более 180 названий. В сборнике статей «Куликовская битва» (М., 1980) был опубликован обширный систематизированный библиографический указатель. Он включает более 450 названий. Такая тематическая публикация указателя по истории

Скрынников Р. Г. Куликовская битва // Звезда. 1980. № 9. С. 9–20; *Тудоси Л.* Первый храм-памятник // ПО. 1980. № 1. С. 95; *Федоров-Давыдов Г. А.* На переломе... // ЗС. 1980. № 8. С. 17; *Шкурко А. И.* О подвиге народном // Наука и жизнь. 1980. № 9. С. 28–32; *Шамаро А. А.* Как устояла Русь // Наука и религия. 1980. № 7. С. 18–20; № 8. С. 15–25; *Шахмагонов Ф. Ф.* Куликовская битва русского народа: Опыт реставрации исторического события // Бригантина: Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М., 1980. С. 4–34; *Ямщиков С. [В.]* Шедевр из Ярославля // Огонек. 1980. № 36. С. 14–15; и др.

Буганов В. И. Куликовская битва. М., 1980; *Каргалов В. В.* Куликово поле: К 600-летию Куликовской битвы (1380–1980). М., 1980; *Он же.* Куликовская битва. М., 1980; *Каргалов В. В., Шамаро А. А.* Под московским стягом: (К 600-летию Куликовской битвы). М., 1980; *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980; *Корх А. С.* Куликовская битва. 600 лет. М., 1980; *Лантев В. В.* Куликовская битва: (К 600-летию со дня победы). Л., 1980; *Мавродин В. В.* Куликовская битва. М., 1980; *Шахмагонов Ф. Ф.* На Куликовом поле. М., 1980; и др.

⁹⁸ Поле русской славы (600-летие Куликовской битвы): Указатель литературы. Тула, 1980.

Куликовской битвы была осуществлена впервые. Его составители Н. А. Араловец и П. В. Пронина дали обширный список русских и советских изданий библиографических указателей, источников и исследований XVIII–XX вв. о Куликовской битве, а также зарубежные библиографические указатели, издания источников и исследования, относящиеся к Куликовской битве и ее эпохе⁹⁹.

Юбилейный год был отмечен многочисленными публикациями исследовательского и научно-популярного характера В. Н. Ашуркова, Л. Г. Бескровного, В. И. Буганова, И. Б. Грекова, С. З. Зарембы, В. В. Каргалова, А. Н. Кирпичникова, А. И. Клибанова, В. А. Кучкина, Ю. М. Лощица, В. В. Мавродина, В. Т. Пашуто, В. Я. Петренко, Р. Г. Скрынникова, Г. А. Федорова-Давыдова, А. Л. Хорошкевич, Ф. М. Шабульдо, В. Агеева, М. Т. Белявского, С. Голицына, В. А. Ляхова, А. М. Анкудиновой, А. П. Новосельцева, А. А. Шамаро и др.¹⁰⁰

⁹⁹ *Араловец Н. А., Пронина П. В.* Куликовская битва 1380 г. Указатель литературы // Куликовская битва. М., 1980. С. 289–318.

¹⁰⁰ *Ашурков В. Н.* Куликовская битва и ее историческое значение (1380–1980 гг.). Тула, 1979; *Он же.* Памятники Куликовской битвы // УИЖ. 1980. № 9. С. 124–131; *Он же.* На поле Куликовом. 600 лет: 1380–1980. Тула, 1980; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва и ее историческое значение // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 79–91; *Он же.* Куликовская битва (1380 г.) // ВИЖ. 1980. № 8. С. 17–24; *Петренко В. Я.* Битва на Куликовом поле 8 вересня 1380 року // УИЖ. 1980. № 9. С. 40–48; *Греков И. Б.* Куликовская битва – важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в. // Советское славяноведение. 1980. № 5. С. 3–22; *Заремба С. З.* Куликовська битва в історичній літературі. С. 141–150; *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980. С. 33–59; *Он же.* Куликовская битва. М., 1980; *Лощица Ю. М.* Дмитрий Донской. М., 1980 (Серия: «Жизнь замечательных людей»); *Пашуто В. Т.* «И вскипе земля Руская...» // ИСССР. 1980. № 4. С. 66–91; *Федоров-Давыдов Г. А.* Москва в борьбе за независимость: (по нумизматическим данным) // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 104–112; *Он же.* Монеты Московской Руси. М., 1981; *Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы // ИСССР. 1980. № 4. С. 92–106; *Она же.* Політичні наслідки Куликовської битви // УИЖ. 1980. № 9. С. 49–58; *Шабульдо Ф. М.* Консолідація антиордынських сил північно-східних та південно-західних руських земель // УИЖ. 1980. № 9. С. 68–79. См. также редакционную статью «Куликойська битва – героїчна сторінка в історії нашої країни» (Там же. С. 30–39); *Агеев В.* Славная страница отечественной истории: (К 600-летию Куликовской битвы) // Коммунист Вооруженных сил. 1980. № 17. С. 35–38; *Белявский М. [Т.]* Победа русских воинов на Куликовом поле. С. 122–126; *Голицын С.* «За всю землю Русскую» // Дружба народов. 1980. № 9. С. 176–191; *Ляхов В. А., Анкудинова А. М.* За землю Русскую, 1380–1980. Ярославль, 1980; *Новосельцев А. П.* К 600-летию Куликовской битвы // Агитатор. 1980. № 16. С. 32–35; *Шамаро А. А.* Куликовская битва: Дмитрий Донской и Сергей Радонежский // ВНА. 1980. Вып. 25. С. 36–61; *Он же.* Как устояла Русь: История и современность // Наука и религия. 1980. № 7. С. 18–28, № 8. С. 15–25. Во многих журналах были опубликованы юбилейные статьи публицистического характера о Куликовской битве и о памятниках Куликова поля. См., например: *Бобров Л.* Чистое поле: К 600-летию Куликовской битвы // Октябрь. 1980. № 8. С. 180–186; *Малафеев А.* На поле Куликовом // Военный вестник. 1980. № 9.

В тематических сборниках¹⁰¹ помещены исследования, освещающие историю изучения Куликовской битвы (статья ответственного редактора сборника Л. Г. Бескровного, ему же принадлежит в сборнике статья «Куликовская битва»), развитие и взаимоотношения русских княжеств перед Куликовской битвой (статья В. А. Кучкина), место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. (статья И. Б. Грекова), взаимоотношения Литовского великого княжества с Русью (статья Б. Н. Флори), положение в Золотой Орде перед Куликовской битвой (статья В. Л. Егорова), борьбу русского народа за освобождение от ордынского ига после Куликовской битвы до 1480 г. включительно (статья В. И. Буганова), отражение Куликовской битвы в русском фольклоре (статья Л. Н. Пушкарева), история создания памятников на Куликовом поле (статья В. Н. Ашуркова). Характерно, что авторы привлекли широкий круг источников и критически проанализировали существующую литературу и источники по изучаемым вопросам. В целом этот сборник – существенный шаг вперед в изучении Куликовской битвы и ее эпохи.

Второй сборник также весьма разнообразен по содержанию. В нем представлены статьи ученых различных специальностей (филологов, искусствоведов, историков, археологов) об отражении Куликовской битвы в древнерусской литературе и изобразительном искусстве, а также в русской литературе и общественной мысли XIX – начала XX в.¹⁰² С исторической точки зрения интересны источниковедческие и историографические наблюдения и оценки, содержащиеся в статьях об отражении Куликовской битвы в памятниках литературы первой половины XV в. (автор В. П. Гребенюк) в старопечатном Прологе (А. С. Елеонская), о соотношении текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» (В. М. Григорян), статьях Л. Н. Пушкарева и Л. П. Хидоровой, А. С. Курилова, В. Ю. Троицкого, Г. Г. Елизаветиной, О. А. Державиной¹⁰³.

С. 20–21; *Мальшев И.* Слава русского воинства // Наука и жизнь. 1980. № 9. С. 26–27; *Сверковский Н.* За Доном в поле Куликовом // Молодой коммунист. 1980. № 9. С. 107–112; и др.

Куликовская битва. М., 1980.

Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980.

Близка к этим статьям по своему характеру работа Э. Л. Афанасьева об освещении Куликовской битвы А. И. Манкиевым, В. Н. Татищевым, М. В. Ломоносовым, М. М. Щербатовым, И. Н. Болтиным, И. Г. Стриттером (*Афанасьев Э. Л.* Куликовская битва в изображении русских писателей XVIII в. С. 291–300).

Определенный итог изучению истории событий последней четверти XIV столетия был подведен в статье В. А. Кучкина «Победа на Куликовом поле»¹⁰⁴. Автор на основе скрупулезного анализа источников дает широкую панораму фактов осени 1380 г., а также последствий событий.

Целый ряд вышедших в 1980 г. статей посвящен исследованию различных конкретных вопросов истории Куликовской битвы и ее времени, отражению Куликовской битвы в изобразительном искусстве, ее влиянию на духовную культуру Руси – статьи А. А. Амосова, И. П. Болотцевой, Н. С. Борисова, К. Матусевича, С. В. Ямщикова¹⁰⁵.

Существенный вклад в изучение литературных и фольклорных произведений был внесен филологами. При их активном участии издан сборник научно-исследовательских статей «Куликовская битва в литературе и искусстве». В юбилейных номерах журналов и в различных сборниках, в изданиях текстов памятников Куликовского цикла и факсимильных и сувенирных изданиях их списков (в том числе лицевых) опубликованы статьи, переводы и комментарии к этим памятникам Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. С. Елеонской, В. В. Колесова, А. С. Курилова, В. В. Кускова, статьи Е. С. Отина¹⁰⁶ о топонимике Куликова поля.

Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3–21.

Амосов А. [А.] Миниатюры Лицевого свода. С. 43–45; *Болотцева И.* Мастер «Куликовской битвы» // ПО. 1980. № 1. С. 96–98; *Борисов Н. С.* Куликовская битва и некоторые вопросы духовной жизни Руси XIV–XV вв. // ВМГУ Сер. 8. 1980. № 5. С. 56–66; *Он же.* Отражение Куликовской битвы в памятниках архитектуры последней четверти XIV – начала XV в.: (К 600-летию Куликовской битвы) // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1980. № 2 (30). С. 20–24; *Он же.* Куликовська битва і руський живопис XIV–XV ст. // УІЖ. 1980. № 9. С. 131–136; *Матусевич К.* На поле между Доном и Непрядвой // Неман. 1980. № 9. С. 180–190; *Ямщиков С. [В.]* Шедевр из Ярославля. С. 14; Куликовская битва в литературе и искусстве (статьи Е. С. Овчинниковой, И. П. Болотцевой, Л. Н. Пушкарева, Л. П. Сидоровой, Е. И. Иткиной, В. А. Кучкина и А. В. Чернецова).

Лихачев Д. С. Куликовская битва в истории русской культуры // ПО. 1979. № 4. С. 244–256; *Он же.* Победа на Куликовом поле // РЧ. 1980. № 4. С. 52–55; *Он же.* Русская культура и сражение на Куликовом поле за Доном // Звезда. 1980. № 9. С. 3–8; *Дмитриев Л. А.* Куликовская битва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси. С. 3–29; *Елеонская А. С.* Куликовская битва и русская литература // Литература в школе. 1980. № 4. С. 8–12; *Колесов В. В.* «Слово о Мамаевом побоище» // РЧ. 1980. № 5. С. 97–104; *Курилов А. С.* Открытие сказания // Огонек. 1980. № 36. С. 13; *Кусков В. В.* Великий подвиг русского народа // Огонек. 1980. № 4. С. 46–51; *Он же.* Сказание о Мамаевом побоище // Звезда. 1980. № 9. С. 21–31 (новый перевод памятника); *Отин Е. С.* Топонимика Куликова поля // РЧ. 1980. № 4. С. 56–61; № 5. С. 113–115.

Если оценить в целом работу по изучению Куликовской битвы, проведенную к ее 600-летию, то можно отметить ряд бесспорных достижений. Создана, наконец, библиография (имеется в виду в первую очередь указатель литературы в академическом сборнике «Куликовская битва»). Она требует дополнений и уточнений, но солидная основа уже заложена, что значительно облегчило дальнейшее изучение истории знаменитой битвы.

Продолжалась работа по изучению и расширению круга привлекаемых источников (например, нумизматического материала – статьи Г. А. Федорова-Давыдова, В. Л. Егорова, данных изобразительного искусства). Сильно продвинулось изучение развития русских княжеств и земель в XIV в. (статьи В. А. Кучкина), положения в Орде (статья В. Л. Егорова) и Литве (статьи В. Т. Пашуто, Б. Н. Флори) накануне Куликовской битвы, ее международного значения. То же следует сказать в отношении изучения численности сражавшихся на Куликовом поле, вооружения русского и ордынского войск, подготовки обеих сторон к битве и хода военных событий в 1380 г. и в предшествующее время.

Необходимо отметить, что в вышедших в рассматриваемый период научно-популярных работах авторы стали больше считаться (правда, к сожалению, еще не всегда) с результатами новейших исследований историков и филологов, привлекать более широкий круг источников (ранее дело нередко ограничивалось использованием лишь «Сказания о Мамаевом побоище», обычно Киприановской редакции в Никоновском летописном своде), более критически подходить к их известиям (о численности и составе войск противников; оценке роли в событиях 1380 г. Олега Рязанского, митрополита Киприана, Сергия Радонежского и т. д.); в этих работах имеются интересные наблюдения конкретно-исторического порядка, ставятся вопросы и задачи, заслуживающие внимания и дальнейшей разработки специалистами¹⁰⁷.

Таким образом, в юбилейный 1980 г. в вопросах изучения Куликовской битвы и ее эпохи было сделано довольно много, причем

¹⁰⁷ На наш взгляд, границы между исследовательской и научно-популярной литературой (в том числе и по истории Куликовской битвы) в значительной мере условны; в конечном счете дело в творческом характере той или иной работы, в основательности ее содержания, обоснованности наблюдений, суждений, оценок и выводов. А это, конечно, зависит от теоретической подготовленности автора, его историографической эрудиции, знания изучаемой эпохи, глубины проникновения в материал источников – словом, от его профессионального мастерства.

немаловажное значение имело подведение своеобразного итога исследований, определение уже сделанного в разрешении различных проблем и выяснение дальнейших задач и перспектив рассмотрения ряда проблем как исторического, так и источниковедческого характера.

Несомненно, что широкое празднование юбилея Куликовской битвы не остановило изучение проблем, связанных с событиями 1380 г., а скорее, подтолкнуло к развитию различных направлений исторической мысли в этом вопросе.

В первую очередь, был обозначен тот факт, что исследователям очень мало известно о древнем и особенно средневековом этапе истории непосредственно Куликова поля. При этом во многом бесплодные поиски реликвий на месте сражения со всей остротой поставили вопрос о необходимости планомерных работ на Куликовом поле.

Проблемы дальнейшего изучения сформулировал в своем докладе А. И. Шкурко на юбилейной научной конференции «600-летие Куликовской битвы» 8 сентября 1980 г. Он, в частности, отметил: «Археологическое изучение Куликова поля представляет собой сложную и нерешенную задачу. Поиски и находки были случайными и дилетантскими... Работы 1957 и 1979–1980 гг. имели разведочный характер и дали пока негативные результаты... Историко-географическое, геоморфологическое, палеоботаническое, топонимическое и археологическое исследование района Куликовской битвы должно решаться комплексно, на базе современной теории вопроса, новейшей методики и техники, с учетом задач музеефикации объекта. Только такое исследование Куликова поля и его памятников создает научную основу для составления генерального плана развития музея-заповедника, определения содержания и форм меморации событий, музеефикации объектов, воссоздания исторического ландшафта»¹⁰⁸.

Решая эти задачи, к археологическому изучению Куликова поля в 1981 г. приступила Окско-Донская археологическая экспедиция ГИМ под руководством Б. А. Фоломеева (1941–2002). С 1983 г. из состава экспедиции был выделен Донской отряд. В 1985 г. образовалась Верхне-Донская археологическая экспедиция ГИМ под руководством М. И. Гоняного; ее сотрудники ведут работы на территории Куликова

Шкурко А. И. Проблема изучения и музеефикации памятников Куликова поля // 600-летие Куликовской битвы. М., 1980. С. 9–10.

поля и в настоящее время. В том же году Б. А. Фоломеев передал научное руководство темой А. К. Зайцеву¹⁰⁹.

Итогом многолетних (1981–2007 гг.) широкомасштабных археологических исследований на древнерусских памятниках Куликова поля явился огромный и разноплановый объем информации, которая дала возможность приступить к предварительным обобщениям и историческим реконструкциям социально-экономических и политических процессов в XII–XIV вв. на этой территории при практически полном отсутствии письменных источников. В публикациях М. И. Гоняного и А. К. Зайцева прослежена динамика заселения территории в домонгольский и золотоордынский периоды, проведены статистические подсчеты численности населения, крестьянских дворов, количества общин, определены земли, из которых шла колонизация Куликова поля, трассы сухопутных торговых путей, пересекавших верховья Дона. Важным итогом исследований стало выявление политических предпосылок массового хозяйственного освоения Куликова поля в конце XII в., оттока и новой миграции древнерусского населения в середине XIII в. и полного запустения этого региона в 60–70-х гг. XIV в.¹¹⁰

Кроме того, методика разведочных работ на памятниках археологии, апробированная М. И. Гоняным в 1990-х гг., позволила сделать новый шаг в изучении Куликовской битвы. С 1995 г. под руководством М. И. Гоняного и О. В. Двуреченского непрерывно ведутся поиски реликвий сражения с использованием металлодетекторов. Эти работы совпали с завершающим этапом создания детальной карты реконструкции ландшафта поля битвы, которая подвела итог

¹⁰⁹ *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля // Труды ГИМ. 2005. Вып. 150: Куликово поле и Донское побоище 1380 г. С. 73.

Зайцев А. К. Историко-географический аспект изучения Куликова поля // XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных этапах. 1987. С. 68; 1988. С. 46–47; *Гоняный М. И., Зайцев А. К.* Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских памятников района Куликова поля // VI Международный конгресс славянской археологии. М., 1990. С. 147–150; *Гоняный М. И.* К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII–XIV вв. // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 74–76; *Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И.* Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII–XIV вв. долины верхнего Дона: (район Куликова поля) // На юго-востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996. С. 73–88; *Гоняный М. И., Зайцев А. К., Александровский А. Л. и др.* Проблемы музеефикации и разработки зон охраны Куликова поля в свете междисциплинарных исследований // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997. С. 120–145; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля. С. 86; и др.

более чем 20-летней палеопочвенной съемки¹¹¹. По аргументированному утверждению М. В. Фахтнера, данные работы позволяют говорить о том, что существуют серьезные аргументы в пользу относительно точной локализации места Куликовской битвы¹¹². В преддверии 625-й годовщины сражения активизировались поиски могильника павших русских воинов. С этой целью осуществляется аэрофотосъемка поля битвы, ведутся исследования с применением геоэолокационных методик, возобновились раскопки и разведки грунтового могильника в селе Монастырщино как возможного места захоронений¹¹³.

Значительную роль сыграл юбилей 1980 г. и в мемориализации Куликовской битвы. В первую очередь необходимо отметить серию статей, посвященных вопросам музеефикации и экспонированию памятников Куликовской битвы А. И. Шкурко, являвшегося в эти годы руководителем коллектива по подготовке юбилейной выставки «600 лет Куликовской битвы» в Государственном историческом музее¹¹⁴. Памятникам, воздвигнутым в честь победы, и памятным местам, связанным с ней, – статьи В. Н. Ашуркова, А. Брагина, Г. Я. Мокеева и В. Д. Черного, М. И. Ростовцева, Л. Тудоси, А. И. Шкурко¹¹⁵.

Важную роль в научной мемориализации Куликова поля сыграло Постановление Правительства РФ № 1204 от 14 октября 1996 г. «О создании и мерах по обеспечению деятельности Государственного

Гласко М. П., Сычева С. А. Ландшафты Донского побоища // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 1. С. 7–22.

Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 г. С. 72–78.

Гриценко В. П., Наумов А. Н. Проблемы локализации и исследований поля Куликовской битвы // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 194–200; *Гоняный М. И.* Комплексные междисциплинарные исследования в районе Куликова поля и в Подмосковье // АО за 2002 г. 2002. С. 108–110; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля. С. 86.

Шкурко А. И. Проблемы изучения и музеефикации памятников Куликова поля; *Он же.* О подвиге народном // Наука и жизнь. 1980. № 9. С. 28–32; *Он же.* Вопросы музеефикации памятников Куликовской битвы // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 225–233; *Шкурко А. И., Корх А. С., Горохова Е. Г. и др.* Тематико-экспозиционный план юбилейной выставки Государственного ордена Ленина Исторического музея «600 лет Куликовской битвы» // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 278–310.

Брагин А. Посреди России. История создания Куликовского мемориального комплекса // Наш современник. 1980. № 9. С. 180–185; *Мокеев Г. Я., Черный В. Д.* Красная площадь в Кремле времени Дмитрия Донского // ПО. 1980. № 1. С. 92–94; *Ростовцев М. И.* На поле Куликовом // География в школе. 1980. № 5. С. 10–12; *Тудоси Л.* Первый храм-памятник // ПО. 1980. № 1. С. 95.

военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» в Тульской области»¹¹⁶. В соответствии с данным документом на территории Куликова поля создавалось научно-исследовательское и культурно-просветительное государственное учреждение, с решением организационных, финансовых, материально-технических и кадровых вопросов, связанных с основанием музея-заповедника, определением его территории, охранных зон, закреплением за учреждением на праве оперативного управления недвижимых памятников истории и культуры, музейных коллекций. Таким образом, мемориализация Куликова поля поднялась на качественно новый уровень – от филиала регионального музея к общегосударственному музею-заповеднику.

Вновь созданному музею-заповеднику давались широкие полномочия. В сферу его деятельности были включены вопросы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Куликова поля. Однако это обязывало сложившийся к тому времени коллектив заповедника проводить многоплановую и серьезную работу в сфере музейно-заповедного дела.

После создания дирекции весной 1997 г. заповедник начал активную деятельность. В его состав вместе с имущественным комплексом и персоналом вошли музейно-мемориальные комплексы Куликовской битвы на Красном Холме, в селе Монастырщино, Музейно-выставочный центр «Тульские древности» (г. Тула), а позднее – открытый в 1998 г. историко-этнографический музей в поселке Епифань и ряд других объектов¹¹⁷

Немаловажно, что традиционно сильным направлением в деятельности музея-заповедника стали исследовательские работы, основа которых была заложена научным коллективом, четверть века трудящимся на Куликовом поле.

Многие научные сотрудники музея работают над кандидатскими диссертациями по итогам исследований на Куликовом поле; две из них уже прошли защиту на кафедре археологии МГУ¹¹⁸. Большинство специалистов прошло обучение в Академии переподготовки

¹¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 43. Ст. 4941.

Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Труды ГИМ. Вып. 150. С. 314.

Гоняный М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Наумов А. Н.* Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XIV в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

работников искусства, культуры и туризма. Свидетельством высокого уровня исследовательских работ, проводимых научным коллективом заповедника и специалистами других научных учреждений, стал тот факт, что полевые экспедиции на Куликовом поле стали полигоном для ежегодных практик вузов Калуги, Рязани, Тулы, Москвы¹¹⁹.

Результаты научных исследований воплощаются в научные доклады и статьи на конференциях, организуемых заповедником, которые с 1998 г. стали ежегодными. Музеем-заповедником были проведены научные и научно-практические конференции «Концепция деятельности музеев-заповедников. Куликово поле: итоги изучения и перспективы сохранения» (апрель 1998 г.); «Куликово поле – уникальная историко-культурная и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России» (октябрь 1999 г.); международный конгресс «Куликово поле среди ратных полей Европы» (май–июнь 2000 г.); III и IV Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого (октябрь 2001 и 2003 гг.).

К 650-летию Дмитрия Донского, 620-й и 625-й годовщинам Куликовской битвы были организованы научные конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой» (октябрь 2000 г.); «Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История» (ноябрь 2002 г.); «Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.» (ноябрь 2004 г.).

Количество участников конференций и широта охвата проблем, обсуждаемых на этих ученых форумах, показывают, что музей-заповедник стал крупным региональным научным центром, вокруг которого сложился постоянный коллектив исследователей, работающий над проблемами истории, археологии, природы Куликова поля и Центрального региона России в целом, а ежегодные конференции превратились в яркий научный форум. Материалы докладов всех на данный момент девяти конференций опубликованы в десяти сборниках научных статей (многие пришлось публиковать в двух томах)¹²⁰.

Бурова О. В., Шалимова Ж. Н. О возможной интеграции в решении научных и учебно-воспитательных задач Тульского государственного педагогического университета и Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 428–432.

Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999; Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000; Дмитрий Донской и эпоха Возрождения Руси. События, памятники, традиции: Труды

Научно-исследовательская работа является основой собственно музейной деятельности: фондовой, экспозиционно-выставочной, научно-просветительской. В области комплектования фондов музей-заповедник исходит из понимания музея-заповедника «Куликово поле» не только как «музея-события», но и как «музея-эпохи», «музея-территории». Это заставляет документировать не только саму битву, но и при комплектовании фондов обращаться ко всем периодам истории региона Куликова поля, к природным объектам данной территории. В настоящее время в собрании музея-заповедника насчитывается более 40 тыс. музейных предметов – это археологические, этнографические, естественно-научные коллекции. Кроме того, активно комплекуются фонды предметов искусства, фотоматериалов, военных наград; осуществляются научные реконструкции предметов вооружения различных исторических эпох. В работе по учету и хранению фондов применяются современные методики и информационно-поисковые системы на основе компьютерных технологий¹²¹.

Кроме того, за время, прошедшее с юбилейных торжеств 1980 г., значительно продвинулись вперед исследования различных аспектов истории Руси второй половины XIV – первой половины XV в., нередко непосредственно затрагивающие те или иные вопросы Куликовской битвы.

Так, например, большая работа проделана по уточнению историко-географических реалий XIV в. Из их числа следует выделить исследование В. А. Кучкина о формировании границ княжеств Северо-Восточной

юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001; Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула, 2002. Т. 2; Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 1–2. Тула, 2003; Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 1–2; Куликовская битва в истории России. Тула, 2006; Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 1–2; и др.

Гриценко Т. А. Результаты анализа фондовой работы музея «Тульские древности» и перспективы развития // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого: Материалы. Тула, 1997. Вып. 1. С. 57–61; *Андропова О. А., Гриценко Т. А., Пешехонова Т. В.* Лиха беда начало... // Музеи и информационное пространство: проблемы информатизации и культурного наследия. Тула, 2001. С. 47–48. Работы по реставрации музейных предметов проводятся специалистами заповедника, аттестованными Государственной комиссией Министерства культуры РФ (*Шмелев В. Н.* Методические приемы реставрации из черного и цветного металла в музее «Тульские древности» // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Вып. 1. С. 62–63; *Он же.* Реставрация предметов черного и цветного металла с использованием ультразвука // Куликово поле: проблемы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 506–508; *Он же.* Реставрация минерализованного креста XV–XVI вв. // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. С. 247–251).

Руси в XIII–XIV вв.¹²² А. А. Юшко исследовала процесс сложения территории Московского княжества, его уделов и административных округов¹²³. Проблемами исторической географии и истории Орды занимались В. Л. Егоров и А. А. Шенников¹²⁴. Появились труды, посвященные пограничной ситуации в Подонье. Особый интерес представляет книга А. А. Шенникова, посвященная исторической территории Червленький Яр. Вопросы разграничения сфер влияния в Подонье исследовались в работах А. В. Лаврентьева и А. О. Амелькина¹²⁵.

Многие исследования посвящены локальным историко-географическим вопросам, которые в той или иной степени касаются событий Мамаева побоища. К таковым необходимо отнести работы А. К. Зайцева, О. А. Шватченко, А. В. Шекова, О. Ю. Кузнецова, Г. А. Шабанина¹²⁶. Среди них важное место занимают уточнения О. Н. Заидова и Г. А. Шабанина о маршруте движения русских войск к Куликову полю¹²⁷.

Военное дело и вооружение Руси и Орды в XIV в. являются традиционными объектами изучения. В юбилейном 1980 г. статьи по

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991; *Она же.* Феодалное землевладение Московской земли XIV века. М., 2002; и др.

Егоров В. Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV вв. // ВИ. 1985. № 1. С. 16–29; *Он же.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985; *Он же.* Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990; *Он же.* Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории: Сборник статей. Липецк, 1996. С. 71–79; *Шенников А. А.* Червленький Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987; *Цыбин М. В.* [Рец.] // ИСССР. 1990. № 2. С. 194.

Лаврентьев А. В. К истории верхнего Дона в XIV–XVI вв. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999. С. 40–72; *Он же.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005; *Амелькин А. О.* Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. С. 86–90; и др.

Шватченко О. А. Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла // Труды ГИМ. Вып. 73. С. 97–100; *Зайцев А. К.* Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом побоище»? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. С. 5–12; *Шеков А. В.* О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом руским, далним и ближним» // Там же. Т. 2. С. 117–140; *Кузнецов О. Ю.* Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999. С. 16–33; *Шабанин Г. А.* О владениях рязанских князей на правобережье верхнего Дона в конце XIV – начале XVI в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 162–171.

Заидов О. Н., Шабанин Г. А. К вопросу о пути следования войск Дмитрия Донского на Куликово поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 155–161.

данной теме опубликовали А. Н. Кирпичников, М. Г. Рабинович, В. Прищепенко, И. Я. Абрамзон и М. В. Горелик¹²⁸. Причем если для А. Н. Кирпичникова это стало логическим продолжением его научных интересов, то историк вооружения Древнего мира М. В. Горелик обратился к теме монголо-татарского доспеха и оружия впервые. В дальнейшем эти исследователи продолжили изучение вооружения русского и ордынского войска¹²⁹. Кроме того, различные аспекты военного дела в эпоху Куликовской битвы были затронуты в работах А. А. Горского, К. Г. Селезнева, В. В. Тараторкина, Ю. В. Кривошеева и Ю. В. Селезнева¹³⁰.

¹²⁸ *Кирпичников А. Н.* Оружие времен Куликовской битвы // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 92–101; *Он же.* Русская рать перед битвой // ЗС. 1980. № 9. С. 32–34; *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 298–363; *Рабинович М. Г.* Военное дело на Руси эпохи Куликовской битвы // ВИ. 1980. № 7. С. 103–116; *Горелик М. В.* Оружие и доспех русских и монголо-татарских воинов конца XIV в. // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 102–103; *Абрамзон И. Я., Горелик М. В.* Научная реконструкция комплекса вооружения русского воина XIV в. и его использование в музейных экспозициях // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 238–244; *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Там же. С. 244–269; *Прищепенко В.* Русское оружие 1380 г. С. 4–5; и др. *Кирпичников А. Н.* Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 г. М., 1985. С. 229–243; *Он же.* Куликовская битва и исторические судьбы Руси: (Общественное войско городов и земель – преобразующий фактор русской истории XIV в.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1988. Вып. 11: Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. С. 154–165; *Он же.* К оценкам военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 141–147; *Горелик М. В.* Куликовская битва. 1380. Вооружение русского и золотоордынского воинов // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 2–6; *Он же.* Армии монголо-татар X–XIV вв.: Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002; *Иванов А. Б.* Русские доспехи // ПО. 1984. № 1. С. 152–156; *Васил П.* «Воины Христовы»: Вооружение тяжелой боярской конницы времен Куликовской битвы: (2-я половина XIV в.) // Империя истории. 2002. № 2. С. 58–63; и др. *Горский А. А.* К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // ДРВМ. 2001. № 4 (6). С. 29–37; *Селезнев К. Г.* Военное искусство Руси на Куликовом поле // Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981. С. 60–74; *Двуреченский О. [В.]* «Броня крепка!»: Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // Родина. 2005. № 12. С. 65–68; *Тараторин В. В.* Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн. Минск, 1999; *Кривошеев Ю. В.* Организация русского средневекового войска и битва на р. Воже // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. С. 36–46; *Селезнев Ю. В.* Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV – начале XV в.: (к постановке проблемы) // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. С. 45–51; *Он же.* Стратегия и тактика Мамаю: к вопросу о численности ордынских войск и маршрута следования к Куликову полю // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 297–299.

Обзоры развития военного дела в конце XIV в. нашли отражение и в популярных изданиях¹³¹. Так или иначе, Куликовская битва упоминалась в книгах, посвященных различным аспектам политической истории Руси и Орды второй половины XIV в.: работы Г. В. Вернадского¹³², В. А. Кучкина, Р. Г. Скрынникова, Э. Ключа, Ю. А. Кизилова, Ю. В. Кривошеева, С. А. Фетищева¹³³, А. Л. Хорошкевич¹³⁴, В. Л. Янина¹³⁵, Л. Н. Гумилева¹³⁶. Кроме того, ряд исследователей, рассматривая вопросы внутривосточной ситуации на Руси, также касались различных проблем Куликовской битвы¹³⁷.

Шербаков А., Дзысь И. Куликовская битва. М., 2001; Сто великих битв. М., 1998; *Шефов Н. А.* Самые знаменитые воины и битвы России. М., 1999; *Он же.* Тысячелетие русской истории. Хроника истории российской с кратким описанием знаменательных событий. М., 2000; *Шишов А. В.* Сто великих военачальников. М., 2000; *Торопцев А. П.* 1000 великих битв: XI – начало XX в. М., 2001; *Широкорад А. Б.* Русь и Орда. М., 2004; *Он же.* Куликовская битва и рождение Московской Руси. М., 2005 (Серия «Военные тайны России»); *Он же.* Дипломатия и войны русских великих князей от Рюрика до Ивана Грозного: (Военные тайны России). М., 2006; Военная история государства Российского: В 30 т. Т. 2; Ратные поля России. Воронеж, 2004; Военная история Отечества с древних времен до наших дней: В 3 т. М., 1995. Т. 1; *Венков А. В., Деркач С. В.* Великие полководцы и их битвы. Ростов-на-Дону, 1999. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь / Пер. с англ. Тверь, 1997; *Он же.* Начертание русской истории / Пер. с англ. СПб., 2000; и др. *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского, 1389–1395 гг. М., 2003.

Хорошкевич А. Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 102–103; *Она же.* К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV – начале XV века // ВИ. 1980. № 6. С. 170–174; *Она же.* Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 63–78; *Она же.* Московское княжество в XIV ст.: Некоторые особенности развития // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. Т. 2. С. 146–191; *Она же.* О месте Куликовской битвы. С. 94–105.

Янин В. Л. Роль Новгорода в Отечественной истории // Социально-экономическое развитие России: Сб. ст. М., 1986. С. 27–38.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992; От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992; Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; Этногенез и биосфера Земли. М. 1993; Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994; и др.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М., 1986; *Ключ Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3–21; *Он же.* О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 47–53; Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси...; К изучению процесса централизации в Восточной Европе: (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6. С. 149–161; Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. С. 26–112; Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв.: (Крепость и посад; городское население) // ИСССР. 1991. № 2. С. 73–84; *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову: Сборник статей. М., 1996. С. 115–123; *Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII–XV вв.

Работа А. А. Горского «Москва и Орда» посвящена исследованию взаимоотношений Московского княжества со степным государством на протяжении его существования. В главе «К победам военным и дипломатическим: Дмитрий Иванович (1359–1389)» автор уделяет значительное внимание и событиям Куликовской битве. В частности, А. А. Горский подчеркивает, что «Перечень князей, сражавшихся на Куликовом поле, в летописях Дубровского и Архивской очень близок к перечню участников похода на Тверь 1375 г. (восходящему к Троицкой летописи)». Таким образом, автор констатирует, «что возглавляемый великим князем московским союз князей Северо-Восточной Руси с участием части верховских и смоленских князей, оформившийся в 1374–1375 гг., продолжал существовать, но в Куликовской битве приняли участие несколько меньшие силы, чем в походе на Тверь»¹³⁸.

В работах В. В. Каргалова события Куликовской битвы рассматриваются в рамках постоянной борьбы «леса» и «степи». Битва на Дону рассматривается как закономерный результат взаимоотношений Руси и Орды за полтора столетия от завоевания. Автор подчеркивает, что «войско великого князя Дмитрия Ивановича было не только общерусским по территориальному охвату мобилизацией, но и общенародным по составу. Оно объединяло все социальные слои Руси. И это единение в решении великой национальной задачи – свержении ненавистного монголо-татарского ига – было залогом победы»¹³⁹. В таком же ключе описывает противостояние в кратком обзоре взаимоотношений русских княжеств с кочевниками И. О. Князький¹⁴⁰.

М., 1984; *Шеков А. В.* Верховские княжества: (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XV вв.). Тула, 1993; *Он же.* Об участии князей тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 186–192; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси в XII–XIV вв. СПб., 1999; *Ляхов В. А.* Куликовская битва и Ярославский край // Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. С. 41–59; *Булдаков К. А.* Кострома в борьбе с монголо-татарскими вторжениями на Русь (XIII–XVI вв.) // Там же. С. 20–34; *Аверьянов К. А.* Когда произошла Куликовская битва? // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001; *Флоренский К. П.* Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8. С. 38–77; и др.

¹³⁸ *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 98–99.

¹³⁹ *Каргалов В. В.* На степной Украине. М., 1974.; *Он же.* Конец ордынского ига. М., 1980; Куликово поле: К 600-летию Куликовской битвы (1380–1980). М., 1980; Полководцы X–XVI вв. М., 1989; «На границах стоять крепко!»: Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998; Русь и кочевники. М., 2004. С. 239; и др.

¹⁴⁰ *Князький И. О.* Русь и степь. М., 1996.

И. Н. Данилевский в своей книге «Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)», подводя итог обзору личности Дмитрия Донского и событий Куликовской битвы, подчеркнул: «1. Куликовская битва, несомненно, стала поворотным пунктом в становлении нового самосознания русских людей. Выступления против Орды происходили все еще в рамках прежних представлений об отношениях между русскими князьями и ордынскими ханами – “улусниками” и “царями”. Пока еще не шла речь о собственно антиордынской борьбе. 2. Тем не менее со временем сам факт сражения – и победы! – над ордынским войском вскоре стал рассматриваться как своеобразный прецедент, придающий сопротивлению “царям” (поначалу только “беззаконным”) легитимность, – недаром в поздних редакциях произведения Куликовского цикла Мамаев настойчиво титулуют “царем”»¹⁴¹. Тем не менее в целом работа И. Н. Данилевского носит обзорный характер (как, впрочем, и положено любому курсу лекций).

Необходимо подчеркнуть, что именно источниковедческие исследования позволяют уточнять последовательный ход событий эпохи Куликовской битвы. В первую очередь надо отметить, что благодаря подобным исследованиям стали возможны научные издания и переиздания комплекса письменных источников с комментариями¹⁴². Определенной ступенью в публикации источников стал выход в свет в 1998 г. «Памятников Куликовского цикла»¹⁴³.

Кроме того, разнообразные проблемы, связанные с вопросами Мамаева побоища, затрагивались в источниковедческих исследованиях, посвященных общим вопросам летописания¹⁴⁴.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 312.

Сказание и повести о Куликовской битве. Л., 1982; Древнерусские повести. Тула, 1987; Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991; и др.

ПКЦ. 1998 (В. А. Кучкин подготовил текстологический комментарий к Пространной редакции «Задонщины» по Синодальному списку и списку В. М. Ундольского, рассказу о Куликовской битве в Рогожском летописце, Симеоновской и Новгородской I летописи младшего извода, к Пространной повести о Куликовской битве в Новгородской IV и Софийской I летописи старшего извода, «Сказанию о Мамаевом побоище» в редакциях Летописца князя И. Ф. Хворостинина, Синописа, П. Кохановского; Б. М. Клосс – к Краткой редакции «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку, Пространной редакции «Задонщины» по списку ГИМ, рассказу о Куликовской битве в Новгородской I летописи и «Сказанию о Мамаевом побоище» в редакции В. М. Ундольского).

Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 13–36; *Он же.* Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988; Две истории Руси XV в.: Ранние

Историко-географические аспекты изучения Куликовской битвы затронуты в статьях А. К. Зайцева и его ученика А. В. Шекова. При этом большое внимание исследователи уделили географическим объектам, упоминаемым в ранних источниках о Куликовской битве¹⁴⁵. Герменевтика текстов памятников Куликовского цикла подробно рассмотрена в работах А. И. Филюшкина и В. Н. Рудакова¹⁴⁶. Исследователи обращают внимание на библеизмы и их влияние на фор-

и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997; *Шубаев М. А.* Младшая редакция Софийской I летописи и проблема реконструкции истории летописного текста XV в. // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 369–370, 382 (схема); *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; *Бобров А. Г.* Летописный свод митрополита Фотия: (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. 2001. Т. 52. С. 98–137; *Он же.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001; *Клосс Б. М.* Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000; *Он же.* Избр. труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998; М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М., 2001; Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980; Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 253–262; *Морозов В. В.* От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду: (Развитие жанра и эволюция концепции) // ТОДРЛ. 1990. Т. 44. С. 246–268; *Муравьева Л. Л.* Московское летописание второй половины XIV – начала XV в. М., 1991; *Она же.* О начале летописания в Троице-Сергиевом монастыре // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 4–22; Рогожский летописец XV в. М., 1998; *Дмитриев Л. А.* Куликовская битва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси // Русская литература. 1980. № 3. С. 3–29; *Колесов В. В.* «Слово о Мамаевом побоище». С. 97–104; *Азбелев С. Н.* Устное повествование о Куликовской битве и его обработки в летописях // ДРВМ. 2003. № 4 (14). С. 5–6; *Он же.* Фольклоризм Задонщины // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 46–57; *Водов В. А.* Еще раз о датировке «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русаго» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988; *Он же.* Следы «Слова о полку Игореве» в памятнике XV в. // ТОДРЛ. Т. 50. 1997. С. 466–469; *Кучкин В. А.* К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 113–121; *Он же.* О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. Т. 50. С. 347–358; Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23–26; и др. *Шеков А. В.* Рассказ о сражении на Дону в 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. ст.: В 2 т. Тула, 2004. Т. 2. С. 13–22; *Зайцев А. К.* О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. С. 30–44; *Он же.* Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Труды ГИМ. Вып. 150. С. 31–60; *Янин В. Л.* К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русским, далним и ближним» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 125–134; и др. *Филюшкин А. И.* «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликов поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 172–186; *Рудаков В. Н.* «Духъ южны» и «осьмый часъ» в «Сказании о Мамаевом побоище» // ГДЛ. 1998. Сб. 9. С. 135–157; и др.

мирование семиотических текстов о битве. Важное значение имеют также исследования А. А. Горского, посвященные источниковедческим проблемам «Задонщины»¹⁴⁷.

Плотно примыкают к источниковедческим работам исследования искусствоведческие, как правило, напрямую не относящиеся непосредственно к Куликовской битве. Это освещение либо литературных произведений (житийного, поучительного толка), подготовивших события 1380 г., либо произведений искусства, возникших под влиянием бурных событий самой битвы¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Горский А. А. Историко-поэтическая концепция «Задонщины» // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начала XX в.: Сб. науч. труд.. М., 1990. Вып. 1. С. 70–118; *Он же*. Некоторые проблемы соотношения «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» // ВИД. 1987. Вып. 19. С. 3–20; События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // Восточная Европа в древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 68–69.

Азбелев С. Н. История России в народной памяти // Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях / Сост., вступ. ст., коммент.: С. Н. Азбелев. М., 1999. С. 5, 9–10, 11, 12–13. Подробнее об этом см.: Азбелев С. Н. Куликовская битва в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011; Амелькин А. О. Куликовская битва в памяти потомков // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Вып. 1. С. 22–33; Ашурков В. Н. Памятники Куликова поля // Куликовская битва. С. 275–284; Бегунов Ю. К. Куликовская битва и сказания об иконах Пресвятой Богородицы // Богословские труды. М., 1992. Сб. 31. С. 314–319; Болотцева И. П. «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII в. // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 120–128; Борисов Н. С. Отражение Куликовской битвы в памятниках архитектуры последней четверти XIV – начала XV в.: (К 600-летию Куликовской битвы) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер.: Общественные науки. 1980. № 2. С. 20–24.; Гусева Э. К. Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV – начала XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 50–58; Елеонская А. С. Тема борьба против ордынского ига в старопечатном Прологе // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 101–114; Зарицкая О. И. Образ преподобного Сергия в гравюре XIX в. // Преподобный Сергий Радонежский – великий подвижник земли Русской. М., 2004. С. 165–183; Иткина Е. И., Кучкин В. А. Рукописный настенный лист с изображением Мамаева побоища // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 154–174; Картова Е. В. Работа И. П. Мартоса над проектом памятника Дмитрия Донскому: (По новым материалам) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 261–273; Копышев П. Две битвы – две победы // Наука и религия. 1990. № 5. С. 36–37; Лыхачев Д. С. Куликовская битва в истории русской культуры // Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М., 1980. С. 17–49; Нащюкина М. В. Храмы-памятники русской воинской славы // ПО. 1988. № 1. С. 143–148; Николоаева Т. В. Победный крест XIV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 86–93; Щенникова Л. А. К вопросу о происхождении древнего иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 183–194; *Она же*. Донская Богоматерь // Родина. 1987. № 7. С. 00–00; Шитова Л. А. Образ преподобного Сергия на церковных произведениях из драгоценных металлов // Преподобный Сергий Радонежский –

Необходимо также отметить изучение отражения событий Куликовской битвы в русской литературе XVIII–XX вв. Это работы Э. Л. Афанасьевой, Г. Г. Елизаветиной, А. С. Курилова, М. Д. Курмачевой, В. В. Кускова, В. Ю. Троицкого, О. Державина и ряд других¹⁴⁹.

Широкое распространение в исторической науке получило изучение отдельных персоналий эпохи. В первую очередь эта личность победителя в Куликовской битве – Дмитрия Ивановича Московского. Его жизни, деятельности, взаимоотношениям с Русской православной церковью и участию в сражении были посвящены специальные исследования Н. С. Борисова¹⁵⁰, А. А. Горского¹⁵¹, В. А. Кучкина¹⁵², В. Д. Назарова¹⁵³, П. В. Пятнова¹⁵⁴, Л. А. Беляева¹⁵⁵, А. М. Зеленокоренного¹⁵⁶, А. Л. Юрганова¹⁵⁷.

великий подвижник земли Русской. М., 2004. С. 00–00; Демин А. С. Из истории древнерусского литературного творчества X–XVII вв. // ГДЛ. 2004. Сб. 11. С. 9–131; *Он же*. «Имение»: Социально-имущественные темы древнерусской литературы // Древнерусская литература: Изображение общества. М., 1991. С. 5–55; Демин В. Н. Русь летописная. М., 2002; Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986; *Он же*. Источники древнерусской культуры и истоки русской ментальности // ДРВМ. 2001. № 1 (3). С. 1–9. Более подробный перечень литературы по теме см.: Куликовская битва: Указатель литературы, 1980–2005 / Сост.: Л. Д. Поголяева. Тула, 2005. С. 53–58.

Афанасьев Э. Л. Куликовская битва в изображении русских писателей XVIII в. С. 291–300; Курилов А. С. Памятники Куликовского цикла и русское литературоведение первой половины XIX в. // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 201, 204; Курмачева М. Д. Крепостной интеллигент о Куликовской битве // ВИ. 1981. № 1. С. 178–180; *Она же*. Крепостной интеллигент Андрей Лоцманов об истории России // Россия на путях централизации: Сборник статей [памяти А. А. Зимина] / Отв. ред.: В. Т. Пашуто. М., 1982. С. 280–287; М. В. Ломоносов о Куликовской битве // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989. С. 203–208; Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 220–221; Елизаветина Г. Г. Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов // Там же. С. 234–236; и др.

¹⁵⁰ Борисов Н. С. Московские князья и русские митрополиты XIV в. // ВИ. 1986. № 8. С. 30–43.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского Средневековья: Очерки. М., 2001. С. 109–133.
Кучкин В. А. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6. С. 62–83; *Он же*. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в капан Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. / Отв. ред.: А. И. Клибанов. М., 1990. С. 103–126.
Назаров В. Д. «И всякие земля Руская»: (Дмитрий Донской) // Сахаров А. Н., Назаров В. Д., Боханов А. Н. Подвижники России. М., 1999. С. 118–119.
Пятнов П. В. Надежда Отечества: (Дмитрий Донской) // Библиография. 1992. № 5–6. С. 59–65.

Беляев Л. А. Почему князя Дмитрия прозвали Донским? Что было после битвы на Куликовом поле? // Русь в Средние века. М., 2002. С. 60–62.

Зеленокоренный А. М. Дмитрий Донской в житии и в жизни // Мир житий. М., 2002. С. 117–126.

Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 34–75.

С. И. Демидов рассмотрел вопрос появления и распространения прозвища Дмитрия Ивановича – Донской¹⁵⁸.

Историко-биографический очерк темнику Мамаю – главному противнику великого князя Дмитрия Донского – посвятил Ю. В. Селезнев¹⁵⁹.

Происхождение и генеалогические связи участников Вожской и Куликовской битв отражены в ряде специальных исследований и публикаций источников А. В. Кузьмина. Особое внимание в его статьях было уделено пронскому князю Даниилу Владимировичу, служилым князьям и боярам Дмитрию Александровичу Монастыреву, князю Дмитрию Михайловичу Боброку-Волынскому, Дмитрию и Владимиру Александровичам Всеволожам, князю Глебу Васильевичу Друцкому, Александру Пересвету, Андрею Ослябе и его сыну Якову, литовским князьям Андрею и Дмитрию Ольгердовичам, белозерским князьям Федору Романовичу, его сыну Ивану Федоровичу, представителям династии смоленских, вяземских, ростовских и верховских князей XIV в., московским боярским фамилиям Вельяминовым, Серкизовым, Валуевым, Кусаковым и др.¹⁶⁰ При этом

¹⁵⁸ Демидов С. И. К вопросу о наименовании «Донской» великого московского князя Дмитрия Ивановича // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. С. 88–96.

Селезнев Ю. В. Темник Мамай – противник великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского: (Историко-биографический очерк) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 147–154.

Кузьмин А. В. Начало рода Всеволожских // История московского боярства XIV–XVII вв.: тезисы докладов и выступлений научной конференции / [сост.: К. А. Аверьянов]. М., 1997. С. 3–7; *Он же*. К истории формирования московского боярства XIV – начала XV в.: «Родъ Всеволож Заболоцкихъ» // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. М., 1999. № 1. С. 84–85; Мнимые и реальные участники Куликовской битвы // Там же. С. 101–102; Гедиминовичи // Русская генеалогия / Под ред.: Б. А. Николаева; науч. ред.: М. Е. Бычкова. М., 1999. С. 127–141; Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 111–136; Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII – первой половине XIV в. // История и культура Ростовской земли, 2000 г. Ростов, 2001. С. 10–23; Князь Белоозера в Новгороде Великом: миф и реальность XIV в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли, 2001–2002 гг.: В 2 ч. / Сост.: В. Ф. Андреев. 2002. Ч. 1. С. 84–91; Андрей Осляба, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI в. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. С. 5–29; Грамоты Воронцовых-Вельяминовых в государственном архиве России начала XVII в. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции / Отв. ред.: В. А. Муравьев. М., 2002. С. 277–279; Князь Дмитрий Михайлович Боброк и род Волынских в XIV – середине XV века // Вестник общества исследователей Древней Руси за 2002 г. М., 2002. С. 92–99; Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // ГДРЛ. 2004. Сб. 11. С. 701–783; Князь Можайска и судьба их

были исследованы генеалогии и биографии ряда церковных деятелей эпохи Куликовской битвы – рода митрополита Алексея (Бяконтова), семьи преподобного Сергия Радонежского, коломенского епископа Герасима, троицкого келаря Илии, первого известного владельца древнейшего списка «Сказания о Мамаевом побоище» князя-инока Даниила Звенигородского¹⁶¹.

владений в XIII–XIV вв.: из истории Смоленской земли // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 107–122; К истории состава землевладельцев Можайского княжества в конце XIII – первой половине XV в.: (князья Смоленские, бояре Вельяминовы, Валуевы и Новосильцовы) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей / Отв. ред.: П. Н. Зырянов. М., 2004. С. 185–215; Происхождение и эволюция родовой памяти старомосковской боярской фамилии Серкизовых и Старковых по данным родословных книг XVI–XVII вв. // Памяти [М. П.] Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Ред.-сост.: Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 752–764; Из истории можайских землевладельцев в XIV – начале XV в.: (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева: Сб. ст. / Отв. ред.: А. Ю. Дворниченко; сост.: С. В. Стрельников. СПб., 2006. С. 230–253; Верховские княжества // БРЭ. 2006. Т. 5. С. 197–199; Взземское княжество // Там же. Т. 6. С. 201–202; Гедиминовичи // Там же. Т. 6. С. 483–486; Российская историография изучения генеалогии белорусской и литовской знати (1990–2003 гг.) // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: Матэрыялы міжнароднага круглага стала = Grand Duchy of Lithuania: history of research, 1991–2003 / Рэдкал. С. Б. Каўн. (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. С. 17–24; Родословная книга РГБ. Ф. 256. № 349 как источник по генеалогии правителей Чернигово-Северской земли в XIII–XV вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Материалы конференции / Отв. ред.: Е. А. Мельникова и др.; М., 2007. С. 129–135; Феодалное землевладение и генеалогия старомосковского служилого рода Кусаковых во второй половине XIV–XVI в. // Проблемы исторической географии и демографии России / Отв. ред.: акад. Ю. А. Поляков. М., 2007. Вып. 1. С. 76–88; Князья Пронские, бояре Монастыревы и дворяне Кусаковы – участники битвы на р. Воже в 1378 г. и их потомки в XV–XVI вв.: (историко-генеалогическое исследование) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Вып. 2. С. 78–96; Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. [Ч. 2] // ДРВМ. 2007. № 4 (30). С. 50–68; Дмитрий Ольгердович // БРЭ. 2007. Т. 9. С. 134–135; Друцкое княжество // Там же. Т. 9. С. 374–376; Кашинское княжество // Там же. 2009. Т. 13. С. 406–407; Клипское княжество // Там же. 2009. Т. 14. С. 299; Кошка Федор Андреевич // Там же. 2010. Т. 15. С. 544–545; Куликовская битва // Там же. Т. 16. С. 295–298. Курское княжество // Там же. Т. 16. С. 444–445; и др. Кузьмин А. В. Жития XIII–XIV вв. как источник по генеалогии и аристократии Северо-Восточной Руси // Мир житий: Сборник материалов конференции / Отв. ред.: О. В. Гладкова. М., 2002. С. 97–105; *Он же*. Генеалогия и поминание представителей рода Сергия Радонежского в XIV–XIX в.: (по данным древнерусских синодиков) // «Честному и грозному Ивану Васильевичу». К 70-летию И. В. Левочкина: Сб. ст. / Редколл.: И. Г. Добродомов, В. М. Кириллин и др. М., 2004. С. 35–46; *Он же*. Герасим // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 155–156; Дионисий Лупа Звенигородский // ПЭ. 2007. Т. 15. С. 289–291; Елисей // Там же. 2008. Т. 18. С. 407–408; Илья // Там же. 2009. Т. 22. С. 261–262; и др.

Времени появления на службе в Москве, а также спорным вопросам участия в Куликовской битве 1380 г. Александра Пересвета и Андрея Осляби касаются статьи В. Л. Егорова, А. Л. Никитина, А. О. Амеликина и А. Е. Петрова¹⁶².

Отдельные стороны биографий участников Куликовской битвы осветили О. В. Творогов, Н. С. Борисов, Ю. Ф. Соколов, В. В. Кусков и К. А. Аверьянов¹⁶³. Новый взгляд на оценку деятельности в 1380-х гг. великого князя Дмитрия Ивановича Донского в глазах современников и ближайших потомков представлен в исследованиях В. Н. Рудакова¹⁶⁴. Широкою панораму жизнеописаний митрополита Алексия, князей Владимира Андреевича Серпуховского, Олега Ивановича Рязанского, Д. М. Боброка-Вольнского представляет популярная работа А. Р. Андреева¹⁶⁵.

Кроме того, ряд исследователей касался детального изучения судеб деятелей Русской православной церкви в эпоху Куликовской битвы – прежде всего митрополита Алексея и троцкого игумена Сергия Радонежского. Исследованию непростого духовного пути этого видного религиозного деятеля посвящены работы Н. С. Борисова, В. А. Кучкина, Р. Г. Скрынникова, В. А. Кучкина, Б. М. Клосса, В. Д. Назарова, А. Е. Петрова, М. Е. Никифоровой и др. На примере его биографии исследователи затрагивают широкий круг проблем взаимоотношений Русской православной церкви со светской властью, Ордой, ВКЛ, участия в этих событиях отдельных представителей церкви¹⁶⁶.

Егоров В. Л. Пересвет и Ослябя // ВИ. 1985. № 9. С. 177–183; *Никитин А. Л.* Подвиг Александра Пересвета // ГДЛ. М., 1992. Сб. 3. С. 256–272; *Он же.* Пересвет никогда не бился с Челубеем. С. 37–39; *Петров А. [Е.]* Пересвета и Челубея – в отставку? // Родина. 2005. № 8. С. 48; и др.

Творогов О. В. Князья Рюриковичи: Краткие биографии. М., 1992; *Борисов Н. С.* Русские полководцы XIII–XVI вв. М., 1993; *Соколов Ю. Ф.* Военная история России в лицах и судьбах. М., 1998. Вып. 1; *Кусков В. В.* Идеальные правители Древней Руси // Древнерусские княжеские жития. М., 2001. С. 7–22; *Аверьянов К. А.* Свидание Сергия Радонежского с Дмитрием Донским в 1380 г. – миф или реальность? // Мир житий. С. 127–133; *Он же.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский накануне Куликовской битвы // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы II Международной конференции. Сергиев Посад, 2002. С. 9–25; *Сергий Радонежский: личность и эпоха.* М., 2006; и др.

¹⁶⁴ *Рудаков В. Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского: (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // ДРВМ. 2000. № 2. С. 16–28; *Он же.* Поведение Дмитрия Донского в оценке автора «Повести о нашествии Тохтамыша» // Проблемы источниковедения истории книги: Межведомственный сборник научных трудов. М., 1997. Вып. 1. С. 12–25; Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009; и др.

¹⁶⁵ *Андреев А. Р.* Подхватившие щит. М., 1999.

¹⁶⁶ *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986; *Он же.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988; И свеча бы не угасла...

Соответственно, не осталась неосвещенной роль Русской православной церкви как института в жизни общества XIV в. и непосредственно в событиях 1370–1380-х гг.¹⁶⁷

Здесь хотелось бы повториться: в юбилейный год появились историографические работы по истории Куликовской битвы Л. С. Бескровного, А. Д. Горского и С. З. Зарембы¹⁶⁸, которые подвели определенный итог изучения данной проблемы. Именно

Исторический портрет Сергия Радонежского. М., 1990; Сергей Радонежский. М., 2002; Сергей Радонежский. М., 2003; *Кучкин В. А.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // ВНА. 1988. Вып. 37. С. 106–109; Свидание перед походом на Дон или на Вожу? // Наука и религия. 1987. № 7. С. 50–53; Сергей Радонежский // ВИ. 1992. № 10. С. 75–97; Сергей Радонежский и борьба за митрополичью кафедру Всея Руси в 70–80-е гг. XIV в. // Культура славян и Русь: Сб. ст., посвященный 90-летию акад. Б. А. Рыбакова / Редколл.: Ю. С. Кукушкин и др. М., 1998. С. 353–360; О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского // Труды ГИМ. 2002. Вып. 135. Поволжье и сопредельные территории в Средние века. С. 96–107; О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 407–419; О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь чл.- корр. РАН С. М. Каштанова / Отв. ред.: С. О. Шмидт. М., 2005. С. 237–242; *Скрынников Р. Г.* Митрополит Алексей и Сергей Радонежский. М., 1990; *Он же.* Святители и власть. Л., 1990; Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1997. *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты; *Назаров В. Д.* «Великий светильник»: (Сергий Радонежский) // Сахаров А. Н., Назаров В. Д., Боханов А. Н. Подвижники России. С. 90–105; *Петров А. Е.* Сергей Радонежский // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 221–253; *Никифорова М. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и его традиция в русской истории XIV – первой половины XVI в.: русский исихазм и его место в процессе становления централизованного государства в России XIV–XVI в. М., 2004; Преподобный Сергей Радонежский – великий подвижник земли Русской. М., 2004. См., например: *Сахаров А. М., Зимин А. А., Корецкий В. И.* Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XVI вв.) // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 71–152; *Котлова Т. Б.* Русская Православная Церковь и объединительная политика московских князей во второй половине XIV в. // Материалы историко-философских чтений, посвященных 775-летию со дня рождения Александра Невского. Иваново, 1995. С. 18–20; *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. *Скрынников Р. Г.* Святители и власть; *Он же.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.; Третий Рим. СПб., 1994. Крест и корона: Церковь и государство; *Федотов Г. П.* Святые древней Руси. М., 1990; *Шамаро А. А.* Куликовская битва. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский // ВНА. 1980. Вып. 25. С. 36–61; *Кузьмин А. Г.* Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Там же. 1988. Вып. 37. С. 90–99; *Дмитриев М. В.* К проблемам истории русского монашества в XIV – начале XVI в.: (по страницам книги П. Гонно) // ВИ. 1997. № 3. С. 146–153; *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XV в. СПб., 2002; и др.

¹⁶⁸ *Бескровный Л. С.* Историография Куликовской битвы // Куликовская битва. С. 6–25; *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г.: (Некоторые итоги и задачи ее изучения в исторической науке) // ВМГУ Сер. 8. 1980. № 4. С. 3–18; *Он же.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 15–42; *Заремба С. З.* Куликовская битва в историчній літературі. С. 141–150.

поэтому в дальнейшем историографические вопросы, связанные с Куликовской битвой, носили более ограниченный характер. К примеру, ряд аспектов историографии Мамаева побоища были затронуты в исследовании А. П. Богданова и Е. В. Чистяковой¹⁶⁹. В рамках развития исторической науки была рассмотрена фигура князя Дмитрия Ивановича в работе Н. В. Чугуновой¹⁷⁰.

Необходимо упомянуть об освещении событий Куликовской битвы в научно-популярной литературе¹⁷¹, изданиях просветительского характера¹⁷², а также в справочниках различной тематики¹⁷³.

В целом достаточно беглый обзор историографии показывает, что различные аспекты, связанные с Куликовской битвой, постоянно привлекают внимание исследователей. За длительное время изучения битвы на Дону были достигнуты значительные результаты как в поисках и анализе источников, так и в разного рода интерпретациях событий Куликовской битвы.

Сама же тема развития отечественной и зарубежной историографии о Куликовской битве представляет собой важную, но чрезвычайно непростую исследовательскую проблему, решению которой необходимо посвятить отдельный значительный труд.

¹⁶⁹ Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988.

Чугунова Н. В. Дмитрий Донской в советской исторической науке 1930 – 1-й половины 1940-х гг.: от рядового феодала до национального героя // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 199–203.

Чивилихин В. А. Память: Роман-эссе. М., 1982; Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: Русские земли в XIII–XV вв. М., 1986; Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987; Шавырин В. Неделимое поле // Родина. 1997. № 3/4. С. 94–95;

Петров А. [Е.] Мамаево побоище. Гордость и предубеждение исторической памяти // Там же. 2005. № 9. С. 67–73; Казаков С. В. Загадки и легенды русской истории. Ростов-на-Дону, 2005.

Амелькин А. О. Дни воинской славы. Воронеж, 2005. С. 13–19; Ляхов В. А., Анкудинова А. М. За землю Русскую; Ратные поля России. Воронеж, 2004; и др.

Астайкин А. А. Летописи о монгольских вторжениях на Русь, 1237–1480 // Арабски истории. М., 1994. Вып. 3–4: Русский разлив. Т. 1. С. 456–554; СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 1–2. (Я. С. Лурье подготовил статьи о Вологодско-Пермской, Московско-Академической, Новгородской Дубровского, Софийской I, Троицкой летописях, о Повестях о битве на р. Воже и двух посольствах); Мадорский А. Русский хронограф: Вся православная Россия времен от Рюрика до Николая II. М., 1999; Маштафаров А. В. Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы // Советские архивы. 1980.

№ 5. С. 35–39; Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. I. Ведомства внешней политики и их руководители. М., 1992; Он же. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг.: (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). М., 2001; Энциклопедия Куликова поля. Новомосковск, 1996; Пчелов Е. В. Рюриковичи: История династии. М, 2001; Куликовская битва. Указатель литературы. 1980–2005; и др.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В ОСВЕЩЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Число источников по истории русско-ордынского противостояния в 1380 г., к сожалению, не так велико. Современники не сразу поняли ту роль, которую сыграла Куликовская битва в жизни Руси и, прежде всего, в ее самосознании. Однако с течением лет приходило понимание ее особого значения, а вместе с этим – информация в источниках обрастала новыми легендарными подробностями. В настоящий момент исследователи истории военного противостояния Руси и Мамаевой Орды могут опираться на комплекс разнообразных источников, созданных на протяжении 150 лет (с конца XIV в. по начало XVI в.).

Первые отклики на события 1380 г. находятся в летописях в виде кратких сообщений. Лишь поэтическая «Задонщина», созданная, возможно, вскоре после описываемых ею событий, дает более пространное, но недостаточно ясное описание битвы. Спустя десятилетия разгром Мамаю у Дона стал оцениваться не как рядовое сражение, а как некий поворотный пункт в истории Руси. В новых исторических условиях победа на Куликовом поле породила ряд сочинений, в частности «Летописную повесть о Куликовской битве» и «Сказание о Мамаевом побоище». Все эти самостоятельные и одновременные литературные памятники отличаются друг от друга объемом и содержанием. Исследователи их объединяют в Куликовский цикл. В него входят поэтическая «Задонщина», краткий летописный рассказ «О великом побоище иже на Дону», читающийся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, летописная повесть «О побоище иже на Дону» и наиболее масштабное из них – «Сказание о Мамаевом побоище». Произведения Куликовского цикла объединяет также текстуальная взаимозависимость.

К ним примыкают произведения, содержащие дополнительные сведения о событиях 1380 г. Прежде всего речь идет о «Житии преподобного Сергия Радонежского» и «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русскаго».

Важными источниками по истории битвы являются поминальные списки погибших в бою князей, видных бояр и боярынь, находящиеся в составе вселенских соборных синодиков¹.

Как показывают исследования А. В. Маштафарова и А. А. Булычева², значительный интерес представляет Мазуринский список Вселенского синодика Большого Успенского собора Московского Кремля. Вероятно, он имеет волоколамское происхождение и датируется 1491–1493 гг.³ В нем в чине Торжества Православия прослеживаются следы ранних редакций памятника, из которых выделяется редакция 1411 г. Особый интерес среди ее статей представляет поминание воинов, погибших 8 сентября 1380 г. Как предположил А. А. Булычев, оно повторяет «тексты из освидетельствованного патриархом “Синодика Царегородского”, который митрополит Киприан отправил псковскому духовенству в 1395 г. ... а тот, в свою очередь, восходил, скорее всего, к официальному поминовению, составленному сразу после победы над войсками Мамая»⁴.

В 1911 г. был опубликован древнейший новгородский синодик церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне, основная часть которого была переписана с более древнего оригинала в середине XVI в. В данной части помещается поминовение «на Дону избивенных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановиче»⁵. Некоторые исследователи расценивают ее как указание на участие в Куликовской битве новгородцев, хотя в памяти о них прямо не говорится⁶. Однако говорить об их участии в сражении на Дону серьезных оснований нет.

ДРВ. 1788. Ч. 6. С. 450–451; *Маштафаров А. В.* Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы. С. 37–38; *Горский А. Д.* Куликовская битва в 1380 г. в исторической науке. С. 16; и др.

Маштафаров А. В. Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы. С. 37–38; *Булычев А. А.* Поминание павших на Куликовом поле во вселенском Синодике Русской митрополии конца XV в. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Вып. 2. С. 39–47.

Булычев А. А. Поминание павших на Куликовом поле... С. 39.

Там же. С. 42.

Шляпкин И. А. Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 6–7 (отдельной пагинации).

Азбелев С. Н. Новгородский контингент на Куликовом поле. С. 5–17; *Он же.* Устная история. СПб., 2007. С. 128–155.

Надо полагать, что именно из синодиков черпали сведения некоторые составители родословных росписей, в которых отмечается участие предков в Донском побоище⁷.

О времени 1380 г. и Куликовской битве как о некоем хронологическом рубеже и эпохе, заложившей и определившей развитие многих последующих событий, сохранились упоминания в княжеских договорных грамотах⁸, а также в разрядных книгах XVI–XVII вв.⁹

Некоторые сведения о событиях 1380 г. могут дать и записи в рукописных книгах. Сравнительно недавно свод записей в пергаменных кодексах за XI–XV вв. опубликовала Л. В. Столярова¹⁰. Среди записей, относящихся к этому времени, особое значение имеют пометки на Стихираре 1380 г. из Троице-Сергиевой лавры, авторство которых принадлежит троицкому писцу Епифану, отождествляемому рядом исследователей с Епифанием Премудрым. Данные записи позволяют понять атмосферу, царившую в обители в момент решающего столкновения. Особое значение среди них имеет запись за 21 сентября, позволяющая судить о степени реального участия настоятеля монастыря Сергия Радонежского и иноков Троице-Сергиевой обители в событиях 1380 г.

К сожалению, практически никаких свидетельств не оставили нам о битве иностранные хронисты. Восточные авторы (арабские и персидские) были заняты своими проблемами и связанными с ними внутривосточными событиями борьбы темника Мамай и хана Токтамыш¹¹.

Хроники Тевтонского ордена и Ганзейского союза сохранили лишь краткие упоминания о Куликовской битве. Их сведения мало привлекают к себе внимание исследователей истории русско-ордынского столкновения 1380 г., хотя впервые на эти источники обратил внимание еще М. В. Ломоносов. Он был знаком с известием о Куликовской битве немецкой хроники Альберта Кранца (XV в.)¹². Ссылки на

⁷ РИИР. 1977. Вып. 2. С. 11; см. также: *Маштафаров А. В.* Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы. С. 38.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 10. С. 30; № 19. С. 54; № 47. С. 144.

Разрядная книга, 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 13–16.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.

См., например: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 389–391; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 150, 131.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 573; *Горский А. Д., Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 10–12, 24, 90–91, 97, 232–236, 259–262.

А. Кранца есть и у Н. М. Карамзина. Историограф обратил внимание на помещенное рядом с известием о Донском побоище сообщение о съезде в Любеке представителей всех ганзейских городов. По его мнению, оно «может изъяснить, каким образом сведения в Германии о Донской битве: купцы ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новагорода с ними союзного»¹³.

Две современные событиям хроники – Детмара и т. н. Иоганна фон Позильге¹⁴ – сравнительно подробно сообщают под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами: «Там сражалось народу с обеих сторон четыреста тысяч. Русские выиграли битву. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и <литовцы> отняли у русских их добычу и убили их много на поле» (цитировано по Детмару)¹⁵. Схожее известие о Куликовской битве имеет и писавший 100 лет спустя немецкий историк Альберт Кранц. Он ошибочно отнес битву к 1381 г. Тем же годом он датирует съезд городов Ганзейского союза в Любеке¹⁶.

Действительно, Детмар писал свою хронику как раз в Любеке, а т. н. хронику И. фон Позильге – в Ризенбурге¹⁷, расположенном вблизи Данцига и Эльбинга. Представители этих городов были на ганзейском съезде в Любеке в июне 1381 г. Это был крупный съезд. На нем обсуждался целый ряд вопросов, непосредственно относившихся к Великому Новгороду¹⁸.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Примеч. 81.

Детмар Любекский, монах-францисканец Торнского монастыря, довел свою хронику на латинском языке до 1395 г. Его продолжатель работал до 1400 г., переведя ее на нижненемецкий. Хроника, приписываемая Иоганну Позильге, чиновнику из Помезании, также написана на латыни с 60–70-х гг. XIV в. до 1406 г. Ее продолжатель довел известия до 1419 г., переведя ее на верхненемецкий. Сведения данных источников о Куликовской битве восходят, очевидно, к сообщению, привезенному из Руси ганзейскими купцами на съезд в Любеке в 1381 г.

Detmar-Chronik von 1101–1395 mit der Fortsetzung von 1395–1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd. 19. S. 568. В сходном тексте это известие есть в более ранней редакции «Хроники Детмара», доведенной только до 1386 г. (Ibid. S. 180). Позднее оно было повторено почти дословно так называемой «Хроникой Руфуса» (Ibid. Leipzig, 1899. Bd. 26. S. 257).
Krantz A. Vandaliae. Hanoviae, 1619. P. 207.

Подробно см.: *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter von der mitte des Dreizehnten bis zum ende Vierzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1870. S. 183–186. Текст хроники с упомянутым известием о Куликовской битве см.: *Scriptores rerum Prussicarum.* Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 114–115. Там же краткое известие об этой битве Торунского анналиста, не содержащее интересующих нас деталей, кроме указания места боя – «Blowasser» (Ibid. S. 114).

Mie Recesse und andere Acten der Hansetage von 1256–1430. Leipzig, 1872. Bd. 2. S. 278–288; 1875. Bd. 3. S. 329–330. С 1381 по 1386 г., до которого доведена впер-

Несомненно, что т. н. хроника И. Позильге, хроника Детмара и «Вандалия» Кранца в данном известии имеют один общий немецкий источник. Это доказывается их общей и весьма характерной географической неточностью: они сообщают, что победа русских над татарами в 1380 г. произошла «у Синей воды» («bi Blowasser», «bie dem Bloen Wassir»), причем даже латинский текст А. Кранца дает название по-немецки («Flawasser»). Место Куликовской битвы, по-видимому, отождествлено с местом сражения, происшедшего на Украине между войсками ВКЛ и татарами Подолья в 1362 г.¹⁹ Характер ошибки подтверждает догадку Н. М. Карамзина. По всей видимости, перед нами неверно понятое и отсюда – неверно переведенное русское словосочетание «у Синего Дона»²⁰. Именно немецкий купец, которому русские рассказали о битве с татарами у Синего Дона, мог потом перевести этот топоним своим соотечественникам как «bie dem Bloen Wassir» – возможно, под влиянием услышанного им раньше известия о другом бое с татарами у Синей воды. Следовательно, информатор, донесший эти сведения до хронистов, пользовался именно русским устным рассказом. Значит, сам рассказ этот, скорее всего, исходил (непосредственно или опосредованно) именно от новгородских участников войны, так как Ганза имела свои конторы в Северо-Западной Руси только в двух пунктах – Великом Новгороде и соседнем с ним Пскове.

Очевидно, что устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, не сообщал о судьбе главных сил Дмитрия Донского. Московские летописи, весьма раздраженно отзывающиеся о союзниках Мамай, вряд ли бы умолчали о нападении литовского великого князя Ягайло на войско, возвращавшееся в Москву. Они сообщают лишь о враждебных действиях великого князя Олега Рязанского в отношении тех, «кто поехал с Доновского побоища домовъ, к

вые включившая это известие хроника Детмара, состоялось еще много ганзейских съездов, причем более десяти из них – в Любеке. Однако они были менее связаны с Новгородом.

Синяя вода (совр. р. Синюха) – приток р. Южный Буг. Подробнее: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. С. 150. Примеч. 24.

А. И. Никифоров, анализируя выражение «Слова о полку Игореве» «позрим синего Дону» в сопоставлении с записями фольклора, пришел к выводу, что словосочетание «синий Дон» устно-фольклорного происхождения – подобно сочетаниям «синее море», «синяя мгла» (цит. по: *Азбелев С. Н., Никифоров А. И.* Слово о полку Игореве – былина XII в. Л., 1940 [Машинопись защищенной в 1941 г. докторской диссертации] // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Разряд V. Колл. 120. Папка 1. С. 364).

Москве, сквозе его отчину Рязанскую землю», хотя это были не боевые столкновения военных отрядов, а всего лишь случаи задержания отдельных лиц, затем отпущенных после отнятия добычи («велел имати и грабити, и нагих пущати») ²¹.

Немецкие хроники сообщали о нападении войск ВКЛ на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью военной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание А. Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также ордынцы: часть бежавших с Куликова поля татар могла присоединиться к литовским отрядам.

И все же основным источником по истории русско-ордынского столкновения в 1380 г. являются памятники Куликовского цикла. Рассмотрим каждый из них подробнее, тем более что их исследование имеет свою достаточно долгую традицию.

Первыми свидетельствами о событиях 1380 г. являются краткие летописные рассказы о Куликовской битве, помещенные на страницах Белорусской I летописи, Новгородской I летописи младшего извода, Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Иногда эти тексты неоправданно называют Краткой летописной повестью ²², но они не имеют характерных признаков жанра летописной повести ²³, и поэтому следует принять традиционное название Летописный рассказ ²⁴. Любопытно, что в поле зрения исследователей краткие рассказы о Куликовской битве Белорусской I и Новгородской I летописей попали сравнительно недавно.

Наиболее ранний из дошедших до нас кратких летописных текстов о Донском побоище 1380 г. – рассказ Белорусской I летописи. Она представляет собой древнейший белорусско-литовский свод, составленный, по предположению М. Д. Приселкова, в Смоленске в 1446 г. ²⁵ Сохранилась в четырех списках последней четверти XV – первой половины XVI в. (Никифоровском, Академическом, Супральском и Слуцком). Наиболее ранние списки (Никифоровский последней

ПСРЛ. Т. 6. С. 97; ср.: Там же. Т. 8. С. 41; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 205; и др.

Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот.: Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 14, 16.

Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи. С. 34–35.

Он же. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 31.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 297–299, 303. Примеч. 17.

четверти XV в.) и Супрасльский (первая половина XVI в.) содержат почти полностью совпадающие рассказы о победе великого князя Дмитрия Ивановича над войсками темника Мамаея²⁶. Как считает А. В. Шеков, данный рассказ читался в составе т. н. Свода 1389 г. (московского летописания)²⁷.

А. В. Шекову принадлежит и обстоятельная публикация о свидетельстве Белорусской I летописи²⁸. Эта работа показала, «что из круга памятников Куликовского цикла выпало чуть ли не первое звено, предшествовавшее Рог.-Сим. рассказу Свода 1409 г. Рассказы Никифоровской (рукопись последней четверти XV в.) и Супрасльской (первая половина XVI в.) летописей следует отнести к памятникам Куликовского цикла, хотя бы только на том основании, что они являются единственными, не содержащими список князей, бояр и воевод, погибших в Куликовской битве»²⁹.

В историографической традиции, со времени А. А. Шахматова указанные летописи рассматриваются в кругу «Западнорусских и Литовских летописей»³⁰. А. К. Зайцев «отметил существование Митрополичьего свода, доведенного до 6954 (1446) г., из которого в части 6818–6896 (1310–1388) гг. происходит интересующий нас памятник Куликовского цикла. М. Д. Приселков, развивая наблюдения А. А. Шахматова, рассматривал свод, в котором с 1310 до 1385 г. текст “непрестанно сходствует с Троицкой (Симеоновской) летописью” Комментируя указанный текст, Я. С. Лурье заметил, что известия о Куликовской битве и нашествии Токтамыша в Белорусской летописи близки к Троицкой летописи».

При этом более ранний рассказ Никифоровской летописи исправнее рассказа Супрасльской летописи, в которой есть и гаплографии, и характерная для белорусской письменности замена буквы «h» буквой «e». Но в Супрасльской летописи сохранилось наименование москов-

²⁶ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 29–30, 49–50; Шеков А. В. Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи. С. 13.

Он же. Проблема времени включения ранних памятников Куликовского цикла в общерусские летописные своды // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Вып. 2. С. 23–27.

Шеков А. В. Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи. С. 13–22.

Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 38.

³⁰ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., СПб., 1938. С. 329–345.

ского князя «Дмитрий Иванович» вместо «Дмитрия Иоанновича» Никифоровской летописи.

Как отметил А. К. Зайцев, «на первый взгляд, Расск. Нкф. выглядит несколько сокращенным текстом Расск. Рог.-Сим. – с тем лишь отличием, что в нем отсутствует список погибших в Донском побоище, замещенный иным текстом. Практически все находит соответствие в Расск. Рог.-Сим. Лишь в первой строке не обнаруживается шести слов: Мамай собрал «воя многа (рати многы. – *Авт.*) всю свою силу безбожную татарскую». Однако текст первой части рассказа Нкф. (до рязанского эпизода и поражения Мамаю от Тохтамыша) находит аналогию в Московско-Академической летописи (далее: Расск. М.-Ак.), 3-я часть которой (за 1238–1419 гг.) представляла собой краткий летописец, основанный на Ростовском своде начала XV в.. Последний, по словам Я. С. Лурье, «находился в довольно сложных отношениях» с Троицкой летописью, известной нам главным образом по летописи Симеоновской. Рассказ М.-Ак. достаточно полно охарактеризован М. А. Салминой. Напомним, что Расск. М.-Ак. не имеет рязанского эпизода и эпизода, связанного с ханом Тохтамышем. Он выглядит сжатой летописной заметкой, где даже не указана дата сражения.

Исследуя и сравнивая тексты Расск. Нкф., Расск. М.-Ак. и Симеоновской летописи, А. К. Зайцев пришел к заключению, «что Расск. Нкф. содержит следы соединения, или “сшивки”, второй половины рассказа с первой. Они выражены в повторе заключительных слов первой части рассказа в части второй, т. е. в эпизодах рязанских и описании поражения Мамаю от Тохтамыша. Первая дублировка наблюдается в словах: “и утече Мамай в свою землю не в мнозе силе” и “прибег Мамай в свою землю” Дважды сообщает Расск. Нкф. и о возвращении великого князя Дмитрия Ивановича в Москву: Он “възвратися в свою отчину на Москву” и “пойде в свою землю”. Вполне очевидно, что шов проходит между фразами “...на Москву с великою победою” и “И поведаша князю великому...”».

Кроме того, в тексте есть варианты, сближающие текст второй части Расск. Нкф. с Симеоновской летописью. Как подчеркивал А. К. Зайцев, «это написание имени «Тактамышь» (дважды) и еще пять случаев. Для сравнения заметим, что в первой половине Расск. Нкф. обнаружены только два случая таких совпадений».

По мнению А. К. Зайцева, «ключевыми к определению общего протографа Расск. Нкф. и Расск. М.-Ак. являются уникальные слова Академического списка: “сеча зла, ака же не бывала в Руси”». Наблюдая значительные

сокращения в Расск. М.-Ак., мы получаем обоснование предположения о сокращении в нем слов “яко же не бысть в Руской земли николи же” Расск. Нкф., точнее – сокращении их общего протографа». Соответственно, исследователь, в противовес мнению М. А. Салминой, которая отметила эту характерную особенность Расск. М.-Ак. и, как следствие, сблизила его текст со словами «Летописной повести» «...яко от начала миру сеча такова не бывала великимь князем рускимь, яко же сему великому князю всея Руси», подчеркивает, что «структура текста не позволяет видеть здесь прямое текстуальное совпадение. Речь должна идти об общем протографе первой части Расск. Рог.-Сим. и всего Расск. М.-Ак. Более того, Расск. М.-Ак. не содержит никаких следов второй части Расск. Рог.-Сим.».

Приводя следующую цитату: «А князь великий стоял на побоищи, жая по своим, яже ту побиени быша мнози, им же не бе числа, иже дерзновение и храбрость показаша по православной вере. В них же убо беаше не мало князей руських и боляр великих много множество, христоименитых же людии без числа от острия мечем падоша. Им же буди вечная память. Богу же нашему слава, показавшему своему достоянию крепкое воеводство и победу на поганья», А. К. Зайцев обозначает главное отличие Расск. Нкф. от других летописных памятников Куликовского цикла. При этом исследователь подчеркивал, что «по месту расположения и, отчасти, по содержанию фрагмент соответствует Расск. М.-Ак. от слов: “И ту убьени быша...” до “...и инии мнози”». В тех же рамках находится и летописный помянник Расск. Рог.-Сим. Прямых текстуальных совпадений с этим рассказом не выявлено. Можно лишь отметить некоторые сближения во фрагментах: «Князь же великий... ставъ на костех», «храброваша и дръзнуша по бозе за веру», «князи русскими... и с бояры и с велможами».

А. К. Зайцев, обратив внимание на употребление в первой части рассказа Никифоровской летописи словосочетания «христоименитые людии», довольно редкого в летописании, но встречающегося в Патриарших посланиях, в новгородском владычном летописании (под 6926 (1418) г.), в творчестве Пахомия Логофета (в 3-й редакции Жития Сергия) и в посланиях киевского митрополита Киприана (Послание к Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому от 23 июня 1378 г., От иного послания о повинных 1381 г.), предположил связь протографа Расск. Нкф. с окружением митрополита Киприана³¹.

³¹ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 38–40.

Кроме того, А. К. Зайцев отметил, что «поскольку во второй части Расск. Нкф. рязанский князь Олег Иванович указан беглецом, постольку и соединение двух протографов Расск. Нкф. нельзя датировать временем позже заключения московско-рязанского договора». Исследователь приходит к аргументированному выводу, что «временем создания Расск. Нкф. следует считать период между приездом из Киева в Москву митрополита Киприана (23 мая 1381 г.) и заключением московско-рязанского договора» (2 августа 1381 г.). Соответственно, вероятное время создания памятника выпадает на июнь–июль 1381 г.³² Более широко эта ранняя датировка подтверждается тем, что в первой части рассказа Никифоровской летописи даже не упомянуто празднество Рождества Богородицы. Такое невнимание к Богородичному празднику, надо полагать, было бы вряд ли допустимым после чуда от иконы Пресвятой Богородицы Владимирской, заступившейся за Русь во время нашествия Тамерлана в 1395 г.

Сравнительно недавно в Куликовский цикл был включен и рассказ Новгородской I летописи младшего извода³³. Традиционно этот текст воспринимался как сокращение «Летописной повести о Куликовской битве»³⁴. Однако В. А. Кучкину удалось доказать, что рассказ Новгородской I летописи младшего извода или его протограф были первичны по отношению к Новгородско-Софийскому своду и послужил источником для включенной в этот свод «Летописной повести о Куликовской битве»³⁵. Время составления рассказа Новгородской I летописи младшего извода определяется достаточно уверенно по перечню князей, погибших на Дону. Сокращенный до минимума, он содержит имена только двух князей: «А на съвокупе (съступи. – *Авт.*) убиень бысть тогда князь белозерский Федоръ и сынъ его князь Иванъ»³⁶. Такой интерес новгородского книжника к белозерским князьям, по мнению А. К. Зайцева, мог возникнуть только во время правления в Новгороде сына и внука упомянутых князей Константина Ивановича Белозерского, служилого

Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 42.

ПКЦ. 1998. С. 12–14.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 163, 366; Салмина М. А. «Летописная повесть о Куликовской битве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 349–350; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. 1997. Вып. 6 (16). С. 70–71.

ПКЦ. С. 24–25.

Там же. С. 22.

князя при великом князе Василии I Дмитриевиче. Константин Иванович был в Новгороде в 1393–1397 гг., и, следовательно, по мнению ученого, именно к этому времени следует относить составление рассказа о Куликовской битве, который был помещен в Новгородской I летописи младшего извода³⁷. Учитывая то, что в этом тексте никак не обыгрывается помощь Пресвятой Богородицы русскому воинству, что было бы маловероятно после перенесения Ее чудотворного образа из Владимира на р. Клязьме в Москву, можно предположительно еще более сузить хронологические рамки для написания краткого новгородского рассказа о Куликовской битве – 1393–1395 гг.

В. А. Кучкин акцентирует внимание на том, что оба кратких летописных рассказа (Расск. Рог.-Сим. и Расск. НПЛ), уцелевшие в рукописях 40-х гг. XV в., не только являются старшими из сохранившихся летописных повествований о Донском побоище. Они также несут в себе черты, свидетельствующие о предшествующих, не дошедших до нас памятниках, где события битвы излагались подробнее. При этом в протографах обоих рассказов был по-разному использован общий летописный источник московского происхождения, предшествовавший Своду 1409 г., содержавшему Расск. Рог.-Сим.³⁸

Таким образом, основываясь на вышеобозначенных аргументах, необходимо признать, что Расск. НПЛ на 12–13 лет старше Расск. Рог.-Сим. в Своде 1409 г. Более того, как подчеркивал А. К. Зайцев, «мы получаем указание на то, что в середине 1390-х гг. существовало некое сравнительно пространное повествование о Донской битве, и уже в то время оно находилось в распоряжении владычного новгородского летописца и в сокращении было включено в его “непрерывно ведущуюся летопись”»³⁹.

Однако необходимо отметить, что к настоящему времени именно Расск. Рог.-Сим. признается «старейшей записью рассказа “о побоище на Дону”», или старейшим среди сохранившихся летописных текстов о Куликовской битве, на основе которого составлена «Летописная повесть»⁴⁰.

³⁷ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 43.

³⁸ ПКЦ. С. 15, 26–27.

³⁹ Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 43.

Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 322; Салмина М. А. «Летописная повесть о

Необходимо подчеркнуть, что в исследовательской литературе прочно утвердилось справедливое суждение о том, что рассказам Рог.-Сим. «предшествовали не дошедшие до наших дней памятники, возможно, как летописного, так и внелетописного происхождения, в которых победа на Куликовом поле и связанные с нею события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи». Статьи 1380 г. Симеоновской летописи и Рогожского летописца возводятся к тексту свода 1409 г. При этом подчеркивается, что «уже до 1409 г. существовали памятники письменности, в которых описывалась Куликовская битва»⁴¹.

М. А. Салмина отметила, что в сравнении с «Летописной повестью» Расск. Рог.-Сим. выглядит композиционно стройным произведением⁴². В то же время А. К. Зайцев считал, что исследовательница сделала ошибочный вывод о том, «что в нем нет “ни одного повторения” и “никаких следов более полного оригинала”». Однако «следы более полного протографа в Расск. Рог.-Сим. не очевидны... еще А. А. Шахматовым указаны были в этом рассказе те повторы (дублировки), которые обычно считаются классическими индикаторами присутствия в одном тексте композиции двух разных летописных источников»⁴³.

Кроме того, в сопоставлении с Рог.-Сим. рассмотренный выше текст Нкф. выглядит несколько сокращенным. По всей видимости, протографы первой и второй части этого рассказа некоторое время существовали раздельно. При этом протограф первой части не обнаруживает близость к рассказу Симеоновской летописи, во второй же части это сходство наблюдается. Вторую часть этого рассказа, особенно повествование о борьбе Мамаю и Тохтамышу, следует связывать с окружением Киприана, так как южные известия, естественно, могли быть принесены из Киева. Соединение двух текстов произошло до включения помянника (Синодика), указанного С. К. Шамбинаго⁴⁴ и практически идентичного помяннику в Расск. Рог.-Сим. и М.-Ак.

Куликовской битве» и «Задонщина». С. 364; *Она же*. Повесть о Куликовской битве летописная // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 244.

ПКЦ. С. 15.

Салмина М. А. «Летописная повесть о Куликовской» битве и «Задонщина». С. 356, 359, 360.

Подробнее см.: Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 44.

⁴¹ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 72–73.

При этом в рассказе Рог.-Сим. летописей Богородичный праздник упомянут лишь в дате битвы, но никак не осмыслена роль Богородицы в победе русского войска. Это наблюдение дает основание для предположения о том, что протограф первой части рассказа из Никифоровской летописи был написан по свежим следам событий, значительно ранее Расск. М.-Ак.

Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с А. В. Шековым и А. К. Зайцевым, считающими, что первым источником Расск. Рог.-Сим. был протограф Расск. Нкф.⁴⁵

По всей вероятности, вскоре после Куликовской битвы было создано поэтическое произведение, прославляющее победу русского оружия над полчищами Мамаея, ныне именуемое «Задонщина». В сложных, порой иносказательных образах ее автор (по некоторым предположениям, им был Софоний Рязанец⁴⁶) прославлял победу русских воинов над Мамаевой Ордой.

В качестве литературного образца автор «Задонщины» использовал «Слово о полку Игореве», подражая знаменитому шедевру древнерусской литературы. В «Задонщине» заимствования из «Слова» настолько велики, что позволяют предполагать обратную зависимость. В частности, Л. Леже еще в 1890 г. высказал гипотезу о том, что «Слово о полку Игореве» было не одним из источников, а подражанием «Задонщины»⁴⁷. Эту идею пытались развивать А. Мазон⁴⁸ и А. А. Зимин⁴⁹. Но, несмотря на все усилия, им так и не удалось доказать гипотезу о первичности «Задонщины». Сегодня можно считать несомненным обращение ее автора к «Слову»⁵⁰.

Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 42; *Шеков А. В.* Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи. С. 17, 19.

Дмитриева Р. П. Был ли Софоний Рязанец автором «Задонщины»? // ТОДРЛ. Т. 34. С. 18–25.

Leger L. Russes et Slaves: Etudes politiques et literaires. Paris, 1890. P. 93–102.

Mazon A. Le slovo d'Igor. Paris, 1940. P. 5–40.

Зимин А. А. Две редакции Задонщины // Труды МГИАИ. 1964. Т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР. С. 17–54; *Он же.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // РЛ. 1967. № 1. С. 84–104; *Он же.* Текстология Пространной Задонщины // Учен. зап. Научно-исследовательского ин-та: (История, этнография, социология) при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 91–111; *Он же.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006; и др.

Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 199–263; *Дмитриева Р. [П.], Дмитриев Л. [А.], Творогов О. [В.]* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии “Задонщины”» // РЛ. 1967. № 1. С. 105–121; *Гри-*

До наших дней дошло 6 списков «Задонщины» – в четырех из них текст передан полностью, в двух – в отрывках, сохранивших в одном случае – начало, в другом – конец этого произведения⁵¹.

Существующие списки «Задонщины» делятся на две редакции – Краткую и Пространную, – которые восходят к общему протографу, имевшему вид Пространной редакции. Краткая редакция известна в одном списке Кирилло-Белозерского монастыря, переписанном Ефросином – известным книгописцем, деятельность которого протекала в 70–90-х гг. XV в. С достаточным основанием можно считать, что Краткая редакция «Задонщины» была создана самим Ефросином⁵².

Древнейшим из указанных является список из Кирилло-Белозерского монастыря. Судя по водяным знакам и по пометам, содержащим сведения о написании отдельных частей рукописи, сборник, содержащий текст «Задонщины», был составлен в 70–80-х гг. XV в.⁵³ Однако список Ефросина краток и не имеет повествования о второй половине боя, которое содержится во всех остальных рукописях «Задонщины». Как показали результаты текстологического анализа, текст в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря был авторской редакцией Ефросина, которая получила название Краткой⁵⁴. Остальные списки относятся к более ранней Пространной редакции. Однако, несмотря на большие изменения, список «Задонщины» из Кирилло-Белозерского монастыря сохранил ряд первоначальных чтений, утраченных в других рукописях. Кроме того, текст Ефросина имеет много

горян В. М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Сопоставление текстов // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 72–91; Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992; Зализняк А. А. Слово о полку Игореве: Взгляд лингвиста. М., 2004; и др. РНБ. Собр. КБМ. № 9/1086; РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 632; ГИМ. Собр. Музейское. № 2060, 3045; Там же. Собр. Синодальное. № 790; БАН. № 1. Ч. 1.

ПКЦ. С. 88; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 130–168.

Варлаам. Описание сборника XV ст. Кирилло-Белозерского монастыря // Ученые записки II отделения АН. СПб., 1858. Кн. 5. С. 1–66; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. С. 130–168; ПКЦ. С. 88; Шibaев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29–57; Кистерев С. Н. Вопросы изучения рукописного наследия Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 460–472; и др.

Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 264–291.

общего со списком «Задонщины» из Синодального собрания, в том числе и в тех фрагментах, которые являются вторичными правками.

Время создания «Задонщины» вызывает немало вопросов. В ее тексте есть только две хронологические зацепки, позволяющие говорить о возможном времени написания «Задонщины». В первую очередь это упоминание в числе городов, до которых, по мнению автора памятника, донеслась слава князя Дмитрия, победившего Мамаю на Куликовом поле, Тырнова и Орнача (Ургенча). Оба этих города существовали до 1392 г., когда турки смогли разгромить столицу Болгарского царства (Тырново), а Тамерлан, победив Тохтамыша, уничтожил Орнач. На основании этого можно сделать относительно надежное предположение, что «Задонщина» была создана между 1380 и 1392 гг. Однако главный, но, к сожалению, не самый убедительный аргумент сторонников древности этого произведения – его публицистическая эмоциональность, относящаяся непосредственно к событиям Куликовской битвы.

Но хотя «Задонщина», вероятно, близка по времени своего создания к описываемым событиям и памятник этот неоднократно издавался⁵⁵, ее очень редко привлекают как источник для реконструкции русско-ордынского противостояния в 1380 г. Причина кроется в том, что эмоциональное и художественно-образное повествование ее автора ставит достаточно непростую задачу по извлечению из текста «Задонщины» достоверной информации.

Пространное летописное повествование о победе князя Дмитрия над Мамаем получило в научной литературе название «Летописной повести о Куликовской битве». Повесть эта дошла до нас в составе нескольких летописей, наиболее ранними из которых можно считать Софийскую I, Новгородскую IV и Новгородскую Карамзинскую⁵⁶.

⁵⁵ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 535–548; Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 380–397, 747–750; ПКЦ. С. 88–133; Франчук В. Ю. Отклики «Задонщины» в песнях, записанных от Ричарда Джемса // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 26–32.

Обзор дореволюционной литературы, посвященной «Летописной повести о Куликовской битве», см. в кн.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 1–83; Библиографию более поздних работ советских и иностранных авторов о «Летописной повести» подробнее см.: Куликовская битва 1380 г.: Указатель литературы // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 289–318; Поле русской славы. 600-летие Куликовской битвы: Указатель литературы. Тула, 1980; Из публикаций текстов летописных повестей о Куликовской битве и литературы о них, не вошедших в эти библиографии, укажем следующие: Маштафаров А. В. Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы. С. 35–39; На поле Куликовом. Рассказы русских летописей и воинские повести XIII–XV вв. Переводы с древнерусского. М., 1980. С. 133–152 (перевод Л. А. Дмитриева); Дмитриев Л. А. Куликовская бит-

«Повесть» читалась уже в протографе указанных летописей, появление которого А. А. Шахматов первоначально относил к 1448 г.⁵⁷, а затем к 1430-м гг. и т. н. «Владимирскому Полихрону 1423 г.»⁵⁸.

По предположению Я. С. Лурье, общий протограф, на который опирались Софийская I и Новгородская IV летописи, представлял собой общерусский (митрополичий) свод, соединявший «общерусское летописание (близкое к Летописи Троицкой), новгородское, суздальско-ростовское (частично сходное с Летописью Московско-Академической), южно-русское (частично совпадающее с Летописью Ипатьевской), псковское и тверское»⁵⁹. Общий текст Софийской I и Новгородской IV (далее – СИ-НIV) летописей доходит до 1418 г. Я. С. Лурье отмечает, что свод «этот был летописью, составленной в период значительного ослабления московских великих князей в результате феодальной войны 30–40-х гг. и занимавшей относительно нейтральную позицию в междукняжеских спорах, которые сводчик решительно осуждал, призывая к национальному объединению и борьбе с “погаными”»⁶⁰.

Опираясь на это мнение, М. А. Салмина датирует памятник концом 40-х гг. XV в. и отмечает, что «Повесть» составлена на основе краткого рассказа «О побоище иже на Дону». Однако, в «отличие от краткого рассказа... повесть обладает всеми чертами литературного повествования: событийная канва в ней дополнена новыми сюжетными линиями, шире использованы этикетные формулы, речи героев насыщены риторическими фигурами, изложение повышено эмоционально (особенно в изображении отрицательных героев)». Также исследователь подчеркивает, что «Повесть – произведение публицистическое, направленное в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства»⁶¹.

ва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 15–19; Краткая «Летописная повесть» о Куликовской битве. Пространная «Летописная повесть» о Куликовской битве // Поле Куликово. Сказания о битве на Дону. М., 1980. С. 51–104 (подготовка древнерусского текста и перевод Л. А. Дмитриева); *Дмитриев Л. А.* Куликовская битва в памятниках литературы Древней Руси // Там же. С. 227–228.

Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 654–655.

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 115, 123.

Лурье Я. С. Летопись Новгородская IV // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 51–52; *Он же.* Летопись Софийская I // Там же. С. 57–60.

Лурье Я. С. Летопись Софийская I. С. 59.

Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 244–246; *Она же.* «Летописная повесть о Куликовской

По наблюдениям А. Г. Боброва, протограф Софийской I и Новгородской IV летописей был составлен в 1418 г. при дворе митрополита Фотия, возможно Епифанием Премудрым⁶².

Однако А. К. Зайцев связал написание «Летописной повести» не со временем создания протографа летописного свода Софийской I и Новгородской IV, а с событиями 1385 г. Кроме того, исследователь привел ряд аргументов в подтверждение точки зрения А. В. Маркова, который отнес создание памятника ко времени жизни рязанского великого князя Олега Ивановича († 1402)⁶³. Такого же мнения придерживался М. Н. Тихомиров. Он заметил, что в «Летописной повести» об Олеге Рязанском говорится как о живом и еще опасном противнике⁶⁴. Тем не менее А. К. Зайцев считал, что все приводимые точки зрения на время составления «Летописной повести» представляются на данный момент гипотетическими⁶⁵. Можно лишь констатировать, что «Повесть» была создана не позднее первой четверти XV в.

Самое подробное, красочное и насыщенное яркими деталями описание Куликовской битвы содержится в «Сказании о Мамаевом побоище». Эта воинская повесть стала одним из популярнейших произведений древнерусской литературы. В настоящее время «Сказание о Мамаевом побоище» известно более чем в 160 списках⁶⁶, причем количество рукописей, содержащих его текст, постоянно увеличивается⁶⁷. Поскольку данный источник не был ни агиографическим, ни летописным памятником, его текст книжники легко подвергали правкам и изменениям при последующем переписывании. Вследствие

битве» и «Задонщина». С. 355–356; Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 42.

Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 6–11, 19–20.

⁶³ Марков А. В. Рецензия на диссертацию С. [К.] Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // ЖМНП. 1908. Ч. 14. № 4. С. 435.

⁶⁴ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. С. 346.

⁶⁵ Подробнее см.: Зайцев А. К. Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону». С. 53–56.

⁶⁶ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 481–509; Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Дисс. ... канд. ист. наук. М.; Вильнюс, 1971; Он же. Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА // Сов. архивы. 1970. № 6. С. 104–105; Дмитриев Л. А. «Сказание о Мамаевом побоище» // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 371–384.

См., например, публикацию одного из ее поздних списков в ст.: Зиборов В. К. Поздний список повести о Мамаевом побоище // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 69–95.

этого списки «Сказания» имеют множество разночтений и на сегодня распределяются по восьми редакциям⁶⁸.

Наиболее ранними редакциями этого памятника древнерусской книжности являются Основная, Летописная, Киприановская и Распространенная. Еще четыре редакции были составлены позднее – в XVII в. Это редакции из Летописца князя И. Ф. Хворостинина, Синописа, «Книги о побоище Мамае», а также соединение текста Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и Синописа.

Наиболее близкой к протографу считается Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище». Она сохранилась в нескольких вариантах. В настоящее время известны Основной, Печатный, Забелинский и Ермолаевский варианты и варианты В. М. Ундольского и Михайловского.

Вариант В. М. Ундольского Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» назван по фамилии своего владельца. Это древнейший список редакции⁶⁹. От текстов Основного и Печатного вариантов он отличается тем, что в нем дополнительно повествуется о возвращении русского войска с Куликова поля. Данное окончание было приписано к тексту позднее. Помимо того что сам рассказ о пути победителей в Москву является повторением в обратном порядке рассказа об их походе к р. Дон, в тексте сохранились такие обороты, которые никак не подходят описанию возвращения войска с поля брани. Этот фрагмент текста нарушает композицию «Сказания о Мамаевом побоище». Без него повествование полностью соответствует плану «Задонщины» – одного из главных источников «Сказания о Мамаевом побоище»⁷⁰. В этом варианте Основной редакции есть и другие специфические черты: сообщения о принятии решения об отпращивании первой сторожи в поле на пиру у М. В. Вельяминова, плач

⁶⁸ *Дмитриев Л. А.* Литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406–448; *Он же.* Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». С. 449–480; Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 336–338; «Сказание о Мамаевом побоище» // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 372–373; и др.

РГБ. Ф. 310. № 578. Текст публиковался неоднократно, см., например, в книгах: *Шамбинаго С. К.* Сказание о Мамаевом побоище // Сборник Общества любителей древней письменности. СПб., 1907. Вып. 125. С. 13–55; ПКЦ. С. 137–194. Рукопись принадлежала известному постриженнику Иосифо-Волоколамского монастыря князю-иноку Дионисию Звенигородскому. Данный список датируется концом 20-х – началом 30-х гг. XVI в. (*Кузьмин А. В.* Дионисий Лупа Звенигородский. С. 289–291).

ПКЦ. С. 195; *Дмитриев Л. А.* Сказание о Мамаевом побоище // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 373; *Он же.* К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». С. 421.

великой княгини Евдокии Дмитриевны, количестве потерь русских войск на р. Калке.

По мнению Б. М. Клосса, вариант В. М. Ундольского является авторской переработкой Основного варианта Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»⁷¹. Он получил большое распространение, был включен в Никоновскую летопись и использовался при создании целой группы лицевых (иллюстрированных) списков памятника.

Именно вариант В. М. Ундольского стал основой текста Забелинского варианта Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», а также лег в основу Распространенной редакции этого памятника Куликовского цикла⁷².

Печатный вариант Основной редакции был назван так С. К. Шамбинаго потому, что одна из первых публикаций этого памятника была осуществлена именно в этом варианте⁷³. Его отличительной чертой являются многочисленные вставки из «Задонщины» и реплика, прославляющая Москву как главный город Руси, которая завершала слова о добыче, взятой на Куликовом поле⁷⁴.

Ермолаевский вид Основной редакции был назван по Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи⁷⁵, в которой представлен этот вид «Сказания о Мамаевом побоище». Именно этот список, переписанный в конце XVII – начале XVIII в., а не более ранние списки Яроцкого⁷⁶ и Уварова⁷⁷, дает название этому варианту Основной редакции. Причина данного решения кроется в том, что в сочетании с другим памятником древнерусской исторической мысли – Ипатьевской летописью – «Сказание о Мамаевом побоище» полностью встречается только в Ермолаевском списке. Данный вариант источника восходит к более раннему ее виду, нежели дошедшие до нас варианты Основной редакции. Однако и в Ермолаевском виде есть много позднейших сокращений и искажений. Ясно, что этот вид Основной редакции «Сказания» сложился не позднее 1651 г.⁷⁸

⁷¹ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 2. С. 333–348.

⁷² ПКЦ. С. 134–136, 195.

⁷³ Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3. Кн. 1. С. 1–68.

⁷⁴ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 373.

⁷⁵ РНБ. Ф. IV. № 231.

⁷⁶ БАН. 21.3.14 (1651 г.).

⁷⁷ ГИМ. Собр. Уварова. № 809 (конец XVII в.). Александрия, Сказание, Повесть о приходе Стефана Батория под Псков.

⁷⁸ ПКЦ. С. 224.

Забелинский вариант Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» назван так по списку, происходящему из собрания известного русского историка и археолога И. Е. Забелина⁷⁹. Он отличается от других списков источника тем, что заглавие и начало его текста заимствованы из «Летописной повести о Куликовской битве», а в его середину была сделана механическая вставка из «Сказания о Мамаевом побоище» в редакции Синописиса. Кроме того, в Забелинский вариант были включены новые самостоятельные эпизоды о том, как в Москве узнали о нашествии Мамаю, о братьях князьях Андрее и Дмитрие Ольгердовичах и о «самовидцах», видевших великого князя Дмитрия во время боя. Использование текста Синописиса позволяет датировать данный вариант «Сказания» не ранее 1681 г.

До нас дошел еще один вариант Основной редакции – вариант Михайловского. Он был назван так по основному своему списку из собрания Михайловского⁸⁰ и отличается последовательным сокращением церковно-риторических пассажей, риторических авторских отступлений, молитв, а также дополнительными подробностями, придающими повествованию большую сюжетность.

Однако предложенная классификация вариантов Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» не является окончательной. Ряд списков в них отличается индивидуальными особенностями или имеет черты, позволяющие его отнести сразу к нескольким вариантам Основной редакции, являющейся наиболее ранней среди других редакций этого памятника Куликовского цикла.

Следующей по старшинству идет Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище». Ее отличительной чертой является подчеркивание, вопреки историческим фактам, роли митрополита Киприана в событиях 1380 г. Именно в силу этого обстоятельства она и получила название Киприановской. Данная редакция «Сказания» носит особенно ярко выраженный церковный характер⁸¹. Поскольку она была включена в Никоновскую летопись, созданную по повелению митрополита Даниила Рязанца между 1526–1530 гг.⁸², то и перера-

ГИМ. Собр. И. Е. Забелина № 261 (Новгородская Забелинская летопись).

ГПБ. Собр. Михайловского. Q. 509. (XVIII в.); «Сказание о Мамаевом побоище» в варианте Михайловского Основной редакции было опубликовано по списку: РНБ. Собр. М. П. Погодина № 1595 в книге: «Русские повести XV–XVI вв.» (М.; Л., 1958). С. 16–38.

Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 374.

⁸²

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв.

ботка текста «Сказания» может быть связана с этим предстоятелем Русской церкви и отнесена ко времени создания летописи. В основу данной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» была положена его Основная редакция в варианте В. М. Ундольского. Редактор сократил текст Основной редакции «Сказания», но дополнил повествование большим рассказом о поставлении Киприана митрополитом Киевским и всея Руси. Создатель Киприановской редакции широко использовал «Летописную повесть о Куликовской битве». В текст «Сказания» были внесены ряд уникальных известий, о которых ничего не говорится в других памятниках Куликовского цикла. По мнению Л. А. Дмитриева, эти сведения, видимо, происходят из не дошедших до нас источников, использованных митрополитом Даниилом при составлении этой новой редакции «Сказания о Мамаевом побоище»⁸³. В Киприановской редакции источника союзником Мамаю в соответствии с исторической реальностью назван не «король» Ольгерд, а литовский великий князь Ягайло.

С включением в состав летописей связано и создание Летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Эта редакция была названа так, потому что вошла в состав трех списков Вологодско-Пермской летописи. Обычно ее датируют концом XV – началом XVI в., поскольку к этому времени относится составление Вологодско-Пермской летописи⁸⁴. В ее первоначальную редакцию, по мнению Л. А. Дмитриева, было включено «Сказание о Мамаевом побоище», подвергнутое для этого специальной переделке⁸⁵. Однако, как показал Б. М. Клосс, этот источник был включен только в Лондонский список Вологодско-Пермской летописи первой редакции. Он попал на его страницы среди дополнительных статей. Между тем «Сказание о Мамаевом побоище» нет, например, в списке Беловского. Сам же Лондонский список достаточно поздний. Он датируется второй половиной XVI в.

«Сказание о Мамаевом побоище» отсутствует и во второй редакции Вологодско-Пермской летописи (20-е гг. XVI в.). Оно появляется в основном тексте Вологодско-Пермской летописи только в ее третьей редакции, составленной в 30-х гг. XVI в.⁸⁶ Следовательно, не ранее

⁸³ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 374.

⁸⁴ Лурье Я. С. Летопись Вологодско-Пермская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 37–39.

⁸⁵ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 374.

⁸⁶ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 2. С. 333–334. ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 12–145.

этого времени «Сказание о Мамаевом побоище» было переработано для включения в летопись. Исходным материалом для этой переработки послужил Основной вариант Основной редакции памятника⁸⁷. В Летописной редакции союзником темника Мамаю также был верно назван литовский великий князь Ягайло.

Распространенная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» является наиболее объемной за счет включения в нее новых эпизодов и введения новых подробностей в уже имеющиеся эпизоды⁸⁸. Наиболее яркими дополнениями стали рассказы о посольстве Захария Тютчева и новгородцах, а также связанные с ним вставки в рассказ об устройении полков под Коломной, речь советников великого князя Олега Рязанского и вставки в «Послание от игумена Сергия». Скорее всего, в основу этих новых фрагментов легли устные предания и представления автора о том, как должны были протекать события того времени.

Остальные редакции возникли гораздо позднее и датируются концом XVI–XVII в. Эти редакции не добавляют новых сведений о событиях 1380 г., а являются попыткой их нового художественного осмысления в эпоху расцвета Московского царства. Поэтому их следует рассматривать не как источник по истории Куликовской битвы, а как отражение русско-ордынского противостояния в памяти русского народа.

«Сказание о Мамаевом побоище» вызывает много вопросов о времени своего создания и происхождении сообщаемых им сведений.

Начало научному анализу «Сказания о Мамаевом побоище» положил С. К. Шамбинаго. Он дал обзор исследований предшественников и учел все доступные ему рукописи, содержащие текст памятника⁸⁹. Исследователю удалось выявить редакции «Сказания»: Основную (третья по его классификации), Летописную (вторая), Киприановскую (первая) в Никоновской летописи, Распространенную (четвертая).

В рецензии на исследование С. К. Шамбинаго А. А. Шахматов высказал предположение, что в основе «Сказания о Мамаевом побоище» лежит тот же текст, который был использован для создания

⁸⁷ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 374.

⁸⁸ РГБ. Ф. 299. № 337; Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 3–190; РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1414 (начало XVII в.).

⁸⁹ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище.

«Задонщины». Исследователь назвал его «Слово о Мамаевом побоище». Этот общий для обоих произведений источник, по мнению ученого, был создан в конце XIV в., причем А. А. Шахматов предполагал, что «Сказание о Мамаевом побоище» в большей своей части основано именно на этом несохранившемся памятнике и передает его текст полнее, чем «Задонщина»⁹⁰. Автор предполагаемого им «Слова о Мамаевом побоище», по мнению исследователя, был связан с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, что предопределило выделение роли удельного князя в Куликовской битве.

Целый ряд работ по текстологии «Сказания о Мамаевом побоище» написал Л. А. Дмитриев⁹¹. Он произвел новый обзор списков памятника, пересмотрел классификацию редакций и уточнил их соотношение между собой. Ученый доказал, что первоначальной редакцией этого произведения была не та, которая читается в летописях, а иная, в которой, вопреки хронологии, союзником Мамаю выступает не литовский князь Ягайло, а его отец Ольгерд. Л. А. Дмитриев назвал ее Основной редакцией. Наличие путаницы в вопросе о том, кто занимал престол в ВКЛ уже в протографе памятника, безусловно, свидетельствует об его относительно позднем происхождении. Однако в обобщающем исследовании Л. А. Дмитриев, сохраняя осторожность в своих суждениях, отметил, что верхней границей создания памятника является рубеж XV–XVI вв., но наиболее вероятным временем его написания следует считать первую четверть XV в.⁹² Ученый обращал внимание своих читателей на особую значимость источников, легших в основу «Сказания». По его мнению, в большинстве подробностей и деталей, не имеющих соответствий в других источниках, перед нами не поздние домыслы, а достоверные факты, взятые из не дошедших до нас текстов⁹³.

Л. В. Черепнин, основываясь на том, что в «Сказании о Мамаевом побоище» фигура князя Владимира Андреевича Серпуховского фактически стала отодвигать на второй план фигуру великого князя

⁹⁰ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. С. 181.

Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1954. Т. 10. С. 185–199; Он же. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. С. 406–435; Он же. История памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 333.

Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 371–384.

Дмитриев Л. А. Куликовская битва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси. С. 19–29.

Дмитрия Ивановича, высказал предположение о рязанском или тверском происхождении этого произведения⁹⁴.

Развивая наблюдения Л. А. Дмитриева над анахронизмами «Сказания о Мамаевом побоище», М. Н. Тихомиров обратил внимание на «явные несообразности» в этом памятнике. Эти противоречия он объяснял сводным характером «Сказания», испытавшего на себе влияние «с одной стороны, поэтического произведения, подобного “Задонщине”, с другой – текста со множеством церковных вставок». По его мнению, «Сказание» было не только поздним, но и весьма тенденциозным памятником. Оно прославляло князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, Владимира Андреевича Серпуховского, а московского великого князя Дмитрия Ивановича изображало «почти трусом». М. Н. Тихомиров считал, что «это – сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием».

Не признал М. Н. Тихомиров исторически достоверными и содержащиеся в «Сказании» описание ночного гадания Дмитрия Донского и Дмитрия Волынского (русские переправились через Дон в день битвы, и «вряд ли была эта поэтическая ночь перед битвой») и рассказ об обнаружении великого князя вдали от поля боя, где его нашли воины, посланные князем Владимиром Андреевичем. «Эта легенда, при всей ее несообразности, прочно утвердилась в исторической литературе, – писал Тихомиров. – Между тем она представляет своего рода памфлет, направленный против великого князя и, вероятно, возникший в кругах, близких к Владимиру Андреевичу Серпуховскому»⁹⁵.

М. А. Салмина отнесла «Сказание о Мамаевом побоище» к концу XV в.⁹⁶, а В. С. Мингалев датировал это произведение еще более поздним временем – первой третью XVI в.⁹⁷

В 1980 г. В. А. Кучкин в своей статье, посвященной победе на Куликовом поле, обратил внимание на то, что ворота Московского Кремля, через которые проходили русские воины, отправлявшиеся против Мамаю, названы в «Сказании о Мамаевом побоище» Константино-Еленовскими. Такое имя они получили лишь в конце XV в. До этого они именовались Тимофеевскими и последний раз упомянуты в

⁹⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 619.

Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // ВИ. 1955. № 8. С. 15, 23.

Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 98–124.

Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники.

летописях под этим именем в рассказе о пожаре 1475 г.⁹⁸ А уже под 1491 г. эти же ворота, расположенные между Фроловскими (Спасскими) воротами и Москвой-рекой, в тех же летописях названы Константино-Еленскими⁹⁹. Одновременно оба этих названия никогда не употреблялись. Очевидно, что изменение названия башни произошло после строительства новых стен Кремля¹⁰⁰. Эти работы протекали в 1485–1516 гг., а Тимофеевские ворота были заменены новыми в 1490 г.¹⁰¹ Кроме того, В. А. Кучкин обратил внимание на то, что в источнике среди участников битвы названы андомские (андожские) князья, которые появились только в 20-х гг. XV в., Успенский собор во Владимире назван «Вселенской церковью» (что указывает, очевидно, на время после падения константинопольской Софии в 1453 г.). Исходя из всего сказанного, исследователь сделал вывод о составлении «Сказания о Мамаевом побоище» не ранее конца 80–90-х гг. XV в.¹⁰²

Однако, доказывая позднее происхождение «Сказания о Мамаевом побоище», В. А. Кучкин высказал мысль, что «некоторые детали» в рассказе этого памятника совпадают с известиями «Задонщины» и «Летописной повести о Куликовской битве» и поэтому «заслуживают доверия»¹⁰³. Он не уточняет этого замечания, но, очевидно, имеет в виду дополнение к основному тексту в списке «Задонщины» XVI в. (ГИМ. Музейское собр. № 3045), где речь идет о засадном полке: «с правых руки на поганого Мамаю со своим князем Волынским 70-ю тысящами»¹⁰⁴. Однако Р. П. Дмитриева и А. А. Зимин с достаточным основанием признали это место в данном списке «Задонщины» вставкой, заимствованной из «Сказания о Мамаевом побоище»¹⁰⁵.

Очень сложно решается вопрос о достоверности тех подробностей, которые приводятся в «Сказании о Мамаевом побоище». Так, например, Р. Г. Скрынников обратил внимание на то, что о нашествии Мамаю в Троице-Сергиевой монастыре узнали лишь в сентябре, что,

⁹⁸ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 181; Т. 25. С. 304; М., 1965. Т. 12. С. 158.

⁹⁹ Там же. Т. 8. С. 219; Т. 25. С. 331; Т. 12. С. 228.

¹⁰⁰ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 7.

¹⁰¹ Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1983. С. 300.

¹⁰² Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 7.

¹⁰³ Там же. С. 11–12.

¹⁰⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 539, 544, 546, 554.

Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». С. 206–207; Задонщина: Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве. Тула, 1980. С. 117.

естественно, ставит под сомнение достоверность легенды о благословении Сергием Радонежским великого князя Дмитрия Ивановича. Исследователь считал, что памятник во всех дошедших до нас вариантах относится к концу XV в. и что эпизод, где Киприан благословляет воинов, отправлявшихся на битву с Мамаем, «недостоверен от начала до конца». Исследователь отмечает «грубейшую ошибку» в «Сказании о Мамаевом побоище»: жена Владимира Андреевича Серпуховского Елена названа Марией и «снохой» жены Дмитрия Донского. К числу других несообразностей источника Р. Г. Скрынников отнес эпизод с переодеванием великого князя Дмитрия Ивановича и его боярина Михаила Бренка. «Сказание о Мамаевом побоище», по его мнению, тенденциозно преувеличивало роль Владимира Андреевича и его полка в исходе сражения¹⁰⁶.

Опираясь на анализ «основных идейных тенденций», Р. Г. Скрынников, высказал предположение, что в основе «Сказания о Мамаевом побоище» лежит более древнее повествование, составленное приверженцами князя Владимира Серпуховского¹⁰⁷. Именно этому удельному князю древнерусский книжник приписывает победу над Мамаем. Памятник сообщает о посещении великим князем Дмитрием Троице-Сергиева монастыря вскоре после получения известия о появлении сил Мамаея у границ Руси и о том, что преподобный Сергей сразу же призывал Дмитрия Московского на бой: «Поиде, господине, на поганья половцы», и послал в поход двух своих иноков. Р. Г. Скрынников увидел в этом внимании автора к Троицкой обители и стремлении подчеркнуть роль ее основателя в подготовке к Куликовской битве ту же попытку возвеличить серпуховского князя, в чьих землях располагался Троицкий монастырь. Кроме того, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», вместе с Дмитрием Ивановичем к преподобному Сергию прибыли князь Владимир Андреевич и «все князи русские», что опять же, по мнению ученого, возвеличивало серпуховского князя. Р. Г. Скрынников видел в этом развитие той же идеи особой любви князя Владимира Андреевича к игумену своего удельного монастыря, которая отмечалась в первом опыте летописной работы троицких монахов – семейном летописце серпуховского князя. Похвала в честь

Скрынников Р. Г. Куликовская битва // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 57–62, 67–68.

Там же. С. 60–61; *Он же*. Где и когда было составлено «Сказание о Мамаевом побоище?» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 210–215.

удельного князя Владимира Андреевича никак не могла быть сложена после середины XV в., поскольку к этому времени его удельное княжество было ликвидировано. Троице-Сергиева обитель сменила ктитора и перешла под покровительство московского великого князя Василия II Васильевича Темного.

Исключительное значение для датировки и атрибуции «Сказания о Мамаевом побоище», по мнению Р. Г. Скрынникова, имеет упоминание в тексте памятника имен бояр Всеволожей. Их дети и внуки добились большого успеха при великом князе Василии II Васильевиче Темном. В силу своих родственных связей с князем Андреем Радонежским, сыном Владимира Андреевича Храброго, боярин Иван Дмитриевич Всеволож опекал удел, в котором располагался Троице-Сергиев монастырь. Упоминание о княжеском происхождении Дмитрия и Владимира Всеволожей и об их особых заслугах на Куликовом поле, как думает Р. Г. Скрынников, возникло в момент наивысшего могущества рода Всеволожей, то есть до 1433 г., когда боярин Иван Дмитриевич попал в опалу.

О возникновении «Сказания о Мамаевом побоище» не ранее конца первой трети XV в. свидетельствуют и ссылки автора на рассказы очевидцев: «Се же слышахом от вернаго самовидца, иже бе от польку Владимира Андреевича»¹⁰⁸. Об использовании воспоминаний дружинника серпуховского князя свидетельствует и сам характер описания битвы. Данный источник не знает подробностей напряженного фронтального столкновения русских и ордынских воинов, но много внимания уделяет заключительной атаке засадного полка, возглавляемого Владимиром Андреевичем. При перечислении воевод в русских полках автор «Сказания о Мамаевом побоище» называл одного-двух, очень редко – трех воевод, а в полку Владимира Андреевича он привел имена пяти воевод. Такое внимание к полку серпуховского князя должно объясняться характером сведений, которыми обладал «самвидец». В итоге Р. Г. Скрынников пришел к заключению, что «в основе своей памятник был составлен в Троице-Сергиевом монастыре в первой трети XV в., а свое же окончательное литературное оформление получило много позже», в конце XV в.¹⁰⁹

Исследования А. Е. Петрова показали, что в «тексте “Сказания...”» обнаружены следы первых разрядных документов и “Повести о

¹⁰⁸ Повести о Куликовской битве. С. 70.

¹⁰⁹ Скрынников Р. Г. Куликовская битва. С. 60–62.

походе Ивана III на Новгород в 1471 г.»¹¹⁰, а также тот факт, что «Сербская Александрия русской редакции оказала существенное влияние на текст “Сказания о Мамаевом побоище”». Это влияние отмечается в тех фрагментах, которые присутствуют во всех основных вариантах «Сказания», а значит, восходят к первоначальному тексту повести»¹¹¹. Особо исследователем рассмотрен литургический контекст «Сказания», который позволяет «глубже осознать механизм и практику появления в тексте средневекового памятника целого ряда очевидных несообразностей и ошибок, а также некоторых сообщений, традиционно воспринимаемых в качестве достоверных исторических фактов...»¹¹². Солидаризируясь со словами И. В. Поздеевой о том, что «...не только вся сумма христианских догм, но и положения официальной идеологии, вырабатываемые в узком кругу церковных и светских верхов русского общества, доводились до народа в основном во время богослужения – т.е. через литургические тексты»¹¹³, А. Е. Петров высказывает важное наблюдение: «Существует и другая сторона этой проблемы: когда литургический контекст, а именно – обращение к традициям православного богослужения, глубоко укоренившимся в образе мыслей и жизненном укладе людей, принадлежащих к самым различным социальным, имущественным и образовательным слоям русского общества, на фоне которого разворачивается действие “слова” или “повести”, – позволяет автору донести до сведения достаточно широкого круга читателей и слушателей те основные идеи произведения в доступной и понятной форме»¹¹⁴.

Анализ источников заимствований в «Сказании о Мамаевом побоище» приводят А. Е. Петрова к следующим выводам. Во-первых, «на рубеже XV–XVI вв. и “Сказание” и “Александрия” составляли единый лицевой сборник»¹¹⁵, а «тексты богослужебных вставок несут в себе

¹¹⁰ Подробнее см.: *Петров А. Е.* «Сказание о Мамаевом побоище» и становление разрядного делопроизводства // *Источниковедение, краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения С. О. Шмидта ИАИ. М., 2000. С. 99–106.*

Подробнее см.: *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // *ДРВМ. 2005. № 2 (20). С. 54–64.*

Подробнее см.: *Петров А. Е.* Литургический контекст «Сказание о Мамаевом побоище» // *Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь член-корр. С. М. Каштанова. М., 2005. С. 243–255.*

Поздеева И. В. Русские литургические тексты как источник изучения русской государственной идеологии XVII в. // *Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 25.*

¹¹⁴ *Петров А. Е.* Литургический контекст... С. 244–245.

¹¹⁵ *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». С. 64.

отпечаток норм Иерусалимского устава, распространение которого, как известно, связано с деятельностью митрополита Киприана и его последователей». Данные наблюдения позволяют «рассматривать “Сказание о Мамаевом побоище” в комплексе с другими памятниками публицистики и идейной мысли второй половины XV – начала XVI ст.»¹¹⁶. Во-вторых, есть основания полагать, что «первоначальный вариант “Сказания”, восстанавливаемый из различных вариантов Основной редакции, создавался не частями, в разное время, а сразу, в одном месте, с использованием знакомых автору исторических повестей и документов. Эти повести и документы отразились с анахронизмами, где перед нами предстает наслаение одного пласта исторического сознания на другой»¹¹⁷.

Основываясь на совпадениях текста памятника с текстами Софийской I летописи старшего извода, летописных сводов 1477 и 1479 гг., Б. М. Клосс предположил, что автор «Сказания о Мамаевом побоище» опирался на построенную из этих компонентов общерусскую основу Вологодско-Пермской летописи или, более вероятно, на бытовавшие в русской книжности выборки из указанной общерусской основы Вологодско-Пермской летописи. Предположение об использовании в «Сказании» именно выборки из летописного источника позволяет объяснить ошибки в имени и титуле коломенского епископа, благословившего Дмитрия Ивановича и русских князей на сражение (что было следствием путаницы в приурочении недатированного известия), а также в имени литовского великого князя (в силу своего выборочного характера летописный источник «Сказания о Мамаевом побоище» мог не содержать известия о смерти Ольгерда в 1377 г., поэтому составитель посчитал, что Ольгерд был жив в 1380 г., и вставил его имя в свое повествование).

Поскольку общерусская основа Вологодско-Пермской летописи сложилась в конце XV в. при дворе сарайского и подонского епископа, можно предполагать, что ранее этого времени памятник не мог быть создан.

Кроме того, развивая наблюдения А. Н. Насонова и С. Б. Веселовского, Б. М. Клосс полагает, что «уточнить датировку “Сказания о Мамаевом побоище” помогает одно место в его тексте, где по существу делается попытка прославить род Сабуровых». Как полагает иссле-

¹¹⁶ Петров А. Е. Литургический контекст... С. 255.

¹¹⁷ Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище». С. 64.

дователь, идеи прославления рода Сабуровых могли реализоваться «только после 1505 г., когда Василий III женился на Соломонии Сабуровой и, тем самым, Сабуровы породнились с великокняжеской семьей. Этот брак был расторгнут в 1525 г., а Соломония пострижена в монахини». Соответственно, Б. М. Клосс делает вывод, что «Сказание о Мамаевом побоище» «могло быть создано только в промежутке между 1505 и 1525 г.»¹¹⁸.

Далее, анализируя текст памятника, Б. М. Клосс приходит к выводу, что автором произведения был «Митрофан, епископ Коломенский (1507–1518), до этого являвшийся архимандритом Московского Андроникова монастыря и великокняжеским духовником»¹¹⁹. Кроме того, Б. М. Клосс предлагает датировать составление «Сказания о Мамаевом побоище» точно 1521 г.¹²⁰ Исследователь делает вполне правомерное заключение о том, что этот источник органично включается в круг других памятников письменности, в которых утверждалось мировое значение Русского государства. В связи с этим нельзя не провести параллели с одновременным (в 1522 г.!) высказыванием автора Русского хронографа Досифея (Топоркова)¹²¹ о том, что все благочестивые христианские царства пали, а Российская земля «младет и возвышается»¹²².

Таким образом, создание первоначальной редакции памятника, несомненно, относится к концу XV – началу XVI в.

Еще одним источником, содержащим сведения по истории Куликовской битвы, является «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского»¹²³.

С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов считали, что «Слово» было написано в конце XIV в. По мнению А. В. Соловьева, памятник был составлен до 1418 г.¹²⁴ В. П. Адрианова-Перетц сочла возможным допустить, что его создание относится к первой четверти XV в. или даже

¹¹⁸ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 2. С. 341.

¹¹⁹ Подробнее см.: Там же. С. 343.

¹²⁰ Там же. С. 344–345.

Подробнее о нем см.: Кузьмин А. А., Турилов А. А. Досифей (Топорков) // ПЭ. 2007. Т. 16. С. 68–70.

Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 2. С. 345–346.

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // БЛДР. 2000. Т. 6. С. 206–226.

Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русского...» // ТОДРЛ. Т. 17. 1961. С. 85–106.

к более позднему времени – как отклик на междукняжескую борьбу 30–40-х гг. XV в. М. Ф. Антонова и М. А. Салмина также были склонны датировать этот памятник древнерусской книжности второй половиной XV в. Однако со временем М. А. Салмина пришла к парадоксальному выводу, что более вероятным временем составления памятника является XVI в.¹²⁵, хотя он известен в списках конца XV в.!

Рассказ о борьбе великого князя Дмитрия с темником Мамаем занимает в этом произведении достаточно много места, составляя пятую часть всего текста.

Одним из маркеров для определения времени создания памятника можно было бы считать упоминание в «Слове «святого Петра, новаго чудотворца и заступника Руския земля»¹²⁶. Дело в том, что именно «новым чудотворцем» митрополит Петр назван в Пространной редакции «Жития Петра»¹²⁷, созданной митрополитом Киприаном, по обоснованному мнению Б. М. Клосса, около 1395 г.¹²⁸ Надо полагать, что упомянутая сентенция не могла появиться в литературных памятниках ранее ее официального утверждения в «Житии Петра».

Поэтому можно с большой вероятностью утверждать, что данное произведение, скорее всего, было создано не сразу после смерти Дмитрия Донского. Однако оно, безусловно, вышло из-под пера очень осведомленного автора.

Другим памятником, сохранившим отголоски противостояния великого князя Дмитрия Ивановича и темника Мамаея, является «Житие Сергия Радонежского», написанное в 1417–1418 гг. Епифанием Премудрым и позднее, вероятно около 1448–1449 гг.¹²⁹, переработанное Пахомием Логофетом¹³⁰.

В «Житии» рассказ о столкновении Руси и Орды помещен в главе «О победе еже на Мамаа и о монастыре, иже на Дубенке». Для книжников, трудившихся над этим текстом, было важно показать пророческий дар святого и его способность своею молитвой помогать

¹²⁵ Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 405.

¹²⁶ Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. С. 210.

¹²⁷ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 2. С. 45, 47.

¹²⁸ Там же. С. 32–34.

¹²⁹ Дробленкова Н. Ф. Житие Сергия Радонежского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 330–331.

¹³⁰ Зубов П. В. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб // ТОДРЛ. 1953. Т. 9. С. 145–146; Мюллер Л. [Л.] Особая редакция Жития Сергия Радонежского // ЗОР [ГБЛ]. 1973. Вып. 34. С. С. 71–100.

людям. Поэтому в «Житии» не обращается внимание на время и место столкновения русских и ордынцев и умалчивается о конкретных реалиях сражения. Они сосредоточили свое внимание на участии святого в русско-ордынском противостоянии. Не случайно именно в «Житии» впервые появляется сообщение о благословении преподобным Сергием великого князя Дмитрия Ивановича накануне его столкновения с татарами и о прибытии перед самой битвой в русский стан «борзеходца с посланием» от святого¹³¹. Однако «Житие» еще не содержит сведений о Пересвете и Ослябе, рассказ о которых был бы здесь уместным¹³². Посещение Троице-Сергиевой обители великим князем Дмитрием Ивановичем и благословение его преподобным Сергием отнесено ко времени предшествующему появлению татарского войска у границ Руси. Скорее всего, в «Житии» речь шла о благословении князя Дмитрия перед битвой на Воже, как это обосновал В. А. Кучкин. К тому же в тексте «Жития» в качестве основанного в честь победы над татарами назван Успенский монастырь на Дубенке, в то время как Куликовская битва состоялась в праздник Рождества Пресвятой Богородицы. На праздник Успения же произошло столкновение на р. Воже в 1378 г.¹³³ Но для самого Епифания конкретное событие не имело значения, а позднее автор «Сказания о Мамаевом побоище» приурочил молитвенную помощь преподобного Сергия Радонежского князю Дмитрию Ивановичу к событиям 1380 г.

Исследователями высказывалось предположение о принадлежности «Жития Сергия Радонежского» и «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» Епифанию Премудрому¹³⁴. А. Г. Бобров выдвинул идею о возможном написании им по повелению киевского митрополита Фотия всего летописного свода 1418 г., включавшего в себя и «Летописную повесть о Куликовской битве»¹³⁵.

Тихонравов Н. Древние Жития Сергия Радонежского. М., 1892. С. 137; ПЛДР XIV – середина XV в. М., 1981. С. 386.

Житие преподобного Сергия (Радонежского) чудотворца и похвальное слово ему, написанное Епифанием Премудрым в XV в. СПб., 1885. С. 125–128; Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. С. 386.

Кучкин В. А. Свидание перед походом на Дон или на Вожу? С. 50–53.

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. М., 1987. С. 88–122; *Соловьев А. В.* Епифаний Премудрый как автор... С. 85–106.

Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. С. 3–20 (особенно – С. 6–11).

Но сопоставление между собой рассказов о столкновении Дмитрия и Мамае в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», «Житии преподобного Сергия Радонежского» и «Летописной повести о Куликовской битве» позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на их необычайную близость друг другу, в этих текстах есть серьезные отличия, не позволяющие считать их произведениями одного автора¹³⁶.

Во-первых, в качестве причины разгоревшейся вражды между темником Мамаем и великим князем Дмитрием Ивановичем в «Слове о житии и преставлении» названы интриги завистников, а в «Житии Сергия Радонежского» и «Летописной повести о Куликовской битве» все объясняется традиционным для христианского мировосприятия наказанием за грехи.

Во-вторых, в каждом из названных произведений по-разному характеризуются ордынцы. Авторы не скупаются на нелестные эпитеты для них, но набор этих эпитетов различен. Наиболее характерное для «Слова» определение татар как «поганых» не так часто встречается в «Житии» и «Летописной повести». Автор «Жития» избегает называть ордынцев агарянами, в то время как сопоставление с библейскими народами широко применяется в «Слове» и «Летописной повести». Зато популярное в «Житии» и встречающееся в «Летописной повести» их определение как «безбожных» практически неизвестно в «Слове».

В-третьих, по-разному в каждом из произведений раскрыта и тема предателей христиан, действовавших в союзе с темником Мамаем. «Житие» ничего не знает о них, «Слово» упоминает о неких лукавых советниках, не называя их по имени. Между тем «Летописная повесть» имеет объемные филиппики против великого князя Олега Рязанского, якобы вступившего в союз с Мамаевой Ордой.

В-четвертых, великий князь Дмитрий в «Слове» сопоставляется с Авраамом, Моисеем и Ярославом Мудрым, а в «Летописной повести» – с Давидом.

Иначе звучат и молитвы князя. В «Житии» говорится об обращении его к Богу, в «Слове» говорится о призыве князем на помощь Бога, Богородицы и святителя Петра, приводится молитва к Богородице, а

¹³⁶ Амелькин А. О. Епифаний Премудрый о войне московского великого князя Дмитрия Ивановича с татарами. С. 137–146.

в «Летописной повести» говорится о молитве к Богу в Богородичном храме.

Иначе описывается и небесная помощь русским воинам на поле битвы. В «Житии» – это крестоносная хоругвь, в «Слове», подобно «Житию Александра Невского», ангелы и святые Борис и Глеб, в «Летописной повести» – святые Георгий, Дмитрий, Борис и Глеб и архангел Михаил.

Хорошо просматриваются отличия между названными памятниками и в титулатуре главных участников событий. Так, в «Летописной повести о Куликовской битве» Мамай, в соответствии с действительностью, носит титул «Ордынский князь». Его принадлежность к вовсе не ханскому роду подчеркнута упоминанием того, что темник «мнев себе аки царя». В то же время в «Слове о житии и преставлении» Мамай, в явном противоречии с реальностью, назван царем.

Отличаются и некоторые подробности в описании самого русско-татарского столкновения. Так, «Слово» ничего не сообщает нам об участии преподобного Сергия Радонежского в организации отпора Мамаю. Автор «Слова» считает, что Мамай погиб безвестно, в то время как в «Летописной повести» сообщается об убийстве темника в Каффе. Описание ожесточенности боя в «Житии», «Слове» и «Летописной повести» использует различные образы, получившие дальнейшее развитие в позднейших памятниках Куликовского цикла.

Поэтому едва ли справедлив вывод о принадлежности всех трех произведений Епифанию Премудрому. Сходство же «Жития», «Слова» и «Летописной повести» объясняется тем, что они достаточно близки друг другу по времени своего написания и отражают мироощущение одной эпохи.

Интересно, что в последнем произведении рязанский великий князь традиционно для древнерусской литературы сопоставляется со Святополком Окаянным, что в целом логично, поскольку речь идет о человеке, выступившем против Руси, а в «Слове» со Святополком сравнивают уже самого Мамаю, что позволяет думать о первичности «Летописной повести» по сравнению со «Словом».

Итак, исторические источники сохранили массу разнообразных прямых и косвенных сведений о битве на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Однако степень достоверности донесенной до нас информации в тех или иных памятниках постоянно подвергается критическому

анализу: «На протяжении времени изображение Куликовской битвы в литературных источниках менялось, переосмысляясь в духе мифологем своего времени»¹³⁷. По наблюдениям А. И. Филюшкина, «современное источниковедение выводит на первый план проблему герменевтического исследования текста, отделения в нем адекватного отражения исторической реальности от ее мифологического осмысления»¹³⁸.

При этом «отбор информации для включения в письменные рассказы производился в зависимости от личности автора, его взглядов, особенностей темперамента», а «временной момент включения отдельных фактов и деталей битвы в письменные рассказы о ней может служить отражением этапов обработки общественным сознанием информации воспринятой “самовидцами”. Исходя из этого С. И. Демидов, на наш взгляд, верно определяет этапы указанной обработки: “первоначальный минимум, отраженный как в... самых ранних рассказах... так и в последующих”; “информация второго плана”, отраженная в рассказах» Новгородской I, Новгородской IV, Софийской I летописей, Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» и списке В. М. Ундольского «Сказания о Мамаевом побоище». Исследователь отмечает, что «в связи с изменившимися критериями отбора была привлечена новая информация, ранее, очевидно, известная только участникам сражения и не представлявшая интереса в кратких рассказах о сражении». И, наконец, «“информация третьего плана”, вошедшая лишь в “Сказание о Мамаевом побоище” Эта информация ранее также не привлекала внимания, но стала важной для усиления увлекательности и поучительности рассказа»¹³⁹.

Здесь мы сталкиваемся с особенностями восприятия и отображения информации в средневековой культуре. В древнерусской письменной традиции, «как и в Библии, которая рассматривалась как высший образец для подражания, литературное повествование часто должно было передавать двойное содержание, а именно – духовное, понимаемое как провозглашение вселенской правды, выходящей за рамки отдельного случайного события, и историческое, относящиеся к конкретным земным ситуациям. Эти два уровня значения были равно

Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 185.

¹³⁸ Там же. С. 172.

¹³⁹ *Демидов С. И.* Куликовская битва как образ исторической памяти. С. 202³-203.

истинны. Они не могли быть ни смешаны друг с другом, ни отделены друг от друга»¹⁴⁰.

Таким образом, для реконструкции событий, связанных с Куликовской битвой, необходимо максимально выверенное уточнение свидетельств источников. Задачей подобного исследования должно стать четкое уяснение следующего: 1) какие из сохранившихся сведений представляют собой точное отражение событий и соответствуют реалиям сражения; 2) какие из них, являясь достоверными, были призваны иллюстрировать сакральный смысл произошедшего события (и каким образом это было достигнуто); 3) какие – носят исключительно мифологический вымышленный характер и должны быть учтены лишь при анализе изменения оценок битвы в исторической ретроспективе.

¹⁴⁰ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 152.

ГЛАВА 3

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НЕЙ РЕГИОНАХ НАКАНУНЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Монголо-татарские завоевания в XIII в. привели к образованию на обширных пространствах Евразии огромной империи, которая к концу столетия распалась на ряд самостоятельных и полусамостоятельных ханств.

Улус Джучи (в русских источниках – Орда, а с XVI в. – Золотая Орда) был образован при выделении старшему сыну Чингис хана кочевого удела¹. Это произошло, по обоснованному мнению М. Г. Сафаргалиева, в 1207–1208 гг.²

После похода монголо-татарских войск на государство хорезмшахов в 1219–1221 гг. и его покорения владения Джучи расширились за счет захваченных в Средней Азии земель. В частности, старший сын Чингисхана получил город Ургенч (Хорезм) и степные территории по берегам реки Иртыш. Там же, на Иртыше, располагалась и ставка Джучи³.

После смерти Джучи-хана в феврале 1227 г. во главе улуса стал его второй сын Бату (Батый). При нем территория удела значительно выросла. За две военные кампании (1229–1230 и 1235–1242 гг.) были присоединены степные территории Башкирии, Дешт-и-Кипчака (половецкой степи), завоеваны Волжская Булгария, Русь, признало свою

Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. С. 174–175.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 293 (первое издание см.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960). Данная точка зрения поддержана в историографии: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000. С. 183; и др.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 198–201, 201–202, 208, 214–217; Т. 2. С. 78, 79; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 14–15.

вассальную зависимость от татар Закавказье⁴. В 1260-х гг. Монгольская империя пережила острый политический кризис, связанный с борьбой за верховную власть. Глава Джучиева улуса Берке (третий сын Джучи) поддержал Ариг-Бугу, тогда как глава Ирана Хулагу – Хубилая. Такое разделение сил привело к военному конфликту между Джучиевым улусом и улусом Хулагу, который развивался с переменным успехом. Однако Ордой было окончательно потеряно Закавказье, перешедшее под юрисдикцию улуса Хулагу. В то же время победа в борьбе за имперский трон Хубилая поставила улус Джучи в оппозицию к центральной власти и привела к его фактической независимости⁵.

В 1280–1300 гг. уже в самой Орде возник политический кризис, связанный с борьбой за власть. Этот период тесно связан с деятельностью Ногая, который, не претендуя сам на ханский престол, тем не менее создал второй политический центр на западе улуса. Борьба великих ханов с его военно-политическим влиянием завершилось победой хана Токты и гибелью в 1300 г. Ногая⁶.

Период с 1300 по 1357 г. традиционно считается в историографии временем наивысшего могущества Джучиева улуса. Достижения в военном, политическом, экономическом и культурном развитии связываются с именами великих ханов Токты (1291–1312 гг.), Узбека (1313–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.). Приходу к власти Узбека в 1313 г. сопутствовало принятие ислама как государственной религии. Мусульманское духовенство с этого времени начинает играть при дворе значительную роль, определяя нередко направления внешней и внутренней политики⁷.

§ 1. Внутреннее положение в Орде в 1360–1370 гг. и ее взаимоотношения с государствами Средней Азии и Закавказья

Смерть в 1357 г. великого хана Джанибека завершила период наивысшего могущества Джучиева улуса. Именно его убийство собствен-

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 57–60; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. С. 186–192. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 58–60; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 75–78.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 70–73; *Селезнев Ю. В.* Ногай – полководец и политик Золотой Орды // Новик. Воронеж, 2000. Вып. 3. С. 67–77.

⁷ *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 330–341, 367–376.

ным сыном Бердибеком, а затем уничтожение последним 12 своих братьев – претендентов на ханский престол – заложило основу острого политического кризиса, разразившегося в 1359 г. Хан Бердибек был убит. В ноябре 1359 г. престол занял Кульпа. Однако он, по данным русских летописей, «царствова пять месяц и убьен бысть от царя Навруса с двема сынома своими» (Михаилом и Иваном)⁸. Наврус, в свою очередь, был свергнут в результате заговора сарайских эмиров. После столкновения с войсками Навруса (Науруза) и победы над ним власть в Сарае перешла к Хизр-хану, потомку Шейбани (который был младшим братом Батыя, пятым сыном Джучи-хана, и, таким образом, его потомки тоже имели права на престол Джучиева улуса)⁹.

Весной–летом 1361 г. к Хизр-хану на утверждение владельческих прав отправились русские князья: Дмитрий Иванович Московский, Андрей Константинович Нижегородский, Дмитрий Константинович Суздальский, Константин Васильевич Ростовский. В присутствии князей Суздальско-Нижегородского дома в Сарае был совершен новый переворот. Собственный сын Хизр-хана Тимур-ходжа, убив отца, захватил трон¹⁰.

Именно с данными событиями русские летописи связывают активное выступление на политическую арену темника Мамай. После гибели Хизр-хана Мамай провозгласил главой государства ребенка Абдуллаха. Темник форсировал Волгу и попытался закрепиться в Сарае¹¹.

Тимур-ходжа попытался отстоять престол. По данным русских летописей хан «побеж за реку, за Волгу и тамо убиен бысть... сидев на царстве месяц один семь дней»¹². Вероятно, именно Мамай сыграл решающую роль в смерти Тимур-ходжи.

Однако темнику активно противостояли эмиры, выдвинувшие на престол Чингисида Кутлуг-Тимура. Мамаю удалось разгромить противников и убить Кутлуг-Тимура и его сторонников. Арабские авторы отмечают, что Мамаю удалось занять Сарай. Однако затем «Хаджи-

⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 10; Т. 10. С. 231; Т. 18. С. 100.

⁹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71; Т. 18. С. 101; Т. 10. С. 233; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 376–378; Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7. С. 54.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71; Т. 18. С. 101; Т. 10. С. 233; Материалы по истории Казахских ханств. С. 37, 350, 551–552; и др.

ПСРЛ. Т. 18. С. 101.

¹² Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71; Т. 18. С. 101; Т. 10. С. 233.

Черкес... пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай». Темник переправился на правый берег Волги и обосновался в Крыму¹³.

Так на политической карте Восточной Европы возникает самостоятельное государственное образование – Мамаева Орда, повлиявшее на развитие региона на протяжении двадцати ближайших лет.

В то же время летописные источники отмечают фактический распад ордынского государства после гибели Тимур-ходжи. Наряду с Мамаевой Ордой с центром в Крыму возникают владения ордынских правителей разного ранга на окраинных территориях Джучиева улуса. В частности, летом 1361 г. князь (эмир) Тагай захватил Мордовский улус («приде в Наручады (Наровчат. – *Авт.*) и тамо сам о себе княжаше»¹⁴); князь (эмир) Секиз «Запиание все пограбил и, обрывся рвом, ту сяде»¹⁵; князь (эмир) Булат-Темир захватил Булгарский улус¹⁶; в Астрахани обособился Салчи-Черкес (Хаджи-Черкес, Черкес-бек)¹⁷; Кильдибек контролировал междуречье Дона и Волги; эмир Айбек основал самостоятельное владение с центром в Сарайчике. Фактически независимым становится левое крыло Джучиева улуса – Кок-Орда (Синяя Орда). В Хорезме начинают чеканить монеты представители династии Суфиев, не принадлежащей к роду Джучи; это свидетельствует об отделении области от центрального правительства¹⁸.

После откочевки Мамаю в Крым трон в Сарае захватил Орду-мелик (по русским источникам) или Орда-шейх (по данным «Анонима Искандера»), сын Эрзена (Идерена), сына Сасы-Буки, сына Нокая. По сведениям «Анонима Искандера», он был направлен своим братом Чимтаем на престол Джучиева улуса. Сам Чимтай от трона Золотой Орды отказался. Спустя год один из сарайских эмиров заявил: «Как это Урук султанов Ак-Орды (Кок-Орды. – *Авт.*) станет властителем трона царей Кок-Орды (Ак-Орды. – *Авт.*)»¹⁹. Ночью Орда-шейх был зарезан. В то

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 391.

ПСРЛ. Т. 11. С. 232–234; Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 70–71.

Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71–72.

Там же. Т. 11. С. 232–234; Т. 15. Вып. 1. Стб. 73.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 391.

Там же. С. 389; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 383–384.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. 2. С. 130. О путанице определения в источниках Кок-Орды и Ак-Орды см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 141–144.

же время Рогожский летописец отмечает, что Орду-Мелик «царствовал месяц... И бысть в Орде замятня велика»²⁰. Это подтверждается тем фактом, что монеты Орду-Мелика известны лишь за 1361 г. Примерно с осени 1362 г. сарайский трон занимает Мурад (Хаджи-Мурат)²¹.

Именно он, по данным русских летописей, летом–осенью 1362 г. пытается распространить свою власть на земли, расположенные на запад от правого берега Волги.

В тот момент междуречье Дона и Волги контролировал Кильдибек (Кельдибек). По данным «Анонима Искандера», последний был провозглашен ханом сразу же после смерти Бердибека. Русские летописи относят приход его к власти к 1361 г. К этому же году относятся монеты с его именем, выбитые в Сарае, Азаке и Мохши²². «Аноним Искандера» также отмечает, что Кильдибек был посажен на престол эмирами, которые «возвели на трон неизвестного человека, под предлогом, что он... сын Джанибек-хана». Русские летописи также пишут, что Кильдибек занял престол «творящаяся сын царя Чанибека»²³. Таким образом, Кильдибек мог быть самозванцем. Известно также, что он «счел порукой своей жизни гибель эмиров»²⁴ «и тои многихъ поби»²⁵. Кильдибек казнил эмиров Могул-Бугу, Ахмеда, Нангудая – наиболее влиятельных эмиров ханов Джанибека и Бердибека. Вероятно, именно они были вдохновителями вступления на престол Кильдибека.

Видимо, в Сарае Кильдибек продержался недолго и был вытеснен оттуда Мурадом. Судя по монетам, которые чеканились от его имени в Азаке и Мохши, Мурад контролировал междуречье Дона и Волги.

Хану Мураду удалось разбить войска Кильдибека и убить его. Однако Мамай разгромил войска Мурада и вытеснил его в левобережье Волги, распространив свою власть на междуречье Дона и Волги²⁶. Последние монеты Мурада, чеканившиеся в Гюлистане, относятся к 765 г. х. (октябрь 1363 – сентябрь 1364 г.)²⁷.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71.

²¹ Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 204.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 31, 54.

ПСРЛ. Т. 18. С. 101.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 129.

ПСРЛ. Т. 18. С. 101.

Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73.

Подробнее об этом см.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 130; Материалы по истории Казахских ханств С. 37; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 434; Т. 11. С. 2; Т. 15. Вып. 1. Стб. 72, 74; Т. 18. С. 101;

После него на короткое время ордынский престол занял Хайр-Пулад (осень 1364 — август 1365 г.), а его преемником в 1365 г. стал Азиз-хан — сын Тимур-ходжи, правивший до 1367 г. По данным «Анонима Искандера», Азиз-хан «сел на царство... и установил скверные обычаи». Однако Сейид-Ата, один из потомков Махмуда Есеви, «отговаривал его от этих скверных дел». «Азиз-хан согласился», но «после трех лет правления он снова вернулся к прежним обычаям и из-за этого был убит»²⁸.

В 1367 г., после гибели хана Азиза, в Сарая чеканит монеты Абдуллах, ставленник Мамаю. Арабские авторы отмечают, что Мамаю удалось занять Сарай. Однако затем «Хаджи-Черкес... пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай». Темник переправился на правый берег Волги и вернулся в Крым²⁹. Однако, вероятнее всего, Мамаю вытесняет из Сарая Хасан, который в 1368 г. чеканит свои монеты в столице. А уже его изгоняет Хаджи-Черкес³⁰.

Далее монеты в столице чеканят Урус (осень 1374 — осень 1375 г.), Хаджи-Черкес (Салчи-Черкес) (1374 — вторая половина 1375 г.), Каганбек (осень 1375 — сентябрь 1377 г.); Арабшах (сентябрь 1377 г. — осень 1378 г.). К весне 1379 г. Токтамыш захватывает Сарай и прочно закрепляется в левобережье Волги³¹.

§ 2. Внутреннее положение на Руси в годы «великой замятни»

Смерть летом—осенью 1359 г. Бердибека и, соответственно, смена хана в Орде требовали поездки в степь русских князей на подтверждение владельческих прав. Кроме того, ситуация усугубилась тем фактом, что в ноябре 1359 г. умер великий князь Владимирский и Московский Иван II Иванович Красный. Таким образом, от высшей

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 33; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. С. 387; и др.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 77–78; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 130–131; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 82; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 54.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 391.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 388; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 145; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 391.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 54; *Он же.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 204.

«царской» власти потребовалось утверждение новой главы «русского улуса».

В связи с этими событиями в начале 1360 г. в ставку хана Навруза отправились «...князя великого сын Ивана Ивановича Дмитрией и вси князи Русьстии». Итак, кризис в Орде не нарушил устоявшейся системы зависимости русских княжеств от ордынской власти.

Навруз «виде... князя Дмитрия Ивановича оуна соуща и млада возрастом» предложил ярлык на великое княжение Владимирское Андрею Константиновичу Нижегородскому. Однако он отказался, и тогда престол занял его младший брат Дмитрий Константинович Суздальский³².

Тем временем хана Навруза сменил Хизр-хан, и уже к нему за подтверждением владельческих прав отправились русские князья. Весной–летом 1361 г. в степи побывали: Дмитрий Иванович Московский, Андрей Константинович Нижегородский, Дмитрий Константинович Суздальский, Константин Васильевич Ростовский и Михаил Давыдович Ярославский. Поскольку источники о каких-либо пожалованиях умалчивают, есть основания полагать, что новый хан лишь подтвердил существовавшее положение³³. В присутствии князей Нижегородско-Суздальского дома в Сарае был совершен новый переворот. Собственный сын Хизр-хана Тимур-ходжа, убив отца, захватил трон³⁴.

Во время выезда из Орды князь Андрей Константинович и его свита подверглись грабительскому нападению ордынского князя Арате-ходжи. Однако князь «не убоясь грозы ихъ, но напрасно устремився и пробився сквозе полкы Татарския, биючися с ними, и тако Божию милостию приеха на Русь добр здравъ». Меньше повезло ростовскому князю Константину Васильевичу. Он «осталь князя Андрея в Орде и в замятню ту ограбиша его татарове и телеса ихъ обнажиша и не остася на нихъ ни исподнихъ портъ, а сами нази токмо живи приидоша пеши на Русь». Данные факты наиболее наглядно свидетельствуют об ослаблении центральной ордынской власти. Ранее русские князья не подвергались грабежу по дороге в степь или обратно.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68–69; Т. 18. С. 100; и др.

³³ Горский А. А. Москва и Орда. С. 80–81.

³⁴ В родословных списках Джучидов к его имени обычно добавляется: Тимур-ходжа, «...которого называют “чернолицым ханом, убившим своего отца”». «Йузи-Каракан» – буквально «хан с черным лицом», «покрывший себя позором хан» (Материалы по истории Казахских ханств. С. 37, 350, 551–552).

Летом 1362 г. «князь Дмитрий Иванович Московский и князь Дмитрий Константинович Суздальский сперся о великом княжении». Правда, лично в Орду князья не поехали, но отправили в Сарай своих киличеев. Хан Мурат выдал ярлык на Владимирский стол Дмитрию Московскому «по отчине и по дедине»³⁵.

Путем военного давления Москве удалось вынудить великого князя Дмитрия Константиновича отказаться от претензий на Владимирское великое княжество. По наблюдениям А. А. Горского, «...за три года, используя собственный накопленный потенциал и "неустройство" в Орде, Москва восстановила позиции, существовавшие до смерти Ивана Ивановича»³⁶.

Кроме того, около 1363 г. и Мамай от имени хана Абдуллаха выдал ярлык на великое княжение князю Дмитрию Ивановичу Московскому³⁷. Вероятно, в условиях раздробленности Орды его опекуны предпочли заручиться поддержкой у наиболее сильной политической фигуры в правобережье Волги. Именно с этого времени начинаются регулярные дипломатические отношения Москвы и Мамаевой Орды.

Возможно, именно этот факт послужил причиной того, что новый сарайский хан Азиз зимой 1364/65 г. выдал ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию Суздальскому. Правда, последний отказался от дальнейшей борьбы с Москвой. Однако факт передачи ярлыка суздальскому князю означал, что положение Москвы как главы «русского улуса» отныне не признается в Сарае. Дмитрий фактически становится вассалом «мамаева царя» Абдуллаха³⁸.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что нестабильная ситуация в Орде непосредственным образом сказывалась на политическом положении Руси. Борьба за первенство в Джучиевом улусе вызывала соперничество и в проблеме контроля над русскими княжествами. Тот или иной претендент предпочитал иметь на Владимирском столе своего ставленника в противовес противникам. Это, в свою очередь, вызывало нестабильность внутри страны.

В то же время ослабление верховной ордынской власти вызвало большое количество пограничных конфликтов, целью которых, как правило, был грабеж.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71–73; Т. 18. С. 101.

Горский А. А. Москва и Орда. С. 81.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 74.

³⁸ Там же. Т. 18. С. 102; Т. 25. С. 182.

К примеру, летом 1365 г. князь Тагай, захвативший в 1361 г. Мордовский улус, совершил набег на Рязанское княжество. Внезапным ударом он сумел взять столицу княжества Переяславль и ограбить ее окрестности. Однако на обратном пути отягощенный добычей отряд Тагая был нагнан войсками Олега Ивановича Рязанского, Владимира Пронского и Тита Козельского. Ордынские войска были практически полностью уничтожены. Князь Тагай «в мале дружине убежа»³⁹. После этого его имя со страниц источников исчезает.

В 1367 г. болгарский князь Булат-Темир совершил набег на владения Бориса Константиновича. Дмитрий и Борис Константиновичи выступили против ордынцев. Однако Булат-Темир уклонился от открытого столкновения и ушел с основными войсками за реку Пьяну. Князьям удалось разгромить лишь небольшие отряды арьергарда ордынских войск. Сам Булат-Темир был убит в Орде по приказу великого хана Азиза⁴⁰.

Кроме того, объектом грабежа стали сами ордынские территории. Новгородские ушкуйники в 1361 г. добрались до болгарского города Жукотина (Джаке-тау), который был захвачен и разграблен. Центральное ордынское правительство было страшно возмущено этим новым явлением, и под его давлением русские князья выловили грабителей и выдали их татарским послам⁴¹.

Однако летом 1374 г. ушкуйники спустились от Вятки к г. Булгару, разграбили посад и взяли «окуп» размером в 300 руб. Затем около 800 человек на 50 ушкях спустилось до г. Сарай, разоряя берега Волги⁴².

А в августе следующего, 1375 г. две тысячи ушкуйников осуществили разорительный набег по Волге. Первоначально ограбив ряд русских городов, в том числе Кострому и Нижний Новгород, ушкуйники спустились в Булгар, где продали пленников. Затем они начали спускаться вниз по течению Волги, грабя прибрежные города (нападению подверглась даже столица улуса Джучи — Сарай). Од-

³⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 230; Т. 6. Вып. 1. Стб. 346; Т. 8. С. 13; Т. 11. С. 5–6; Т. 15. Вып. 1. Стб. 80; Т. 16. Стб. 91. Т. 17. Стб. 37, 130; Т. 18. С. 104; Т. 23. С. 113–114; Т. 24. С. 123; Т. 25. С. 183; Т. 30. С. 114; Т. 37. С. 73; и др.

Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 231; Т. 6. С. 438; Т. 8. С. 14; Т. 11. С. 9; Т. 15. Вып. 1. Стб. 85; Т. 16. Стб. 93; Т. 18. С. 106; Т. 20. СПб., 1910. С. 192; Т. 23. С. 114; Т. 24. С. 124; Т. 30. С. 116; и др.

Там же. Т. 10. С. 232; Т. 15. Вып. 1. Стб. 69.

Там же. Т. 11. С. 20; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды. С. 213. Подробнее об этом см.: *Селезнев Ю. В.* Орда и Русь: хроника конфликтов. С. 103; *Он же.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. М., 2010. С. 84.

нако на Нижней Волге, у Астрахани, местный князь Салчей «начать ухищрять их лестью и многу честь и кормы даящи им». Новгородцы «начаша упиватися и быша пьяни, аки мертви». Ночью астраханцы напали на лагерь ушкуйников, и новгородцы все до единого были истреблены⁴³.

В это время русские князья начинают активно вмешиваться в дела соседствующих с ними улусов. Первоначально их привлекают к участию во внутриордынских усобицах различные претенденты на ханский престол. Например, осенью 1370 г. войска князя Бориса Константиновича Городецкого и его племянника Василия Дмитриевича Кирдяпы совершили поход на Булгарский улус. Их сопровождал посол Мамаю Ачи-ходжи. Глава улуса Хасан сдался без боя. На болгарский трон был посажен новый князь — Мамат-Салтан⁴⁴. Так при помощи русского оружия в Булгаре был посажен ставленник Мамаю.

§ 3. Великое княжество Литовское в системе взаимоотношений с Ордой. 1360–1370-е гг.

Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) в XIV в. представляло собой одно из крупнейших государств Восточной Европы. Уже в XIII в., включив в свой состав ряд русских княжеств, оно превратилось в Литовско-Русское по национальному составу.

В XIV в., как подчеркнул Б. Н. Флоря, «международное положение Великого княжества Литовского... определялось двумя факторами: наступлением немецких крестоносцев на “языческую” Литву и экспансией литовского боярства на древнерусские земли». Исследователь отмечает, что именно во второй половине XIV столетия столкновения Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом стали особенно острыми, а «война на северных и северо-западных границах Великого княжества шла без перерывов в течение десятилетий. Особое усиление наступления крестоносцев источники отмечают к началу

ПСРЛ. Т. 6. С. 349; Т. 8. С. 23–24; Т. 11. С. 24; Т. 15. Вып. 1. Стб. 113–114; Т. 18. С. 116–117; Т. 23. С. 119–120; Т. 25. С. 191–192; Т. 26. С. 123; Т. 30. С. 57; Т. 33. С. 87; и др.
Там же. Т. 6. С. 445; Т. 8. С. 24–25; Т. 11. С. 24–25; Т. 15. Вып. 1. Стб. 116–117; Т. 18. С. 117–118; Т. 25. С. 192.

60-х годов XIV в., когда объектами их нападений начали становиться главные центры государства – Вильно, Троки, Ковно»⁴⁵.

Тем не менее в таком сложном внешнеполитическом положении Вильно сумел распространить свою власть на огромную территорию бывшей Киевской Руси, в несколько раз превышавшую первоначальные размеры ВКЛ.

В исторической науке традиционно принято мнение, что включение в состав ВКЛ русских земель способствовало их освобождению от тягот так называемого монголо-татарского ига. Это ярко сформулировано было М. О. Кояловичем, который писал, что после монголо-татарского нашествия русские княжества «представляли... легкую добычу и даже расположены признать над собой литовскую власть, чтобы иметь в ней защиту от татар»⁴⁶. М. К. Любавский отмечал, что в конце XIV столетия Ольгерду не удалось «эмансипировать Киевщину от татар», и «когда восстановилась в Орде сильная ханская власть и прекратились усобицы, князь Владимир Ольгердович должен был по прежнему обычаю выплачивать им дань», а «на монетах его встречаем татарскую тамгу, которая служила обычным выражением подданства по отношению к татарскому хану». Исследователь полагал, что в то же время «Ольгерд стремился пользоваться неурядицами в Орде для освобождения южнорусских земель от татарского ига и присоединения их к Литве», в связи с чем «литовское владычество утвердилось в южнорусских областях при сочувствии населения, которое искало у Литвы защиты и покровительства от татар»⁴⁷.

В советской историографии это мнение стало определяющим, подтверждаясь авторитетом Ф. Энгельса. «В те времена, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малоруссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству»⁴⁸. Ф. М. Шабульдо в своих работах следовал этой установке⁴⁹. Однако и он отмечал, что даже после Синеводской

⁴⁵ *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 142.

⁴⁶ *Коялович М.* Лекции по истории Западной России. СПб., 1884. С. 49.

⁴⁷ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 24.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 22. С. 19.

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 73; *Он же.* Возвращаясь к синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. Вып. 10. С. 145–146.

битвы «из документальных свидетельств несколько позднего времени следует, что население Подольской земли продолжало выплачивать ордынцам дань», а на монетах Владимира Ольгердовича помещалась тамга – «символ верховной власти хана»⁵⁰.

Тем не менее С. В. Думин, со ссылкой на Ф. М. Шабильдо, подчеркивает, что присоединение к ВКЛ киевских, чернигово-северских, волыньских земель и Подолии стало «результатом теснейшего политического сотрудничества местного населения с литовской династией», в связи с тем что действия Ольгерда носили в первую очередь характер освобождения местного населения от ордынского ига⁵¹.

Заключение о том, что вхождение в состав ВКЛ способствовало освобождению княжеств от ордынской зависимости, нашло широкое отражение в учебной литературе. Учебник «История СССР с древнейших времен до 1861 г.» под общей редакцией Н. И. Павленко отмечал, что русские князья и бояре стремились принять подданство Вильно, поскольку «литовские феодалы не были вассалами Орды, и тем самым ордынское иго не распространялось на его (литовского государства. – *Авт.*) территорию»⁵².

Ранее В. Т. Пашуто был более осторожен, полагая, что включение русских земель в состав Литвы избавляло их от угрозы со стороны, в том числе, Орды⁵³.

Лишь И. Б. Греков полагал, что Орда «добилась установления контроля над всеми русскими землями» и рассматривала «в качестве одинаково подвластных им (ордынским ханам. – *Авт.*) территорий Владимиро-Московскую, Галицко-Волыньскую и Литовскую Русь»⁵⁴. Отсылая к источникам, автор лишь в общих чертах обосновывал точку зрения.

По мнению Г. В. Вернадского, после смерти Ольгерда «его сын... вынужден был признать ханский сюзеренитет и выплачивать ему дань». Однако «большая часть Западной Руси была освобождена от монголов, чье владычество над ней сменилось теперь владычеством Литвы и Польши»⁵⁵.

Шабильдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси... С. 105.

Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 98.

История СССР с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 112.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 398.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 32.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.; Тверь, 1997. С. 240.

Это во многом перекликается с мнением М. Грушевского, который полагал, что и после битвы на Синих водах «татарские ханы... считали восточную Украину своим улусом и претендовали на дань; эти претензии иногда до некоторой степени удовлетворялись, иногда же отражались вооруженной силой, но, во всяком случае, не мешали фактической оккупации украинских земель литовскими князьями»⁵⁶.

Б. Н. Флоря⁵⁷ привел аргументы в пользу того, что русские земли в составе Литовского государства в середине – второй половине XIV в. сохраняли зависимость от Орды. Автор заключал, что «присоединение части древнерусских земель (к Великому княжеству Литовскому. – *Авт.*) не привело к их немедленному освобождению от золотоордынского ига»⁵⁸.

Выводы исследователей об освобождении русских княжеств в составе Литвы от ордынского ига основываются в первую очередь на летописях, созданных на территории Великого княжества Литовского. Прежде всего, это так называемый «Летописец Великого княжества Литовского», который был составлен около 1428–1430 гг. (помещен в свод 1446 г.) с целью прославления деятельности великого князя Витовта, в том числе и его ордынской политики. На основе свода 1446 г. во второй половине XVI в. были составлены второй («Хроника Великого княжества Литовского и Жемайтйского») и третий («Хроника Быховца»)⁵⁹ своды общегосударственного характера. Как отметил В. Т. Пашуто, вторая редакция была создана в условиях «острой литовско-русской борьбы». Содержание свода представляет собой «проникнутый политическими нуждами литовской шляхты периода Ливонской войны документ, защищающий ее интересы перед Польшей и Орденом и обосновывающий ее “исторические права” перед Русью». Памятник был призван подтвердить, что представители династии литовских князей «заняли русские земли в XIII в. после опустошения их татарами, обстроили городами и освободили их от ханской власти»⁶⁰.

Таким образом, выводы об освобождении русских земель от ордынской зависимости при включении их в состав Великого княжества

⁵⁶ Грушевский М. [С.] Очерк истории украинского народа. Киев, 1911. С. 127.

⁵⁷ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 142–173.

⁵⁸ Там же. С. 148.

⁵⁹ Летописи белорусско-литовские (западнорусские) // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 26–27.

⁶⁰ Подробнее: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 9–71.

Литовского основываются на поздних и явно тенденциозных источниках, которые в большей степени представляют собой политический памфлет.

Какова же была картина, рисуемая источниками одновременными с событиями включения русских земель в состав Литвы?

На примере северо-восточных русских княжеств выясняется, что система власти Орды над покоренными территориями подразумевала комплекс признаков зависимости. Прежде всего, владетель обязан был признать верховную власть ордынского хана над завоеванными землями («Не подобает жити на земли канови и Батыеве, не поклонившеся има»⁶¹). Данное признание подтверждалось инвеститурой в виде ярлыка. Как правило, ярлык выдавался при личном посещении владетелем ставки хана («В лето 1243 великий князь Ярослав поеха в Татары... Батый же почти Ярослава Великою честью... и отпусти и рече ему: Ярославе буде ты старей всех князей в Русском языке»⁶²). Признание политической зависимости подразумевало выплату дани, а также участие подданных русских княжеств в военных мероприятиях Орды («...Лев... посла в татары ко великому цареву Меньгутимиреву, прося собе у него помочи на литву. Менгутимерь же да ему рать и Ягурчина с ними воеводу, и заднепрескый князи все да ему в помочь... иныхъ князий много. Тогда бо бяху вси князи в воли тотарьской»⁶³).

Наиболее устойчивым признаком зависимости была выплата ордынской дани — «выхода». Именно с фактическим прекращением отсылки налогов в ставку хана, подкрепленным военными победами в 1472 и 1480 гг., связывают завершение зависимости северо-восточных княжеств во главе с Москвой от Орды⁶⁴. Следовательно, выплата дани в Орду считается важнейшим и определяющим зависимость атрибутом.

Насколько источники позволяют нам проследить упразднение всех признаков зависимости на землях, входивших в состав Великого княжества Литовского?

В первую очередь необходимо отметить, что территория, составившая ядро Великого княжества Литовского, не подвергалась нашествию Батыя. Такое положение не требовало признания от Литвы

Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // БЛДР. 2000. Т. 5. С. 156.

ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 470.

БЛДР. Т. 5. С. 306.

⁶¹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 162–171.

политической власти Орды. Лишь в 1258 г. армия под командованием эмира Бурундая совершила разорительный поход на литовские земли. Однако и этот поход, вероятно, не рассматривался как завоевательный и не требовал немедленного оформления вассальных отношений.

Литовские земли на протяжении XIII в. еще неоднократно становились целью агрессии. Но походы ордынцев, как правило, представляли собой грабительские набеги.

Соответственно, отсутствие политической зависимости подразумевало и невыплату дани, и неучастие в военных мероприятиях Орды подданных Литовского государства.

Ситуация начинает меняться, когда в состав Великого княжества Литовского включаются территории Южной и Юго-Западной Руси, князья которых признали в середине XIII в. власть Сарая и считались подданными великого хана.

По наблюдениям Ф. М. Шабульдо, процесс включения в состав Литвы русских княжеств можно разделить на два этапа. «Первый, охватывающий приблизительно 20–30-е гг. XIV в., когда в результате нескольких завоевательных походов политическое влияние Литвы было распространено на Владимир-Волынский, Галич и Киев, и второй – 40–60-е гг. XIV в., на протяжении которых в состав Великого княжества Литовского была включена большая часть Юго-Западной Руси – Волынская, Подольская (вместе с Переяславской) и Чернигово-Северская»⁶⁵ земли.

Таким образом, в соответствии с устоявшимся в историографии мнением, следовало бы полагать, что уже после 1320–1330-х гг. от всех атрибутов ордынской зависимости были освобождены Владимиро-Волынское, Галицкое и Киевское княжества.

Однако летописные источники фиксируют под 1331 г. наличие при киевском князе Федоре ордынского баскака⁶⁶. Баскак представлял собой ордынскую администрацию, которая следила за исполнением вассальных и даннических обязательств. Следовательно, с большой долей вероятности можно утверждать, что с Киевщины в 1330-х гг. выплаты ордынского «выхода» продолжались. Это было и в более позднее время – во второй половине XIV–XV вв.

Любопытны сведения о выплате дани Орде жалованной грамоты подольского господаря Александра Кориатовича Смотрицкому доми-

⁶⁵ Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси... С. 9.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 170.

никанскому монастырю от 17 марта 1375 г. «...коли вси земляне имуть давати дань у татары, то серебро имают такоже тии люди дати...»⁶⁷. Как отмечал Б. Н. Флоря, в данном документе «владениям грамотчика не предоставляется иммунитета от уплаты дани в Орду».

Нельзя согласиться с утверждением Ф. М. Шабульдо об упразднении политической и экономической зависимости Южной Руси от ордынского государства после битвы на Синих водах летом 1362 г. Данное утверждение основано на гипотетически выводимом «ярлыке Мамаю», следов которого в источниках не сохранилось. По мнению исследователя, содержание ярлыка отразилось в более поздних, начала XVI в., ярлыках крымских ханов литовским правителям. Именно Мамай, по мнению Ф. М. Шабульдо, передал под юрисдикцию Ольгерда широкий пояс земель, включая Киевскую, Владимирскую, Луцкую, Подольскую, северскую и черниговскую территории на юге и юго-западе Руси; смоленские, брянские, верховские, рязанские земли на северо-востоке; часть государственной территории Орды, включая Тулу, Ябгу-город, Караул, Балаклы, Дашев, Качибеев.

Однако единственной связью крымских ханов и эмира Мамаю является управление Крымом. Причем не последовательное – ханы-Чингисиды после Мамаю, а прерванное временем правления Токтамыша, его противника Тимур-Кутлуга, его сыновей и т. д. Таким образом, преемственности между Мамаем и крымскими ханами нет. Более вероятно, что основу для пожалований крымских властителей (и даже гипотетического «ярлыка Мамаю») составляли ярлыки ордынских ханов, при которых южнорусские земли оказались под властью литовских и польских правителей – Узбека и Джанибека, явными предшественниками крымских Джучидов.

Потому нет надежных оснований для отказа от мнения о зависимости литовских удельных Ольгердовичей и Гедиминовичей от Орды в последней трети XIV в., как это делает Ф. М. Шабульдо⁶⁸.

Итак, даже после Синеводской битвы 1362 г. (после которой, по мнению большинства авторов (В. Б. Антонович, М. С. Грушевский, Б. Шпулер, Г. В. Вернадский, В. Л. Егоров и др.⁶⁹), была сброшена ордынская власть с южнорусских территорий) выплаты дани пусть

АЗР. 1846. Т. 1. № 4. С. 21.

Шабульдо Ф. М. Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. С. 502–504.

Антонович В. Б. Монографии по истории западной и юго-западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 52, 229; *Грушевский М. [С.]* Очерк истории украинского народа... С. 127;

нерегулярно («коли имуть давати»), но продолжались. Надо отметить, что в связи с острым политическим кризисом в Орде 1360–1380-х гг. и северо-восточные княжества также платят дань нерегулярно. Кроме того, известно, что духовенство, в том числе католическое, на северо-востоке было освобождено от всякого рода выплат в степь. В Подолии мы наблюдаем иную картину.

Показательно, что в дипломатических документах Ордена и русские князья, принявшие подданство Литвы, и сами литовские князья называются ордынские *tributarii*⁷⁰, что может быть переведено как «данники, налогоплательщики».

Подтверждением этого может служить ярлык великого хана Токтамышша Ягайло от 1392–1393 гг.: «С подданных нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну»⁷¹.

Таким образом, нет никаких оснований утверждать, что русские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, были освобождены от выплат дани. Более того, можно предполагать, что сами литовские князья стали платить в Орду «выход».

Б. Н. Флоря утверждал, что «уплатой выхода обязанности древнерусских земель в составе Великого княжества Литовского не ограничивались»⁷². Актовый материал показывает, что население обязано было продолжать нести и воинскую повинность. Яркой иллюстрацией этому может служить договор литовских князей с польским королем Казимиром от 1352 г. В нем отмечается «...аже поидуть татарове на ляхи, тогда руси неволя поити и с татарами...»⁷³. В. Б. Антонович, исходя из идеи освобождения русских земель от ордынской зависимости, находил данный пункт как «странную статью»⁷⁴. Если земли оставались под властью Сарая, то воинская повинность понятна.

Следовательно, в XIV столетии русские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, не были освобождены от повинностей в пользу Орды, и, соответственно, нет оснований для утверждения об освобождении данных территорий от монголо-татарского ига.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. С. 71; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 240.

Цит. по ст.: Линиченко И. А. Замечания на статью профессора И. Режабка и дополнения к ним // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 111.

Березин И. Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайле. Казань, 1850. С. 51.

Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 147.

АЗР. Т. 1. № 1. С. 1.

Антонович В. Б. Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. С. 129.

Итак, необходимо призвать справедливым заключение Б. Н. Флори о том, что «присоединение части древнерусских земель к Великому княжеству Литовскому не привело к их немедленному освобождению от золотоордынского ига. Наоборот, вопрос о ликвидации этой зависимости стоял перед литовскими правителями как важная объективная задача их внешней политики»⁷⁵.

Однако в конце XIV в. ситуация начинает изменяться. Хан Токтамыш (Тохтамыш) был изгнан из Орды и нашел приют при дворе литовского князя Витовта. Сам Токтамыш, а затем его дети пользовались неизменным покровительством Витовта. Литовский князь активно начал вмешиваться во внутриордынские дела. На протяжении 1420–1430-х гг. на ордынском престоле появляются его ставленники⁷⁶. По мнению Б. Н. Флори, в это время выплаты в Орду прекращаются. Ордынские отряды участвуют как союзники во внешнеполитических мероприятиях ВКЛ⁷⁷.

Смерть Витовта вызывает в Орде идею освобождения от литовской опеки. Более того, известно, что при Сеид-Мухаммеде (1442–1455) в пользу Большой Орды с Киевской земли поступал «ясак», а его сбором занимались татарские «дараги», располагавшиеся в городах Канев, Черкасы, Путивль⁷⁸.

Когда прекращаются выплаты, установить сложно. Однако известно, что после разгрома Крымской ордой в 1502 г. Большой Орды хан Менгли-Гирей считал себя вправе распоряжаться (жаловать и миловать) русскими территориями в составе Великого княжества Литовского. Причем, ссылаясь на традиционные отношения, крымский хан требует выплат «даней» и «выходов» («колко городов дани и выходы сполна давали... дани и выходы давайте от нынешнего часу служите»)⁷⁹.

Однако великие литовские князья не желали признавать зависимое положение по отношению к Крыму. Еще в 1500 г. в переговорах с московским великим князем Иваном Васильевичем литовский великий князь Александр Ягеллончик отмечает, что «от

⁷⁵ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 148.

⁷⁶ Морозова С. В. Золотая Орда в Московской политике Витовта // Славяне и их соседи. Вып. 10. С. 92–94.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. С. 174.

Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 35. № 62. С. 290–291; Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы... С. 184.

⁷⁹ АЗР. СПб., 1848. Т. 2. № 6. С. 4.

насъ царь Мендли-Кгирей хочет, чога напередъ тымъ предкове его, цари первыи, и отецъ его, и он сам, в предков наших великих князей Литовских, а ни у отца нашего, а ни въ насъ николи не хотели»⁸⁰.

После разгрома Большой Орды, когда победитель мог рассматриваться как правопреемник Джучиева улуса, литовские князья находят новую дипломатическую формулировку. Во-первых, выплаты в Крымское ханство в дипломатических документах переименовываются в «поминки», которые при этом взимаются «с обоих скарбов наших з Лядского и з Литовского». Во-вторых, польский король Сигизмунд (1508 г.) подчеркивает, что поминки доставляют «...не от земель наших послы, аже отъ персоны наше, как же и перед тым бывало...»⁸¹. Таким образом, король утверждал, что переговоры с крымским ханом – это его личная инициатива. Поэтому требовать с него положенные «дани и выходы» неправомерно – он действует не от лица некогда подчиненных Орде земель.

В результате сложной дипломатической игры уже крымский хан Сахиб-Гирей в конце 1520-х – начале 1530-х гг. соглашается на следующую формулировку: «Если бы я которого року, або тежь люди наши завоевали паньство вашей милости, того року нам упоминка вашей милости не маешь давати; а которого бы я року не воевал панства вашей милости, того року маете давати ваша милость упоминок свой»⁸². Итак, в это время Крым отказывается от традиционных понятий «дань» и «выход». Но поминки он рассматривает как обязательные ежегодные выплаты. Если таковые выплаты не производятся, то он считает себя вправе совершить на Польшу или ВКЛ набег. При этом если поход татар осуществляется, то польский король имеет право уклониться от посылки в Крым «поминок».

На протяжении первой половины XVI в. актовый материал фиксирует сбор ордынской дани. К примеру, смоленские мещане от «серебрщены» и «ордынщины и иных каких» выплат освобождаются лишь в 1502 г.⁸³ Любопытно, что от 1501 г. сохранилась «ропись ордынщины». Причем в число городов, обязанных платить налоги в пользу Орды, кроме признававших власть Джучиева улуса Смоленска,

⁸⁰ АЗР. Т. 1. № 179. С. 203.

⁸¹ Там же. Т. 2. № 41. С. 51.

⁸² Там же. № 150. С. 186.

⁸³ Там же. Т. 1. № 199. С. 347.

Владимира-Волынского, Брянска и других, включены такие города, как Троки, Вильно, которые изначально не входили в число зависимых от Орды земель⁸⁴. Обязанность выплачивать «ордынщину» с привиленских земель в соответствии с «давним обычаем» отмечается в актах под 1537 г.⁸⁵

Таким образом, наличие необходимости выплат дани с территорий русских княжеств, присоединенных к Литовскому государству, не вызывает сомнений. В XIV в. сохраняется и необходимость вести совместные военные действия Орды и жителей подчиненных русских земель.

Присоединение русских княжеств к Великому княжеству Литовскому или Польскому королевству не могло не вызвать реакции Орды. Причем эта реакция должна была быть резко отрицательной. С момента завоевания верховным распорядителем покоренных земель был великий хан. Любые попытки нарушения его прерогатив получали жесткий отпор.

Лишь признание со стороны литовских князей прав Сарая на завоеванные русские земли могло обеспечить Вильно включение последних в сферу своего влияния. Фактическое признание вассалитета (выплата дани, участие в военных мероприятиях) должно было сопровождаться и юридическим оформлением. Оно могло быть выражено лишь в форме получения литовским великим князем ярлыка на русские земли (а возможно, и на литовские). Личное присутствие в ставке хана для получения подобной инвеституры не было обязательным. Достаточно было отправить киличеев, или таких послов мог отправить хан (примером тому может послужить ярлык Токтамыша польскому королю Владиславу II Ягайло или возведение в московские великие князья Василия I в 1389 г. послом великого хана⁸⁶).

Любопытно в этом плане выстраивание отношений между Крымским ханством и Литовским великим княжеством в первой половине XVI в. Разгромив в 1502 г. Большую Орду, хан Менгли-Гирей стал считать себя правопреемником Большой Орды и Джучиева улуса (об этом свидетельствуют многочисленные ссылки в посланиях на

⁸⁴ Там же. Т. 1. № 193. С. 243.

⁸⁵ Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, и по разным предместьям. Вильно, 1843. Ч. 1. № 31. С. 62.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 218.

традицию – «старину», «первых царей», «дедов», «отцов»). Соответственно, он считал себя сюзереном всех некогда подчиненных Орде земель. В том числе тех, которые вошли в состав Великого княжества Литовского.

Реалии политической ситуации начала XVI в. привели к выработке формулы, по которой литовские великие князья должны были выплачивать крымскому хану ежегодные поминки, которые рассматривались татарами как дань. Выплаты не были регулярными, это литовский князь объяснял тем, что шлет посольства от себя лично, а не от подвластных ему земель.

При этом «ордынщина» регулярно собиралась в казну великого князя, в том числе и с территорий, сведений о выплате дани с которых источники XIII–XIV вв. не сохранили.

Идея об освобождении русских земель в составе ВкЛ формируется в XV–XVI вв., отражая фактическое положение дел в связи с существенным влиянием великого князя Витовта на борьбу за верховную власть в Орде. В условиях острой борьбы за наследие Киевской Руси с Москвой в Вильно формулируется утверждение, что вхождение русских земель в ВкЛ освобождало их от ханской власти.

Анализ актового материала опровергает это для XIV в. Ослабление Орды вызывало прекращение подданнических отношений. Усиление – возрождение атрибутов зависимости. Положение южных и юго-западных земель по отношению к власти Орды мало чем отличалось от ситуации Московской Руси. С одним лишь отличием – там долгое время не афишировали стремление к независимости. Утверждения же об освобождении от ордынской власти русских земель в составе ВкЛ было вызвано политической конъюнктурой, прежде всего XVI в.

Русские земли не стремились в состав ВкЛ для освобождения от ордынской зависимости. Они не могли противостоять экспансии литовских князей.

В 1360-х гг. в Джучиевом улусе разгорелась «великая замятня», и правители ВкЛ предприняли шаги по присоединению русских земель. Однако великий князь Ольгерд столкнулся в своей экспансионистской политике с устремлениями крупных княжеств Северо-Восточной Руси – Московского, Тверского, Нижегородско-Суздальского, а также интересами Рязанской, Новгородской и Псковской земель. Б. Н. Флоря определил цели литовской политики 60-х гг. XIV в.: «нанести военное

поражение Московскому великому княжеству и лишить московского князя владимирского великокняжеского стола». Тогда Владимирское великое княжение должно было перейти к шурину Ольгерда тверскому великому князю Михаилу Александровичу. Результатом могла стать утрата Московским княжеством лидирующей роли в Северо-Восточной Руси, и «в этом районе возобладало бы литовское влияние. Тем самым одновременно была бы устранена потенциальная угроза господству литовских феодалов над белорусскими и украинскими землями». Ольгерд в конце 1360-х – начале 1370-х гг. целей не достиг. Тем не менее он получил поддержку со стороны Орды. Фактический правитель наиболее крупного из осколков Джучиева улуса темник Мамай оказывал помощь тем княжествам, которые активно противодействовали стремительному усилению Москвы. Б. Н. Флоря справедливо отмечает, что «на данной основе могло возникнуть сближение между Мамаевой Ордой и Великим княжеством Литовским»⁸⁷

По наблюдениям Б. Н. Флоры, «сближение это наметилось не сразу»⁸⁸. В начале 1360-х гг. ВкЛ воспользовалось начавшимся распадом Орды. В 1363 г. Ольгерд разгромил в бассейне Буга ордынских князей Хаджибея, Кутлубугу и Дмитрия, распорядившихся Подолией. Поражение же ордынцев привело к тому, что в Подолии «Олгирдовым произволением и с помощью Литовские земли» сели племянники Ольгерда – Кориатовичи⁸⁹.

Однако Б. Н. Флоря обращает внимание на то, что, «возможно, открытой войны между обоими государствами не было, так как упомянутые князья могли быть противниками Мамаея». Тем не менее, «несомненно, литовская активность на юге находилась в противоречии с интересами мамаевой Орды, непосредственно граничившей с Великим княжеством»⁹⁰.

Под 1365 г. мы встречаем летописную запись следующего содержания: «Тое же зимы еда изъ Литвы Веснеилясь Коултубузинъ сынъ былъ во Тфери»⁹¹. С. М. Кучинский предлагает прочтение фрагмента данного отрывка текста как «изъ Литвы [к] весне Иляс Коултубузинъ

⁸⁷ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 148–149; см. также: Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 117–118.

⁸⁸ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 150.

⁸⁹ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 66; и др.

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 150.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 79.

сынъ» и упомянутого, по его мнению, Ильяса отождествляет с Ильяс-беем, сыном Кутлубуги, который упоминается в 1380 г. как наместник Солхата в Крыму. Такое отождествление ордынского посла относит его миссию к внешнеполитическим акциям Мамаю. Однако Весне-илясь (Ильяс) мог быть сыном одного из разгромленных на Синих Водах Ольгердом ордынских князей – Кутлубуги. Это позволяет предполагать, что Ольгерд в 1362 г. разбил сторонников Мамаю либо после поражения они вынуждены были признать его власть.

Так или иначе, названный в записи Ильяс, сын Кутлубуги, — несомненно, посол Мамаю, ездивший в Литву, а затем посетивший Тверь, что, вероятно, свидетельствует о начавшемся сближении Твери и Литвы с Ордой. Б. Н. Флоря справедливо считает, что «поездка посла, вероятно, не случайно пришлась на тот момент»⁹², когда на тверской княжеский стол шел шурин Ольгерда князь Михаил Александрович. Следовательно, Мамаю предпринял в 1365 г. значительные шаги к сближению с Ольгердом, который начал втягивать в намечающийся союз своего зятя – тверского великого князя Михаила Александровича.

Коалиция получила политическое воплощение в начале 1370-х гг., когда Мамаю выдал тверскому князю ярлык на Владимирское великое княжение. Показательно, что для получения инвеституры от Мамаю в 1370 г. Михаил Александрович Тверской поехал в Мамаеву Орду прямо «из Литвы»⁹³.

Любопытно, что, по сообщениям орденских хронистов, в битве с крестоносцами под Рудавой в 1370 г. на стороне литовцев участвовали «татары», что, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о наличии военно-политического соглашения между Ольгердом и Мамаем⁹⁴.

По мнению Б. Н. Флоры, «совпадение интересов союзников не следует преувеличивать. Характерное указание в летописи, что Михаил Тверской отказался от обещанной ему Мамаем вооруженной поддержки, говорит о том, что тверской и литовский князья не были в то время заинтересованы в слишком широком вмешательстве Орды в ход борьбы за Владимирское великое княжение. Кроме того, и Ольгерд, и Михаил Тверской, вероятно, принимали во внимание ту

Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 151.

⁹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 93.

⁹⁴ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 151.

отрицательную реакцию, которую их прямое сотрудничество с Ордой могло вызвать как у населения русского северо-востока, так и у населения русских земель ВКЛ. В итоге на рубеже 60–70-х гг. XIV в. до прямого сотрудничества литовских и ордынских войск дело не дошло. Однако наличие даже частичного соглашения между Литвой и Ордой создавало для московского правительства серьезные трудности»⁹⁵.

В ходе московско-литовской войны 1368–1372 гг. Ольгерду не удалось значительно ослабить военные силы великого князя Дмитрия Ивановича. Начав войну в неблагоприятных для себя условиях, московскому правительству удалось организовать отпор литовскому наступлению. Москва не только не была намерена отказываться от своих притязаний на лидирующую роль среди княжеств Северо-Восточной Руси, но и надежно закрепила за собой основные центры Великого княжества Владимирского. Литве и Твери удалось поставить под контроль лишь некоторые незначительные центры «великого княжения». Кроме того, московское правительство на агрессию литовских и тверских войск отвечало усиленными контрударами по владениям не только тверского князя, но и литовского. Результатом явился тот факт, что на некоторых направлениях Дмитрий не только сохранил, но и смог упрочить свои позиции⁹⁶.

В качестве иллюстрации данного вывода Б. Н. Флоря рассматривает положение, сложившееся в эти годы на землях княжеств бассейна верхней Оки, принадлежавших потомкам черниговских князей. Исследователь отмечает, что «этот район, лежавший на стыке владений Москвы и Литвы, был объектом постоянной борьбы между ними. Одной из целей выступления Ольгерда было укрепление здесь литовского влияния. В 1368 г. Ольгерд двинулся на Москву именно через эти земли, расправляясь с московскими сторонниками среди местных князей; так, в Оболенске был убит князь Константин Юрьевич Оболенский. В ответ на это Дмитрий Донской в 1370 г. «посылал воевать Брянска» Об итогах действий московских войск узнаем из жалобы Ольгерда, посланной в 1371 г. константинопольскому Патриарху. Московская рать не только захватила у литовцев Калугу и Мценск, но и нанесла удар по владениям новосильского князя Ивана: его жена, дочь Ольгерда, была захвачена в плен. В результате в вер-

⁹⁵ Там же. С. 151–152.

⁹⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 562–575; Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 152.

ховских княжествах возобладало московское влияние: в перемирной московско-литовской грамоте 1372 г. старший из местных князей “великий князь Роман” выступает как один из главных союзников Дмитрия Донского»⁹⁷.

Исходом неудачной для Литвы войны явилось фактическое признание руководящей роли Москвы в Северо-Восточной Руси, ведь Ольгерд в 1372 г. заключил мир с Дмитрием, а Михаил Тверской в начале 1373 г. «со княжения с великаго наместники свои свел»⁹⁸.

Источники сохранили крайне скудную информацию о литовско-ордынских отношениях в середине 1370-х гг. Единственное прямое свидетельство о них — летописная запись под 1374 г.: «Того же лета въсенине ходила Литва на татарове на Темеря и бышетъ межи их бой»⁹⁹. По всей видимости, литовский поход на Орду был связан с потерей Мамаем к этому времени (лето—осень 1374 г.) Сарая и ослаблением его власти в степи.

Однако уже к 1375 г. можно предполагать вновь наличие союза Твери, Литвы и Мамаевой Орды против Московского княжества. При чем данные жалованной грамоты подольского господаря Александра Кориатовича Смотрицкому Доминиканскому монастырю от 17 марта 1375 г. четко определяют возможность выплаты дани в степь («...коли вси земляне имуть давати дань у татары, то серебро имают такоже тии люди дати...»¹⁰⁰), что может свидетельствовать в пользу заключения нового договора Кориатовичей и Мамаю.

Показательно также, что, направив весной 1375 г. послов в Орду за ярлыком на «великое княжение», сам Михаил Тверской отправился «в Литву». Там, по справедливому заключению Б. Н. Флори, он,

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89; 92; РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 135—136; ДДГ. № 6. С. 22; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 152—153.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 103, 105.

Там же. Стб. 106. Б. Н. Флоря связывает эту запись с записью в «Летописце великих князей литовских» об одном из литовских правителей в Подолии — великом князе Юрии Кориатовиче: «А князя Юрья Волохове (т. е. жители Молдавского княжества) взяли его себе воеводою и тамо его окормили» (Там же. Т. 35. С. 66). Исследователи, изучавшие деятельность Кориатовичей, относят это событие тоже к 1374 г. Если перед нами неслучайное совпадение во времени, то в «Темере» следовало бы видеть одного из монголо-татарских князей, пытавшихся противодействовать распространению литовского влияния на Молдавию (подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 135—154).

¹⁰⁰ АЗР. Т. 1. № 4. С. 21.

«несомненно, информировал о своих планах Ольгерда и Кейстута. О литовской реакции на его действия красноречиво свидетельствует тот факт, что по возвращении в Тверь, получив в июле 1375 г. из Орды ярлык, тверской князь объявил войну Дмитрию Ивановичу. В последующем рассказе ясно указывается, что в Твери “надеялись помочи от литвы и от татар”»¹⁰¹.

Однако стремительные действия князя Дмитрия Ивановича сорвали планы его противников. В начале сентября 1375 г.¹⁰² по заключенному договору Михаил Тверской признал Дмитрия Ивановича «братом старейшим» и обязался действовать вместе с ним против Орды и Литвы, к примеру, «боронити» земли великого князя Смоленского¹⁰³.

Однако уже осенью 1375 г. имели место нападения литовских и ордынских войск на земли союзников Москвы: Ольгерд «повоевал смоленскую волость», а войска Мамая сожгли Новосиль¹⁰⁴. Однако эти акции не смогли серьезно изменить политическую ситуацию в регионе.

Провал литовской политики в Северо-Восточной Руси совпал с неудачами на других направлениях. В конце 1376 г. литовские князья во главе с Кейстутом попытались закрепиться в Галицкой земле. Однако война с соединенными под властью короля Людовика I Анжуйского Польшей и Венгрией закончилась в конце 1377 г. ВКЛ потеряло ряд городов на Волыни. Оставшиеся же на уделах в Подолии и Волыни Гедиминовичи признали себя его вассалами. Таким образом, как подчеркнул Б. Н. Флоря, «путь к экспансии на юго-запад оказался закрытым».

Во второй половине 1370-х гг. усиливается натиск на ВКЛ крестоносцев. Войска Ордена неоднократно подходят к ее столице – Вильно. Международное положение ВКЛ стало неблагоприятным, и литовские князья не могли оказать поддержки союзнику – Мамаю. Б. Н. Флоря отмечает, что «поражение, нанесенное московской ратью войскам

¹⁰¹ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 154.

¹⁰² Об осаде Твери подробнее см.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 578–581; Горский А. А. Москва и Орда. С. 91–92. ДДГ. № 9. С. 25–26; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 52–54.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113. Исследователи связывают именно с этим временем выезд князя Романа Семеновича Новосильского, по свидетельству родословных, «от насилья от татарского» из Новосила в Одоев (РИИР. Вып. 2. С. 112; Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 155; и др.).

Мамая в битве на р. Воже (1378 г.)... способствовало дальнейшему ослаблению литовских позиций в Восточной Европе».

В разгар событий скончался великий князь Ольгерд. Престол занял его сын Ягайло, положение которого осложнялось обострившимися отношениями виленской и трокской группировок литовско-русского боярства.

Б. Н. Флоря, рассматривая внутривосточную ситуацию в ВКЛ, приходит к следующим выводам. В правящих кругах Литвы «разногласия не касались восточной политики... так как политика Москвы угрожала господству обеих группировок над русскими землями и речь шла... о переделе сфер влияния, о возможной доле в “восточной добыче”... Важнейший шаг литовской внешней политики 1378 г. – поездка брата Ягайлы Скиргайлы на запад, предпринятая... с санкции трокского и виленского дворов, свидетельствует о том, что к этому времени руководители Великого княжества... приняли согласованное решение добиваться передышки в борьбе с Орденом, чтобы возобновить наступление на Москву... Одновременно... имело место путешествие князя Андрея Полоцкого по русским землям»¹⁰⁵. Новгородская I летопись младшего извода отмечает: «На ту же зиму (зима 1377/78 г. – *Авт.*) прибежа во Псков князь Литовьский Ондрей Олгердович и целова крест ко псковичам и поиха на Москву из Новаграда ко князю к великому к Дмитрию, князь же прия его»¹⁰⁶. Приведенные сведения уточняет Псковская I летопись: «Прибежа князь Андрей Олгердович во Псков и посадиша его на княжении»¹⁰⁷. Данное сообщение дополняется сведениями хроники орденского герольда Виганда из Марбурга: «Магистр [ливонский]... перешел к крепости Псков, где русские просили магистра дать себе правителя (*regem*), затем по совету прецепторов дал им в правители Андрея из королевского рода (*de sere ine regio*)».

Старший из сыновей Ольгерда Андрей как подручник отца в 1341–1348 гг. был князем Псковским, а позднее занял полоцкий престол. Употребление в Новгородской I и Псковской I летописях выражения, что Андрей Ольгердович «прибежал» в Псков, говорит о том, что полоцкий князь был вынужден срочно покинуть территорию ВКЛ¹⁰⁸. По всей видимости, это было связано с конфликтом сыновей Ольгерда, после того как преемником был назначен сын от второго

¹⁰⁵ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 155–158.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 375.

¹⁰⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 24.

¹⁰⁸ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 158.

брака Ягайло. Старшие братья полагали, что у них прав на трон больше, и не желали подчиняться Ягайло¹⁰⁹. В конфликте с великим князем Андрей получил поддержку со стороны полочан, не желавших принимать присланного из Вильно князя Скиргайло.

Как считает Б. Н. Флоря, «в такой позиции полочан следует, вероятно, наряду с другими причинами видеть и отзвук недовольства боярства “русских” земель направленностью внешней политики Великого княжества».

Исследователь отмечает, что о том, что «Андрей Ольгердович стал псковским князем, сообщают два независимых друг от друга источника – псковская летопись и Виганд из Марбурга. Поэтому данный факт не может вызывать никаких сомнений»¹¹⁰. Таким образом, можно считать достоверным сообщение «Летописной повести», что накануне Куликовской битвы к Дмитрию Донскому пришел «князь Андрей Полоцкий и с плесковичи»¹¹¹.

Бежав из ВКЛ, Андрей Ольгердович стал врагом великого князя Литовского, и ливонский магистр мог способствовать его вокняжению во Пскове. Его роль не стоит преувеличивать, поскольку после пятилетней войны Ордена с Новгородом и Псковом вряд ли рекомендации магистра могли вызвать у псковичей большое доверие. По мнению Б. Н. Флори, «если сразу по выезде из Литвы Андрей Ольгердович был посажен на псковский стол, то, очевидно, он “выбежал” не один, а с достаточно большой дружиной, в числе которой должно было быть много полочан, если учесть, что к 1378 г. Андрей Ольгердович был полоцким князем свыше 30 лет. В составе его дружины эти полочане участвовали затем в Куликовской битве»¹¹².

Андрей Ольгердович из Пскова направился в Новгород, а оттуда – в Москву. А. Смолька предположил, что полоцкий князь хотел побудить Новгород и Москву к выступлению против Ягайло. По его мнению, Андрею Ольгердовичу удалось добиться успеха, и при его активном участии сложилась коалиция из Москвы, Новгорода, Пскова

¹⁰⁹ В этой связи показателен факт того, что в сентябре 1377 г., в то время когда король Людовик I венгерский вел войну с литовцами, Федор Ольгердович, княживший в Ратне (на Вольни), добровольно принес ленную присягу королю, мотивировав свой шаг тем, что он не желает признавать великим князем Ягайло, так как у него больше прав на то, чтобы «наследовать» Ольгерду (Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 158).

Там же. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 158–159.

Повести о Куликовской битве. С. 31.

¹¹² Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 159.

и Ордена, угрожавшая самому существованию литовской монархии. Первым действием коалиции исследователь считал поход московской рати на Литву в 1379 г. Борьба с угрожавшей Литве коалицией была основным мотивом, определявшим действия Ягайло и, в частности, его линию на сближение с Ордой. Однако мнение о существовании такой коалиции подверг справедливой критике Б. Н. Флоря. Исследователь отметил, что в первую очередь «соображения о союзе между Орденом и русскими княжествами опираются по существу лишь на сообщение Виганда об участии ливонского магистра в вокняжении Андрея Ольгердовича во Пскове. Отсутствие иных данных о взаимоотношениях Ордена с Москвой и Новгородом на рубеже 70—80-х годов XIV в. не позволяет делать из этого единственного факта каких-либо определенных выводов»¹¹³.

Не менее спорно утверждение о союзе Москвы и Новгорода, направленном против Литвы. И. Б. Греков, анализируя политику Новгорода второй половины 70-х гг., справедливо указал на факты, которые такому утверждению прямо противоречат¹¹⁴. Б. Н. Флоря обращает внимание на запись Новгородской I летописи о том, что зимой 1379/80 г. «прииха в Новѣгород князь Литовьскый Юрьи Наримантович», а в марте 1380 г. в Москву направилось большое новгородское посольство во главе с архиепископом Алексеем. Переговоры завершились тем, что Дмитрий Донской «к Новугороду крест целовал на всей старине новгородчкой и на старых грамотах»¹¹⁵. Исследователь, со ссылкой на А. Е. Преснякова¹¹⁶, который, анализируя данный текст, расценил его как свидетельство «розмирья» между Москвой и Новгородом, приходит к выводу, что именно из-за этих событий и пришлось посылать в Москву столь представительное посольство. «Поскольку еще в 1375 г. между Москвой и Новгородом был не только мир, но и союз, а в последующие годы источники не отмечают каких-либо конфликтов между Москвой и Новгородом, то, судя по всему, “розмирье” было вызвано тем, что Новгород принял к себе на службу литовского князя как раз в то время (зима 1379/80 г.), когда между Москвой и Литвой шли, как мы увидим далее, военные

¹¹³ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 160.

¹¹⁴ Греков И. В. Указ. соч. С. 95–97.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 375–376.

¹¹⁶ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918. С. 318.

действия»¹¹⁷. Однако необходимо отметить, что Юрий Наримантович являлся сторонником Кейстута и Витовта – противников Ягайло и Скиргайло.

Об этих боевых действиях сохранилось лишь свидетельство московской летописи: «Тое же зимы князь великий Дмитрей Иванович, собрав воя многы и посла с ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Олгердовича Полотьского да князя Дмитрея Михайловича Волыньскаго и иныя воеводы и велможи и бояре многы и отпусти я месяца декабря в 9 в пяток, отпусти их ратию на Литовьския города и волости воевати. Они же шедьшеса взяша городъ Трубческы и Стародуб и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вой, русстии полни, цели быша, приидоша в дома своя со многыми гостьми»¹¹⁸. Выбор для похода зимнего времени обуславливался тем фактом, что, как правило, в зимнее время ордынцы не совершали набегов. Следовательно, русское войско могло уйти с южной границы Московского княжества, не опасаясь нападения Мамай на собственную территорию. Определяется также район действий русской рати – Северская земля. Сначала они заняли г. Трубчевск на Десне, а затем продвинулись на запад к Стародубу. Судя по всему, на обозначенной территории русские войска ранее никогда не действовали, не затрагивая земли южнее Брянска. Само Московское великое княжество с этими землями непосредственно не граничило: на юго-западном направлении московские земли доходили до Калуги, а дальше на юг шли владения потомков черниговских князей – позднейшие Верховские княжества. Б. Н. Флоря подчеркнул, что «в трудных зимних условиях московские войска сумели пройти так далеко на юг, очевидно, лишь благодаря поддержке черниговских князей – союзников Дмитрия Донского»¹¹⁹.

Результаты вполне удачного военного похода на литовскую территорию московских ратей были во многом определены позицией находившегося в Трубчевске сына Ольгерда Дмитрия. Он, как свидетельствуют данные летописи, «не стал на бои, ни поднял руки противу князя великаго и не биася, но выиде из града с княгинею своею и з детми и с бояры своими»¹²⁰. Б. Н. Флоря отмечает, что «из

¹¹⁷ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 160–161.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138.

¹¹⁹ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 163.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138.

летописной записи ясно видно, что соглашение Дмитрия Ольгердовича с московскими воеводами было одобрено его «боярами», что определенно свидетельствует о тяготении местных феодалов к великорусскому политическому центру»¹²¹. Известно, что в «Сказании о Мамаевом побоище» говорится о приходе братьев Ольгердовичей к Дмитрию Донскому из Северской земли¹²², а в некоторых версиях «Летописной повести» указывается, что Дмитрий Ольгердович пришел к Дмитрию Московскому «з брянци» (Ермолинская летопись)¹²³ или «с силою Дьбряньскою» (Московский свод конца XV в.)¹²⁴. Однако Ю. К. Бегунов показал, что рассказ «Сказания» об Ольгердовичах полон многочисленных анахронизмов и должен быть признан продуктом литературного вымысла¹²⁵, а версии «Летописной повести», где читаются указанные выше чтения, представляют собой переработку более раннего текста памятников, представленного текстами Новгородской IV и Софийской I летописей. Тогда как в раннем тексте известие о Дмитрии Ольгердовиче изложено иначе: к Дмитрию Донскому пришел «Дмитрий брянский с всеми своими мужи»¹²⁶.

Таким образом, необходимо признать верным заключение Б. Н. Флоря о том, что «в нашем распоряжении нет доказательств в пользу того положения, что после похода зимой 1379/80 г. Дмитрий Ольгердович продолжал владеть Брянским княжеством»¹²⁷.

По свидетельству летописи, после соглашения с московскими воеводами Дмитрий Ольгердович выехал в Москву, где «рядился» с Дмитрием Ивановичем, и в результате великий князь Московский «дать ему град Переяславль и со всеми его пошлинами»¹²⁸. Б. Н. Флоря подчеркнул, что «такое крупное пожалование литовскому князю на московской территории не является единственным в практике русско-литовских отношений конца XIV – начала XV в.»¹²⁹. Аналогичные ему события мы наблюдаем в начале XV в. Именно тогда, в

¹²¹ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 164.

¹²² Повести о Куликовской битве. С. 59–60.

¹²³ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 125.

¹²⁴ Там же. Т. 25. С. 202.

¹²⁵ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 513–516.

Повести о Куликовской битве. С. 31; Салмина М. А. «Летописная повесть о Куликовской битве» и «Задонщина». С. 346–349.

¹²⁷ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 165.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138.

¹²⁹ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 166–167.

1406 г., к Василию Дмитриевичу «приеха... служити» из Литвы князь Александр Нелюб, «а с ним много Литвы и Ляхов», и великий князь «дасть ему Переяславль»; а в 1408 г. из Брянска «приеде» к великому князю младший брат Ягайло Свидригайло, а с ним ряд князей «и бояры Черниговьские и Дебряньские и Любутьские и Рославьские», и получил от Василия I Дмитриевича Владимир, Переяславль и ряд других городов¹³⁰. По мнению Б. Н. Флори, так как и в 1406, и в 1408 гг. «литовские князья были наделены землями в Московском великом княжестве в качестве компенсации за потерянные владения в Литве, то можно думать, что и Дмитрию Ольгердовичу Переяславль был дан в качестве компенсации за потерянный Брянский удел». И далее исследователь делает важный вывод: «И в 1405, и в 1408 гг. литовские князья, получившие в держание Переяславль, приходили в Москву с большим войском, состоявшим, как видно на примере Свидригайлы, в значительной части из боярства их бывших владений. Собственно, на содержание этого войска и выделялись города и волости. Это позволяет полагать, что аналогичным образом и с Дмитрием Ольгердовичем выехали на Москву его дружина и местные “бояре”».

Тем не менее необходимо отметить, что главная цель похода зимы 1379/80 г. не была достигнута: создать на литовской границе надежное прикрытие для русских войск, в любой момент могущих выступить против Мамай, не удалось.

Важное значение для результатов похода имел, по мнению Б. Н. Флори, тот факт, что в 1379 г. было, наконец, достигнуто частичное соглашение с Орденом и литовские феодалы развязали себе руки для действий на востоке. Исследователь подчеркивает, что «начавшиеся осенью 1379 г. переговоры были, несомненно, связаны с более ранней акцией Скиргайлы, хотя характер этой связи не совсем ясен»¹³¹. Если еще в начале августа 1379 г. большое войско крестоносцев вторглось во владения Кейстута, то уже в сентябре начались переговоры о мире между ВКЛ и Орденом¹³². В ходе переговоров в сентябре 1379 г. был выработан при участии Кейстута в Троках договор между Литвой и Орденом, по которому на 10 лет прекращалась война между частью земель Ордена и частью владений Кейстута. Следовательно, обеспечивалась решающая роль трокского центра в решении внеш-

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 234, 237.

¹³¹ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 166–167.

¹³² SRP. Bd. 2. S. 604.

неполитических задач княжества. Вероятно, пойдя на заключение такого договора, крестоносцы рассчитывали использовать его для того, чтобы внушать Ягайло, что Кейстут хочет лишить его трона. Б. Н. Флоря указывает на то, что в результате «Ягайло, хотя и скрепил договор своей печатью, пошел на заключение в мае 1380 г. в Давыдишках тайного договора с Орденом, по которому из мирного соглашения исключались владения Кейстута, и Ягайло обязывался не оказывать ему помощи в войне с крестоносцами (его войска должны были лишь изображать участие в военных действиях). По убедительному предположению Смольки, заключение этого тайного соглашения было прикрыто от трокского двора договором о перемирии между Великим княжеством и Орденом до конца 1380 г. Такой договор, фактически отдававший владения Кейстута крестоносцам, в перспективе был чреват огромной опасностью для Великого княжества, но на ближайшее время позволял Ягайле направить все силы Великого княжества на восток»¹³³. Кейстут, однако, был извещен о тайном договоре Ягайло с Орденом, что должно было серьезно повлиять на отношение трокского двора к планам восточного похода. Он «не мог пойти на риск участия своих основных сил в далеком походе. Он должен был удержать на месте войска хотя бы тех своих земель, которые непосредственно граничили с Орденом, т. е. восточной Аукштайтии и Жемайтии»¹³⁴. Таким образом, надежда бросить против Москвы все силы ВКЛ не смогла реализоваться.

Летописные источники о Куликовской битве единодушно свидетельствуют о договоренности между ВКЛ и Мамаевой Ордой об объединении сил для нападения с юга на Московское великое княжество. Уже в кратком рассказе, восходящем к своду 1408 г., говорится, что Мамай стоял в «поле» за Доном, «ждуша к собе Ягайла на помощь, рати Литовские»¹³⁵, а в «Летописной повести» указывается, что союзники должны были встретиться на Оке в «Семенов день» – 1 сентября 1380 г.¹³⁶ Однако местонахождение и непосредственные действия литовского войска летом–осенью 1380 г. вызывают массу вопросов. К примеру, в рассказе, восходящем к своду 1409 г., о литовской армии ничего не говорится. По сведениям же «Летописной

¹³³ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 167–168.

¹³⁴ Там же. С. 170.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 139.

¹³⁶ Повести о Куликовской битве. С. 30.

повести», литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши»¹³⁷, т. е. находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. Но, по сообщениям «Сказания о Мамаевом побоище», литовцы дошли до Одоева, который находится в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении Дмитрия Ивановича с войском к Дону, Ягайло «пребысть ту оттоле неподвижным»¹³⁸. О выводе Ягайло своих войск на территорию, сравнительно недалекую от места битвы, свидетельствуют известия прусских хроник конца XIV в. В частности, там отмечается, что литовцы нападали на возвращавшиеся с поля битвы русские войска. Ю. К. Бегунов считает эти свидетельства подтверждением правильности версии «Летописной повести»¹³⁹. Однако Б. Н. Флоря обращает внимание на то, что «вряд ли Мамай пошел бы на немедленное сражение, если бы литовское войско находилось так близко от поля битвы, как об этом говорится в “Летописной повести”». Иное дело, если в момент прихода русской рати на Дон он все еще не имел представления о местонахождении литовцев или знал, что они скоро не подойдут. Эти соображения заставляют в данном случае отдать предпочтение версии “Сказания”. Тем самым становятся понятными действия Ягайло. Выясняется не только то, что литовский князь находился далеко от места битвы. Не менее интересно, что к месту столкновения он пошел не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского – черниговских князей, где литовскому войску надо было прокладывать дорогу силой. Очевидно, что Ягайло вовсе не торопился на соединение с Мамаем, а пытался использовать сложившуюся ситуацию в первую очередь для укрепления литовского влияния в землях бассейна верхней Оки»¹⁴⁰.

Причины, которые могли повлиять на действия литовских военачальников, подробно проанализировал И. Б. Греков¹⁴¹. Он отметил два важных фактора. Первый – литовское руководство более всего было заинтересовано во взаимном ослаблении Москвы и Орды, и полная победа Мамаевой Орды не входила в их планы. Второй – западнорус-

¹³⁷ Там же. С. 38.

¹³⁸ Там же. С. 58.

¹³⁹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 507–509.

Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 171.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 134–135.

ские и южнорусские полки в составе литовской рати вряд ли охотно бы сражались против московского войска вместе с ордынцами.

Тем не менее Б. Н. Флоря подверг сомнению роль первого из этих факторов. По его мнению, «анализ развития литовско-ордынско-московских отношений показывает, что идея прямого военного сотрудничества Литвы и Орды против Московского княжества появилась не сразу, а ее появление отражало факт осознания политиками обеих стран, что Москву нельзя победить, действуя в одиночку. Думается поэтому, что Ягайло и его окружение не были все же заинтересованы в том, чтобы предоставить монголо-татар самим себе, и решающую роль надо приписать действию второго фактора».

Исследователь приходит к заключению о том, что в 1360–1370-х гг. «внешняя политика... Великого княжества Литовского в один из важнейших моментов развития восточноевропейского региона оказалась фактически парализованной из-за проявившихся... противоречий между интересами литовского боярства и интересами подчиненных Литве земель. ...Становится ясным, почему именно после Куликовской битвы Великое княжество окончательно вступило в полосу длительного политического кризиса, из которого литовское боярство... нашло выход в широком соглашении с польскими феодалами, что позволило обеим сторонам сохранить свое господство над белорусскими и украинскими землями»¹⁴².

¹⁴² Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 172–173. ▀

РУСЬ И МАМАЕВА ОРДА В НАЧАЛЕ 1370-Х ГГ. «РОЗМИРЬЕ» 1374–1379 ГГ.

Начало 1370-х гг. ознаменовалось активизацией отношений русских князей с ханами Мамаевой Орды. Вероятно, это напрямую связано с тем фактом, что в период с 1369–1370 гг. по осень 1374 г. Мамай и его ставленник Мухаммед-Булак контролировали столицу Орды – Сарай, будучи, таким образом, правителями Джучиева улуса.

Чем же отличался Мамай от своих современников: сторонников и противников? Источники не сохранили известий о времени и месте рождения темника. В то же время сохранившиеся сведения позволяют утверждать, что уже при великом хане Бердибеке темник Мамай имел статус старейшего эмира (великого князя). На наш взгляд, упоминание в арабских источниках о таком статусе не следует рассматривать как утверждение, что Мамай входил в ближайшее окружение хана (М. Г. Сафаргалиев¹). Однако и говорить о том, что Мамай не был включен в состав ближнего окружения хана, нет достаточных оснований. Показательно, что в хронике Ибн Халдуна указан лишь его социально-политический статус. Однако там же отмечается, что Мамай был женат да дочери Бердибека по имени Ханум, то есть являлся зятем великого хана – гургеном. Такое положение в Орде было очень почетным.

Арабские авторы отмечают, что еще при жизни хана Бердибека Мамай вступил в должность, равную должности окольного при дворе египетского султана². Известно, что его владением стал Крымский улус. После гибели Бердибека Мамай откочевал на полуостров, вероятно, сохраняя лояльность к ханам Кульпе (ноябрь 1359 – апрель 1360), Наврусу (апрель 1360 – весна 1361) и Хизру (весна 1361 – лето

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 380.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 350, 389, 412.

1361)³. По крайней мере, до лета 1361 г. сведений о борьбе Мамай против правительства в Сарае не сохранилось.

По данным русских летописей, летом–осенью 1362 г. сарайский хан Мурад попытался распространить свою власть на правобережье Волги. Ему удалось разбить войска хана Кильдибека и убить его. Однако Мамай разгромил войска Мурада и вытеснил его на левобережье Волги, распространив свою власть на междуречье Дона и Волги⁴.

Около 1363 г. Мамай выдал ярлык на Владимирское великое княжение малолетнему московскому великому князю Дмитрию Ивановичу⁵.

В 1367 г. после смерти хана Азиза в Сарае начал чеканку своих монет хан Абдуллах. От его имени правил Мамай. К этому времени темнику удалось захватить лишь столицу и ее окрестности. Уже в 1368 г. там отчеканили первые монеты хана Хасана⁶.

Летописи отмечают, что в 1370 г. «Мамай у себе в Орде посадил царя другого Мамат Салтан» (Мухаммед-Булака)⁷. Именно к этому времени относятся первые монеты, выбитые от имени этого хана в Новом Сарае (771 г. х. – 1369–1370 гг.). Однако к 1375 г. Мамай и его ставленник вновь были выбиты на правобережье Волги⁸.

В ноябре 1371 г. Мамай наладил дипломатические отношения с Египтом. Его посольство прибыло к султану. Эль Мухебби приводит обращение, которое применялось по отношению к Мамаю в посланиях: «Да увековечит Аллах всевышний благодать его высокостепенства эмирского, великого, ученого, воинствующего, поддерживателя, единственного, пособника, помощника, многозаботливого, предводительствующего, нойона, эссейфи, славы ислама и мусульман, главы эмиров двух миров, пособника воителей и борцов, вождя ратей, сокровища государства, подпоры царей и султанов, меча повелителей правоверных»⁹. С 1372 г. власть темника распространяется на Прикубанье: с этого года в Маджаре чеканят монеты его ставленника – Мухаммед-Булака¹⁰.

³ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 389–390, 413.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73.

Там же. Стб. 74.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 37–38.

ПСРЛ. Т. 18. С. 109.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 36.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 350, 412.

¹⁰ Сафаргалшев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 382

В противовес Мамаю, контролировавшему Сарай летом–осенью 1362 г., летом 1367–1368 гг. и в 1369–1370 гг. – осенью 1374 г.¹¹, в 1370-х гг. выдвигается Токтамыш (Тохтамыш). Около 1364 г. его отец Туй-ходжа-оглан, правитель Мангышлака, был убит Урус-ханом, владельцем Кок Орды (Синей Орды). По данным персидских источников, Урус-хан неоднократно призывал своего отца Чимпая завоевать Поволжье, но тот отказывался. Взойдя на престол Кок Орды, Урус-хан решил предпринять поход на Сарай. Той-ходжа-оглан отказался принимать в нем участие, за что и был казнен. Токтамыш «один-два раза убежал из Орды», но его прощали, «так как он еще не достиг совершеннолетия»¹².

Около 1375 г. Токтамыш вновь бежал из Орды и прибыл ко двору Тимура. При его помощи Токтамыш закрепился в Отраре и Сайраме. Однако сын Урус-хана Кутлуг-Буга совершил нападение на Токтамыша «и много сражался» с ним. В одном из боев Кутлуг-Буга был смертельно ранен стрелой, но его войска разгромили противника. Токтамыш получил от Тимура новые войска. Однако в битве с другим сыном Урус-хана Токтакием Токтамыш потерпел очередное поражение и чуть не погиб. Ему пришлось переплыть р. Сейхун, и он был ранен стрелой в руку. В речных зарослях его нашел Идигу-барлас, брат Тимура. Токтамыша доставили в Бухару, где находился тогда Тимур. Сюда же прибыл бежавший из лагеря Урус-хана эмир Идигу-мангыт (Едигей). Он сообщил, что ордынский правитель с войсками движется вслед за Токтамышем. Вскоре прибыли послы Урус-хана и потребовали выдачи царевича. Однако Тимур им отказал, выдвинув войска против Урус-хана. Армии простояли друг против друга три месяца (зиму 1375/76 г.). Войскам Тимура удалось захватить Отрар и достичь «Джейран-камыша». Здесь они получили известие о смерти Урус-хана. Токтамыш был объявлен ханом. Тимур вернулся в Самарканд. Однако наряду с сыном Туй-ходжа-оглана ханом был провозглашен сын Урус-хана Токтакия, а после его смерти – Тимур-Мелик-оглан. Его войска в 1376 г. выступили против Токтамыша. Он, вновь потерпев поражение, бежал к Тимуру.

Позднее в Самарканде было получено известие, что Тимур-Мелик «днем и ночью занят питьем вина, развлечениями и удовольствиями, спит до полудня, и, если даже произойдет тысяча важных дел, ни у

Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 204.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 131.

кого не окажется смелости разбудить его». Поэтому «люди отчаялись в нем и все государство и область требуют Токтамышша». В 780 г. хиджры (30 апреля 1378 – 18 апреля 1379) Тимур отправил свои войска в Отрар и Сыгнак. Его армия вторглась в Каратал и разбила Тимур-Мелика, который был взят в плен и был казнен¹³.

Зиму 1379/80 г. хан Токтамыш провел в Сыгнаке. В 1380 г., «когда прибыла повелительница весна и повела свои войска злаков и цветов в сады и цветники», царевич развил наступление в Поволжье и Причерноморье «и покорил царство Сарайское и иль Мамака (Мамая. – *Авт.*)». Мамаева Орда была присоединена к владениям Токтамышша осенью 1380 г. К этому времени силы темника уже были разбиты в Куликовой битве, но не были полностью уничтожены. Ему быстро удалось собрать новые войска, с которыми он планировал очередное вторжение в Северо-Восточную Русь. Однако «приде к нему весть, что идет на него некий царь с востока именем Тактамышш». Мамай направил против него армию, но подчиненные темнику князя «спешше с конев своих и биша челом царю Тактамышшу... и яшася за него». Видимо, это решение ордынской аристократии было вызвано гибелью хана Тюляка (Булака), от имени которого правил темник. Мамай бежал в Кафу, где был убит. А «царь Тактамышш шед взя орду Мамаеву и царицы его, и казны его, и улусы все пойма, и богатство Мамаево раздели дружине своей». После этого Токтамыш отправил послов на Русь.

Русские князья, в том числе и великий князь Дмитрий Иванович, формально признали власть нового хана, отправив в ставку Токтамышша уполномоченных послов – киличеев, которые в отсутствие при ханском дворе своих великих князей имели право вести переговоры и получать в Орде на их имя ярлыки на великое княжение¹⁴.

В 1370-х гг. арабские источники называют Мамай «одним из правителей в землях Узбековых»¹⁵. В 1380 г. русские летописи упоми-

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 131–133.

ПКЦ. С. 82. Подробнее о московских и тверских киличехах и их происхождении см.: *Кузьмин А. В.* Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII–XV вв. Ч. 1 // Проблемы источниковедения / Отв. ред.: С. М. Каштанов. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 147–152, 166; *Он же.* О происхождении рода Аминовых: (к изучению истории киличеев в средневековой Руси) // Государство и общество в дореволюционной России XV – начала XX в.: Сб. статей памяти Н. Е. Носова / Отв. ред.: А. П. Павлов. СПб., 2007. С. 116–121.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 350.

нают темника как узурпатора ханской власти и единственного главу государства: «Некоему убо у них худу царствующу, а все деющу у них князю Мамаю»¹⁶ и «Мамай, разгордевся и мнев себе акы и царя»¹⁷. На контролируемой им территории темник являлся беклярибеком (или «эмир ал-умара» – начальник всего войска)¹⁸. Во внешнеполитических отношениях он стремился предстать как единственный законный глава всей Орды. Следовательно, Мамай пытался распространить свою власть на территорию всего Джучиева улуса. Это подтверждается его неоднократными попытками закрепиться в Сарае.

Активизация отношений правителей Руси с Мамаем была связана с поездкой в начале ноября 1370 г. к нему тверского великого князя Михаила Александровича. Ему, «многы дары раздавъ и многы посулы рассулив», удалось зимой–весной 1371 г. получить ярлык на Владимирское великое княжение, ранее переданный темником Дмитрию Ивановичу Московскому. В Северо-Восточной Руси правителя Твери «не токмо не прияша... но и переимали его по заставам и многими пути ганялися за ним»¹⁹.

Князь Михаил 10 апреля вернулся в Тверь в сопровождении посла Сары-ходжи. В ответ Дмитрий Московский привел к присяге жителей Владимирского княжества. Его войска заняли Переяславль-Залесский и не допустили тверского князя в столицу. Дмитрий Иванович заявил послу: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое не пущаю, а тебе послу путь чист». В результате переговоров посол Сары-ходжа прибыл в Москву и, «поймав многи дары, поиде в Орду»²⁰.

В сложившейся ситуации московский великий князь принял решение ехать к Мамаю. Летом 1371 г. князь Дмитрий «многы дары и велики посулы подавал Мамаю и царицам и князем». Мамай отпустил Дмитрия Ивановича «с любовью, опять дав ему княжение великое». Московский летописец писал, что князь «княженъе великое укрепив под собою, а супостаты своя победивъ, посрами. Выведе же съ собою из Орды княжа Михайлова сына Тферьскаго князя Ивана, окупивъ его у Татаръ в долгу»²¹. Великому князю Михаилу Александровичу Твер-

¹⁶ ПКЦ. С. 22.

Там же. С. 30, 65.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 347; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй... С. 90.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 93.

²⁰ Там же. Стб. 95–96.

²¹ Там же. С. 187.

скому Мамаем было объявлено: «Княжение есмы тебе дали великое и давали ти есми рать и ты не понял, рекл еси своею силою сести»²².

Дмитрий Иванович, таким образом, переориентировал свою ордынскую политику на отношения с Мамаем. Однако уже в 1373 г. намечаются первые признаки нарастания противоречий между Москвой и Эски-Кырымом (столица владений Мамая). Летом 1373 г. войска Мамая совершили набег на Рязанское великое княжество. В ответ Дмитрий Московский выдвинул свою рать к Оке²³. Никоновский свод оценивал события как открытую конфронтацию, поскольку московский великий князь в свои пределы «татар не пустиша»²⁴, однако это – интерпретация 1520-х гг. составителя свода.

Более верно считать конец 1360 – начало 1370-х гг. периодом мирных отношений с Ордой, учитывая постоянную борьбу Москвы с Тверью, за спиной которой стояло ВКЛ. Начинать войну с Мамаем при напряженности на западной границе было бы самоубийством. Правда, зимой 1373/74 г. Москва добилась значительного дипломатического успеха – «створишеться миръ князю великому Михаилу Александрович[ю] со княземъ великимъ съ Дмитриемъ с Ъвановичемъ и сына его князя Ивана съ любовью князь великии Дмитрии отпустиль съ Москвы въ Тферь. А князь великии Михаило Александровичъ со княжения съ великаго наместники свои свель и бышеть тишина и отъ оузь разрешение христианомъ и радостию възрадовалися, а врази ихъ облекошася в студь»²⁵.

Как полагает Г. М. Прохоров, «...нормализация отношений Москвы с Тверью устраняла причину неоднократных конфликтов Литвы с Москвой. Одновременно достигалось нечто еще более значительное: образовывалась система княжеств, связанных миром, союзом и единым митрополитом. Основу конфедерации, к которой присоединились Литва и Тверь, составляли Московское княжество (глава которого, владея великим княжением Владимирским, был ведущим) и Нижегородское»²⁶. Картина представляется приукрашенной: вряд ли ведущие политические центры Восточной Европы, такие как Вильно, Тверь и Нижний Новгород, смогли принять главенство Москвы.

²² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 96–97.

²³ Там же. Стб. 104.

²⁴ Там же. Т. 11. С. 19.

²⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 105.

²⁶ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 27; ПСРЛ. Т. 11. С. 19–20; Т. 25. С. 189; и др.

Косвенно на реальное существование хрупкого союза княжеств указывает неожиданное известие летописей о том, что «князю великому Дмитрию Ивановичу Московьскому бышетъ розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»²⁷ (Никоновский свод добавляет, что «у Мамая тогда во Орде бысть мор велик»²⁸). В «розмирье» с ордынцами вступила не только Москва, но и Нижний Новгород, и ВКЛ. Осенью этого года («въсенине») власти ВКЛ предприняли поход на татар: «Ходили Литва на татарове, на Темеря, и бышетъ межи их бой». «Того же лета новгородци Нижняго Новагорода побиша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу, а стареишину их именем Сарайку рукама яша и приведоша их в Новьгород Нижнии и с его дружиною»²⁹. Кроме того, новгородские ушкуйники летом 1374 г. разграбили болгар, спустились до Сарая, продолжив активные действия против татар и иностранных купцов. Единовременность антиордынских выступлений еще нельзя рассматривать как подтверждение наличия единой политики перечисленных участников гипотетической коалиции.

Такое единодушие действий против Мамая именно летом 1374 г. можно связать с его ослаблением и потерей им левобережья Волги (а не в первой половине 1375 г.) и обеих столиц Орды – Сарая и Нового Сарая. Анализируя монетную чеканку в данных городах, А. П. Григорьев пришел к заключению, что «в 776 г. х. (12 июня 1374 – 1 июня 1375 г.) Урус выдворил Бюлека (ставленника Мамая. – *Авт.*) из Нового Сарая, а Салчи-Черкес в том же году совершил нападение со стороны Хаджитархана на прежнюю столицу – Сарай – и овладел им»³⁰.

Показательно, что термин «розмирье» для характеристики русско-ордынских отношений до этого в летописях не употреблялся. А. А. Горский считает, что «он использовался только при описании конфликтов между русскими князьями». При этом слово «розмирье» указывает «на то, что разрыв был открытым»³¹. Несомненно, что Москва прекратила выплаты дани³².

Н. С. Борисов считает, что наиболее раннее известие в Рогожском летописце: «Князю великому Дмитрию Ивановичу Московьскому бышетъ розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»³³ – состоит из двух

²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106.

²⁸ Там же. Т. 11. С. 19–20.

²⁹ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 28–29.

³⁰ Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 45.

³¹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 86.

³² Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 96.

³³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106.

частей. «Первая, изначальная – сообщение о “розмирии” (то есть войне) Дмитрия с татарами. Вторая – прибавление “и с Мамаем” Очевидно, добавление относительно Мамаю появилось позднее, при переработке первоначального текста». Т. е. не с изгоем Мамаем, а со всей структурой ордынской власти над Русью³⁴. Это оригинальное наблюдение Н. С. Борисова заставляет более внимательно рассматривать период 1374–1382 гг. как ключевой момент при становлении идеи независимости Руси от Орды, а не только противостояния узурпатору Мамаю. Однако интерпретировать свидетельство можно и в том смысле, что «розмирье» было именно с Мамаем: союз «и» применен как уточняющий³⁵. Поскольку в степи татары подчинялись не только ему, требовалось пояснение, что конфликт начался «с татарами, с Мамаем» или «с татарами (с Мамаем)».

В ситуации потери центральных ключевых земель Орды и эпидемии Мамай смог лишь организовать набег на нижегородско-суздальские владения, вероятно, в отместку за смерть послов. Ордынцы «взяша Кышь и огнем пожгоша и убиша тогда боярина Парфения Федоровича и Запьянье все пограбиша, людие же изсекоша, а иных плениша»³⁶.

Летом 1375 г. темник достиг дипломатического успеха. 13 или 14 июля 1375 г. его посол Ачи-ходжа (Ажи-ходжа) и гость-сурожанин Некомат прибыли в Тверь с ярлыком на Владимирское великое княжение. Только вернувшийся из ВКЛ князь Михаил Александрович получив ярлык, «има веру льсти бесерменьской», «ни мало не пождав, того дни послал на Москву ко князю к великому Дмитрию Ивановичю, целование крестное сложил, а наместники послал в Торжек и на Угличе поле ратию»³⁷. За его спиной вновь стояло ВКЛ. Шаткая антимамаевская коалиция княжеств распалась.

Дмитрий Иванович предпринял ответные действия. Как владимирский великий князь он уже к 29 июля 1375 г. собрал ополчение со всех подвластных ему земель и союзных княжеств. Под его знамена собрались полки суздальско-нижегородского, стародубского, ростовского, ярославского, моложского и белозерского князей. Пришли войска и тех князей, чьи земли не входили в Владимирское великое

³⁴ Борисов Н. С. Куликовская битва в контексте русско-ордынских отношений в последней четверти XIV в. // Куликовская битва в истории России. С. 129.

³⁵ Горский А. А. Москва и Орда. С. 166. Примеч. 78.

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 190.

³⁷ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109–110; Т. 15. С. 434.

княжество, – Ивана Васильевича Смоленского³⁸, Романа Семеновича Новосильского, Семена Константиновича Оболенского и его брата Ивана Тарусского. В походе приняли участие служилый двор («полк») бывшего брянского князя Романа Михайловича. Прибыл и кашинский князь Василий Михайлович, владения которого входили в состав Тверской земли. Такая поддержка Дмитрия Ивановича наглядно свидетельствовала о том особом месте, которое занял московский великий князь среди правителей Северо-Восточной Руси. Союзники быстро осадили Тверь и вынудили тверского великого князя отказаться от претензий на Владимирское великое княжение³⁹.

Мамай попытался разрушить этот союз русских князей, совершив карательные набеги на владения его участников. Жертвами были выбраны княжества наиболее удаленные от владений Дмитрия Ивановича, куда быстро не могли прибыть московские полки на помощь. Удару подвергся Нижний Новгород «и тако всю землю Новагорода Нижнего поплениша». По Никоновской летописи причиной похода было именно участие в войне с Тверью: «Почто естя ходили ратью на великого князя Михаила?» Под тем же предлогом («Почто естя воевали Тверь?») другая изгонная рать Мамаева совершила набег на Новосиль, «и тако... землю всю пусту створиша»⁴⁰. Надо полагать, объяснения принадлежат позднему летописцу.

Не менее тревожно прошел 1376 г. В записях за этот год в летописях отмечается, что «князь великий Дмитрий Иванович московский ходил ратью за Оку реку, стерегоя рати татарския от Мамаева»⁴¹.

1377 г. оказался насыщен активными военными действиями. В начале года московские войска во главе с Дмитрием Боброком-Волынским и нижегородско-суздальские рати во главе с Василием и Иваном Дмитриевичами вновь разорили Булгарский улус. Источники описывают поход как инициативу исключительно русских князей. Решающее сражение состоялось 16 марта под стенами Булгара. По наступающим велся огонь из луков, самострелов, а со стен города пушечный огонь («гром пушающе»). Часть войск для устрашения русских воинов была выведена верхом на верблюдах. Но русская рать стремительным ударом по всему фронту обратила противника

³⁸ Горский А. А. Русские земли в XII–XIV вв.: пути политического развития. М., 1996. С. 37–38; *Он же*. Москва и Орда. С. 91, 99.

³⁹ ДДГ. № 9. С. 25–26; Горский А. А. Москва и Орда. С. 91–92.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 24.

⁴¹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106.

в бегство. Признав поражение, эмиры Хасан и Мамат-Салтан выплатили контрибуцию около 5000 рублей. В Булгаре были оставлены московский даруга (сборщик дани) и таможенник. Затем войска стали отходить, «много зла створивше поганым, суды их и села и зимовища пожгоша, а людей изсекоша»⁴². На время из-под влияния Мамаю был выведен один из ключевых поволжских улусов.

Однако последующие события для Руси были не столь успешны. Летом 1377 г. в левобережье Волги, во владения Мамаю, перекочевал «из Синее Орды» Чингисид Араб-шах (Арапша), который «бе... свиреп зело, и ратник велий, и мужествен, и крепок... и победи многих». Для отражения его возможного нападения была выдвинута московско-нижегородско-суздальская армия к р. Пьяне. Однако Араб-шах оказался в правобережье Дона (на Волчьей Воде). Русские князья и воеводы «оплошишася... доспехи своя въскладоша на телеги, а ины в сумы, а щиты и копия не приготовлены... А где наехаху въ зажитии медь или пиво и испиваху до пиана без меры и ездять пиани»⁴³. Ситуацией воспользовался Мамай. Врага к русскому лагерю подвели мордовские князья. Разделившись на пять отрядов, ордынские и мордовские войска внезапным ударом прижали русских к Пьяне. Русская армия была уничтожена, многие утонули в реке⁴⁴. Битва произошла 2 августа 1377 г. Развивая успех, ордынцы начали наступление на Нижний Новгород. Великий князь Дмитрий Константинович, не имея войск для отражения врага, бежал в Суздаль. Население Нижнего Новгорода по Волге на судах уплыло в Городец. 5 августа изгонная рать захватила Нижний Новгород. 7 августа ордынцы вышли из него, пройдя широкой облавой по всему княжеству, «села жгучи и множество людей посекоша, а жены и дети и дивици в полон бецисла поведоша»⁴⁵.

В конце августа в Поволжье «пришед прежереченный Арапша». Он «пограби Засурье и огнем пожже и отъиде с полоном во свояси». Осенью князья Мордовского улуса внезапным набегом разорили окраины Нижегородской земли. Однако князь Борис Городецкий их нагнал и уничтожил часть мордовского арьергарда. Однако теперь за Пьяну русские войска не пошли.

⁴² ПСРЛ. Т. 25. С. 192.

⁴³ Там же. Т. 11. С. 27; Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118.

⁴⁴ Там же. Т. 3. С. 375; Т. 4. С. 307–309; Т. 5. С. 236; Т. 8. С. 25–26; Т. 11. С. 27–28; Т. 15. С. 436–437; Т. 15. Вып. 1. Стб. 118–119; Т. 16. Стб. 104–105; Т. 18. С. 118–119; Т. 23. С. 120–121; Т. 24. С. 134; Т. 25. С. 193; Т. 26. С. 124; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 70–71, 248–249, 330–331; Т. 30. С. 122–123; Т. 37. С. 75; и др.

⁴⁵ Там же. Т. 11. С. 27–28.

Зимой 1377/78 г. великий князь Дмитрий Константинович организовал новый поход на мордовские владения. Во главе войск стояли его младший брат князь Борис и сын – Семен Дмитриевич. Великий князь Дмитрий Московский прислал на помощь рать во главе с Федором Андреевичем Свибло. Удар русских войск был внезапным. Не встречая достойного сопротивления, они «взяша всю землю Мордовскую, села и погосты их и зимнища пограбиша пожгоша, а самих иссекоша». Пленных «приведоша в Новгород (Нижний. – *Авт.*) и многими казьми разними казниша их и на леду волочающе их по Волзе псы травиша»⁴⁶.

Еще большей степенью эскалации военных действий между Северо-Восточной Русью и Мамаевой Ордой ознаменовался 1378 г. 24 июля ордынцы неожиданно появились у Нижнего Новгорода и быстро овладели городом, ограбив также его окрестности. Великий князь Дмитрий Константинович предлагал ордынцам контрибуцию, но они отказались от нее. Этот набег преследовал не грабительские, а политические цели.

Тогда же большая рать из Мамаевой Орды была направлена на Московское великое княжество. Дмитрий Иванович и его двоюродный брат Владимир Андреевич выдвинули войска за Оку. К ним присоединился князь Даниил Владимирович Пронский. 11 августа, позволив ордынцам переправиться через р. Вожу, но не давая выстроиться в боевой порядок, русская рать ударом по всему фронту опрокинула противника в воду. В результате панического бегства ордынцы понесли крупные потери.

Повесть «О побоище на Воже» позволяет говорить о значительности ордынской рати, направленной против Москвы. Летописи называют шесть имен ордынских князей: Бегич, Хазибей, Коверга, Корабулук, Костров и Бегичка⁴⁷. Из их числа Бегич пропал без вести, а пять князей было убито.

А. П. Григорьев обратил внимание на то, что в литературе прочно утвердилось мнение о том, что упомянутые в «Повести о битве на Воже» ордынские военачальники погибли. «Татарове же въ томъ часе повергоша копия своя и побегоша за реку за Вожу, а наши после за ними бьючи ихъ, секучи и колючи и убиваша ихъ множество, а инии въ реце истопоша. А се имена *избытыхъ* (курсив мой. – *Авт.*)

⁴⁶ Там же. Т. 8. С. 25–26; Т. 11. С. 27–29; Т. 25. С. 193; Т. 27. С. 70–71; и др.

⁴⁷ БЛДР. Т. 6. С. 100.

князеи: Хазибии, Коверга, Карабалукъ, Костровъ, Бегичка. По сихъ же приспе вечеръ и заиде солнце и смерчеса светъ и наста ночь и бысть тма и нелзе бяше гнаться на ними за реку»⁴⁸. А. П. Григорьев отмечает, что «старый русский глагол “избыти” означал “остаться, сохраниться, уцелеть, уберечься”⁴⁹. Названные в летописи 5 князей переплыли на правый берег реки и тем спасли себя от неминуемой гибели. Контекст летописного рассказа подтверждает именно такое понимание его текста»⁵⁰. Множество ордынцев погибло в реке, но, по мнению исследователя, текст приводит имена спасшихся князей, за которыми из-за наступившей темноты не была предпринята погоня. Вероятно, в памятнике речь идет именно об «избитых» (погибших) князьях. Имена погибших летописцу могли сообщить пленные, тогда как имена спасшихся вряд ли могли быть известны русскому автору. Кроме того, для древнерусской письменной традиции характерно называть прежде всего убитых предводителей врага, чтобы подчеркнуть значение победы.

Так или иначе, пятеро из упомянутых лиц (Хазибей, Коверга, Корабулук, Костров, Бегичка) названы летописцем «князьями». Как отмечалось выше, титул «князь» русских источников соответствовал ордынскому титулу «нойон» (эмир), носитель которого являлся тысячником. Титул Бегича не назван, но по статусу командующего он должен был быть не ниже подчиненных и возглавлять как минимум тысячный отряд.

Таким образом, ордынские войска, возглавляемые Бегичем, составляли не менее шести тысяч сабель. Учитывая, что это лишь часть войск (по всей вероятности, спасшиеся), необходимо определить численность ордынских войск не менее «тумена» – десятитысячного корпуса, следующего более крупного, чем «тысяча», войскового подразделения Джучиева улуса.

Примерно к такому же результату можно прийти путем исчисления войск, исходя из потерь, понесенных ордынцами. Несомненно, что названные в летописях пять имен «князей» относились к высшему командному составу. Тогда число не уцелевших тысячников должно было составить пять или шесть человек (в том числе, по всей веро-

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134.

⁴⁹ См., например: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Главн. ред.: С. Г. Бархударов. М., 1979. Вып. 6. С. 104; *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / Главн. ред.: Р. И. Аванесов. М., 1990. С. 460.

⁵⁰ *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 175.

ятности, Бегич). Как установлено Б. Ц. Урланисом, потери данной категории воинского состава относятся к потерям рядового состава как один к пятистам⁵¹. Тогда общие потери ордынских войск в битве на Вожа составят около 2,5 тыс. человек (пять военачальников умножить на 500). При этом соотношение потерь к общему количеству войск для данного времени составляет около 30%⁵². Следовательно, общее количество ордынских войск могло составить около 8300 человек. Итак, то же самое войсковое подразделение в 10 тыс. сабель – тумен.

Таким образом, в битве на Воже с ордынской стороны должно было участвовать около 10 тыс. человек – сражение с ратью Бегича было одной из крупных битв XIV в.⁵³

В сентябре 1378 г. войска Мамаи совершили набег на Рязанскую землю. По летописям поход был вызван участием в Вожской битве пронского князя. «Видевъ же Мамаи изнеможение дружины своея, прибегшее къ нему, а иныя избиты князи и велможи и алпауты и многыя воя своя изгибша, разгневася зело и възъярися злобою. И тое же осени собравъ останочную силу свою и совокупивъ воя многы, поиде ратию вборзе безъ вести изгономъ на Рязанскую землю»⁵⁴. Они «взяша град Дубок и сожгоша, и прочая грады пожгоша, и власти и села повоеваша и пожгоша, и мног полон собравше, возвратишася во свояси»⁵⁵.

Однако в 1379 г. большой поход Мамаи на Северо-Восточную Русь не состоялся. Можно найти несколько причин. Во-первых, весной 1378 г. Токтамыш начал активно устанавливать контроль над улусами Орды между Волгой и Яиком (в том числе над Сараем). С апреля 1378 по апрель 1379 г. ему удалось здесь закрепиться⁵⁶, превратившись в реальную угрозу Мамаю.

Вторым немаловажным событием, которое, по всей вероятности, повлияло на снижение остроты между Москвой и Мамаевой Ордой, стала выдача 28 февраля 1379 г. (в Орде на Днепре (Великий Луг)) ханом Тюляком «Мамаевой дяденой мыслью» ярлыка московскому

⁵¹ Урланис Б. Ц. История военных потерь. М.; СПб., 1998. С. 510.

⁵² Там же. С. 477.

⁵³ Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв.: Справочник. М., 2010. С. 97–98.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 135.

Там же. Т. 5. С. 237–238; Т. 8. С. 33; Т. 11. С. 43; Т. 15. Вып. 1. Стб. 135; Т. 16. Стб. 107; Т. 17. Стб. 40; Т. 18. С. 127; Т. 23. С. 124; и др.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в. С. 18; Он же. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004. С. 205.

претенденту на митрополию Михаилу-Митяю⁵⁷. Еще 12 февраля 1378 г. умер митрополит Алексей. По патриаршему постановлению вакантную кафедру должен был занять Киприан, поставленный в ВКЛ митрополитом именно с целью объединения Русской митрополии после смерти Алексея. Однако великий князь Дмитрий Иванович выдвинул своего духовника Митяя, принявшего при постриге имя Михаила. Положение Михаила-Митяя было шатким. Часть духовенства выразила протест против как самой процедуры его выдвижения лишь по воле великого князя, так и против самой кандидатуры⁵⁸. Для укрепления авторитета как внутри страны, так и в Константинополе, где поставлялся митрополит Руси, Митяй решил заручиться поддержкой контролировавшего причерноморские степи Мамаю.

Сведений о поездке Митяя с вехом великого князя Дмитрия в ставку Мамаю осенью 1378 – зимой 1379 г. в источниках сохранилось крайне мало. Нет в них известий о посылке в степь посольств. По мнению А. П. Григорьева, молчание летописей о подобной поездке «совсем не исключало возможности ее осуществления на деле»⁵⁹. Возможно, данное мероприятие держалось московской дипломатией в тайне. По крайней мере, большинство исследователей связывают выдачу ярлыка Михаилу-Митяю в связи с его поездкой в Константинополь летом–осенью 1379 г.⁶⁰ По данным «Повести о Митяе», «...проходящим им Орду, и ту ят быть Митяй Мамаем, и немного удръжан быв и паки отпущен»⁶¹. Итак, в «Повести» встреча Митяя с Мамаем выглядит как арест. Однако летописные известия говорят, что «Митяи поиде по суху къ Орде»⁶². Это известие источника не оставляет сомнения, что претендент на митрополию двигался по землям Орды, пользуясь покровительством могущественного темника. Между тем противник Митяя суздальский епископ Дионисий направился в Константинополь через Сарай – территорию, контролируемую противниками Мамаю. Данные косвенные сведения говорят о том, что Митяй уже обладал какими-либо гарантиями безопасности. Их мог обеспечить только ярлык, выданный ему ханом Тюляком 12 февраля 1379 г.

⁵⁷ Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 202, 214.

⁵⁸ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 74–82.

⁵⁹ Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 203.

⁶⁰ См., например: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 83.

⁶¹ Рассказ «О Алексии митрополите» и повесть и Михаиле-Митяе // Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. [Приложение III]. С. 222.

⁶² См., например: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 137.

В ярлыке в соответствии с ордынской канцелярской традицией отмечалась необходимость русских священнослужителей молиться за ордынского хана⁶³. Как подчеркивает Г. М. Прохоров, «для человека, занимающего русский митрополичий престол, молиться за царя-хана значит поминать его имя в придворных богослужениях прежде имени своего великого князя. А сам факт такого поминания означает покорность этого князя тому, кто поминается в церкви прежде него». Исследователь делает вполне справедливое заключение о том, что «Мамай потребовал дипломатическим путем восстановить подчинение себе Руси... в ярлыке... подразумевается...: всю Русь, за исключением церкви, которая во главе с митрополитом Михаилом обязуется молиться за нас, мы, Тюляк и Мамай, в соответствии с прежними высокочтимыми законами, облагаем податями...»⁶⁴. Т. е. великий князь Дмитрий Иванович был готов согласиться на эти условия. Вероятно, именно с событиями 1379 г. можно связать заключение «докончания», по которому князь обязался выплачивать «выход» в меньшем размере, нежели было при «цесари Чжанибеке». О специальном договоре с Мамаем упоминается в «Летописной повести о Куликовской битве»⁶⁵. Правда, с таким же успехом в источниках может иметься в виду и соглашение, заключенное во время визита великого князя Дмитрия Ивановича к Мамаю в 1371 г.

Точка зрения Г. М. Прохорова была подвергнута критике А. С. Хорошевым. По его мнению, Митяй поддерживал открытую борьбу с Ордой⁶⁶.

Проанализировав точки зрения Г. М. Прохорова и А. С. Хорошева, А. А. Горский пришел к заключению, что «водораздел между Митяем и его противниками проходил не по вопросу об отношении к Орде, и нет данных для предположений, что великий князь в конце 70-х гг. принимал решения о действиях против Мамаю под решающим влиянием тех или иных лиц духовного звания»⁶⁷.

Тем не менее события, связанные с выдачей ярлыка Михаилу Митяю, его поездкой в Константинополь, а также отсутствие активных

⁶³ Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства, XIV–XV вв. С. 465.

⁶⁴ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 84–85.

⁶⁵ ПКЦ. С. 32–33.

⁶⁶ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 112–119.

⁶⁷ Горский А. А. Москва и Орда. С. 94–96.

действий в 1379 г. со стороны Мамаю наводят на мысль о возможности в это время какого-то переговорного процесса. К сожалению, с полной уверенностью говорить о наличии переговоров и, тем более, об их ходе и результатах мы не имеем никаких надежных оснований.

Известно, что в 1379 г. – начале 1380 г. Мамай укрепил свое положение в степи. Ему удалось подчинить себе весь Северо-Кавказский регион, а с 1380 г. монеты ставленника Мамаю начинают чеканить в Астрахани⁶⁸. Теперь все территории к правому берегу от Волги контролировались Мамаевой Ордой. На руку Мамаю играл и Токтамыш. Он не предпринимал активных военных действий против крымского темника.

Столкновение Руси и Орды становилось все более и более неизбежным.

⁶⁸ Сафаргалев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 394.

ГЛАВА 5

СИЛЫ СТОРОН

Какие же силы мог собрать Мамай для похода на Русь? Русские книжники середины XV–XVI вв. называют огромные для того времени цифры – от 150 тыс. до 200 тыс., 300 030 или 400 тыс., а Устюжский летописный свод – даже 900 тыс. человек¹. Сообщаемое в «Сказании о Мамаевом побоище» число ордынских потерь в 1380 г. намного превышает данные цифры – 1 млн 012 тыс. человек². Они явно фантастичны. Максимальное число войск, которое когда-либо выставяла Орда, зафиксировано в источниках при описании войны 1265 г. Тогда, во время войны против своего двоюродного брата ильхана Ирана Хулагу, хану Берке удалось собрать до 300 тыс. человек³. Причем, чтобы мобилизовать такую массу людей, Берке пришлось сделать «воззвание к войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому десять лет (и более) от роду»⁴. Как правило, монголы выставяли не более 150 тыс. воинов, а в конце XIV в. Орда переживала не лучшие времена, и ее войско не могло сравниться по силе с армиями Батая, Берке, Узбека или Джанибека.

Если же согласиться с такой огромной численностью армии Мамая, то придется столкнуться с рядом неразрешимых вопросов. Как можно было прокормить такое войско, пока оно три недели кочевало вдоль реки Воронеж? Где такая масса людей могла развернуться на Куликовом поле? Невольно бросается в глаза, что данные о многочисленности врага приводятся поздними источниками, причем цифры в рассказах

Бескровный Л. Г. Куликовская битва // Куликовская битва. М., 1980. С. 224. Примеч. 26.

Количество павших русских воинов достигало 253 тыс. человек, «а поганных татар вчетверо больше того убитых» (ПЛДР. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 183, 187).

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 68.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 74.

книжников постепенно нарастали – чем позднее жил летописец, тем большими казались ему силы крымского темника.

§ 1. Силы Мамаевой Орды

Для похода на Русь Мамай собрал огромные силы. Принято считать, что по численности ордынцы многократно превосходили русских. Но не следует забывать, что в это время Орда была расколота по крайней мере на две части. Войска Мамаея понесли серьезные потери в битве на реке Воже в 1378 г. Это было одно из первых поражений, нанесенных русскими войсками захватчикам во второй половине XIV в. Оно было болезненно воспринято темником, который «разгнева же ся зело... и възъярися злобою»⁵. Однако Северо-Восточная Русь к 1380 г. вновь была готова помериться силой с Мамаем. Поддерживать свое господство над ней с помощью набегов на ограниченную территорию (как правило, одного княжества или даже города), как это было в конце XIII – середине XIV в., он уже не мог. Для масштабного похода Мамай попробовал собрать все свои силы.

За период 1379–1380 гг. Мамай смог установить контроль над всеми территориями Орды к западу от реки Волги. В течение 1360–1370-х гг. подконтрольные ему кочевья увеличились в 1,5 раза. Имя Мамаея грозой прокатилось по землям Восточной Европы, отразившись в названиях разных мест и урочищ по границам его владений. Мамай-луг, Мамай-гора и Мамай-сурка у Днепровских порогов, Мамай-луг в верховьях Дона, Мамаев курган у излучины Волги⁶, руины крепости Мамай-кале на берегу Черного моря напоминали соседям о его могуществе. Границы владений Мамаея хорошо отмечены этими топонимами. Так, на Днепре ниже устья реки Псел и выше Конских вод в XVI в. упоминается урочище Мамай-луг. Возможно, с ним связаны и расположенная в районе Днепровских порогов Мамай-гора у села В. Знаменка Каменко-Днепровского района Запорожской области и в 1 км от нее – Мамай-сурка⁷. Известен Мамаев луг и в верховьях До-

⁵ БЛДР. 2000. Т. 6. С. 102.

⁶ Есть основания полагать, что данный топоним связан с именем ногайского правителя Мамаея б. Мусы, кочевавшего в Поволжье в 1520–1530-х гг. (Подробнее: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 464.) Тем не менее говорить о том, что Мамаев курган не мог быть связан с именем темника, правившего Ордой многие годы, пока нет достаточных оснований.

Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 123–124; *Андрух С. И., Тоцев Г. Н.*

на – так в начале XVI в. называлось позднейшее Куликово поле⁸. На Волге, в самом центре Волгограда, расположен знаменитый Мамаев курган. На Черноморском побережье Кавказа сохранились развалины крепости, называемые Мамай-кале. На месте руин стояла генуэзская крепость Губа. В последний раз на итальянских картах она отмечена в 1375 г.⁹ Таким образом, данные топонимики подтверждают, что земли, подчиненные Мамаю, раскинулись от Днепра до Волги и Каспия, от мордовских лесов до Крыма и Кавказа.

Данные источников позволяют утверждать, что Мамаю подчинялось 9 улусов. Во-первых, это собственный улус Мамаю – Крым. Во-вторых, улусы Мауци, Картана и Сартака. Они были выделены Батыем при образовании Орды своим ближайшим родственникам. В 1380 г. они были владениями темников, признавших власть Мамаю. В-третьих, пограничные с русскими землями улусы с зависимым от Орды населением – Червлёный Яр и Мордовский улус. В-четвертых, Мамай распорядился тремя вновь присоединёнными улусами, примыкавшими с юго-востока к его владениям: Северный Кавказ, Дербент и Астрахань. Каждый улус находился под властью царевича-Чингисиды или старейшего эмира (великого князя), командовавшего в походе туменом («тьмой») – отрядом до 10 тыс. воинов. Следовательно, теоретически Мамай мог выставить рать до 90 тыс. человек¹⁰.

Приблизительно о таком же размере войска Мамаю говорит и наиболее раннее произведение, посвященное победе на Куликовом поле, – «Задонщина». Ее автор пишет о том, как «...пришел князь Мамай, на Русскую землю с многими силами, с девятью ордами, с 70 князьями»¹¹. Эти сведения подтверждают, что Мамаю были подчинены девять улусов-орд. Однако со всех девяти подчинённых ему «орд» Мамаю удалось собрать лишь 70 тыс. человек. Ведь командовали ими 70 князей, а на Руси татарскими князьями называли нойонов или эмиров, которые в походах обычно возглавляли отряд численностью 1000 человек. Сказались и усобица в Орде, и гибель на берегах реки Вожи основной части войска эмира Бегича.

Исследования на Мамай-горе // Археологический вестник. Запорожье, 1992. № 3. С. 25–26; *Каприцын И. И.* Палеодемография могильника Мамай-сурка: (Предварительные результаты) // Там же. С. 36–38.

⁸ *Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы. С. 101.

⁹ *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982. С. 175.

¹⁰ Подробнее: *Селезнев Ю. В.* Стратегия и тактика Мамаю. С. 297–299.

¹¹ ПКЦ. С. 118.

У нас есть и еще одна возможность уточнить численность войск, шедших под командованием Мамаю на покорение Руси. В «Сказании о Мамаевом побоище» приводится сообщение о том, что, столкнувшись с русскими полками, передовые ордынские всадники сообщили темнику о четырехкратном превосходстве войск Дмитрия Ивановича над его ратью¹². Вспомним, что автор «Сказания о Мамаевом побоище» определил численность русской рати в 303 тыс. человек¹³. Итак, по его мнению, получается, что численность ордынцев была 77 тыс. человек. Эти цифры близки результатам подсчетов статиста и палеодемографа Б. Ц. Урланиса, полагавшего, что ордынская рать в 1380 г. насчитывала около 60 тыс. человек¹⁴. Это была огромная рать. В это время на полях сражений, определявших судьбы европейских стран, встречались до 20 тыс. воинов.

Показательно, что в 1408 г. эмир Идигу (Едигей) во время похода на Москву смог собрать, по всей видимости, не более 50–70 тыс. человек¹⁵. При этом под его контролем находилась вся орда, а не половина, как у Мамаю.

Мамаю провел тотальную мобилизацию, «собрав рати многие и всю землю Половецкую и Татарскую»¹⁶. Однако и этих сил темнику казалось недостаточно. К воинам, набранным в подконтрольных ему улусах, Мамаю добавил войска, нанятые им у соседних народов¹⁷.

Какие же народы дополнительно вошли в состав многонациональной армии Мамаю? Фряги – итальянцы. Их торговые фактории стали появляться на берегах Черного моря начиная с XII в., но особенно много венецианских торговых центров возникло после разгрома Византийской империи крестоносцами в 1204 г. Со второй половины XIII в. свое присутствие в Причерноморье стали наращивать генуэзцы. Именно из итальянских колоний Крыма и Кавказа Мамаю мог получить фряжских воинов. Крымскому темнику удалось нанять и отряды непокорных горцев. Подчинив жителей предгорий Северного

¹² ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 164.

¹³ 253 тыс. человек погибло, а 50 тыс. человек уцелело после Куликовской битвы (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 187).

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 38–39.

Селезнев Ю. В. «А переменит Бог Орду...»: (Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV в.). Воронеж, 2006. С. 74, 131.

ПКЦ. С. 9.

По данным Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище», советники говорили Мамаю: «Орда твоя оскудела и сила твоя изнемогла; но взяв богатства и имения без числа много, и наняв Фрягов, Черкасов и Ясов и других к ним, войнства соберешь много и отмстишь кровь князей своих» (ПСРЛ. Т. 11. С. 46).

Кавказа, он большими дарами смог привлечь на свою сторону черкесов («Черкасов») и осетин («Ясов»).

В первой четверти XV в. русские летописцы значительно увеличили военные силы Мамаю, включив в состав его войска бесермян, армян и буртасов¹⁸. Однако они едва ли могли прийти на помощь Мамаю. Земли бесермян и буртасов могли выставить до 10 тыс. человек; но после поражения под Булгаром зимой 1377/78 г. они едва ли отважились выступить в дальний поход, оставив беззащитными свои земли. К тому же в это время они, вероятно, контролировались господствовавшим в Заволжье ханом Токтамышем – главным соперником Мамаю. Армения входила в состав государства Джелаиридов и также не могла поставить ему воинов. Нанять воинов из армянской колонии в Волжской Булгарии он не мог, по той же причине, которая препятствовала набору воинов среди буртасов и бесермян. Армянские же колонии Крыма не были многочисленны. По крайней мере, в 1365 г. в Солхате Мамаю удалось поставить в строй 2 тыс. воинов, причем из свидетельств источника не вполне понятно, были ли это только армяне или же представители других диаспор¹⁹.

Тем не менее следует признать, что Мамай подготовил для похода на Русь огромное войско. Недаром автор «Сказания о Мамаевом побоище» вложил в уста темника такую оценку собранных им ратей: «Таковы силы мои, и если не одолею русских князей, то как возвращусь восвояси?» Понимая значение предстоящей войны, Мамай мог провести всеобщую мобилизацию.

Справедливое наблюдение²⁰ Р. Ю. Почекаева о том, что улусы-тумены никогда не выставляли положенные 10 тыс. всадников²¹, находит прямое подтверждение в свидетельстве китайского сановника Сюй Тина: «В некоторых туменах неполный состав». Но он делает важную оговорку: «Однако это войска из родни [правителя черных татар]... которые не входят в число темников»²². Таким образом, мы можем говорить о том, что боеспособные части монголов были ком-

¹⁸ ПКЦ. С. 30.

¹⁹ *Мыц В.* Крым и Золотая Орда в 60–80-х гг. XIV в. // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 2007. Т. 2. С. 98.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2007. С. 162.

Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. С. 167.

Золотая Орда в источниках: (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). М., 2009. Т. 3: Китайские и монгольские источники. С. 75.

плектны. В условиях «великой замятни», начавшейся после эпидемии чумы, людские ресурсы Орды могли сильно сократиться.

Таким образом, зная число войск, больше которого Мамай не мог собрать, – не более 90 тыс. человек, тем не менее, более близкой к реальности необходимо признать цифру, определяющую количество войск, не меньше которого Мамай мог посадить в седло.

Рассматривая свидетельства источников, надо учитывать тот факт, что монголы для стратегических походов выделяли только часть своих войск. Данная часть составляла от $1/5$ до $1/3$ мобилизационных возможностей государства²³. В этом случае необходимо признать, что войско Мамаея составило от 18 до 30 000 всадников (мобилизованных в собственно подчиненных темнику улусах). При этом надо помнить, что, сбежав с поля битвы, Мамай смог вновь мобилизовать достаточные для противостояния Токтамышу силы. Данный факт косвенно подтверждает, что Мамаем был произведен не тотальный призыв в армию, а только частичный. Остальные всадники остались в резерве, и именно их он попытался использовать в своем противостоянии с Токтамышем.

Безусловно, Мамай для похода на Русь собрал значительные силы. Однако принципы комплектования войск в Монгольской империи и Джучиевом улусе позволяют говорить о том, что вряд ли крымский темник бросил на Русь все имеющиеся у него в распоряжении военные ресурсы. Надо полагать, что армия Мамаея, направленная летом–осенью 1380 г. к границам Московского княжества, составляла порядка 20–30 тыс. всадников.

Кроме того, Мамай рассчитывал на свой союз с ВКЛ, которое возглавлял Ягайло. По всей вероятности, темник делал ставку и на отсутствие единства Руси. Каждый великий князь и ряд удельных могли вести самостоятельную политику в отношении Орды. Соответственно, любой самостоятельный князь мог стать потенциальным союзником Мамаея. Источники сохранили известия о намерении участвовать в войне на его стороне рязанского великого князя Олега Ивановича.

§ 2. Силы русских княжеств

Для сопротивления войскам Мамаевой Орды великому князю Дмитрию Ивановичу было необходимо собрать большие силы, что

²³ Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 372; Селезнев Ю. В. «А переменит Бог Орду...» С. 74, 131.

требовало значительных усилий. Как великий князь Владимирский и Московский он мог рассчитывать на воинов из Москвы, Владимира, Коломны, Звенигорода, Можайска, Костромы, Галича, Дмитрова, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Углича Поле, Волока Ламского, Бежецкого Верха и других городов. Его двоюродный брат Владимир Андреевич должен был привести воинов из своего Боровско-Серпуховского удела²⁴. В обычных условиях эти земли могли выставить около 25–30 тыс. человек²⁵. Предстоящая схватка должна была стать решающей в судьбе многих земель Руси. «Летописная повесть о Куликовской битве» сообщает, что князь Дмитрий «собрал воинов своих сто тысяч и сто»²⁶. И хотя эта цифра явно преувеличена, у нас нет оснований сомневаться в проведении большой мобилизации. Косвенно об этом упоминают Новгородская I летопись младшего извода и «Сказание о Мамаевом побоище», когда говорят об участии «небывальцев», т. е. людей, которые еще ни разу не участвовали в бою)²⁷.

Дмитрий Иванович также рассчитывал на войска князей-участников съезда 1374 г. в Переяславле-Залесском, когда был заключен военный союз против Мамаевой Орды. В 1375 г. они уже оказали серьезную помощь великому князю, участвуя в его походе против Тверской земли, правитель которой пытался при поддержке Мамаю стать великим князем Владимирским. Самыми верными союзниками Дмитрия Ивановича были его родственники – белозерские князья Федор Романович и его сын Иван²⁸. Несмотря на удаленность владений, они успели прийти в Москву еще до выступления в поход первых отрядов объединенных русских войск. Дмитрий Иванович настолько доверял им, что поручил белозерским князьям командовать одной из колонн на марше из Москвы до Боровского перевоза²⁹. Он поставил их дружину в центре войск на Куликовом поле³⁰. Вместе с

²⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 606–611.

Подробнее: Селезнев Ю. В. Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV – начале XV в. С. 45–51; *Он же*. К вопросу о количестве населения и мобилизационном потенциале Руси в конце XIV – начале XV в. С. 98–204.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 117.

ПКЦ. С. 22; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 125.

ПКЦ. С. 10. В некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» они ошибочно упоминаются как Федор Семенович и Семен Михайлович (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 145), и сразу возникает 12 белозерских князей (Там же. С. 187).

²⁹ Там же. С. 151; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва. С. 228.

³⁰ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 155.

ними на помощь Дмитрию Ивановичу должны были прийти ростовские и ярославские князья, также состоявшие в родстве с московскими Калитовичами. Прибыли дружины и из более мелких княжеств – Моложского, Кашинского и Стародубского. Подошли отряды и из Вяземского и Дорогобужского уделов Смоленского княжества. Во главе их стоял великий князь Иван Васильевич, племянник смоленского великого князя Святослава Ивановича. Из верхнеокских княжеств в общерусской борьбе против Орды приняли участие князь Семен Константинович Оболенский и его брат Иван Тарусский, а также их младшие родственники, чьи земли находились вблизи от владений Орды и ВКЛ³¹.

Московский великий князь также мог рассчитывать на дружины служивших ему князей – Романа Михайловича Брянского, Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Их вотчины находились в составе ВКЛ. До 1375 г. из-за конфликта с Ольгердом в Москву вместе со своим двором бежал брянский князь³². Осенью 1377 г. великий князь Андрей Полоцкий оставил из-за споров со сводным братом Ягайло свое княжество и был принят на княжение в Пскове, а в 1378 г. отъехал на службу в Москву. Спустя два года здесь же вместе со своими боярами и служилым двором оказался и его младший брат Дмитрий, княживший ранее в Брянске (до 1377) и Трубчевске (до 1379). Готовясь к борьбе против Мамаея, великий князь Дмитрий Иванович организовал поход против входивших в состав ВКЛ Брянского, Трубчевского и Стародубского княжеств. Удар был нанесен объединенными силами союзников. В походе их возглавляли князья Владимир Андреевич Серпуховской, Андрей Ольгердович Полоцкий и Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Вняв советам старшего брата, Дмитрий Ольгердович не стал оказывать сопротивления и перешел на службу в Москву. Вместе со своими людьми он получил в кормление Переяславль-Залесский со всеми пошлинами. Эти князья могли привести в Москву только свои служилые дворы. По «Задонщине» – фантастические 70 тыс. человек. Другие источники утверждают, что на помощь московскому великому князю из Великого Новгорода прибыло столько же новгородцев с посадниками³³.

³¹ Горский А. А. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле. С. 29–37.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 111; Горский А. А. Москва и Орда. С. 91.

³³ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 99. В описании потерь русского войска автор «Задонщины» сообщает о гибели 30 новгородских посадников, что явно больше общего числа посадников (6 человек), одновременно правивших в Новгороде в 1380 г.

Новгородский синодик церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне (основная часть переписана с более древнего оригинала в середине XVI в.) содержит память воинам, погибшим в битве на Дону³⁴. Некоторые исследователи расценивают ее как подтверждение участия в битве новгородцев, хотя в памяти об этом прямо не говорится³⁵. Говорить об участии Новгорода в Куликовской битве серьезных оснований нет.

Однако собрать военные силы из всех городов и земель Северо-Восточной Руси великому князю Дмитрию Ивановичу не удалось. Неизвестно об участии в событиях 1380 г. воинов из Нижнего Новгорода, Суздаля и Городца. Великий князь Дмитрий Константинович, его дети Василий Кирдяпа и Семен, братья – Борис Константинович Городецкий и Дмитрий Константинович Ноготь остались охранять княжество, сильно пострадавшее в 1377–1378 гг. от изгонной рати Мамаю. На помощь Москве приехал один из ярославских князей. Не было рядом с Дмитрием Ивановичем новосильского князя Романа Семеновича. По-видимому, он остался защищать свои владения от шедшего к верховьям Дона войска ВКЛ³⁶.

Сегодня трудно сказать, сколько русских воинов собралось на Куликовом поле³⁷. «Летописная повесть о Куликовской битве» сообщает, что «было всей силы и всех ратей числом с полтора ста тысяч или с двести»³⁸, из коих «сто тысяч и сто» пришли Московского и Владимирского великих княжений³⁹. Более позднее «Сказание о Мамаевом побоище» приводит еще более фантастические цифры. Только убитых

Следовательно, или автор «Задонщины» включает в список павших посадников иных должностных лиц, или здесь мы имеем дело с явной мистификацией (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 111, ПКЦ. С. 106).

³⁴ Шляткин И. А. Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 6–7 [отдельная пагинация].

Азбелев С. Н. Новгородский контингент на Куликовом поле. С. 5–17.

Подробнее: Горский А. А. Москва и Орда. С. 99.

Можно провести предположительный расчет численности русской рати по размерам дани, уплачиваемой в Орду, поскольку размер платежей отражал людские ресурсы княжества. Но надо помнить, что выплата дани определялась не только экономико-демографическим состоянием земель, но и политическими обстоятельствами. Мобилизация зависела не только от людских ресурсов, но и от характера столкновения.

³⁸ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 117. «Все силы близ двусот тысяч» (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 200–201; Т. 25. С. 202; и др.).

³⁹ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 117; ПКЦ. С. 32, 51–52.

русских воинов, согласно данному источнику, было 253 тыс., а еще 50 тыс. человек уцелело в бою⁴⁰. Встречаются и другие цифры – 400 тыс.⁴¹, 428 тыс. человек⁴².

Число собравшихся воинов, очевидно, не было известно даже современникам событий 1380 г. (тогда силы сторон учитывались не по количеству людей, а по городам, их приславшим), но ясно, что даже весьма условные цифры дают общее представление о размере войска. Ведь под знамена великого князя Владимирского и Московского пришло много купцов и простых людей из земель и городов Северо-Восточной Руси⁴³. Однако войско, выступившее за ее пределы, в большинстве своем было конным.

В глазах современников и потомков это была воинская сила всей Русской земли. И чем дальше от времени Куликовской битвы жил книжник, тем шире становился составляемый им список городов, приславших ополчения на помощь Москве⁴⁴. С 400 до 600 возросло и количество бояр, погибших в бою на Куликовом поле⁴⁵. Увеличение списка участников побоища на Дону отражает постепенный территориальный рост Русского государства в конце XV–XVI в. Куликовская битва стала знаковым событием в его истории, моментом, определившим возможность независимого существования страны. Каждый присоединенный позднее к России город хотел зафиксировать свою сопричастность к судьбоносному моменту в жизни Отечества и не мог

⁴⁰ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 187; ПСРЛ. Т. 8. С. 35.

⁴¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 59.

⁴² *Пауто В. Т.* «И въскипе земля Руская...» С. 85.

⁴³ ПСРЛ. Т. 11. С. 56. Надо обратить внимание на экстраординарность сбора ополчения.

Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» отмечает участие в Куликовской битве холмского, елецкого, муромского, мещерского, кемского, каргопольского и устюжского князей (ПСРЛ. Т. 11. С. 49–52). Елец стоял на пути татар, и едва ли его правитель оставил бы беззащитным свою отчину. Муром и Мещера были отделены от места сражения волостями Рязанской земли, обойти которые из-за двусмысленной позиции его князя было невозможно. Между тем об участии в Куликовской битве князя Юрия Мещерского свидетельствует родословная роспись князей Мещерских 40-х гг. XVI в. (РИИР. 1977. Вып. 2. С. 168). При этом устойчивое число павших муромских бояр – 40 чел. – неизменно в разных списках «Сказания о Мамаевом побоище». Возможно, это свидетельствует о раннем происхождении данных сведений, но факт их участия в битве вызывает большое сомнение. Неизменными также оказываются сведения о потерях среди суздальских бояр – 50, хотя известно, что суздальские князья не принимали участие в битве. Причем жертвы, понесенные суздальцами, оказываются больше, чем жертвы москвичей, – 40. Это также вызывает сомнения (*Пауто В. Т.* «И въскипе земля Руская...» С. 85). Позднее в этот список добавилась даже Тверь.

⁴⁵ Там же. С. 85.

представить, что действительность была возможно иной. Однако все это произошло позднее. В 1380 г. великий князь Дмитрий Иванович понимал, что в первую очередь он может рассчитывать лишь на те военные силы, которые подчинялись ему и на войска союзников⁴⁶.

Определенные данные о количестве войск могут дать, на наш взгляд, данные о погибших военачальниках. Такие сведения сохранились в синодиках. Их текст был включен уже в краткую летописную повесть о Куликовской битве (рассказ Рогожского летописца и Симеоновской летописи), а в середине XV в. – «Летописную повесть» Новгородско-Софийского свода. В них попали имена князей и воевод, которые тесным образом были связаны вассальными или служебными отношениями с домом Калитовичей. Первоначально в нем было около 10 человек. Затем список павших стал расширяться за счет включения в него военачальников из других земель Руси, что, по всей вероятности, было вызвано чувством регионального патриотизма. Так, например, в «Летописной повести» упоминается уже 18 человек. Данные факты сделали вполне правомерным заключение А. А. Булычева о том, что главные командные должности в 1380 г. преимущественно достались московским воеводам, а Куликовская победа рассматривалась как сугубо московское дело⁴⁷. Однако она стала приобретать общерусское значение.

Для решения вопроса о численности войск важны свидетельства «Летописной повести». В ее перечень погибших включены имена, которые «писана въ книгах животных» и тот факт, что «зде же не все писаны избиенных имена, но токмо князи и воеводы нарочиты и воеводы и стариших боярь, а прочихъ боярь и слугъ оставихъ имена и не писах множества ради именъ»⁴⁸. Это свидетельствует о том, что автор использовал несколько помянников («книг животных»), а перечислены им как раз павшие из высшего командного состава – «князи и воеводы нарочиты, воеводы и старшие бояре». Вероятно, по такому же принципу был сделан подбор и ранее – во Вселенском синодике

⁴⁶ Л. Г. Бескровный вслед за Мазуриным считает, что число русских воинов было на Куликовом поле – 70 тыс. человек (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 89; Бескровный Л. Г. Куликовская битва. С. 226). Но едва ли стоит сомневаться в более ранних и устойчивых сведениях «Летописной повести о Куликовской битве». Число 70 тыс. человек изначально появлялось для определения численности войск Ольгердовичей и новгородцев. Оно недостоверно и не относится к общему количеству русских войск.

⁴⁷ Булычев А. А. Поминание павших на Куликовом поле... С. 45–46.

⁴⁸ ПКЦ. С. 39.

Большого Успенского собора Московского Кремля и кратком летописном рассказе. Персональный состав перечисленных в списке лиц в данном случае играет второстепенную роль – важно именно их количество⁴⁹. Однако не менее важен и тот факт, что упомянутые в нем имена достаточно достоверны⁵⁰.

Как установил Б. Ц. Урланис, для данного периода потери высшего командного состава к рядовому соотносятся как 1 к 500⁵¹. При этом соотношение потерь к общему количеству войск составляет около 30%⁵².

Поэтому за основу следует брать потери высшего командного состава исключительно Московского великого княжества. Это наиболее достоверные свидетельства, сохранившиеся во Вселенском синодике. В число московских воевод включены и князья Белозерские. Однако для расчета именно московской рати их необходимо исключить, поскольку Белозерское княжество было частью великокняжеского Владимирского владения, а не Москвы. Об этом красноречиво свидетельствует включение владений князя Федора Романовича в состав Владимирского великого, а не Московского как выморочного в 1384 г. Таким образом, московское войско должно было составить 12 тыс. человек (восемь военачальников умножить на 500 и, затем, на три). Однако данное число превышает больше чем в два раза предельные мобилизационные возможности Московского великого княжества. По всей вероятности, под командованием московских воевод также находились и владимирские полки.

Если же рассматривать расширенный список павших военачальников в «Летописной повести», то общее количество войск должно быть определено в 27 тыс. человек (18 умножить на 500 и на 3). При этом включение в перечень погибших князей и «нарочитых воевод» не только князей Белозерских, но и Тарусских, Дорогобужского, бывшего брянского боярина Александра Пересвета позволяет рассматривать данный показатель как близкий к общей численности русских войск на Куликовом поле, а не только владими́ро-московской рати. Пока-

⁴⁹ Упомянутый в списке Дмитрий Александрович Монастырев погиб в битве на Воже в 1378 г. (ПКЦ. С. 59).

Там же. С. 18, 59–61; *Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // *Летописи и хроники*, 1973 г. М., 1974. С. 172; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 99; *Бульчев А. А.* Поминание павших на Куликовом поле... С. 43–45.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. М.; СПб., 1998. С. 510.

⁵² Там же. С. 477.

зательно, что данное число несколько превышает предельные мобилизационные возможности Московского и Владимирского великих княжеств, которые определяются в 25 тыс. человек⁵³.

Надо полагать, что ядро войск составила владими́ро-московская рать, численность которой, видимо, необходимо определять в 15 тыс. человек (10 имен Вселенского синодика умножить на 500 и на 3). Остальные 10–15 тыс. человек должны были составить дружины и служилые дворы союзных и служилых князей: Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, Андрея Федоровича Ростовского, Андрея Федоровича Стародубского, одного из ярославских князей, Федора Михайловича Моложского, Семена Константиновича Оболенского, Ивана Константиновича Тарусского, князя Романа Михайловича Брянского, Василия Михайловича Кашинского и др.⁵⁴ В таком случае на упомянутых выше князей приходилось в среднем по 900–1400 человек.

Таким образом, число воинов, которое великому князю Дмитрию Ивановичу удалось собрать, по всей вероятности, несильно превышало предельный мобилизационный потенциал Владимирского и Московского великих княжеств и могло составить около 30 тыс. человек. В то же время нельзя не учитывать, что на поле могло выйти меньшее число воинов. По крайней мере, А. А. Булычев и А. В. Кузьмин определяют возможную численность сражавшихся на Куликовом поле от 10 до 20 тыс. человек с обеих сторон⁵⁵.

§ 3. Вооружение сторон накануне Куликовской битвы⁵⁶

Вооружение войск Мамаю

Вопросы изучения истории ордынского вооружения конца XIII–XIV вв., так или иначе, поднимались в трудах отечественных и зарубежных историков. В работах таких авторов, как Г. А. Федоров-

⁵³ Селезнев Ю. В. Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV – начале XV в. С. 45–51; *Он же*. К вопросу о количестве населения и мобилизационном потенциале Руси в конце XIV – начале XV в. С. 198–204.

⁵⁴ Горский А. А. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле. С. 29–37.

⁵⁵ Булычев А. А. Поминание павших на Куликовом поле... С. 46; Кузьмин А. В. Куликовская битва // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. М., 2010. Т. 16. С. 296.

Авторы приносят искреннюю благодарность за помощь при написании данного параграфа В. Ю. Колчеву.

Давыдов, Ю. С. Худяков, М. В. Горелик, В. Ф. Немеров, Б. Тордеман, Х. Р. Робинсон и ряд других, на широком археологическом материале освещен ряд аспектов вооружения воинов Орды⁵⁷.

Необходимо подчеркнуть, что основной силой завоевателей была конница. Знать при этом была обеспечена различными видами наступательного оружия и надежно защищена доспехами. Большинство же рядовых воинов довольствовались, как правило, лишь луками и копьями.

Наступательное оружие дальнего боя. Основным оружием дистанционного боя ордынцев были лук и стрелы. Массированный обстрел из луков позиций противника в начале боя был излюбленным тактическим приемом ордынских воинов. Луки кочевников, в том числе ордынские, были композитными, т. е. собранными из отдельных деталей и усиленные костяными накладками. Среди них было распространено два вида луков: «восточно-центральноазиатский» – большой (до 1,4 м), с четко выделенными и отогнутыми друг от друга рукоятью, «плечами» и длинными «рогами», – и «ближне-средневосточный» – малый (до 90 см), со слабо выделенной рукоятью и небольшими изогнутыми «рогами». Оба вида луков отличались исключительной мощностью – сила натяжения достигала 60–80 кг, а иногда и более. Стрелы, пущенные из таких луков, летели почти на 1 км, а на расстоянии 100 м пронизывали человека насквозь. К концу XIV в. луки восточно-центральноазиатского типа были почти полностью вытеснены луками ближне-средневосточного типа⁵⁸.

Сами стрелы имели разные наконечники, которые предназначались для строго определенных боевых ситуаций. Крупные наконечники

⁵⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991; Он же. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск, 1997; Gorelik M. Oriental Armor of the Near and Middle East from the Eighth to the Fifteenth Centuries as Shown in Works of Art // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. L., 1979. P. 38–41; Худяков Ю. С. Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. Т. 1. С. 90–101; Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 244–269; Он же. Армии монголо-татар X–XIV вв.: Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. 1987. № 2. С. 212–227; Thorde-man B. Armor of the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939. P. 253, 290–292; Robinson H. R. Oriental Armor. L., 1967. P. 127, 129, 137–139; и др.

⁵⁸ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 27.

наносили огромные рваные раны не защищенным кольчугами бойцам противника, узкие граненые и долотовидные наконечники пробивали тонкие пластины доспехов, а кольчуга вообще служила от них очень слабой защитой. Древки стрел обычно красили в красный цвет. Для предохранения руки лучника от повреждений при стрельбе из лука использовались щитки для запястья левой руки и костяные (роговые) кольца для натягивания тетивы указательным пальцем правой руки.

Воины Орды носили стрелы в колчанах двух типов. Колчаны первого из них представляли собой длинный узкий берестяной короб, богато украшенный тиснением или костяными пластинами со сложными резными узорами. Стрелы вставлялись в него остриями вверх. Второй тип колчана – длинная кожаная плоская сумка, в которой стрелы хранились остриями вниз, а оперением вверх. Вне боевой обстановки лук со спущенной тетивой хранился в налучье, также украшенном вышивкой, кожаными аппликациями, металлическими и костяными накладками⁵⁹. Колчан и налучье подвешивались к поясу на специальный крюк и составляли саадак (комплект для стрельбы).

Стрел в колчанах степняков находят мало – не более десяти. О характере сражений того времени дают представление устойчивые выражения при описании битв русскими книжниками: «идти дождю стрелами», «быть треску копий». Из этого можно сделать вывод, что, выпустив по рядам противника несколько стрел в первом ударе («суиме»), ордынские лучники уступали для второго «суима» – удара средней и тяжеловооруженной конницы, оснащенной копьями.

Наступательное оружие ближнего боя. Наконечники ордынских копий были в основном узкие, граненые, но применялись и более широкие, листовидные и уплощенные. Иногда ниже копейного лезвия делали крюк, с помощью которого цепляли противника и стаскивали его с коня. Древко ниже наконечника часто украшали коротким бунчуком из конского волоса или узким флажком с одним или тремя языками.

В конце XIV в. основным клинковым оружием ордынцев были сабли (по-монгольски «хэлмэ»). Их упоминает «Задонщина»: «А уже диво кли-

⁵⁹ *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 132–175.

четь под саблями татарскими»⁶⁰. Палаши, которые ранее были в основном на вооружении знати, выходят из употребления. Основным оружием рядовых воинов были сабли. В период господства Орды они стали длиннее, их клинки – шире и более изогнутыми, хотя сохранились и узкие, слабоизогнутые сабли. Клинки иногда имели дол, иногда – ромбическое сечение. Встречается расширение клинка в нижней трети – «елмань». Северокавказские клинки часто имеют «штыковидный» граненый конец.

Общим признаком сабель ордынских воинов была наваренная под перекрестьем обойма с языком, охватывающим часть лезвия. Характерным признаком ордынских сабель было перекрестье с опущенными вниз и расплюснутыми концами. Рукоять сабли увенчивалась навершием в виде уплощенного наперстка. Ножны имели обоймы с кольцами, сквозь них продевались ремни и наконечник в виде наперстка, похожий на навершие сабельной рукояти. Кожа ножен часто вышивалась золотыми нитками, пояса для клинков богато украшались металлическими накладками. Сабли имели гравировку резным или чеканным металлом, реже украшались драгоценными камнями.

Очень популярным у воинов Орды было ударно-дробящее оружие – булавы, шестоперы, чеканы, клевцы и кистени. Со второй половины XIV в., как правило, булавы имели форму шестопера, но часто встречались и в виде многогранника. Воины Булгарского улуса применяли боевые топоры, богато украшенные узорами.

Защитное вооружение. В «Задонщине» упоминаются «доспехы татарския», которые в конце XIV в. отличались большим разнообразием. Кольчуга появилась у ордынцев в XIII в. в период завоевания Средней Азии. Во второй половине XIV в. кольчатый тип защиты продолжает активно использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с панцирем другого типа. Кольчуги известны в золотоордынских погребениях на Кубани, Кавказе, Среднем Дону и других территориях. В «Задонщине» (Пространная редакция по списку ГИМ) упоминаются «баиданы [в других редакциях – боданы, боданы, бонады] бесерменьския»⁶¹, т. е. кольчуги из плоских, рубленых из стального листа колец. В последней трети XIV в., судя по персидским миниатюрам XIV в., бытуют и короткие с фестончатым подолом, и длинные распашные, и кольчужные⁶². Большая длина этого типа

⁶⁰ ПКЦ. С. 129.

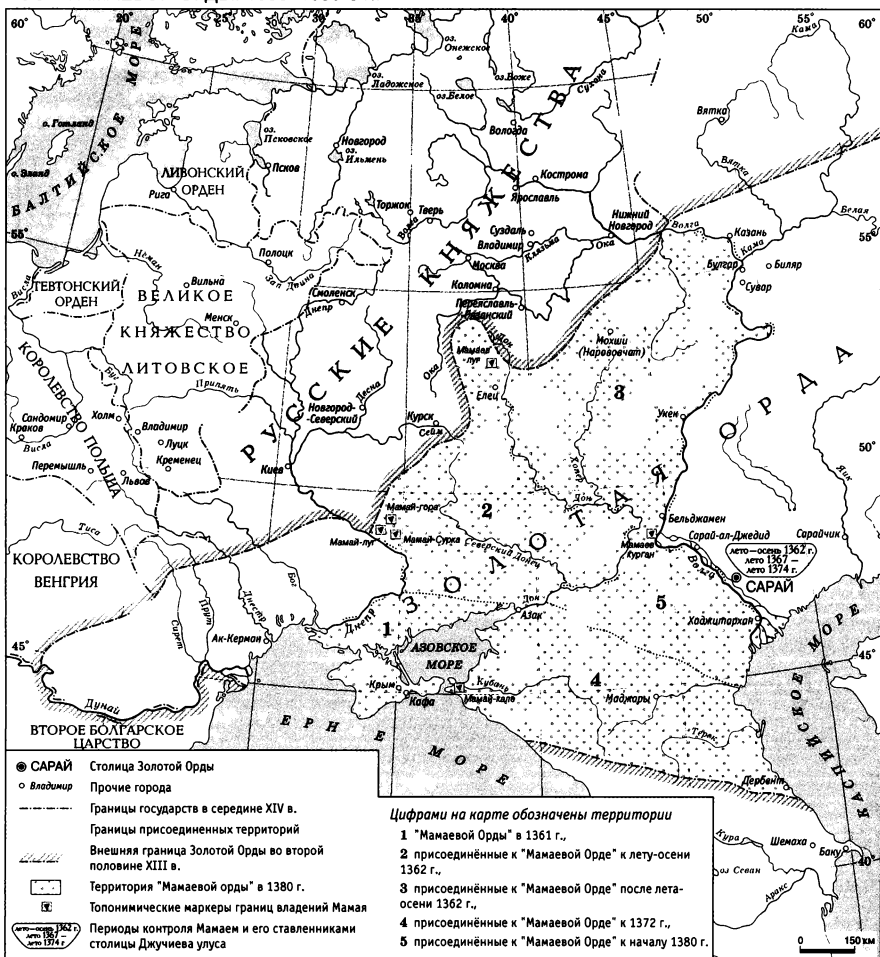
⁶¹ ПКЦ. С. 127–128.

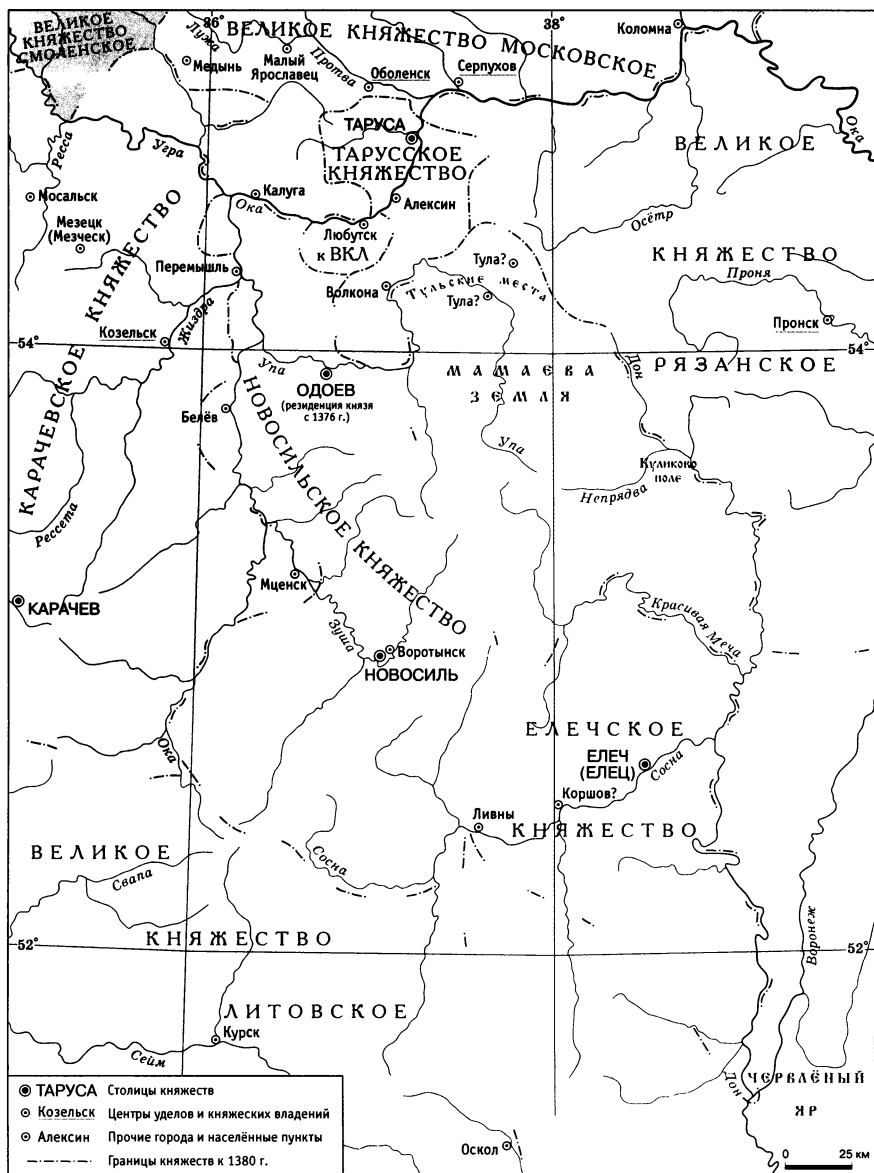
⁶² Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 246.

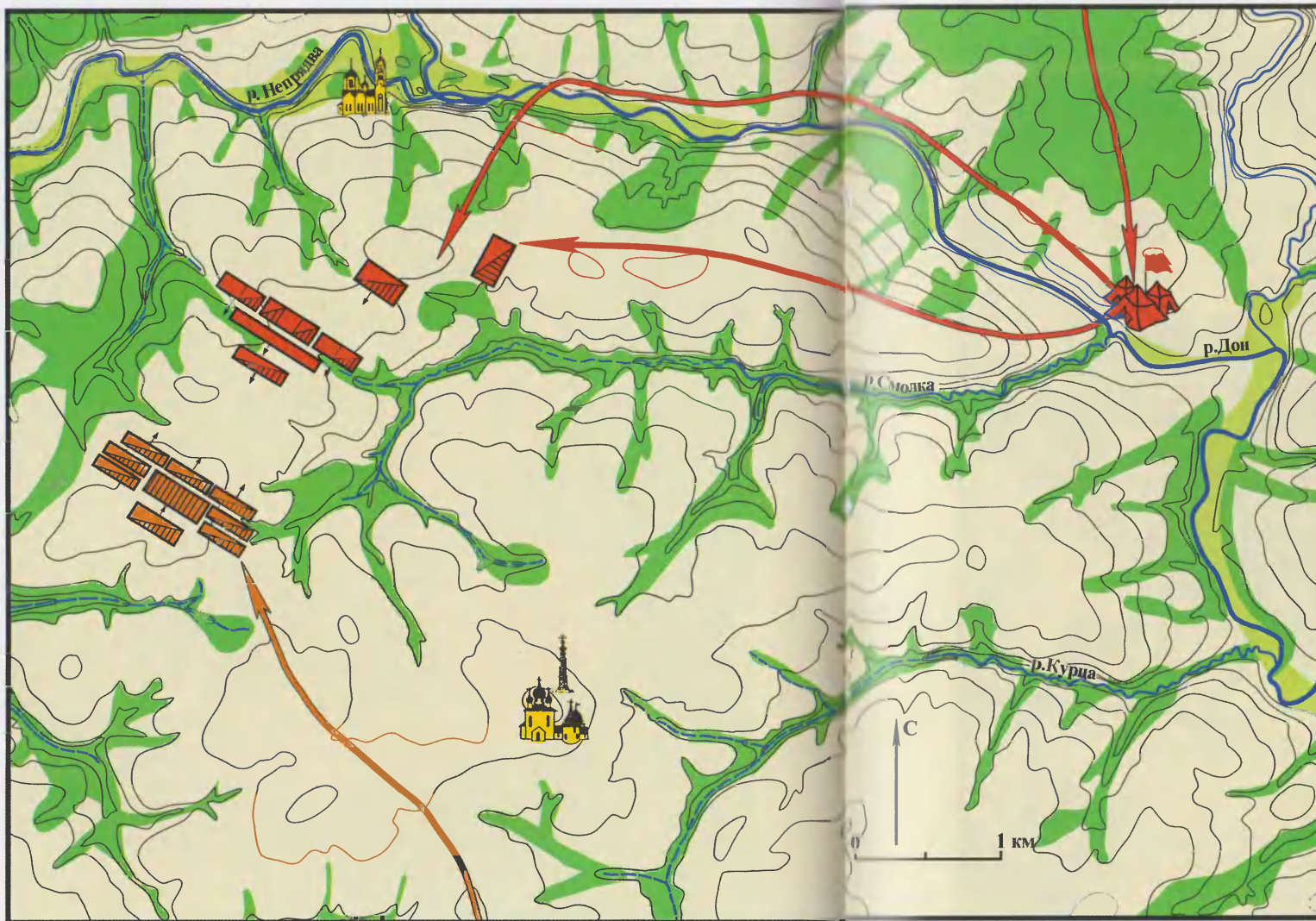
Конный русский воин.
Реконструкция О. В. Федорова.

РОСТ МАМАЕВОЙ ОРДЫ. 1360–1380-е гг.

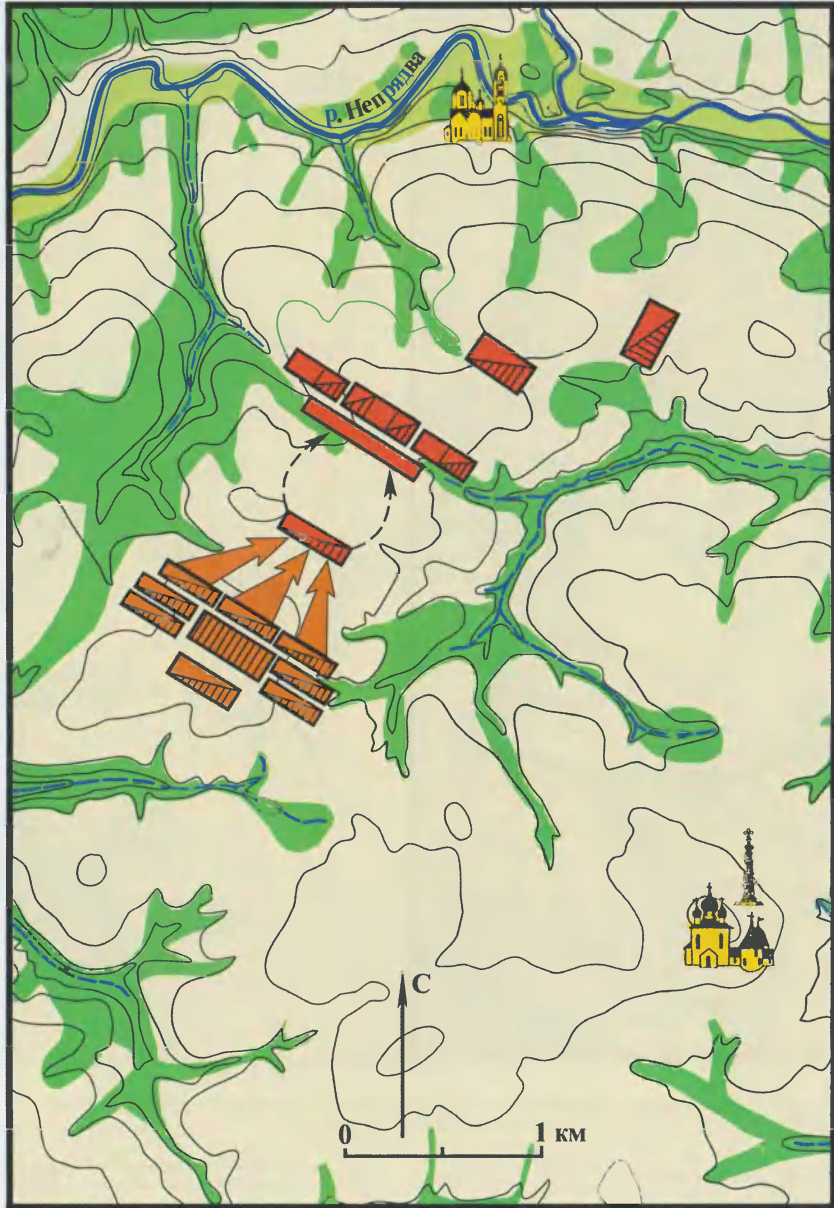
РУССКО-ОРДИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ РАЙОНА КУЛИКОВА ПОЛЯ. 1380 г.

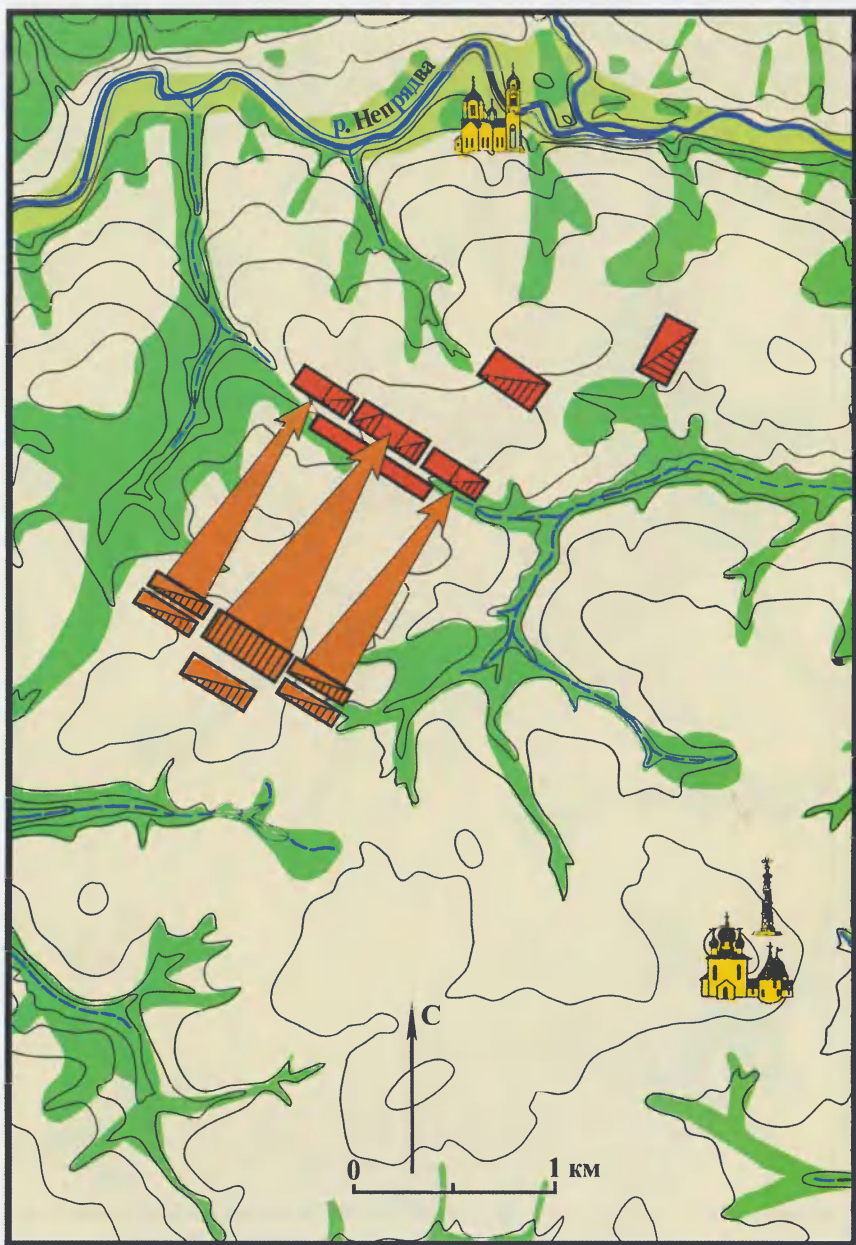
Расположение русского лагеря. Подход русских и золотоордынских войск к месту битвы.
Построение полков перед битвой.

	- расположение русских полков перед Куликовской битвой		- ковыльная степь
	- расположение золотоордынских полков перед Куликовской битвой		- лесные массивы
	- лагерь русских войск перед битвой		- пойменные луга
	- пути движения к месту сражения		- памятник Дмитрию Донскому на Красном холме. 1848-1850 гг.
	- храм Рождества Пресвятой Богородицы в с.Монастырщина. 1865-1894 гг.		- храм преподобного Сергия Радонежского на Красном холме. 1912-1918 гг.

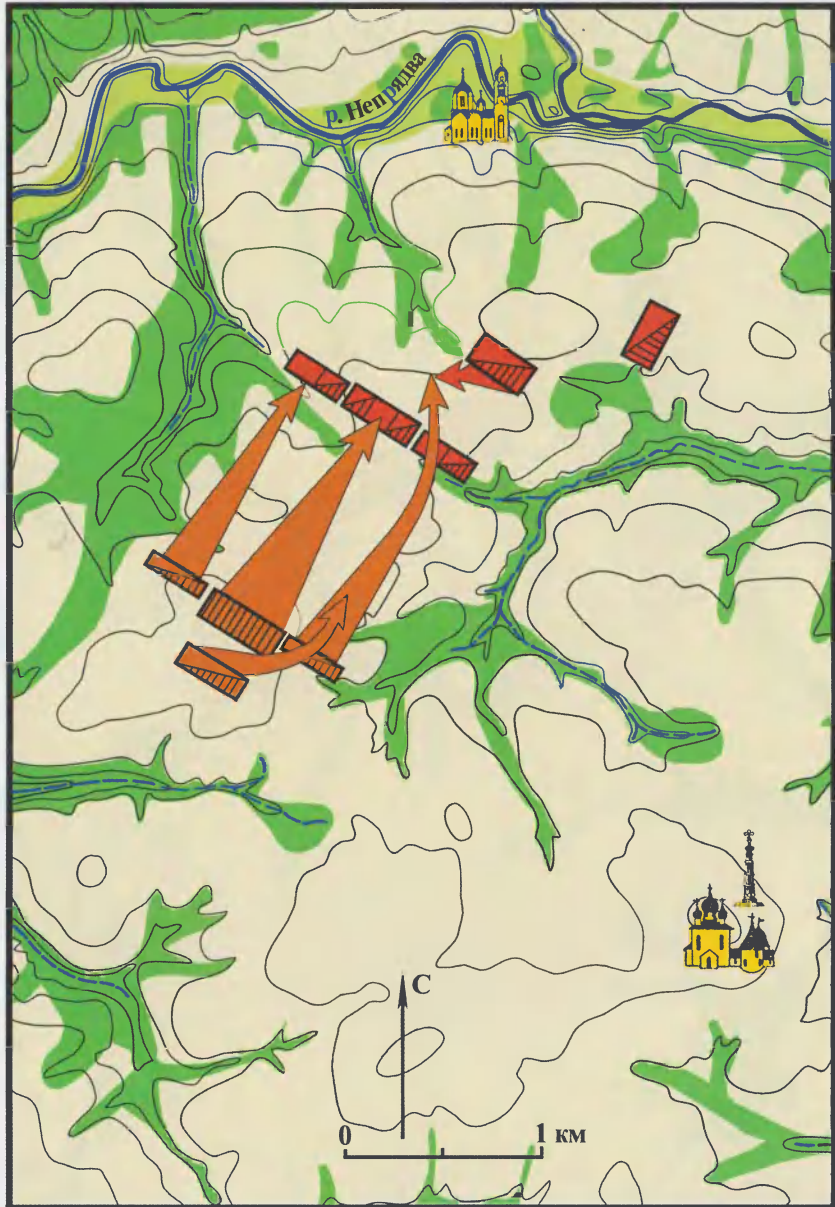
Реконструкция ландшафта поля и расположения войск в Куликовской битве 8 сентября 1380 г.
М.П. Гласко, М.И. Говяный, А.К. Зайцев.

Выдвижение на встречу врагу отрядов
Сторожевого полка. Начало битвы.
Атака и уничтожение ордынской
конницы Сторожевого полка.

Атака ордынцев по всей линии русского строя.
Уничтожение Передового полка русской рати.

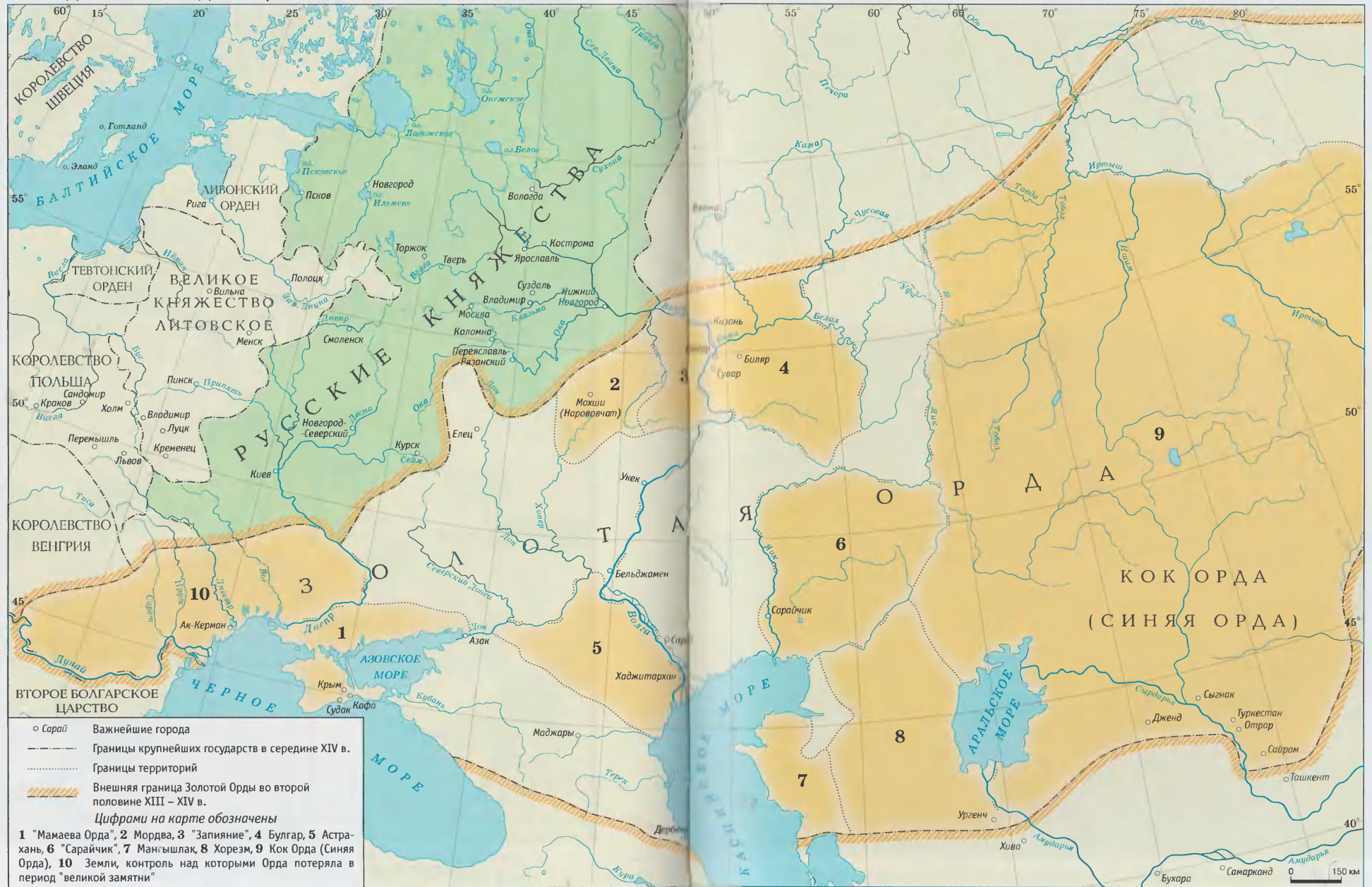

Введение в бой Мамаем резерва. Прорыв строя полка Лево́й руки русской рати. Вступление в бой русского Резервного полка.

Вступление в бой Засадного полка.
Бегство ордынцев. Преследование русской
конницей остатков войск Мамаю.

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. Вторая половина XIV в.

Слияние Дона и Непрядвы – главный географических ориентир
Куликовской битвы.

Фото Р. Солопова.

Битва на р. Воже 1378 г.

Миниатюра Лицевого летописного свода 60-х гг. XVI в.

Великий Московский князь Дмитрий Иванович.
С фрески XVII в. Архангельского собора Московского Кремля.

Н. М. Карамзин (1766–1826),
русский историк, писатель.
Гравюра Н. Уткина, 1819.

С. Д. Нечаев (1792–1860),
эпифанский помещик,
первый исследователь поля
Куликовской битвы.
Литография И. Фридрица, 1827 г.

В. О. Ключевский (1841–1911),
выдающийся русский историк.
Гравюра В. В. Мотэ, 1897 г.

Д. И. Иловайский (1832–1920),
историк один из инициаторов
празднования 500-летия
Куликовской битвы.

Золотоордынский конный воин.
Реконструкция О. В. Федорова.

І вѣхоу вѣнлюдіє въ ітраствѣ велицѣ

Сергий Радонежский благословляет
московского князя Дмитрия Ивановича в поход на Мамаю.
Миниатюра лицевого списка «Жития Сергия Радонежского».
Конец XVI в.

допнаго шца . пѣудежникаго князя .
ноу дѣвѣи си . ноу сего куртіанскаго
поннѣста . ноу брата сего шельма
ноу сплѣка князя дежики и дѣткинъ си
и се поинѣст по дежики плачѣе многими
слезами гяюще . помози ему въ землѣ
ми прѣтѣи гати мѣре и дѣтѣи ты . тако
дреплѣ доу на голѣда ."

Поединок Пересвета с Челубеем.

Миниатюра Лицевого летописного свода. 60-е гг. XVI в.

свѣдѣни оу дѣлїа го кнѣзѣ дмитрї
и о а по шчѣ на побѣдоу и по племѣнникѣ

Вступление в бой Засадного полка, бегство ордынцев.
Миниатюра Лицевого летописного свода. 60-е гг. XVI в.

Даже не викамъ простыша оукопниша
Днадесятоу страню кудь краиѣ . Едино
 му имя Федоръ зерновъ . а друго му
 имя Федоръ холоповъ а хожеся и въ про
 стыи оуце .

Цнагѣша папедникаго князя княпяцѣмъ

Воины Федор Зернов и Федор Холопов
 находят князя Дмитрия на поле битвы.

Миниатюра Лицевого летописного свода. 60-е гг. XVI в.

Наконечники копий и стрел, найденные на поле битвы.

Кольчуга XIV века.

Нательные кресты и иконка, обнаруженные на месте сражения.

Икона «Богоматерь Донская».

Список в экспозиции храма Сергия Радонежского на Красном Холме.

ровн̄и ѿксендрѡужниѣнхъ.
оубіены ѡнахоженіа олге
рдовазастыа цркви. ѿѣ.
Дмитрею манастирекоу.

и на зарѡудроужниѣнхъ
и збіенымъ ѡбезбожны
татаръ набожи. ѿѣ.

Василію вельямновитыа
цксоу миханлоу алекса
ндрѡви и ванѡу окни ѡви.
василію васневитыа цксо
моу. а ѡроу васна ѡви.

Александръ Андреевичъ. Иванъ
Александровичъ Андрей Григорьевичъ.
Дмитрий Александровичъ. Нареченному въ
Минше Скольцкому дѣш
нистоу и данноу Ивановичъ
Елферію Фещоровичъ. Вѣ.
Кнзю Фещору Болозерскому.
и не оубиенъ Иваноу оубиенымъ
Шезвожнаго мама Вѣ.
И кто избранъ и зѣены сіе мѣо възгн
ноу Михаилу и Николе

И Бѣ Шемаля

⊕ Костантинъ Дюкановичу

Запись синодика Успенского собора Московского Кремля
об убитых на Куликовской битве.

Государственный исторический музей. 1490-е гг.

БРАДНѢЖЕНѢ. ЯКО СЕ ОУ
СЪ БРАДЪ УЛАТЪ ВНОУ ДРЕ
ХЪ СВИНЬИ. ТАКО ЖЕ И ЖЕ
НѢ УЛОСМЫСЛЕНѢ И КРАСО
ТА. ВИДѢ ХЪ НѢ КОУЮ ЖЕ
НОУ ГЛОБРАЗНОУ СМОТРА
ШЕСА ВЪ ЗЕРЦАЛО. И АЗЪ РЕКО
ХЪ ЕИ. ЖЕНО УТО СА СМОТРИ
ШИ ВЪ ЗЕРЦАЛО. БОЛШОУ ЯСИ
ПЕУАЛЪ ТРИ ИМЕШИ, ВИДѢ
ВШИНЕЛѢ ТПОУ ЛИЦА СВОЕ
ГО. И ШНА ЖЕ ШОУ ГЛАСИ САМ
А СЕБѢ. ПОРАДИЛА БЫ СА ДЕСМЪ
ШОУ СЮ НА ПРАСТѢ. УТО СЕ Е
СМЪ РОДИЛА СА НЕКАКЪ ВЛЮ.
ВИДѢ ХЪ НѢ КОУЮ ЖЕНОУ
ГЛОБРАЗНОУ СМОТРАШЕ
ВЪ ЗЕРЦАЛО. И АЗЪ РЕКО ХЪ ЕИ
ЖЕНО, УТО СА СМОТРИШИ ВЪ
РЦАЛО. СМОТРИ СА ВЪ ОУБѢ

воу колоде оу. ним ртптв дго
 и хлѣуи пи. ни без оумна
 на оууи пи. т дкоже ит о
 то не на оууи пи. кспто ратго
 жена папш ари ла. т дкоже
 с без оумны а р аужба д е
 ржа ти. коли вода а в ста
 поид етть. коли камень на
 ше рхъ воды папш а етть. а
 рыбы посухоу наид оу ть
 тага вы жена болѣмоужа
 боуд етть. боунашем оу сла
 даннѣи прнои въ вѣсѣ вѣ
 комъ а минь. **ни саніе софо**

ніа старца ризанца блгѣи ѿ:

Задонщина великоі кноса
 бгнадимипрїаи ѿ ановѣи.
 зибраша ето кноса володи
 ме ра шнд рѣ вѣи. поид емъ
 браше въ полосу на оу ю снра

ли. и.

Задонщина. Кирилло-белозерский список 1480-х гг.

Храм Сергия Радонежского с высоты птичьего полета.
Фото А. Дунца.

защиты подтверждается и археологическими находками. Так, кольчуга из погребения XIII–XIV вв. близ Цозаровки достигает в длину 115 см⁶³. Кольчуги знатных воинов золотились, что видно по кольчуге из кургана № 7 могильника «Олень-Колодезь»⁶⁴. В сечении кольца могли быть круглые или овальные. Так, у кольчуги из «Олень-Колодезь» овальные в сечении кольца имеют диаметр 12 мм, а из кургана «Высокая гора» № 2 – круглое сечение, диаметр 8 мм толщины 2,0 мм, вес – 18 кг⁶⁵.

Накануне Куликовской битвы у ордынцев распространяется комбинированный кольчато-пластинчатый доспех типа калантаря, бахтерца, юшмана. Бехтерец набирался из расположенных вертикальными рядами продолговатых пластин, соединенных кольцами с двух коротких боковых сторон⁶⁶. Для изготовления такого доспеха использовалось около 1,5 тыс. небольших пластин, которые находили одна на другую. Пластины юшмана, в отличие от бахтерца, были более крупными, и на изготовление доспеха их использовалось значительно меньше – 100–150 штук. Ряды пластин юшмана не находили друг на друга, а вплетались в переднюю и заднюю части доспеха только до уровня солнечного сплетения, а грудь и плечи покрывала кольчатая защита. Пластины, как правило, украшались надписями из Корана, орнаментами и гравировкой. По своему покрою юшман представлял собой доспех в виде распахнутой посередине рубашки, часто с длинным подолом. Он весил 12–15 кг⁶⁷.

Кольчато-пластинчатые доспехи попадают к монголам с Ближнего Востока. В XIV–XV вв. они широко распространяются в государствах бывшей империи Чингисхана. Ранние изображения доспеха такого типа есть на тебризских и багдадских миниатюрах конца XIV в. Остатки кольчато-пластинчатого доспеха были найдены в кургане конца XIV – начала XV в. у станицы Усть-Лабинская Краснодарского края и в настоящее время хранятся в ГИМе (оп. 341). Обломки и целые пластины этого панциря соединены кольчужными кольцами, имеют прямоугольную форму и размер 7×4 см⁶⁸.

⁶³ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб., 1908. С. 64.

⁶⁴ *Ефимов К. Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 93–108.

Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. 2000. № 3–4. С. 116.

⁶⁶ *Кирпичников В. Н.* Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 38–39.

⁶⁷ Юшман // Куликово поле... С. 708–709.

⁶⁸ *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 247.

В последней трети XIV в. ордынцы продолжают использовать самый древний тип монголо-татарского защитного доспеха – ламеллярный панцирь. Его делали из продолговатых металлических пластин; они укладывались длинными краями внахлест друг на друга и ремешками прикреплялись к продольным кожаным полосам. Полученные пластинчатые ленты связывались между собой, перекрывая друг друга длинными сторонами.

Применялся также ламинарный панцирь из широких кожаных или металлических полос; они располагались горизонтально и связывались между собой через отверстия ремешками, заклепками или петельками. Папский посол Джованни дель Плано Карпини был в Монгольской империи в 1246–1247 гг. и оставил подробное описание этого типа доспеха. По его словам, он изготавливался так: пакет из 3–4 поперечных кожаных лент заливали смолой и давали высохнуть. Затем эти полосы соединяли между собой при помощи шнуров или ремешков, пропущенных в отверстия вдоль нижней кромки полосы и посередине ее⁶⁹. В XIV в. также использовались и комбинированные – ламеллярно-ламинарные панцири⁷⁰.

Ламеллярные и ламинарные панцири назывались у монголов «хуяг» или «худесу хуяг», что переводится как «пронизанный, прошитый (ремнями) панцирь»⁷¹. Самый распространенный тип панциря – «корсет-кираса» – имел четыре отдельные части – нагрудник и наспинник, наплечники и набедренники. На иранских миниатюрах наплечник закрывает руку воина до локтя или заканчивается несколько выше его. Набедренники закрывают ноги воина до середины голени. Панцирь типа «халат» был распашным посередине и застегивался на груди. Для того чтобы воину было удобно сидеть верхом на лошади, сзади тоже делался разрез от крестца до подола, который также достигал середины голени. Такие панцири представлены на тебризских и ширазских миниатюрах первой половины XIV в. По покрою «хуяги» были двух основных типов – «корсет-кираса» и «халат».

К концу XIV в. панцирь типа «халат» практически прекращает свое бытование в западных улусах, находившихся под властью Чингисидов. Изменения происходят и с панцирем типа «кираса». Наряду со

⁶⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. С. 50–51.

⁷⁰ Коровкин Д. С. Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников восточноевропейских степей в XIII–XIV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIII вв. Тула, 2005. С. 239.

⁷¹ Козин С. А. «Сокровенное сказание». М.; Л., 1941. Т. 1. § 106.

старыми, широкими ламинарными и ламеллярными наплечниками распространяется новая, более совершенная форма защиты плеч и предплечья. На смену больших прямоугольных или листовидных по форме и ламинарных или ламеллярных по конструкции оплечьям приходит система, где плечо прикрывает выпуклая кованая пластина прямоугольной, подтреугольной или округлой формы. Предплечье защищает связанная с оплечьем полоса из узких горизонтальных пластинок, набранных на вертикальные ремни. В это же время распространяется новая форма защиты бедер в виде состоящего из сплошных или набранных из пластинок полос маленького прямоугольника, прикреплявшегося спереди к середине подола кирасы, и большой трапеции, прикреплявшейся к подолу кирасы сзади⁷².

Тогда же особенно широко распространяются панцири другого типа – «хатангу-дегель», что в переводе с монгольского означает «прочный, как сталь халат или кафтан»⁷³. Позже этот доспех появился и на Руси, где получил название «тегиляй». По покрою он действительно напоминал халат с прямоугольными или фигурно вырезанными листовидными оплечьями. По изображениям и археологическим находкам известны «хатангу-дегель» в форме «корсета-кирасы», но с удлиненной нагрудной и наспинной частями. Изначально такой доспех изготавливали из многослойной плотной ткани, мягкой кожи, войлока. В силу его определенной дешевизны использовали такой доспех в первую очередь небогатые воины. Если к изнаночной части мягкой основы панциря нашивались или наклепывались усиливающие металлические пластины, то такой доспех назывался «усиленный хатангу-дегель». Он являлся аналогом европейской бригадины и носился богатыми воинами. У этого панциря были прямоугольные или вырезанные листовидные оплечья-лопасти, металлические заклепки от пластин по всей поверхности, покрытой тканью сиреневого, фиалкового, фиолетового или голубого цвета. В конце XIV в. «хатангу-дегель», по мнению М. В. Горелика, носили не сам по себе, а надевали под «хуяг»⁷⁴. Судя по миниатюрам, такие панцири

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 249, 256. Табл. № II, 1–3, 6; № IV, 2 е, ж.

Хомонов М. П. Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника «Сокровенное сказание» // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Т. 1. § 106. С. 594.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 250–255.

покрывались красной тканью, не имели рукавов, а их подол едва доходил до колен, редко – ниже колен. Спереди под горлом и сзади на спине к нему прикреплялись металлические круглые диски, еще по одному диску крепили на каждом боку под мышками.

В 1241 г. император Священной Римской империи Фридрих Гогенштауфен упоминает в своем послании к английскому королю монгольские доспехи в виде панциря из кожи быков, ослов и лошадей, с внутренней стороны которых есть железные пластины. Изображения такого доспеха известны по ближневосточным миниатюрам конца XIV в. – иллюстрациям к сборнику летописей Рашид-ад-Дина (Джами ат-таварих) и поэме «Шахнаме», а также в японском свитке-картине 1292 г. «Сказание о монгольском нашествии». Археологические находки пластин от такого панциря конца XIII–XIV в. известны от Тихого океана до Балтийского и Черного морей⁷⁵. Это были довольно крупные (6–10 × 4–6 см) пластины, слегка изогнутые по вертикальной и горизонтальной оси. Они имеют систему отверстий для прошивки или клепки. Часто прошивка и клепка совмещались.

В конце XIII–XIV в. для защиты рук и локтей в Орде широко распространяются двустворчатые наручи, так называемые «базубанты», из двух неравной длины стальных половин, соединенных петлями и ремнями. Они известны по археологическим находкам на Северном Кавказе, в Краснодарском крае, Херсонской области и других местах⁷⁶. Судя по изобразительным данным, в конце XIV в. наручи могли дополняться пластинчато-кольчатыми перчатками, защищавшими кисти⁷⁷. О применении ордынскими воинами двустворчатых поножей-наголенников до середины 80-х гг. XIV в. было известно только по персидским миниатюрам конца XIV – начала XV в.⁷⁸ Однако в 1981–1984 гг. в одном из половецких погребений курганной

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 241–253. Табл. III, IV.

Чухкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Погребение знатного горского воина из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии, Новосибирск, 1990. С. 138–140; *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 187. Рис. 47, 1–2; *Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С.* Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. № 3. С. 185. Рис. 3, 3.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 27, 79.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991. С. 144; *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 79. Рис. 11.

группы «Дмитриевская I-82» были найдены двустворчатые железные поножи, в коленях соединенные с округлыми наколенниками при помощи кольчужной полоски⁷⁹. Крепились подобные поножи таким образом: их створки пристегивались друг к другу, а от наколенника к специальному поясу шел ремень, который удерживал всю систему. Иногда стопу защищали набегающие одна на другую узкие стальные пластинки, связанные кольцами или набранные на мягкую основу или на ремнях. Полную защиту рук и ног могли позволить себе только очень состоятельные воины.

Вполне закономерно, что в конце XIV в. важным элементом защитного вооружения ордынцев был щит. Самым распространенным типом их щитов оставался «калкан» («халха») – небольшой (диаметром 50–70 см) легкий щит, сплетенный из ивовых прутьев. Он имел круглую форму и был несколько выпуклым. При его изготовлении прутья укладывались в виде спирали и обматывались разноцветными – шерстяными или шелковыми – нитями. Гораздо реже применялись небольшие щиты из дерева, покрытые твердой кожей. В некоторых случаях прутья и деревянные щиты усиливались четырьмя маленькими умбонами или же стольким же количеством радиально расходящихся от центра металлических полос. Могли применяться и маленькие (диаметром около 40 см) щиты из нескольких слоев твердой кожи или одной стальной пластины. Известны и крупные (диаметром более 70 см) круглые щиты, склепанные из трапециевидных металлических секторов, с розетковидным умбоном и оковкой по краю⁸⁰. При осаде крепостей и создании полевых передвижных укреплений применялись «чапары» – большие (до середины груди) прямоугольные станковые щиты, сшитые из досок или на деревянном каркасе, оплетенные прутьями или тростником. Видимо, такой щит изображен на картине японского художника Тоса Нагатака «Сказание о монгольском нашествии» 1292 г. На одной из тебризских миниатюр конца XIII в. изображен миндалевидный щит, аналогичный русским щитам той же эпохи⁸¹.

В XIV в. продолжали бытовать шлемы из 2–8 частей, соединенных с помощью ряда массивных железных заклепок и горячейковки. Боль-

⁷⁹ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани. С. 185. Рис. 3, 7.

⁸⁰ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 78.

⁸¹ Там же.

шее распространение получают цельнокованные шлемы. В основном это были сфероконические и цилиндроконические, реже – полусферические шлемы. Внизу их лобной части могли быть полукруглые глазные вырезы и дополнительные усиливающие элементы – козырек, накладные кованые «брови», налобная пластина в виде изогнутой горизонтальной трапеции с чуть выгнутым наружу верхним краем, обоймица с вставленным в нее узким наносником с расширенной нижней частью. К куполу крепился узкий или широкий венец-окантовка. Его верхняя кромка была ровной или фигурно вырезанной. На макушечной части укреплялись навершия, имеющие следующие основные виды: шарика или низкой шишечки; конусовидной втулки для крепления султана из конского волоса или перьев; высокого шпиля, утончающегося кверху (около 17 см), с шарообразным подвершием; отогнутого назад конического рога. Иногда к навершию прикреплялось колечко с привязанной парой матерчатых или кожаных лопастей.

В конце XIII – начале XIV в. широко распространяются простые по форме сфероконические и цилиндроконические шлемы, похожие на древнерусские, но с козырьками и из двух частей – верхней конической и нижней цилиндрической. Нижние края некоторых шлемов несколько отогнуты наружу для усиления защитных свойств. Такие шлемы были найдены в могильнике Олень-Колодезь⁸², кургане «Высокая гора»⁸³ (Воронежская область), кургане с. Ковалевка (Поволжье)⁸⁴, кургане у хутора Пролетарского⁸⁵ и хутора Малаи (Краснодарский край)⁸⁶. Небогатые воины могли носить кожаные шлемы с коническими железными навершиями и медными пластинами, пришитыми ремешками к нижнему краю наголовья. Именно такой шлем был обнаружен в погребении в Пески 17 (№ 464)⁸⁷.

В XIV в. выделяется конструктивно новый тип шлема, т. н. «хулагуидский». Он будет господствующим на Ближнем и Среднем Востоке

⁸² *Ефимов К. Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь». С. 95–97. Рис. 2. 2.

⁸³ *Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А.* Погребения кочевой знати золотоордынского времени... С. 116. Рис. 4, 15.

⁸⁴ *Горелик М. В., Ковпаненко Г. Т.* Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза, 2001. С. 154–164.

Зеленский Ю. В. Позднокочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. М.; Армавир, 1997. № 3. С. 89.

Амфимов И. Н., Зеленский Ю. В. Половецкие погребения из Восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. М.; Армавир, 2002. № 8. С. 88.

⁸⁷ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... С. 35.

вплоть до XVI в.⁸⁸ Основные признаки этих шлемов – это довольно низкий цельнокованный купол яйцеобразной или полусферической формы. Его верхнюю часть покрывали радиально расходящиеся ребра. Эти ребра как бы делили поверхность на секторы и имитировали старинную клепаную конструкцию, но на самом деле придавали шлему большую жесткость. К куполу приклепан широкий, реже – узкий – короноподобный венец с фигурными зубцами по верхнему краю. Внизу лобной части – глазные вырезы, над ними прикреплялись стальные надбровники и обоймица с подвижным наносником-стрелкой. В королевском дворце Вавель в Кракове имеется вариант такого шлема, датируемый концом XIV – началом XV в., а в Оружейной палате есть более поздние образцы конца XV – начала XVI в.

Производство шлемов было очень развито на территории Орды, Кавказа и Ирана, о чем свидетельствуют выражения из «Задонщины». Так, русские воины гремят мечами о «шеломы хиновские [в разных редакциях – хыновския, хыновскыя, хыновские]»⁸⁹ или «шеломы бесуренския». Князя Ольгердовичи собираются испытать свои мечи «а шоломов татарских»⁹⁰ или «избить» свои мечи о татарские «шоломы»⁹¹. Некоторые московские воины по упоминанию в «Задонщине» носят «шеломы черкасские»⁹², т. е. произведенные в Прикубанье, на земле улуса Мамаевой Орды. Это свидетельствует о высоком качестве изделий ордынских оружейников, если на Руси не считали зазорным приобретать такие шлемы и использовать их в бою. О внешнем виде «шеломов черкасских» можно судить по многочисленным находкам шлемов в Прикубанье⁹³.

К ордынским шлемам с помощью узких металлических полос с трубчатыми петлями или кованого прута с заклепками крепились бармицы. Они были разного вида – кольчужными, чешуйчатыми, ламеллярными, ламинарными (из кожаных или металлических полос). Иногда использовались бармицы из толстой мягкой кожи или войлока. По внешним очертаниям бармицы были открытыми, полуза-

⁸⁸ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 241; *Он же*. Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 28.

ПКЦ. С. 115, 128, 129, 130.

Там же. С. 99, 100.

Там же. С. 127.

Там же. С. 115.

Зеленский Ю. В. Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 13. С. 32.

крытыми и закрытыми. Первые защищали лишь затылок и боковую поверхность головы и обычно выкраивались в виде прямоугольника или трапеции. Они часто имели закругленные углы. Полузакрытые бармицы защищали затылок, шею и голову воина, оставляя его лицо открытым; закрытые же предохраняли все лицо до самых глаз и верхнюю часть груди. Бармицы закрытого типа обычно сочетались с наносниками, иногда – с забралами. Изредка бармицы дополнялись назатыльниками или двумя-тремя дисковидными наушами. С помощью ремешков они подвешивались к шлему. Для защиты лица иногда использовался подбородник маньчжурского типа или железная маска-личина среднеазиатского типа – «тумага».

Кони тяжеловооруженных ордынских латников также защищались доспехом. Сохранилось подробное описание монгольского конного доспеха – ламеллярного и ламинарного, стального и кожаного. Оно сделано Плано Карпини в 1246–1247 гг., который отметил следующее: «Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны (т. е. с одного бока. – *Авт.*) одну, а с другой стороны – другую, которые простираются от хвоста до головы (конской шеи. – *Авт.*) и связываются у седла и позади седла на спине и также на шее; также на крестце (крупе. – *Авт.*) они кладут другую сторону там, где соединяются связи двух (упомянутых выше. – *Авт.*) сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое вставляют хвост, и на грудь также кладут другую сторону. Все части простираются до колен или связок голеней; и перед лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывает с вышеназванными сторонами»⁹⁴.

На иранских миниатюрах XIII в. часто встречаются изображения коней в доспехах⁹⁵. На протяжении XIII–XIV вв. он мало изменился, состоял из стальной маски и нашейной части, передника и попоны, прикрывавшей корпус животного до колен. Как указывает М. В. Горелик, принципиальным было появление в конце XIV в. кольчато-пластинчатого конского панциря. Его пластины могли украшаться позолотой и гравировкой⁹⁶. Украшались и стальные конские наголовья, составлявшие с панцирем единый защитный комплект. Как и раньше, по конструкции они были трехчастными, а теперь нередко имели поперечный гребень на лбу. Известны археологические находки таких наголовников. Одна из

⁹⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 50.

⁹⁵ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 199. Рис. 13.

⁹⁶ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. С. 28.

них была сделана на территории Руси⁹⁷. М. В. Горелик предполагает его восточное происхождение⁹⁸.

Вооружение войск московского князя и его союзников

Вопросы русского вооружения конца XIII – начала XIV в. рассматривались в трудах видных отечественных исследователей – А. В. Висковатова, Э. Э. Ленца, А. В. Арциховского, М. Г. Рабиновича, М. Ф. Медведева, А. Н. Кирпичникова. Исследование вооружения данного периода в настоящее время продолжается в работах О. В. Двуреченского, М. В. Горелика, К. А. Жукова, А. Е. Мусина, П. Васина, Ю. Ю. Петрова и др.⁹⁹

Изучение предметов русского вооружения XIV в. осложнено тем обстоятельством, что уже к концу XIII в. количество памятников воинской материальной культуры значительно снижается. В результате

⁹⁷ *Кирпичников А. Н., Черненко Е. В.* Конское наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 62–65.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. С. 268.

⁹⁹ *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841. Т. 1; *Ленц Э. Э.* Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1908. Ч. 1; *Арциховский А. В.* Оружие // *Очерки культуры Древней Руси*. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 417–338; *Он же.* Оружие // *Очерки русской культуры XIII–XIV вв.* М., 1969. С. 389–416; *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX–XV вв. // *Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая*. М., 1923. Вып. 1. С. 65–97; *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М., 1959; *Он же.* Ручное метательное оружие: (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // *Археология СССР*. СЛИ. Е 1-36. М., 1966; *Он же.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // *СА*. 1959. № 2. С. 119–134; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи, сабли IX–XIII вв.; Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // *Археология СССР*. СЛИ. Е 1-36. М.; Л., 1966; *Он же.* Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XV вв. // Там же. Л., 1971; *Он же.* Снаряжение всадника и коня на Руси; *Он же.* Военное дело на Руси XIII–XV вв. М., 1976; *Абрамзон И. Я., Горелик М. В.* Научная реконструкция комплекса вооружения русского воина XIV в. и его использование в музейных экспозициях. С. 238–244; *Двуреченский О. В.* Находки предметов вооружения на Куликовом поле // *Труды ГИМ*. Вып. 150. С. 209–226; *Он же.* «Броня крепка!» С. 65–68; *Жуков К. А.* Комбинированный ламеллярно-чешуйчатый доспех на Руси: (По изобразительным источникам XIV–XVI вв.) // *Para bellum*. 2003. № 2. С. 81–98; *Он же.* К истории «шатровидных» шлемов на Руси XIII–XV вв. // *Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XIII–XIV вв.* С. 216–234; *Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С.* Всадники войны. Кавалерия Европы. СПб., 2005; *Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005; *Васин П.* «Воины Христовы». С. 58–63; *Петров Ю. Ю.* Древнерусские шлемы с полумасками // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. М., 1997. Т. 26 и др.

до нашего времени дошло значительно меньшее количество вещественного материала в сравнении с более ранним периодом. В этой ситуации важные свидетельства о вооружении дают изобразительные источники – иконы, фрески, миниатюры и печати.

Необходимо отметить, что к этому времени завершается сложение комплекса кавалерийского вооружения, включающего в себя развитые «дошчатые» и кольчужные формы защитного снаряжения. Но в целом качества наступательного и оборонительного оружия у русских и ордынских воинов были схожими. Вооружение московских ратников оставалось традиционным. В основном оно было унаследовано от домонгольского времени. Комплекс воинского вооружения на Руси во второй половине XIV в. развивается в соответствии со старой восточноевропейской традицией, не испытывая значительных внешних воздействий. А. Н. Кирпичников в своих работах убедительно доказал, что некоторые заимствования предметов вооружения соседних регионов – Востока и Запада – перерабатывались под влиянием устоявшихся национальных традиций¹⁰⁰.

Несмотря на ордынское господство над Русью, его влияние на военное дело здесь не было значительным, а местные традиции в его развитии не прервались.

При реконструкции вооружения противников важное значение имеет публикация археологических находок на Куликовом поле¹⁰¹.

Наступательное оружие дальнего боя. Основным оружием такого рода на Руси XIV в. продолжает оставаться лук. В отличие от западноевропейского лука древнерусский имел более сложное устройство. Каждая изогнутая половина (рог или плечо) лука состояла из двух хорошо подогнанных и склеенных деревянных планок из можжевельника, березы, реже – другого дерева. Спинку лука – сторону, обращенную во время стрельбы к цели, – обматывали сухожилиями, промазывали рыбьим клеем, а затем покрывали полосами проваренной в олифе бересты. Для усиления упругости бересты иногда заменяли костяными или роговыми накладками. Концы лука стягивала тетива. Ее изготавливали из волокнистых растений, шелковых нитей, жил и сыромятной кожи животных¹⁰².

¹⁰⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1–3; *Он же*. Снаряжение всадника и коня на Руси; *Он же*. Военное дело на Руси XIII–XV вв. и др. Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле / Сост. каталога: О. В. Двуреченский. М., 2005.

¹⁰² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. С. 7–19.

Лук хранили в плоском кожаном футляре (налучье). Он закрывал только половину лука и имел деревянный каркас, обшитый кожей или тканью. Судя по более поздним образцам XVI–XVII в. из Оружейной палаты Московского Кремля, налучья часто украшали резными костяными пластинами, позолоченными бляшками, бархатом, шитьем и даже драгоценными камнями. Носили налучье с луком, как правило, на левом боку на подвесе к поясу или на перекинутом через плечо ремне. Русские воины (стрельцы) умело использовали луки при осаде и штурме городов, при преследовании поверженного противника или отступлении.

Стрелы, выпускаемые из луков, состояли из древка, наконечника и оперенья в два или четыре пера. Древко стрелы делали из дерева (сосны, ели и др.) или тростника и иногда снабжали тыльником – костяным или иным ушком для накладывания на тетиву. Длина стрел колебалась в основном от 75 до 90 см (редко больше), а толщина – от 7 до 10 мм. Наконечники стрел насаживались на древко двумя способами в зависимости от формы наконечника – втульчатой или черешковой. В связи с утяжелением защитного доспеха в XIV в. господствовали различные типы броневой наконечников с пирамидальными, пулевидными, ромбическими, долотовидными очертаниями пера и длинным черенком.

Черенок вставляли в торец древка стрелы и закрепляли обмоткой на клею, чтобы дерево не расколосось. В это время также широко были распространены различные типы широколопастных наконечников стрел и срезней, предназначенных для нанесения широкой раны, по не защищенному броней противнику или его коню. Срезни – наконечники в виде плоской лопаточки – попали на Русь во время монгольского нашествия и продолжали употребляться во второй половине XIV в. На предполагаемом месте Донского побоища было найдено 5 наконечников стрел, характерных для этого периода¹⁰³. Показательно, что «Задонщина» свидетельствует о широком применении стрел в Куликовской битве, отмечая, что «многая иная дружина лежит у великом Дону побита и *постреляна* (курсив мой. – Авт.)»¹⁰⁴.

Стрелы хранили и носили в колчане – берестяном, кожаном или деревянном футляре в виде узкого длинного короба¹⁰⁵. Вместимость

¹⁰³ Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле. С. 220–222.

¹⁰⁴ ПКЦ. С. 101.

¹⁰⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. С. 19–25.

древнерусских колчанов XIV в. редко превышала 20 стрел. На Руси колчан называли «тулом», а мастеров, их изготавливавших, – «тульниками». У древнерусских и ордынских воинов XIV в. в употреблении были два типа колчанов. Основу первого – цилиндрического, с расширением у дна – составляло деревянное дно круглой формы с прикрепленной к нему вертикальной планкой (или двумя планками). Длина планок определяла длину колчана. Обычно она была чуть больше длины стрел. К основе крепились берестяной цилиндрический корпус, петли для подвешивания колчана и ремешок с крючком для закрепления колчана от тряски при верховой езде. Для предохранения стрел от повреждений и непогоды у колчанов имелись крышки, которые перед боем откидывали. Так, в памятнике более раннего времени – «Слове о полку Игореве» – при описании воинственных курян, всегда готовых вступить в бой, говорится, что у их колчанов «тулии отворении».

Другой тип колчана – полуцилиндрический – также имел расширение у дна. Однако, в отличие от первого типа, оно имело полукруглую форму, а стенка (иногда в виде двух вертикальных планок) была плоской. С помощью железных фигурных оковок у дна и горловины колчана крепился корпус из толстой кожи или бересты, покрытый кожей. К стенке или вертикальным планкам прибывалось по две железные фигурные петли для ношения колчана. Если это был колчан конного воина, то ко дну прикреплялся ремешок с железным крючком для закрепления во время езды. Часто берестяные колчаны украшались тонкими костяными пластинами с резными, иногда раскрашенными узорами, изображениями животных или богатой кожаной аппликацией. Длина колчанов с крышкой соответствовала длине стрел (60–80 см).

Еще в домонгольский период на Руси появился арбалет (самострел). Начиная с XIII в. он широко использовался в Юго-Западной Руси¹⁰⁶. В XIV в. самострел уже активно использовался в Московской Руси во время обороны крепостей. Самострел уступал луку по скорости стрельбы, но превосходил его по силе удара стрелы и кучности боя. Для стрельбы из самострела применяли короткие (30–40 см) толстые стрелы или «болты самострельные» – цельножелезные стержни круглого сечения с пирамидальной головкой. Стрелы имели оперение в два-три пера, но ушко для тетивы, как правило, у них отсутствовало.

¹⁰⁶ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. С. 90–93; *Киртичников А. Н.* Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 70.

Наконечники арбалетных стрел были массивными бронебойными, квадратного или ромбического сечения, реже – треугольного или круглого. В полевых условиях, в том числе Куликовской битве, применение самострела маловероятно, так как во время перезарядки арбалета воин представлял собой удобную мишень. Он должен был действовать из-за укрытия – щита или стены¹⁰⁷.

Наступательное оружие ближнего боя. Копье – древковое колющее оружие – использовалось в бою воинами для поражающего удара, что согласуется с данными летописей о действиях копьем: «ударил», «прободел», «насунути». В памятниках Куликовского цикла копья упоминаются неоднократно. В «Задонщине» упоминаются «кофыи фрязския»¹⁰⁸, состоящие на вооружении воинов Дмитрия Донского, а начало битвы начинается с копейного столкновения: «грянуша копыя харалужные...»¹⁰⁹ С. К. Шамбинаго возводит слово «харалуг» к арабскому «хараба» («гибель»)¹¹⁰, а Б. А. Рыбаков переводит «харалужный» как «пламенный» «раскаленный» клинок, закаленный в воздушной струе на скаку¹¹¹.

О воинах сторожевых полков Андрея и Дмитрия Ольгердовичей говорится, что они с «конец копия вскормлены»¹¹², а в Софийской I летописи старшего извода подчеркивается, как во время боя «ини на копия взимаеми»¹¹³. «Сказание о Мамаевом побоище» отмечает, что великий князь Дмитрий Иванович, собираясь на битву, «абие приемъ копие свое...»¹¹⁴, а во время битвы «велик стук бысть и звукъ от копейного ломления яко не мощно бѣ слышати»¹¹⁵.

Об активном применении копий в битве свидетельствуют и находки семи наконечников копий, копейной втулки и втока в районе Куликова поля. В его центре, вблизи от деревни Хворостянки были найдены два наконечника: один – в 1956 г., другой – в 1983 г. Другие наконечники были найдены в 1977 г. на левом берегу реки Дон, вблизи

¹⁰⁷ Киртичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 67.

¹⁰⁸ ПКЦ. С. 100.

¹⁰⁹ Там же. С. 90.

¹¹⁰ Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю / Общ. ред.: Ф. М. Головенченко; послесл. и примеч.: С. К. Шамбинаго. М., 1947. С. 44.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 236–237.

¹¹² ПКЦ. С. 89.

¹¹³ Там же. С. 37.

¹¹⁴ Там же. С. 175, 243.

¹¹⁵ Там же. С. 178.

от лощины реки Себенки, в 1979 г. – в верховьях реки Верхний Дубик, в конце 1980-х гг. – в районе Куликова поля¹¹⁶. В 2005–2006 гг. обнаружен еще один наконечник копья, копейные втулка и вток¹¹⁷.

Ко времени Куликовской битвы доминирующими становятся бронебойные наконечники копий, предназначенные для пробивания пластинчатой брони. Их характерные черты – крупная по размеру и пропорциям втулка и тяжелое клиновидное перо с ярко выраженным ребром жесткости. Для этого они обычно делались узкими, массивными и вытянутыми, особенно четырехгранными. Второй по распространенности тип наконечников – шиловидные наконечники с характерной четырехгранной в сечении формой пера, приспособленные в основном для поражения противника в кольчатой броне. Древки (ратовище, осклепище) копий изготавливали из цельного дерева (ясеня, дуба и др.) и нередко укрепляли обручами. Противоположный наконечнику конец древка укреплялся железной оковкой – втоком. Длина копейного древка могла достигать два с лишним метра. Копье могло украшаться ярким флажком – прапорцем.

Уже с XIII в. русские книжники фиксируют распространение сулиц – небольших (около 1 м) метательных дротиков. Небольшие наконечники сулиц насаживались на древко при помощи втулки или черешка. Метательные копья употреблялись в индивидуальной схватке и при случае могли быть противопоставлены ордынскому луку и стрелам. В летописях отмечены случаи, когда сулицу не только метали, но и наносили ей укол, по всей видимости не выпуская из рук¹¹⁸. Об использовании сулиц в Куликовской битве говорят письменные и археологические источники. В «Летописной повести» о Куликовской битве отмечается, что во время битвы гибнущие воины «иние сулицами прободаеми»¹¹⁹. В «Задонщине» упоминаются сулицы «немецкие»¹²⁰ и «ординские»¹²¹ как принадлежность вооружения воинов князей Ольгердовичей. В августе 2005 г. в районе Куликова

¹¹⁶ Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле. С. 209–226.

Находки вооружения с поля Куликовской битвы // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общ. ред. В. П. Гриценко. Тула, 2007. С. 429–432.

¹¹⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 21.

¹¹⁹ ПКЦ. С. 37.

¹²⁰ Там же. С. 100.

¹²¹ Там же. С. 128.

поля были сделаны находки двух наконечников сулиц¹²². Это подтверждает их использование во время Донского побоища.

Узкоспециальным видом пехотного оружия таранного типа являлась рогатина (рожон, рогатич) – разновидность копья с более широким и массивным ромбовидным, листовидным или миндалевидным наконечником¹²³. Длина наконечника доходила до 60 см, а длина древка – до 175 см. Рогатина могла использоваться как боевое, так и охотничье оружие. Об употреблении такого типа наступательного вооружения в Куликовской битве говорить сложно по причине отсутствия как письменных, так и археологических данных. Однако находки в других регионах говорят о широком распространении рогатины на протяжении всего позднего Средневековья¹²⁴. Так, в Великом Новгороде и Москве в слоях 1300–1400 гг. найдено три рогатины¹²⁵. Одно копьё обнаружено в 1979 г. в верховьях Верхнего Дубовика. По форме оно напоминает рогатину. Ярким образцом такого оружия более позднего периода является подписная рогатина тверского великого князя Бориса Александровича (1425–1461)¹²⁶.

В конце XIV в. основными типами наступательного вооружения были меч или сабля. Эти дорогие виды клинкового оружия из железа и сварочного булата были принадлежностью дружинной среды, где часто передавались от отца к сыну. Меч носили в ножнах, подвешивая к поясной портупее на перевязи. Деревянные створки ножен сначала обтягивали кожей или материей, после чего оковывали устье (отверстие ножен) и прикрепляли наконечник. Усиление в конце XIII в. наборных пластинчатых доспехов приводит к некоторому изменению функций меча: к его прежнему исключительно рубящему действию прибавляется колющее. Распространяются типичные колющие клинки с характерной клиновидной формой клинка и ромбическим сечением. Меняется вес и формы меча: распространяются более тяжелые (около 2 кг) и более длинные (достигающие 120–140 см) клинки. Значительно удлиняется рукоять мечей, появляются «полутораручные» мечи с рукоятями, рассчитанные на две ладони и способные наносить более

¹²² Находки вооружения с поля Куликовской битвы. С. 606–607.

¹²³ *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 21.

¹²⁴ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 15.

¹²⁵ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого. Рис. 4, 2; *Рабинович М. Г.* Археологические раскопки в Москве в Китай-городе // КСИИМК. 1951. Вып. 38. Рис. 23, 11.

Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // Археология СССР. СЛИ. Е 1-49. М., 1971. С. 36–37.

мощные удары. Длина перекрестий значительно возрастает, навершия на рукоятках, как правило, имеют дисковидную форму.

Мечи как принадлежность русских воинов очень часто упоминаются в памятниках Куликовского цикла. В Софийской I летописи старшего извода: «Ини бо мечемь пресѣкаеми бываху»¹²⁷. В Новгородской IV летописи: «Ини бо мечемь пресекаеми»¹²⁸. В «Задонщине» воины князей Ольгердовичей «с востраго меча поены», а один князь предлагает другому: «испытаем мечов своих литовских а шоломов татарских»; там же упоминаются «мечи булатные»¹²⁹, рассказывается, как «гремѣли князи русские мечьми булатными о шеломы хиновские»¹³⁰ и показан исход битвы: «У поганыхъ оружие свое поверъгоша, главы своя подклониша подъ мечи руския»¹³¹. В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что во время битвы «блистание мечное, трепеташася, аки молнии»¹³².

Другое клинковое оружие – сабля – имело полифункциональное назначение – колющее, рубящее и режущее. На Руси сабля появляется в IX–X вв. как заимствование из кочевнического воинского арсенала и к XII–XIII вв. распространяется во многих областях Руси. К концу XIV в. под монгольским влиянием зона применения сабли отодвигается значительно севернее и уже включает территорию Пскова и Великого Новгорода, однако продолжает быть наиболее характерной для южных регионов Руси. В Москве находки этого времени неизвестны, но со второй половины XIV в. мы встречаем в летописях и актовом материале упоминания о «золотых сабелях», хранившихся в сокровищнице московских Калитовичей¹³³.

Соотношение употребления меча и сабли в XIV в. можно проследить по известным миниатюрам Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, которая дошла до нас в списке второй половины XV в., но восходит к более раннему списку. По подсчетам А. В. Арциховского, в ней меч изображен 220 раз, а сабля – 144¹³⁴. При этом необходимо делать поправку на условность в восприятии меча в древнерусском

¹²⁷ ПКЦ. С. 37.

¹²⁸ Там же. С. 76.

¹²⁹ Там же. С. 90, 100, 101, 115, 128, 130.

¹³⁰ Там же. С. 115.

¹³¹ Там же. С. 131.

¹³² Там же. С. 245.

¹³³ ДДГ. №. 4. С. 16; Арциховский А. В. Оружие. С. 394.

¹³⁴ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 8.

сознании как символа княжеской власти. В памятниках Куликовского цикла сабля упоминается как принадлежность ордынских воинов и противопоставлена мечу: «Блискают шablн булатныи около голов богатырских» (например, в «Сказании о Мамаевом побоище»¹³⁵).

Характерными отличиями сабли от меча были изогнутость лезвия и расположение центра тяжести на значительном удалении от эфеса (чаще на уровне границы первой и второй трети от острия клинка). Это сочетание прибавляло дополнительное режущее действие и увеличивало силу удара и площадь поражаемого пространства. Применение этого вида оружия предоставляло конному воину большую маневренность в движениях¹³⁶. В XIV в. эволюция сабли шла в сторону удлинения, большего изгиба полосы и некоторого увеличения веса самого оружия для усиления рубящего удара. В этих же целях сабля снабжается елманью – утолщением на конце клинка. Эфес сабли имел рукоять с перекрестьем. Оно имело несколько опущенные и расширенные концы, переходящие в дисковидные или овальные увенчания. Навершие сабли, как правило, было уплощенно-цилиндрической формы с отверстием или скобой для крепления темляка.

Топор – ударно-дробящее и рубящее оружие – исследователи характеризуют как оружие пешего ополчения и отмечают широкое распространение в конце XIV в.¹³⁷ Древнерусский боевой топор состоял из рукояти (топорища), на нее насаживался сам топор, имевший лезвийную часть и с противоположной стороны обух. Рукояти для топоров имели разную длину в зависимости от охвата их воином одной или двумя руками. Часть топоров для усиления крепления к рукояти имела боковые парные выступы, прилегавшие к топорищу, – т. н. щекавицы. Нередко топоры служили парадным княжеским оружием. Тогда их поверхности украшались инкрустацией и высежкой из благородных металлов¹³⁸.

В последней трети XIV в. топоры были представлены двумя типами: небольшими легкими топорами-чеканами и т. н. топорами-

¹³⁵ ПКЦ. С. 245.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. С. 61–72; *Он же.* Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 26–27; *Сабля // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия.* С. 551–553.

Ленц Э. Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи возрождения Государственного Эрмитажа. Ч. 1. С. 49; *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия... С. 86; *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 22.

¹³⁸ *Топор боевой // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия.* С. 618–620.

булавами, находки которых известны на территории Северо-Западной Руси. Чеканы представляли собой некое подобие кирки с узким вытянутым лезвием, предназначенным для пробивания доспехов за счет малой площади ударной поверхности. Топоры-булавы имели толстое короткое лезвие и массивную втулку и обух, иногда имевшие грани. В отличие от чеканов этот вид топоров был предназначен для рассечения тяжелых доспехов и нанесения дробящих ударов. Использовались и топоры-секиры, похожие на рабочие топоры, но меньше. Они имели полукруглое лезвие и вытянутый молотковидный обух. Такие топоры могли использоваться и как оружие, и как универсальный инструмент в условиях похода. «Топори легкие» московских воинов упоминаются в «Задонщине»¹³⁹. На Куликовом поле обнаружено два обломка боевых топоров эпохи Куликовской битвы¹⁴⁰.

Бронзовые булавы домонгольского периода выходят из употребления. Видимо, это связано с тем, что указанные виды оружия стали превращаться в символ командного представительства и военачалия. На смену им приходят шестоперы, которые появляются на Руси еще в конце XIII в., а наибольшее распространение приобретают в XIV в.¹⁴¹ Шестопер имел ударную головку (шарообразную или грушевидную) с веерообразными «перьями»-ребрами числом больше или меньше шести. Они насаживались на деревянную или металлическую рукоять (стержень). Помимо ударно-дробящего воздействия на противника ребра шестопера могли наносить и рубящий удар. Видимо, шестопер – разновидность булавы (палицы) в ее развитом варианте – взял великий князь Дмитрий Иванович в бой вместе с копьем: «Абие приемь копие свое и взем свою палицу желѣзную, подвижесе ис полку»¹⁴². Фрагмент шестопера был найден в районе Куликова поля на поселении XII–XIV вв. Грязновка-2¹⁴³.

Другим традиционным видом ударного холодного оружия был кистень – костяная или металлическая гирька весом 200–300 г. Ее подвешивали на кожаном ремешке к короткой деревянной рукоятке. Переходным к формам XIV в. были железные кистени биконической

¹³⁹ ПКЦ. С. 90.

¹⁴⁰ *Дзуреченский О. В.* Находки предметов вооружения на Куликовом поле. С. 220–226.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 54; Шестопер // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 687.

ПКЦ. С. 175.

Гоняный М. И. Археологические памятники района Куликова поля // Труды ГИМ. Вып. 150. С. 152–153.

формы с прямоугольным ушком¹⁴⁴. Насколько данный вид вооружения мог использоваться в качестве боевого оружия в эпоху Куликовской битвы, остается вопросом. Возможно, кистени – эффективное средство самозащиты, а не предмет вооружения.

Для пробивания кольчатой и пластинчатой брони в XIV в. также использовался кинжал – холодное оружие с рукояткой и клинком. Как правило, он представляет собой миниатюрную копию меча¹⁴⁵. Кинжал предназначался для колющих ударов. Кроме того, он мог обладать режущими и рубящими свойствами или их сочетанием. Тонкий клинок кинжала легко проникал в щель между пластинами и наносил глубокие колотые раны. Как и нож, он мог использоваться в боевых или охотничьих целях, но в отличие от первого кинжал имел два лезвия. Его носили за поясом и изредка прятали в рукав. Среднеклиновые кинжалы – корды – обычно имели длину клинка 40–50 см, короткоклиновые – 10–40 см. Клинок кинжала, найденного в Великом Новгороде в слое XIV в., – четырехгранный желобчатый (с каннелюрами). По форме он напоминает классический русский штык¹⁴⁶. В «Задонщине» упоминаются «кинжалы мисурские»¹⁴⁷, «кинжалы фряские»¹⁴⁸ и «чары франкские»¹⁴⁹. «Чары», предположительно, – это часть слова «кончары» (колющее прямое оружие с трехгранным или четырехгранным клинком). Таким образом, русские воины могли быть вооружены как прямыми (европейскими), так и кривыми (восточными) кинжалами.

Защитное вооружение. Начиная с X в., в условиях постоянных конфликтов с маневренной легкой конницей кочевников, доспех из металлических колец – кольчуга – становится оптимальным доспехом для русского воина. Кольчатая броня позволяла ему сохранять свою подвижность и обеспечивала достаточную защиту от рубящих ударов, однако слабо защищала от колющих ударов. По способу скрепления колец кольчуги были нескольких типов: клепаная (концы заклепывались маленьким шипом или гвоздиком), сводная (незакрепленное соединение колец), сварная (концы соединялись кузнечной сваркой).

¹⁴⁴ Кистень // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 254.

¹⁴⁵ Кинжал // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 251.

¹⁴⁶ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 125.

¹⁴⁷ ПКЦ. С. 100.

¹⁴⁸ Там же. С. 115.

¹⁴⁹ Там же. С. 128.

Кольчуги плели начиная с ворота и заканчивая подолом. При этом существовало два вида плетения: одинарное, при котором каждое склепываемое кольцо захватывало четыре соседних, и двойное, более частое, при котором захватывалось шесть соседних колец. В целях экономии кольчужные мастера применяли комбинированный способ плетения, при котором клепаные кольца через ряд вплетались в цельносеченые кольца. Для усиления свойств кольчуги в наиболее опасных для воина местах могли накладываться два ряда колец (броня двойного плетения)¹⁵⁰. С конца XIII в. кольчугу могли усиливать на груди дисковидной бляхой – прообразом позднесредневекового зеркала. Несмотря на то что в XIV в. кольчуга на Руси временно уступает место различным по конструкции пластинчатым доспехам, она продолжает бытовать.

В XIII в. возникает, а в эпоху Куликовской битвы получает широкое распространение другой тип кольчатого доспеха – байдана (бадана, бадан)¹⁵¹. От кольчуги она отличалась лишь тем, что ее кольца были большими и плоско раскованными. Крепились кольца либо внакладку, либо на гвоздь или шип. «Боданы [в другой редакции – байданы] бесерменьскыя» упоминаются в «Задонщине» среди доспехов русских воинов во время Куликовской битвы¹⁵².

В 2002 г. на Куликовом поле был обнаружен фрагмент оторочки кольчуги из 9 бронзовых колец. Кольца деформированы, диаметр варьируется от 1,27 до 1,32 см. Сечение дрота круглое, 1,3 см. Проволока, из которой собирались кольца, имеет следы шва от волочения. Кольца скреплялись без использования клепок, возможно, пайкой или сваркой¹⁵³. Кроме этого, в фондах ГИМ хранится кольчуга, найденная на Куликовом поле (№ 11501 в Отделе оружия). По целому ряду признаков – это большой запах ворота (подполлок), расширенный к низу подол и большой вес (10,3 кг) этот кольчатый доспех относится к XVI–XVII вв.¹⁵⁴ Но поскольку о кольчугах XIV в. у нас имеются

¹⁵⁰ Кольчуга // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 265–266.

Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, разных доспехов, конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 7; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 14; Байдана // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 37.

ПКЦ. С. 90, 127.

Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле. С. 223.

¹⁵⁴ Там же. С. 215–217.

предварительные представления (в силу фрагментарности археологических данных), эта кольчуга может быть отнесена и к XIV в.¹⁵⁵ Этот доспех был сплетен из круглой проволоки толщиной от 1,5 до 2,5 мм. Он имеет вид рубашки с короткими рукавами. Плетение простое: одно кольцо соединялось с четырьмя на гвоздь попеременно просечным – штампованным способом.

В XIV в. на территории Руси продолжают бытовать пластинчатые доспехи, в которых защита состояла из набранных в определенной системе металлических пластин разнообразной формы – квадратных, полукруглых, широких прямоугольных (примерно 5 (4) см на 6 (7) см) или узких продолговатых, толщиной от 0,5 до 2,0 мм. Панцирная защита («броня дощатая») известна на Руси еще с X в., но именно в эпоху Куликовской битвы доспехи этого типа широко применяются для надежной защиты тела воина от таранного копейного удара, бронебойных стрел, арбалетных болтов, колющих ударов меча. В рассказах Софийской I и Новгородской IV летописей отмечается состояние великого князя Дмитрия Ивановича после битвы: «...доспех его бить и язвень, но на телеси его не бысть раны никоеа же, а бился с татары в лице, став напереди, на первом суимн»¹⁵⁶.

По-видимому, Дмитрий Иванович во время Куликовской битвы имел крепкую пластинчатую защиту. Кольчуга вряд ли спасла бы князя, участвовавшего в первой, самой ожесточенной сече с ордынцами.

Самыми распространенными в эпоху Куликовской битвы были так называемые чешуйчатые доспехи. Их довольно крупные выпуклые прямоугольные или квадратные пластины набирались на мягкую кожаную или матерчатую основу и надвигались одна на другую, наподобие черепицы, что удваивало толщину брони. Пластины чешуйчатых доспехов крепились к основе только с одной стороны, а в некоторых случаях, для придания панцирю большей монолитности, ставили заклепку еще и в центре пластины. Поэтому этот тип брони иногда называют клепано-пришивной. Многочисленные археологические находки таких пластин сделаны в Великом Новгороде, Пскове, Торжке, Москве. Воины в чешуйчатых панцирях часто встречаются в изобразительных источниках XIV в. – на миниатюрах Хлудовской

¹⁵⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 41.

¹⁵⁶ ПКЦ. С. 37, 78.

Псалтири, Тверского списка «Хроники» Георгия Амартола, Сильвестровского списка «Сказания» о Борисе и Глебе и др.¹⁵⁷

В панцирях с ламеллярной конструкцией (ременного крепления) продолговатые немного выпуклые пластины находили друг на друга и связывались между собой кожаными ремешками. Иногда пластины сначала собирали в ряды с тонкими (кожаными или матерчатыми) полосами изнутри, а затем эти ряды связывали между собой. Панцири такой конструкции – более гибкой за счет свободного хода между рядами пластин – бытовали на Руси до конца XV в. На русских иконах, фресках, миниатюрах и барельефах XIII–XIV вв. ламеллярные панцири на воинах встречаются очень часто. Яркий образец такого типа защиты – панцирь, предположительно, великого князя Федора Ростиславича Черного, изображенный на упоминавшейся ранее миниатюре из Федоровского Евангелия.

Подобные и другие ламеллярные пластины были найдены в оружейной мастерской древнерусского города Гомия (современный Гомель)¹⁵⁸. Другой аналог гомийским пластинам – фрагмент железной трапециевидной пластины с округлыми нижними краями – был найден в 2002 г. во время поисковых работ на Куликовом поле (поисковый участок № 22)¹⁵⁹. Ширина короткой стороны – 7 см, предполагаемая ширина длинной стороны – 9,5 см. Пластина имеет шесть округлых отверстий диаметром 4–6 мм. Возможно, в правом углу располагалось еще одно отверстие. Эта пластина могла быть частью ламеллярного доспеха, а точнее, его нижней части или ламеллярной юбки.

На так называемом панцире великого князя Федора Ростиславича Черного сосуществуют два вида «дощатой брони» – ламеллярный панцирь и чешуйчатая юбка, что говорит о существовании в XIV в. комбинированного (ламеллярно-чешуйчатого) доспеха¹⁶⁰. Другой тип комбинированной защиты – кольчато-пластинчатый (бахтерцы, юшманы, калантари) – распространяется в XV–XVI вв. Некоторые изобразительные и археологические источники позволяют предположить, что попытки такого совмещения делались еще в XIII–XIV вв.¹⁶¹

¹⁵⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Рис. 19, 32. Табл. VI, XVIII–XIX, XXII.

¹⁵⁸ Макушиников О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності Південної Русі. Чернігов, 1993. С. 128.

Каталог реликвий Донського побоища, знайдених на Куликовому полі. М., 2005. С. 7. Рис. 14.

¹⁶⁰ Жуков К. А. Комбинированный ламеллярно-чешуйчатый доспех... С. 85–97.

¹⁶¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 19.

На шиферной иконке домонгольского периода из собрания музея г. Каменца-Подольского (инв. № 104/2) изображены святые Гавриил, Михаил и Дмитрий. Последний (в центре) одет в броню, чешуйчатую на рукавах и подоле и кольчатую на груди (плетение обозначено колечками). Специальные пластины в виде языкообразных свесов защищают с передней стороны и бедра. Различимы также фигурные наколенники и кольчужные чулки. По мнению А. Ф. Медведева, некоторые из пластин XIV в. (с частыми дырочками по краям) могли входить в соединение с кольчужным плетением, которое прикрывало наиболее подвижные части тела воина – шею, плечи, талию¹⁶².

Разновидность такого кольчато-пластинчатого доспеха – «калантары злачены...». Они упоминаются в «Задонщине»¹⁶³. Калантарь (колонтарь) изготавливался из пластин, соединенных кольчужным плетением¹⁶⁴. О точной конструкции калантаря ничего сказать нельзя, так как ни один его образец пока неизвестен. Предположительно, это был доспех без рукавов из двух половин – передней и задней, застегивающихся на обоих плечах и боках. Каждую половину от шеи до пояса составляли ряды крупных металлических пластин («досок»). Они скреплялись между собой железными кольцами. К поясу калантаря прикреплялся кольчужный или панцирный подол до колен¹⁶⁵.

В Великом Новгороде встречаются находки пластин, которые также могли принадлежать «бригантине» – доспеху. Его пластины крепились с внутренней стороны подкладки таким образом, что лицевая сторона доспеха была покрыта тканью, бархатом или кожей под рядами заклепочных шляпок¹⁶⁶. Доспех такого типа в XIV в. применялся в Юго-Западной Руси, видимо, под западным влиянием. В Юго-Восточной Руси в это время русские воины перед битвой стремились продемонстрировать свой сверкающий доспех с целью определенного психологического воздействия на неприятеля. В «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» доспехи русских воинов блестят золотом: «гримят русская удалыцы “золотыми доспехи...”, “но собе маем доспехи позлащенные...”, “сияли золотыя

¹⁶² Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха... С. 130. Рис. Типа 2, 12.

¹⁶³ ПКЦ. С. 89.

¹⁶⁴ Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1844.

¹⁶⁵ Винклер П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. М., 1992. С. 272.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 19; Он же. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 36.

доспехи...»¹⁶⁷, «злаченными доспѣхами осветиша»¹⁶⁸, «а в них [молниях] сияють доспѣхы золочеными»¹⁶⁹, «щипляются щиты богатырски о злычеи доспѣхи»¹⁷⁰. Союзная рать братьев Ольгердовичей называется «окованной»¹⁷¹, что свидетельствует об обеспеченности большинства воинов Дмитрия и Андрея Ольгердовичей доспехами.

Вряд ли у всех русских воинов, участников Куликовской битвы, были доспехи, да еще и позолоченные. Вероятно, большинство из них имело в качестве защитного доспеха кольчугу, совместные кольчато-пластинчатый, кольчато-чешуйчатые панцири, а также защиту из мягких, кожаных материалов. В обычных начищенных до блеска доспехах могли отражаться лучи солнца и создавать эффект «золотых» доспехов. Не исключено также, что это – художественное преувеличение. С его помощью книжники хотели создать образ православных ратников как воинов «света». Только князя и бояре, по-видимому, могли позволить себе дорогие позолоченные доспехи. Подтверждением этому служат свидетельства «Задонщины»: «Пересвѣт поскакивает на своем добрѣ конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣльчивает»¹⁷²; князь Владимир Андреевич скачет на коне среди битвы золотым доспехом посвечаючи»¹⁷³; князь Дмитрий Ольгердович говорит брату Андрею: «А на себѣ золоченые доспѣхи...»¹⁷⁴ Тем не менее есть более поздние данные о том, что доспехи золотились¹⁷⁵.

Скудные археологические источники редко представляют полные пластинчатые гарнитур, что затрудняет возможность реконструкции внешнего вида всего защитного комплекса. Однако данные миниатюры помогают установить конструкции и покрой. Типичный доспех, известный нам по материалам из Великого Новгорода, Пскова, Москвы и других регионов, представлял собой «кирасу» из нагрудных и наспинных частей, скрепленных между собой. Дополнительно отмечаются детали подвешиваемых к нагруднику наплечников и пластинчатой юбки. В XIV в. для усиления защиты, по всей вероятности, под пластинчатый доспех надевали кольчугу. Внедрение различных

¹⁶⁷ ПКЦ. С. 99, 100, 101.

¹⁶⁸ Там же. С. 117.

¹⁶⁹ Там же. С. 129.

¹⁷⁰ Там же. С. 245.

Там же. С. 114.

¹⁷² Там же. С. 116.

¹⁷³ Там же. С. 102.

¹⁷⁴ Там же. С. 128.

¹⁷⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 40.

«дошатых» систем защиты тела сопровождалось распространением в XIV в. таких усиливающих их принадлежностей, которые считались характерными лишь для западноевропейского латника. Это констатируемые по находкам и изображениям наручи, поножи (ноговицы, «железные сапоги»), наколенники.

В эпоху Куликовской битвы на Руси продолжают использоваться различные типы шлемов – боевых наголовий, состоящих из венца, тульи и наверхия. К венцу – основанию шлема – обычно крепилась кольчужная бармица, подшлемник и маска-личина. По технологии шлемы изготавливались из одной или нескольких стальных пластин, соединенных клепкой, сваркой или пайкой. Форму венцу и тулье шлема, сделанного из одной стальной пластины, придавали с помощью кузнечной обработки. По-прежнему в XIV в. находили широкое применение сфероконические, куполовидные и полусферические шлемы обтекаемой геометрической формы, которая при соприкосновении с мечом вызывала соскальзывание отвесных ударов рубящего оружия¹⁷⁶.

Основная тенденция в развитии шлемов проявляется в усилении защиты головы воина посредством увеличения толщины шлема, углубления его посадки на голову вплоть до линии скул. Именно в этот период входят в распространение так называемые цилиндроконические (шатровидные) наголовья¹⁷⁷. Они часто имели высокий венец, значительную глубину (доходили до уровня скул) и дополнительные защитные элементы в виде нешироких полей, лицевого выреза, вырезов для глаз. Коническая тулья также хорошо предохраняла голову воина от рубящих ударов, а цилиндрический венец создавал дополнительное ребро жесткости в налобной части, что уравнивало боевую эффективность шатровидных и куполовидных шлемов. При этом шатровидный корпус шлема был проще и дешевле в изготовлении.

Шлемы русских воинов упоминаются в «Задонщине». Воины князей Ольгердовичей «под шелома възлелѣаны»¹⁷⁸ (в другой редакции «възлелияны»)¹⁷⁹. Андрей Полоцкий предлагает брату Дмитрию Брянскому, как в «Слове о полку Игореве» князь Игорь Святославич

¹⁷⁶ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 29.

¹⁷⁷ Жуков К. А. К истории «шатровидных» шлемов... С. 216–234.

¹⁷⁸ ПКЦ. С. 90.

¹⁷⁹ Там же. С. 127.

своему младшему брату Всеволоду Трубчевскому, «испиемь, брате, шеломомь своим воды быстрого Дону». Некоторые московские воины носили «шеломы немецкие»¹⁸⁰, «шоломы черкасские»¹⁸¹. Перед битвой «гремели князеи русских... обышаки московские»¹⁸². Есть основания полагать, что в данном месте подразумевалось слово «шишаки» (в незаконченном варианте). А.Н. Кирпичников четко разграничивает «шеломы» и «шишаки» как разные виды боевых наголовий. «Шелом» – наголовье в колоколовидной высокой тульей и длинным шпилем, а «шишак» – низкий полусферический шлем без шпиля¹⁸³. П. И. Савваитов отметил, что в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича (1359 г.) упоминается «чечак золот с камением», обоснованно связывая данный предмет (чечаг) с шишаками¹⁸⁴.

К верхней части шлема – тульи – крепилось навершие различной формы (острие, яблоко и др.) и дополнительное украшение в виде плюмажа (перья, султаны из конского волоса, флажки-яловцы). В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминаются флажки на шлемах воинов: «Яловчики ж шоломов их, як пламень огненный колѣбшася»¹⁸⁵. Детали шлемов, в основном богатых воинов, могли иметь украшения в виде граней тульи, орнаментально выполненных краев деталей шлемов. Некоторые шлемы золотились или покрывались серебряным позолоченным листом, что известно по археологическим находкам шлемов XIII в.¹⁸⁶ И в «Задонщине», и в «Сказании...» неоднократно упоминаются позолоченные шлемы русских воинов: «Руский сынове поля широкии кликом огородиша, золочеными шлемы осветиша», «Шоломы на главах их, аки утреня зоря свѣтящся»¹⁸⁷.

В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается еще одна возможная деталь шлема богатого воина – личина – подъемно-опускное забрало-маска, выкованная в виде человеческого лица: «Котятся шоломы позлащенныи с личинами добрыми конем под копыта»¹⁸⁸. Шлемы

¹⁸⁰ ПКЦ. С. 90.

¹⁸¹ Там же. С. 100, 115.

¹⁸² Там же. С. 101.

¹⁸³ Кирпичников А. Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 29–33.

¹⁸⁴ ДДГ. № 4. С. 18; Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896. С. 167.

¹⁸⁵ ПКЦ. С. 240.

¹⁸⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 30. Табл. XVI, 1.

¹⁸⁷ ПКЦ. С. 130, 168–169.

¹⁸⁸ Там же. С. 245.

с масками характерны для контактирующих с Русью в XII–XIII вв. кочевников, однако известны два случая обнаружения целой маски и ее фрагмента при раскопках древнерусских городов Серенск и Изяславль¹⁸⁹. На основании этих письменных и археологических данных можно предположить, что шлемы с полумасками использовались на Руси в XIII – второй половине XIV в. Возможно, на лобной части шлемов XIV в. могли крепиться чеканные пластины с изображениями святых. Это делалось, судя по археологическим и письменным данным, на шлемах XII–XIII вв. Однако неправомерно такие шлемы назвать «шеломами Архангельского образа», как это делает П. Васин, трактуя выражение из «Сказания о Мамаевом побоище»¹⁹⁰. Так в православии называли монашеские клобуки.

Долгое время считалось, что к середине XIV в. шлемы с наносниками выходят из употребления, а вместо них употребляются шлемы с редуцированными наносниками. Такой вывод делали на основании анализа миниатюр, фресок и икон, где изображены воины в открытых шлемах. Однако в 2000 г. в результате поисковых работ на Куликовом поле была найдена деформированная пластина, которую можно интерпретировать как фрагмент налобной части шлема с наносником¹⁹¹. Ближайшими аналогиями этой находки могут быть так называемый шлем «Украина» и наносник от шлема из Изборского (Труворова) городища. Они датируются концом XIII – первой половиной XIV в. Шлем «Украина» (в настоящий момент хранится в Эрмитаже) состоит из передней и задней пластины; его наносник откован заодно с передней пластиной¹⁹². Наносник из Изборского городища, в отличие от найденного на Куликовом поле, по-видимому, крепился к шлему отдельно. Он имеет ребро жесткости и отверстия в левой части и на нижнем конце, по-видимому, для крепления бармицы¹⁹³. Таким образом, шлемы с цельнокованым и накладным наносником бытовали на Руси в начале XIV в. и, возможно, «дожили» до 1380 г.

¹⁸⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 29. Рис. 26, 27; Пятнышева Н. В. Железная маска из Серенска в коллекции государственного исторического музея // История и культура Евразии по археологическим данным, М., 1980. С. 134–139; Древнерусский город Изяславль: Каталог выставки. Л., 1983. С. 26. Рис. 21.

¹⁹⁰ Васин П. «Воины Христовы». С. 61.

¹⁹¹ Девуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле. С. 224.

¹⁹² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 28. Табл. XIII.

¹⁹³ Артемьев А. Р., Лопатин Н. В. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище // РА. 1994. № 2. С. 199–200.

В эпоху Куликовской битвы наиболее распространенными элементами дополнительной защиты головы воина были подшлемник и бармица. Подшлемник служил для амортизации ударов по голове воина, изготавливался обычно из кожи и сукна. Он мог надеваться на голову отдельно от шлема, быть вклеен в шлем или прикреплен к нему при помощи ремешков или клепок. Бармица – кольчужная сетка, защищавшая нижнюю часть головы, шею и плечи воина. Ее подвешивали к шлему несколькими способами – к подшлемнику, нижнему краю венца шлема, на внешней стороне венца шлема посредством колец, втулок или скоб. Бармица могла свободно висеть на голове или застегиваться под подбородком воина. Судя по одной из миниатюр Сильвестровского списка, в XIV в. к шлему, помимо бармицы, подвешивали металлические на уши¹⁹⁴. Надежности крепления шлема на голове служил ремень, он также застегивался под подбородком¹⁹⁵.

Для снаряжения русского боевого коня эпохи Куликовской битвы было характерно смешение конструкций снаряжения европейского и восточного типов¹⁹⁶. В состав экипировки боевого коня входили седло, стремена, узда (узденица), удила, конский доспех, скребницы, подковы и попоны. Стремена имели прямую широкую подножку стрельчатого типа, соединявшуюся с округлой рамкой. Седла были двух типов – «кресла» рыцарского типа и легкие седла восточного типа на подстилавших их пополах. В конструкции конской сбруи применялись пряжки полукольцевидных, кольцевидных и смягченно прямоугольных форм. Иногда использовалось сразу несколько пряжек, предназначенных в том числе и для подпруги из двух ремней. Тогда же появились пряжки у стременных путлиц. Ременная упряжь украшалась накладными бляшками, наличие и количество которых зависело от знатности всадника.

Основным тактическим приемом ведения боя в XIV в. становятся кавалерийские атаки таранного типа, поэтому широко распространяется конский доспех. Если в ордынской коннице широко использовались конские доспехи из кожи или наборных пластин, то в русской тяжеловооруженной кавалерии коня мог прикрывать кольчужно-

¹⁹⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. С. 31.

¹⁹⁵ Шлем // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 687–689.

¹⁹⁶ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и коня на Руси // Археология СССР. СЛИ. Е 1-36. Л., 1973. С. 85–86; Снаряжение боевого коня эпохи Куликовской битвы // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 588.

пластинчатый доспех. С XIII в. известны и конские маски (боевые наголовья), защищавшие голову коня¹⁹⁷. Узда в XIV в. становится более сложной; применяется система ремней, охватывающих всю голову коня, что значительно повышало оперативность управления лошадью. Для ухода за кожей коня использовались однорядные и двухрядные металлические пластины-щетки (скребницы).

От поражения тела воина колющим, рубящим и стрелковым оружием в ближнем и дальнем бою использовались щиты¹⁹⁸. На Руси их изготавливали (набирали) из досок (липовых, сосновых и др.) и обтягивали внешнюю сторону тканью или кожей. Тыльная сторона щита имела подкладку для руки и ремни для крепления щита к руке, а также для его транспортировки за спиной во время похода или в бою, когда воин действовал обеими руками. О форме древнерусских щитов эпохи Куликовской битвы можно судить по изобразительным источникам конца XIII–XV в.

Так, на миниатюрах Радзивилловской летописи изображено 154, из них 83 – круглых, 52 – миндалевидных, 12 – треугольных, 5 – овальных, 2 – овальной формы с заостренным концом и сильно выступающим умбоном, 2 – геральдические, с прямой верхней гранью и овальными боками. У святого Георгия, вырезанного из камня на Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском (первая половина 1230-х гг.), небольшой миндалевидный щит с изображением льва, стоящего на задних лапах. Щит точно такой же формы и с таким же рисунком можно увидеть у святого Феодора Стратилата (великого князя Федора Ростиславича Черного?) на миниатюре из Федоровского Евангелия из собрания Ярославского историко-культурного музея-заповедника¹⁹⁹. На фресках церкви Спаса на Ковалеве (XIV в.) под Великим Новгородом воины изображены с небольшими круглыми щитами, настолько выпуклыми, что по форме они приближаются к конусу с малой высотой и большим диаметром основания²⁰⁰. Оба щита ярко раскрашены, имеют в центре большие умбоны. Вокруг них концентрически нанесен орнамент. Точно такой же щит держит левой

¹⁹⁷ Кирпичников А. Н., Черненко Е. В. Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины. М., 1968. С. 62–65; Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и коня на Руси. С. 30.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 33–40; *Он же*. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. С. 43–48; Щит // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 699–701.

¹⁹⁹ Масленицын С. И. Ярославская икона. М., 1973. Рис. 16.

²⁰⁰ Муравьев М. В. Новгород Великий. Л., 1927. С. 87.

рукой правый из сражающихся воинов, изображающих заглавную букву «И» на л. 291 Новгородской псалтыри XIV в.²⁰¹ Этот щит тоже довольно большой и может закрыть тело воина от плеча до колена. Орнамент щита, также расположенный концентрично умбону, сверкает золотым, красным и белым цветами. На печатях, сохранившихся на двух духовных грамотах великого князя Дмитрия Ивановича Донского, изображены два воина с небольшими щитами – миндалевидным (январская печать 1372 г.) и овальным (майская печать 1389 г.)²⁰².

Исходя из анализа этих источников, в XIV в. сосуществовали традиционные для Руси круглые и миндалевидные, новые треугольные, сердцевидные и прямоугольные щиты. После появления шлемов с усиленной защитой, длинных, по колено, кольчуг, тяжелых доспехов щиты утрачивают свои металлические детали – оковки, умбоны, заклепки. Щиты уменьшаются в размерах и превращаются из пассивного и малоподвижного в более мобильное и удобное для манипулирования в бою средство обороны. Так, на миниатюрах Радзивилловской летописи изображены воины со щитами не только прижатыми к телу, но и выдвинутыми вперед, подставленными под вражеское оружие, чтобы ослабить или отбить удар «на лету». В отличие от более плоских ранних щитов в XIV в. распространяются выпуклые щиты. По мере совершенствования шлема верх щита все более спрямляется и появляются треугольные щиты с перегибом (двускатные), плотно прилегающие к телу. Тогда же бытуют выгнутые трапецевидные щиты. С конца XIII в. входят в обиход тарчи – сложнофигурные щиты, прикрывавшие грудь всадника во время копьевых таранов.

Судя по детальным воспроизведениям на печатях и миниатюрах, во второй половине XIV в. в Северо-Западной Руси появляются скругленно-прямоугольные щиты с четким долевым желобом – павезы. Поле такого щита членил на две части желоб, который служил вместилищем руки и облегчал рассчитанные защитные манипуляции в бою. Именно такие щиты, по-видимому, изображены на двух печатях договоров 1314 г. – новгородского тысяцкого Филиппа и Ивана Еремича. Павезы использовали как всадники, так и пехотинцы с сулицами и арбалетами: им требовалась некоторая пауза, чтобы под надежной защитой метнуть или перезарядить свое оружие. Еще в

²⁰¹ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887. Табл. 71. № 6.

²⁰² Печати Дмитрия Донского // Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 502.

XII–XIII вв. поле щита украшали эмблемами, государственными и военными символами, знаками ранга. Фон щита окрашивался в самые разнообразные цвета, но красному цвету на протяжении всего бытования русских доспехов отдавалось явное предпочтение. Памятники Куликовского цикла отмечают наличие у воинов щитов: в «Задонщине» упоминаются «щиты московския»²⁰³ и «черлеными считы»²⁰⁴; в «Сказании о Мамаевом побоище» «щипляются щиты богатырские о злычныи доспѣхи»²⁰⁵.

В красочном описании боя в «Задонщине» говорится, что Александр Пересвет скачет, золотым доспехом посвечивая, а идущая на поле Куликова русская рать гремит «золотыми доспехи и шеломы и черлеными считы»²⁰⁶. «Сказание о Мамаевом побоище» отмечает, что доспехи русских воинов издали напоминали воду, что при ветре струится. В этом произведении снова упомянуты золоченые шлемы, словно заря утренняя, причем яловцы их колыхались, как пламя огненное. Его автор упоминает, как знамена, на которых были вышиты образа святых, светились в солнечных лучах, золоченые стяги шумели, расстилаясь. Хоругви их, точно живые, колыхались. Так, знаменем большого полка было черное полотнище с вышитым образом Спаса на нем. В восхищении автор восклицал: «Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного». Отмеченная устроенность войска подчеркивала в том числе и обеспеченность русской рати наступательным и оборонительным вооружением.

§ 4. Планы противоборствующих сторон

Готовясь к сокрушительному удару по землям Северо-Восточной Руси, Мамай планировал соединиться с войсками Ягайло в начале осени²⁰⁷. Местом встречи были избраны берега реки Оки. Заняв их, ордынцы и литовцы лишали московского великого князя удобного

ПКЦ. С. 90, 128.

Там же. С. 90, 99.

Там же. С. 245.

Там же. С. 99.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 6. С. 93–95; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 166.

ПКЦ. С. 30, 50. В XIV в. осенью считался период с 24 сентября до 24 декабря.

оборонительного рубежа. Сроком для встречи союзники избрали Симеонов день – 1 сентября. Задуманный поход, по данным «Летописной повести», должен был по своему размаху повторить нашествие Батыея: *«Мневъ себе аки царя... Поидем на рускаго князя и на всю землю Русскую, яко же при Бытьи было»*²⁰⁸. «Сказание о Мамаевом побоище» добавляет, что в своих замыслах Мамай не просто хотел разорить Русь, но и остаться здесь со своей Ордой: *«Яко азъ не хоцю тако сътворити, како Батыеи, но егда доиду [Руси] и убью князя их, и которые его град красныи довлеетъ намъ и ту сядемъ ведати и Русью владети»*. Однако свидетельство позднего источника преувеличивает реальные намерения Мамаея. В источнике он выступает как слуга дьявола, а стало быть, должен иметь грандиозные планы по уничтожению православного христианства.

Из центрального улуса Мамаея – Крыма – идти на Русь удобнее всего по Кальмиусской сакме. Она шла с юга от верховьев Кальмиуса к правобережью Верхнего Дона. Но в 1380 г. отряды крымского темника еще покоряли Астрахань. Следовательно, ордынская рать могла выйти к Дону и с восточной стороны. По крайней мере, автор «Сказания о Мамаевом побоище» считал, что войско Мамаея шло на Русь из Поволжья: Мамай переправился через Волгу и достиг Дона возле устья реки Воронеж²⁰⁹. На устье реки Воронеж, впадающей в Дон с восточной стороны, он распустил свою силу на кочевье. По данным «Сказания о Мамаевом побоище», он повелел своим подданным: *«Яко дани единъ не паси хлеба и будете готови на русские хлебы»*²¹⁰. О таком же маршруте говорит и тот факт, что за три дня до Куликовской битвы войска темника оказались у Кузьминой Гати – поселка в верхнем течении реки Цны²¹¹, т. е. опять восточнее реки Дон. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», пленный ордынец, доставленный 5 сентября к великому князю Дмитрию Ивановичу, дал показания, позволяющие судить, что еще за 3 дня до битвы Мамай находился в более чем 100 км от Дона: *«Тъй языкъ поведаетъ: “уже царь на Кузьмине гати стоять, нь не спешить, ожидаетъ Олгорда Литовскаго и Олга Резаньскаго, а твоего царь събраианя не вестъ... и по трех днех имать быти на Дону”»*²¹². Даже если здесь упоминается не та Кузьмина Гать, что расположена у

²⁰⁸ ПКЦ. С. 30, 65.

²⁰⁹ Там же. С. 138–139; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 134.

²¹⁰ Там же. С. 139.

Там же. С. 165, 215.

²¹² ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 160–162.

реки Цны, до которой более 120 км, ясно, что этот пункт находился в заболоченном месте на левом берегу реки Дон. Добраться же от реки Воронеж до Кузьминой Гати на реке Цне можно, следуя вдоль реки Матыры – притока Воронежа.

Однако одно из самых ранних известий об этих событиях в «Летописном рассказе о Куликовской битве» отмечает, что в момент переправы русских сил через Оку Мамай кочевал за рекой Дон²¹³. В верхнем течении она проложила свое русло с севера на юг, но у самого истока ее воды текут, слегка поворачивая на восток. Это позволяло русским людям считать его правый берег татарским, а левый – своим. Следовательно, самые ранние сведения о Куликовской битве указывают на движение Мамай западнее Дона.

Намек на движение по правому берегу реки Дон можно найти в упоминании в «Задонщине» пространства между Доном и Днепром: «Уже бо, брате, возвеша сильнии ветри с моря на усть Дону и Непра, прилелеяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стуку и грому великому на речке Непрядве, между Доном и Непром, пасти трупы человеческому на поле Куликове, пролится крови на речке Непрядве! Уже бо въскрипели телегы между Доном и Непром, идут хинове на Рускую землю! И притекоша серые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на реке, на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти были не серые волцы, – приидоша поганые татаровя, хотят пойти воюючи всю Рускую землю»²¹⁴. Ее автор называет географические объекты, расположенные к западу от Дона: Днепр и Непрядву.

Даже в «Сказании о Мамаевом побоище», наиболее последовательно отстаивающем версию о появлении войск Мамай с востока, есть известие о стороже, высланной к Тихой Сосне: «Князь же великий... здумаша, яко сторожу твердо уготовити в поле... И повеле имъ на Тихой Сосне сторожу десяти...»²¹⁵. Создается впечатление, что Дмитрий Иванович ждал прихода ордынцев с запада. В Летописце князя И. Ф. Хворостинина названа другая река – река Быстрая Сосна²¹⁶. Однако и в том, и в другом случае имеется в виду правый приток реки Дон. Однако эта дальняя сторожа (великий князь, не дождавшись от

ПКЦ. С. 9. 68.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 100.

ПКЦ. С. 230; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 142.

²¹⁶ Там же. С. 259.

нее вестей, выслал другую сторожу) могла быть направлена в степь не для прямого поиска противника, а для общего сбора информации.

Вопрос о том, по какому пути двинулись полчища Мамаю на Русь, будет еще долго предметом споров исследователей, поскольку ранние краткие известия Симеоновской летописи и пространные поздние сообщения «Сказания о Мамаевом побоище» противоречат друг другу. Причем ошибиться могли как ранние, так и поздние авторы. Ведь правый берег Дона был очень удобным для движения из Крыма на Русь и в XVII в., даже носил имя Крымской стороны Дона. Древние летописцы, зная, что Мамай был крымским темником, могли сами представить себе его маршрут западнее Дона. Но жившие в XV–XVI вв. авторы «Летописной повести о Куликовской битве» и «Сказания о Мамаевом побоище» также имели основания придумать свой вариант движения ордынских войск навстречу русским полкам. Не случайно в их произведениях говорится о подражании темника Мамаю Батыю. Следовательно, по их мнению, путь войск Мамаю должен был в своем начале повторять маршрут Батыева похода на Русь. Так могла родиться версия о движении татар восточнее Дона.

Значит ли это, что мы никогда не сможем определенно сказать о пути Мамаевой Орды к Куликову полю? Кажется все же, что можно найти ответ на вопрос о маршруте ордынцев в 1380 г. Конечно, достигнуть района Куликова поля проще, идя по правому берегу Дона. Но здесь на пути Мамаю могло встать Елецкое княжество. Не желая разорять Елец (если город контролировался союзником рязанского великого князя Олега Ивановича) или боясь потерять время на осаду города, Мамай не пошел по Кальмиусской сакме²¹⁷.

Вероятно, Мамай выступил из своего улуса и устремился на владения великого князя Дмитрия Ивановича по кратчайшему пути. Но летом 1380 г. на правом берегу Волги появились воины главного соперника Мамаю в борьбе за власть в степи – хана Токтамыша. Получив поддержку среднеазиатского правителя Тимура²¹⁸, этот хан Синей Орды (Кок-Орды), расположенной у берегов Сырдарьи, обладал правами на ханский престол и представлял серьезную угрозу для Мамаю, который таких прав не имел и правил от имени марионеточных ханов. Токтамыш являлся потомком тринадцатого сына Джучи Тука-Тимура

²¹⁷ Русские летописи ничего не знают о разорении Ельца.

²¹⁸ Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. М., 2000. С. 324–346.

и, в отличие от темника, мог гордиться, что в его жилах по мужской линии течет кровь Чингисхана.

По всей видимости, Мамай узнал о движении еще одного противника лишь в походе. Весть об этом, скорее всего, пришла к темнику, когда его воины достигли реки Воронеж. Отказавшись от немедленного броска на Москву, Мамай переправил войска через реку Дон и три недели кочевал вдоль его левого притока – реки Воронеж²¹⁹. Это решение казалось единственно правильным. Кочуя вдоль границ Рязанского княжества, Мамай имел возможность шантажировать великого князя Олега Ивановича, который осенью 1378 г. за союз с Москвой уже испытал силу гнева Мамаея. По расчетам темника, правитель Переяславля-Рязанского должен был присоединиться к нему и усилить ордынцев своей ратью. Здесь же можно было дожидаться прихода Ягайло. А в случае необходимости, если Токтамыш начнет наступление на Крым, Мамай надеялся успеть откочевать к Волге и остановить продвижение соперника.

Казалось, опытный и дальновидный полководец не ошибся в своих расчетах. Рязанский великий князь выразил ему свою покорность, а Ягайло спешил на соединение с ордынцами²²⁰.

Стоя у границ Рязанской земли, Мамай вел активные переговоры. Уже имея предварительное соглашение с литовским великим князем Ягайло²²¹, темник, надеясь расстроить союз русских князей, начал с ними переговоры. Летописи упоминают о прибытии послов Мамаея к Дмитрию Ивановичу и дипломатические ходы его соседа – Олега Рязанского.

Рязанский великий князь современниками и особенно потомками был обвинен в измене христианству, готовности соучаствовать в разорении Руси. Действительно, в политических шагах Олега Ивановича было много огрехов. Он начал активную дипломатическую деятель-

²¹⁹ Так о месте пребывания крымского темника говорится в «Сказании о Мамаевом побоище», но в «Летописной повести о Куликовской битве» сообщается, что Мамай три недели кочевал за Доном, т. е. по западному берегу этой реки. Необходимо иметь в виду, что источники не поясняют, от какого дня отсчитывался срок в три недели. Однако ясно, что данный день не мог быть позднее середины августа.

Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», Ягайло к 8 сентября достиг Одоева, хотя это известие вызывает некоторые сомнения, поскольку летописи молчат о боевых действиях в Новосильском княжестве.

ПКЦ. С. 9. В «Летописной повести о Куликовской битве» известие о союзе Мамаея и Ягайло открывает повествование. Первым союзником Мамаея назван литовский великий князь. Олег Рязанский присоединился к уже сложившемуся союзу (Там же. С. 65).

ность, когда Мамай вышел к границам его княжества и встал на реку Воронеж. Люди Олега Рязанского появились и в ставке Мамаю, и в обозе у Ягайло.

Олег Иванович стремился любой ценой защитить свое княжество, оказавшееся между двумя грозными противниками – Ордой и союзом князей Северо-Восточной Руси. Но как это можно было сделать? Ведь примкнув к Орде, он обрекал себя на ответные действия со стороны московского великого князя и его союзников, а поддержав их – автоматически становился врагом находившегося рядом Мамаю. И в одном, и другом случае Рязанская земля могла стать ареной боевых действий. Поэтому Олег Иванович решил действовать осторожно.

Наученный прежним горьким опытом, рязанский великий князь не примкнул, как два года назад, открыто к великому князю Дмитрию Ивановичу. Слишком памятен Олегу Ивановичу был набег Мамаю, мстившего за разгром Бегича на реке Воже. Вместо этого, получив повеление Мамаю присоединиться к союзу Орды и ВКЛ, Олег Рязанский отправил к темнику на реку Воронеж своего посла со многими дарами²²².

Выразив свою покорность и заплатив дань, рязанский великий князь, тем не менее, не спешил примкнуть открыто к антимосковской коалиции. Олег Иванович «послал к князю Дмитрию весть лестную, что: Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя...»²²³. Русские книжники назвали это известие лживым. Возможно, они считали, что, говоря о наступлении ордынцев на Рязанскую землю, Олег Иванович как бы говорил о своей поддержке коалиции князей Северо-Восточной Руси.

Жесткие обвинения в измене, сыпавшиеся на голову рязанского великого князя в источниках о Куликовской битве, очевидно, были вызваны тем, что, приняв обязательства союзника по отношению к правителю Москвы, в этот грозный час он не собирался исполнять их в полном объеме. Позицию Олега Рязанского хорошо выразили слова, вложенные в его уста автором «Сказания о Мамаевом побоище»: «Кому господь поможет, тому присягну»²²⁴. Автор «Летописной повести о

БЛДР. Т. 6. С. 122, 124.

«Олгу же... и посла къ князю Дмитрию весть лестную, что: Мамай идет съ всемъ царствомъ в мою землю Рязанскую на мене и на тебе...» (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 114).

²²⁴ ПКЦ. С. 236.

Куликовской битве» называл Олега Рязанского не желающим понять «яко же рече Христос: “От нас изидоша, а на ны быша”»²²⁵..

Олег Рязанский поддерживал переговоры и с ВКЛ. «Летописная повесть о Куликовской битве» называет имя боярина, ведшего от его лица переговоры с литовским князем Ягайло. Это был потомственный дипломат Епифан Кореев²²⁶. В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится об особой активности Олега Рязанского, призывавшего Мамаю и Ягайло скорее начать наступление на Русь. Он как будто надеялся силами внешнего врага решить внутренние проблемы Руси. Полагая, что, узнав о грандиозном нашествии, Дмитрий Иванович убежит из Москвы, оставив беззащитными свои земли, Ягайло и Олег Иванович надеялись без боя захватить города Московского великого княжества и закрепить их за своими потомками²²⁷. В памятнике подчеркивается, что именно об этом просили Мамаю послы из ВКЛ и Рязанской земли. Олег Иванович надеялся, что темнику удастся устроить Дмитрия Ивановича огромным количеством своих войск. Тогда, по данным «Сказания о Мамаевом побоище», рязанский великий князь мог рассчитывать на участие в разделе Северо-Восточной Руси. Однако говорить о реальности подобных планов нет возможности. По всей видимости, мы видим представления автора источника о том, как могли развиваться события 1380 г., а не достоверную информацию.

Столь же сомнительны другие данные «Сказания о Мамаевом побоище» об отношениях Мамаю с Олегом Ивановичем. По данным источника, темник выдвинул ему жесткое условие для получения прав на добычу – обязательное участие в походе против великого князя Дмитрия Ивановича²²⁸. Тогда рязанский великий князь «послал Мамаю на помощь силу свою». Едва ли эти войска стремились успеть на Куликово поле к решающему сражению. Однако они должны были выступить в поход, чтобы изобразить присоединение рязанского войска к военным силам Мамаевой Орды. Дмитрий Иванович Московский узнал об этих действиях князя Олега Ивановича гораздо позднее – спустя несколько дней после победы над Мамаем²²⁹.

²²⁵ ПКЦ. С. 30.

²²⁶ Подробнее о нем и его роде см.: Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII–XV вв. Ч. 1 // Проблемы источниковедения / Отв. ред.: С. М. Каштанов. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 109–167.

ПКЦ. С. 141.

²²⁸ Там же. С. 139–140, 142.

²²⁹ Там же. С. 10.

Таким образом, можно констатировать, что в планах Мамаю было намерение в союзе с правителем ВКЛ и зависимыми русскими князьями (например, Рязанским) в начале осени 1380 г. вторгнуться в пределы Северо-Восточной Руси и нанести решающее поражение великому князю Дмитрию Ивановичу и его союзникам. Однако эти планы были нарушены скоординированными действиями русских князей, а также развитием внутривосточной ситуации в Орде. Немаловажную роль в нарушении стратегических замыслов сыграла позиция Олега Ивановича Рязанского, которую можно определить как вооруженный нейтралитет. Великий князь Дмитрий Иванович, вероятно, изначально планировал встретить противника на окском рубеже. По всей видимости, узнав о времени соединения войск своих противников от рязанских послов, он начал собирать к концу августа свои рати в Коломне. Но ни Мамаю, ни Ягайло к запланированному сроку на Оке не оказалось. И тогда великий князь Дмитрий Иванович начал медленное движение навстречу своему главному противнику – Мамаю.

ГЛАВА 6

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

Первые известия о готовящемся нападении великий князь Дмитрий Иванович получил в Москве в августе 1380 г. Его тайные сторонники в Орде сообщили, что в Крыму Мамай собирает войско. Это свидетельствует о наличии военной разведки у правителя Москвы в стане врага¹. Узнав о приготовлениях Мамаю к походу на Русь, великий князь Дмитрий Иванович поспешил известить об этом своего двоюродного брата Владимира Андреевича. Они начали сборы ратей из Владимирского и Московского великих княжений, а также других земель Руси².

По всей видимости, в конце лета 1380 г. Москва должна была напоминать растревоженный улей. Из города мчались гонцы великого князя. Они держали путь к его союзникам, которые должны были оказать обещанную ранее помощь. В Москве собирали вести из степей. Приезжие из южных пограничных рубежей сообщали, что Мамай встал за рекой Дон. Вскоре гонцы принесут новую весть: Мамай ожидает своего союзника – литовского великого князя Ягайло. Приедут в Москву и послы рязанского великого князя Олега Ивановича. Умолчав о том, что их сюзерен в очередной раз выразил покорность Мамаю, они сообщат, что воины темника кочуют у границ Рязанской земли и подтвердят, что на помощь Мамаю идет рать из ВКЛ³.

«И бысть месяца августа, приидоша от Орды таковыя весты... оже воздвигается на христиане Измаильстьскыи род» (ПКЦ. С. 31).

Там же. С. 31–32.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 115. «Сказание о Мамаевом побоище», возможно отражая более ранний момент движения татар из Мамаевой Орды, сообщает, что «князь же Олегъ Резанскый начать поспешивати, слати к Мамаеву послы и рече: “Подвизайся, царю, скорее к Руси”» (Там же. С. 138), т. е. в тот момент войско шло по владениям Орды.

Вскоре в Москву приезжают послы от темника Мамай. Он требовал заплатить ему не ту дань, которую его Орда должна была получать по договору с великим князем Дмитрием Ивановичем, а сумму, которую Северо-Восточная Русь платила Орде при хане Джанибеке (1342–1357)⁴. Вероятно, регулярные и экстраординарные сборы сына могущественного и сурового хана Узбека составляли значительную сумму. Ведь о его дани вспоминал не только Мамай в 1380 г., но и правитель Орды Едигей в своем послании великому князю Василию I Дмитриевичу в 1408 г.⁵ Хан Джанибек требовал отдельных выплат от каждого русского князя, а в последний год своего правления он получил из Руси еще один дополнительный «запрос». Однако раздробленная на ряд независимых улусов Орда не могла в 1370-х гг. остановить усиление ВКЛ и Северо-Восточной Руси и требовать с них столько, сколько собирали ханы во времена ее наивысшего могущества. В 1371 г. Мамай, подтверждая великому князю Дмитрию Ивановичу ярлык на Владимирское великое княжение, вероятно, заключил с ним новый договор. В нем должна была идти речь о более меньшем «выходе». Существует возможность того, что в феврале 1379 г. при выдаче ярлыка претенденту на митрополичий престол от Москвы Михаилу-Митяю мог быть заключен новый договор. В условиях нестабильного положения в Орде и стремительного наступления Токтамыша на ее центральные улусы Мамай мог пойти на новые уступки и вновь снизить сумму «выхода». В любом случае дань в Мамаеву Орду русские князья перестали платить после того, как в 1374 г. с ней началось «розмирье». В 1380 г. Мамай потребовал не просто восстановить выплату дани, но и значительно увеличить ее размер. Опытный правитель едва ли надеялся достигнуть желаемого простыми переговорами. Однако, отправляя посольство в Москву, он хотел усыпить бдительность великого князя, чтобы выиграть время и нанести внезапный удар по Северо-Восточной Руси.

Великий князь Дмитрий Иванович, прекрасно понимая, сколь опасно предстоящее столкновение с могущественным крымским правителем, хотел использовать малейшую возможность, чтобы без войны отстоять спокойствие и благополучие своих земель. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», он начал переговоры с ордынцами и отправил к Мамаю своего посла Захария Тютчева. Великий князь

⁴ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 117.

⁵ ПКЦ. С. 53.

соглашался на выплату посильной дани, о которой он условился с крымским темником ранее (в 1371 или 1379 г.). Это миролюбие поздний источник объясняет влиянием митрополита Киприана⁶. Однако это известие недостоверно, ибо в тот момент времени предстоятель Русской церкви отсутствовал в Москве. Согласно Соборному определению константинопольского патриарха Нила, летом 1380 г. Киприан находился в Константинополе⁷. В. А. Кучкин убедительно доказал, что с поздней весны 1379 г. до лета 1380 г. Киприан находился вне Руси⁸.

Показывая свое желание избежать войны, великий князь Дмитрий Иванович, очевидно, рассчитывал еще и на то, что переговоры поддержат Мамай и дадут время для сбора русских воинов. Кроме того, З. Тютчев, находясь в стане врагов, мог лучше разведать его силы и замыслы.

В «Сказании о Мамаевом побоище» сохранилась легенда о том, как З. Тютчев был взят ордынскими темниками, как они представили его перед Мамаем. З. Тютчев разложил перед ним дары, присланные от правителя Москвы. Мамай стал унижать посла, но он удивил темника своими мудрыми ответами и достойным поведением. Мамай назвал присланные дары достаточными лишь для покупки конских плетей. Он хвастался, что захватит все имущество великого князя, а его самого пошлет пасти верблюдов. З. Тютчев будто бы заявил, что все это не в человеческой, но в Божьей воле. Окружавшие Мамай ордынцы хотели за дерзкий ответ убить посла, но темник воспрепятствовал этому. Ему понравились смелость и верность своему сюзерену З. Тютчева. Мамай предложил послу остаться в своем стане и после покорения Руси стать его наместником на Руси. Однако З. Тютчев обманул Мамай. Выражая готовность перейти на службу в Орду, он попросил разрешения честно выполнить данное ему поручение. После этого с чистой совестью он сможет так же верно служить Мамаю, как и великому князю Дмитрию Ивановичу. Темник поверил З. Тютчеву

⁶ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 141.

⁷ Нил был поставлен патриархом в мае или июне 1380 г. (*Мейндорф И.* История церкви и восточнохристианская мистика. М., 2000. С. 200).

Историографию вопроса, а также новейшее видение проблемы подробнее см.: *Кучкин В. А.* Был митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? // *Славяне и их соседи.* М., 2008. Вып. 12: Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. С. 258–275; ср.: *Аверьянов К. А.* О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. // *Куликовская битва в истории России.* Тула, 2006. С. 186–193.

и отправил с ним грамоту, в которой требовал от правителя Москвы покориться ордынцам. Четыре ордынских князя в сопровождении вооруженного отряда отправились проводить З. Тютчева. Однако московский посол сумел тайно предупредить о своем возвращении и попросил выслать ему навстречу 300 воинов. С их помощью сопровождавшие З. Тютчева лица были схвачены. Посол разорвал на их глазах грамоту Мамаю. Стремясь унижить темника, он отправил в его стан самого худородного из плененных ордынцев, чтобы сообщить Мамаю о том, что он, З. Тютчев, прочитав ее, смеялся над заносчивостью темника и не стал везти ее на Русь⁹.

По всей вероятности, этот рассказ о хитрости и твердости московского посла не более чем выдумка русских книжников XVI в. Кроме отсутствия этого сюжета в ранних памятниках Куликовского цикла, в пользу данного вывода говорит и формальная логика. Ведь не мог же такой опытный политик, каким был Мамай, довериться послу своего врага и, тем более, восхищаться твердостью, с которой З. Тютчев защищал его честь. Правда, основания для выделения роли, сыгранной московскими дипломатами в тревожные дни августа 1380 г., у древнерусских книжников были. В это время гонцы и послы должны были устремляться в разные концы Руси. В частности, существуют данные о широком обмене посольствами между Переяславлем-Рязанским, Вильно, Москвой и ставкой Мамаю¹⁰. Надо полагать, что они выполняли, в том числе, и роль авторитетных информаторов. По крайней мере, именно так выглядит получение великим князем Дмитрием Ивановичем известия о том, что великий князь Олег Рязанский заплатил Мамаю запрошенную им дань¹¹. Очевидно, именно это действие было расценено в Москве как измена. После признания Олегом власти темника рязанская дружина уже не могла участвовать в борьбе против Мамаевой Орды: «Олегу же отступникъ нашъ приединився къ неверному и поганому Мамаю и нечестивому Ягаилу, и нача выход давати и силу свою к нему слати на великого князя Дмитрия Ивановича. Великий же князь Дмитрии Иванович уведавъ леть лукаваго Олга...»¹²

По данным «Сказания о Мамаевом побоище», великий князь Дмитрий Иванович, будучи на пиру у Микулы Васильевича Вельяминова,

⁹ ПКЦ. С. 149–150.

¹⁰ Там же. С. 30–33.

Там же. С. 33, 149–150; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 117.

¹² Там же. С. 33; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 141–143.

вновь получил вести из степей. Он объявил собравшимся, что Мамай с войсками расположился уже у реки Дон¹³. По данным источника, здесь же на совете бояр было принято решение выслать к реке Тихая Сосна «под Орду» сторожу¹⁴. Ее возглавил Родион Ржевский. Под его командой были собраны лучшие воины. В их задачу входила сторожевая служба в поле и добыча татарского «языка», чтобы узнать о намерениях Мамаея. Однако внимательный анализ перечисленных в «Сказании о Мамаевом побоище» персоналий показывает, что в известных источниках XIV в. нет лиц с такими именами. Данный факт заставляет относиться к подобным известиям с большой долей осторожности. По мнению Б. М. Клосса, в «XV в., особенно в его последней четверти, участие предка какого-либо рода в Куликовской битве, способствовавшей возвышению московских князей, весьма ценилось и выдвигало представителей такого рода на более высокие места в государственной иерархии. Отсюда возможны привнесения в рассказы о Куликовской битве имен вымышленных или действительных предков лиц, живших столетием позже»¹⁵.

Местом сбора русских сил стала Коломна. Здесь к 15 августа предполагалось собрать объединенные войска. Правда, в этой тревожной обстановке великий князь Дмитрий Иванович не стал дожидаться всех полков и выступил из Москвы. Его войска двинулись вперед, не имея точных сведений о передвижении Мамаея. От сторожи Р. Ржевского пока не было вестей. Русским князьям оставалось только гадать, где находятся посланные в разведку воины. Попали ли они в плен или просто задержались в пути? О напряженном ожидании известий из южных рубежей Руси в эти дни свидетельствует тот факт, что великий князь, не получив вестей от Р. Ржевского, выслал в степь еще одну сторожу. Ее возглавил Климент Полянин. Ему было приказано как можно скорее возвращаться. В поле Климент Полянин встретил Василия Тупика. Он входил в состав первой сторожи. Василий вел к великому князю пленного крымского сановника. От него стало известно об окончательном решении Мамаея напасть на Северо-Восточную Русь. Стало ясно, что он ждет осени, чтобы вместе со своими союзниками напасть на русские земли¹⁶.

¹³ ПКЦ. С. 147; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 97.

¹⁴ ПКЦ. С. 147.

Клосс Б. М. [Примечания] Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // ПКЦ. С. 204.

¹⁶ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 145.

В «Сказании о Мамаевом побоище» есть рассказ о том, что, узнав об этом, великий князь Дмитрий Иванович, князь Владимир Андреевич и ряд других русских князей отправились в Троицкий монастырь за благословением к преподобному Сергию Радонежскому. По мнению древнерусского книжника, это случилось в воскресенье 18 августа. Однако это известие неточно. Едва ли накануне решающей схватки с Ордой, когда каждый час ждали новых сведений о противнике, великий князь рискнул бы бросить войска и, лишив полки всего высшего командования, уехать в противоположную сторону от места, откуда исходила главная угроза. Тем более что Дмитрий Иванович сам назначил сбор всех полков у Коломны на более ранний срок – 15 августа. Кроме того, 18 августа приходилось на воскресенье не в 1380, а в 1381 г. «Житие Сергия Радонежского» также упоминает о свидании. Однако его автор, Епифаний Премудрый, нигде не пишет о том, что оно состоялось накануне Куликовской битвы. Он знает лишь то, что встреча великого князя и настоятеля Троицкого монастыря произошла накануне одной из битв с ордынцами, окончившейся победой русского оружия. Важно отметить, что эта победа случилась накануне 15 августа. В память о ней позднее был основан монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Оно приходится именно на это число. Это дает основание исследователям считать, что речь идет о свидании накануне битвы на реке Воже в 1378 г., состоявшейся 11 августа¹⁷.

По-видимому, во время встречи в 1378 г. преподобный Сергий Радонежский произнес слова, ставшие позднее пророческими: «Се ти замедление сугубо ти поспешение будеть»¹⁸. Действительно, в борьбе с Мамаевой Ордой светской власти важно было опереться на поддержку авторитетных лиц православной церкви.

Не позднее 13 августа полки выступили из Москвы¹⁹. Стремясь показать их многочисленность, неизвестный автор «Сказания о Мамаевом побоище» отметил, что из Кремля они выступили одновременно через Фроловские, Никольские и Константино-Еленовские ворота. Однако в XIV в. Кремль едва ли мог вместить огромное число воинов. Кроме того, большинство названных ворот получили такие имена

¹⁷ Кучкин В. А. Сергий Радонежский. С. 85–86.

¹⁸ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 147.

¹⁹ «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает о том, что выступление из Москвы произошло после поездки князей в Троице-Сергиев монастырь 27 августа. Но это число, как уже указано выше, противоречит реалиям 1380 г. Очевидно, что поездка к преподобному Сергию имела место в более раннее время.

лишь в последней четверти XV в. В 1380 г. они если и существовали, то так не назывались. Согласно рассказу автора, в воротах, сквозь которые проходили русские полки, стояли священники с крестами и иконами. Таким образом, каждый воин шел на бой с благословением, окропленный святой водой.

О многочисленности рати должно было говорить и известие о движении русских полков по трем дорогам. Дружина князя Владимира Андреевича двигалась дорогой на с. Брашево. Оно находилось в 5 км к юго-востоку от с. Бронницы на правом берегу реки Москвы. Полки белозерских князей шли на Коломну Болвановской дорогой. Войска под непосредственным командованием великого князя Дмитрия Ивановича шли дорогой на с. Котел (Нижние Котлы). Автора «Сказания о Мамаевом побоище» не смущало, что перечисленные им дороги начинались не от ворот Кремля, из которых якобы выезжали воины. Он не обратил внимание на то обстоятельство, что полки, спешившие к юго-восточным рубежам Руси, выехав из Никольских ворот, отправились бы по Переяславской дороге на северо-восток, а, пройдя через Фроловские ворота, оказались бы на Владимирской дороге, которая вела на восток. Кроме того, если Болвановской и Брашевской дорогами можно было добраться до Коломны, где был назначен сбор войск, то дорога на с. Котел вела в Серпухов. Возможно, синхронное движение войск по трем дорогам было выдумано русским книжником. А возможно, он просто одновременно перечислил все пути, по которым двигались полки, одни идя под стягами великого князя, другие – догоняя его.

Говоря о выступлении войск из Москвы, автор «Сказания о Мамаевом побоище» упоминает в их числе 10 гостей-сурожан. Они были взяты Дмитрием Ивановичем в поход против Мамаю. Несмотря на то что гости-сурожане могли принимать участие в этом походе, вопрос о том, «действительно ли жили эти сурожане во времена Куликовской битвы и участвовали в ней, следует оставить открытым». Б. М. Клосс не исключает возможность внесения «этих имен (реальных или легендарных) в “Сказание о Мамаевом побоище” под влиянием родословных преданий купцов XV в.»²⁰.

Изначально великий князь, видимо, предполагал встретить врага на р. Оке в районе Коломны в месте наиболее удобного пути из Орды в Москву. В XV в. русские войска неоднократно останавливали татарские

отряды именно здесь – на естественном природном рубеже, который создало течение р. Оки. На праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа)²¹ возглавляемая великим князем московская рать подошла к Коломне. Прибывшие ранее воеводы и их полки приветствовали Дмитрия Ивановича в 12 км от города на р. Северке. У городских ворот его встретило коломенское духовенство во главе с епископом Герасимом, поддерживавшим светскую и церковную политику Дмитрия Ивановича²². Вступив в детинец, князья направились в кафедральный собор. Посвященный Успению Пресвятой Богородицы, он содержался на средства великого князя. Его строительство было почти закончено к 1380 г., но вдруг в первой половине июня храм частично развалился. Церковная служба, шедшая в этом спешно достроенном храме, напоминала воинам об их обязанности защитить свою землю и веру.

Утром следующего дня великий князь приказал собравшимся воинам выйти в поле у Девичьего монастыря и собраться у Панфилова сада. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», здесь произошло первое «уряжение» полков. Силы, собранные в Северо-Восточной Руси, были распределены по четырем полкам²³. Большой полк возглавил великий князь Дмитрий Иванович, полк правой руки – серпуховской князь Владимир Андреевич, полк левой руки – князь Глеб (Васильевич) Друцкий²⁴, Передовой полк – потомки смоленских князей братья Дмитрий и Владимир (Александровичи) Всеволожи²⁵. Военные силы

ПКЦ. С. 158, 210. Б. М. Клосс обратил внимание, что при описании данных событий хронология «Сказания» хотя внутренне и согласованна, но, тем не менее, ошибочна.

Подробнее о нем см.: *Кузьмин А. В.* Герасим // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 155–156.

В «Сказании о Мамаевом побоище» есть ряд недостоверных свидетельств: 1) передовой полк назывался в это время Сторожевым; 2) князь Владимир Андреевич не мог быть в Коломне, так как встретился с войсками лишь в Лопасне; 3) князь Глеб Брянский погиб в 1340 г.; 4) московские бояре не могли командовать частью полков, поскольку переяславский полк входил в состав рати князя Дмитрия Ольгердовича; 5) владимирский и юрьевский полки были отдельными воинскими подразделениями; 6) коломенский полк находился под командованием князя Андрея Ольгердовича. Однако, пройдя через Коломну, войска Дмитрия Ивановича должны были бы включить в свой состав и коломенскую рать, а братья Ольгердовичи догнали великого князя у Дона (оставил охранять и дожидаться?). Командуя засадным полком, князь Владимир Андреевич увел его вверх по реке Дон, т. е. за правый фланг.

Князь Глеб Васильевич Друцкий выехал на службу в Москву в составе окружения полоцкого князя Андрея Ольгердовича. Подробнее о нем и его роде см.: *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. [Ч. 2] // ДРВМ. 2007. № 4 (30). С. 50–63.

Об их происхождении и биографии: *Кузьмин А. В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. Ч. 1. С. 701–718, 753–759, 772–778.

отдельных княжеств стали единым войском. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» определил его численность в 400 тыс. человек, что явно превышало их реальное количество²⁶.

Будучи в Коломне, великий князь Дмитрий Иванович окончательно убедился в том, что рязанский великий князь Олег занял выжидательную позицию. Следовательно, двигаться прямо по Рязанской земле, как это предполагалось первоначально, русские войска не могли. Этим они могли поставить осторожного Олега перед необходимостью выбора – либо открыто выступить против Орды, либо примкнуть к ней. Олег выплатил дань Мамаю, но, однако, извещал правителя Москвы о передвижениях ордынцев. Вступи воины великого князя Дмитрия Ивановича в центральные волости Рязанской земли, ее правитель мог бы расценить этот шаг как нападение. Московская сторона не была уверена в том, что ее действия будут здесь иметь поддержку. Боясь поколебать позицию правителя Переяславля-Рязанского, Мамай также не спешил двигаться по его владениям. Остерегаясь обеих сил, Олег Иванович уничтожил все мосты на рубежах своей земли, сделав ее труднопроходимой для больших войск.

Узнав об этом, великий князь Дмитрий Иванович изменил свой маршрут. Идти вперед теперь не имело смысла. Вместо дорог, ведущих на юго-восточные рубежи Руси через Рязанское великое княжество, остался единственный путь через Серпухов. Он был ближе всего к рубежам ВКЛ. Таким образом, русская рать успевала бы нанести удар и по великому князю Ягайло, если бы он выступил против Москвы. Из Коломны Дмитрий Иванович вызвал оставшиеся в Москве резервы, повелев им двигаться в Серпухов²⁷. Такое изменение направления движения русских войск объясняется тем, что великий князь теперь точно знал, каким путем к Москве двинется Мамаева рать. Распылять свои силы перед решающей схваткой не имело смысла.

Поэтому 20 августа войска выступили из Коломны²⁸ и двинулись на запад вдоль левого берега р. Оки. Они шли по землям, принадле-

²⁶ Подробнее об этом см. главу 5 данной книги.

²⁷ Иначе трудно объяснить появление этих воинских контингентов у Лопасни.

²⁸ ПКЦ. С. 33, 54. Так, в «Летописной повести о Куликовской битве» и «Сказании о Мамаевом побоище» названа другая дата выступления из Коломны – 27 августа. Однако она ошибочна, ибо в этот день великий князь уже переправлялся через Оку (ПКЦ. С. 207).

жавшим московскому великому князю. Полки остановилось «у Оки на усть Лопасни»²⁹. Эта река впадала в Оку примерно в 70 км выше устья р. Москвы. Здесь заканчивались владения Дмитрия Ивановича. Далее начинались земли Серпуховского удела Московского великого княжества. В 20 км к западу от войск находился Серпухов – столица князя Владимира Андреевича. Встать на полях возле устья р. Лопасни войско могло уже к 22 августа. В лагере возле г. Лопасни великий князь Дмитрий Иванович получил второе известие о движении Мамаевой Орды³⁰. Из Москвы в Лопасню подошли новые воины. Их привели князь Владимир Андреевич и великокняжеский боярин Т. В. Вельяминов³¹. В столице остался небольшой гарнизон во главе с боярином Федором Андреевичем (Кошкой или Свиблом). Он должен был охранять семьи князей³². Именно в лагере у Лопасни родилась идея не ждать Мамаю на Оке, а переправившись через нее, встретить врага на юго-восточных рубежах Руси³³.

За неделю до Семенова дня, в воскресенье, 26 августа была начата переправа через Оку. Русское войско вступило в пограничные земли Рязанского великого княжества. Широкою реку дружинники преодолевали на лодках и паромах, которые успели собрать или построить за четыре дня стоянки в лагере³⁴. В понедельник, 27 августа, через Оку переправился великий князь Дмитрий Иванович и его двор³⁵.

Перейдя Оку, русские князья получили еще одну весть – Мамай уже стоял за р. Дон, где ждал литовского великого князя Ягайло³⁶.

²⁹ Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // ПКЦ. С. 33.

ПКЦ. С. 32, 34.

Там же. С. 34, 55. Из текста «Летописной повести о Куликовской битве» не ясно, идет речь об одном отряде воинов, пришедшем из Москвы, или о двух отрядах – из Серпухова и Москвы. В пользу первого предположения говорит сравнительно недавнее основание Серпухова, а также традиция оставлять удельного князя для защиты Москвы в отсутствие великого князя. Так, например, было в 1368 и 1408 гг. Изменив план, великий князь не позднее 20 августа послал из Коломны вестника. Через 1–2 дня он был в Москве. 22 августа войска, остававшиеся в городе, выступили к Лопасне, за 3–4 дня достигли ее, имея еще 1–2 дня на отдых.

Речь идет о великой княгине Евдокии Дмитриевне, ее детях Василии, Юрии и Иване, а также княгине Елене Ольгердовне (ПКЦ. С. 84–86, 209).

Изначально этого плана у великого князя Дмитрия еще не было. О нем не знали и русские жены, испугавшиеся за своих мужей лишь после получения вестей о переправе русских войск через Оку.

³⁴ Об этом можно судить по выражениям, употребленным в «Летописной повести о Куликовской битве» для обозначения переправы – «и начаша возитися за Оку», «и переяхаша за реку» (ПКЦ. С. 34).

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» ошибочно считает, что это действие произошло в Коломне.

³⁶ ПКЦ. С. 9.

Стало ясно, что решение не ждать нападения соединенных сил противника, а самим атаковать их по отдельности было единственно правильным. Русские войска устремились на юг вдоль западных окраин Рязанской земли.

Причин, побудивших великого князя Дмитрия Ивановича двигаться именно таким путем, было несколько. Ведь если бы его войска пошли навстречу Мамаю по хорошо известным дорогам от Коломны на юг вдоль рек Ока или Осетр, то им пришлось бы долго преодолевать оставшиеся без мостов рязанские дороги. Лишиться подвижности в войне с быстрыми конными ордынскими отрядами было равнозначно самоубийству.

Двигаясь в новом направлении, русским войскам можно было не опасаться обходного движения войск Мамаю с востока. Отсутствие мостов на дорогах было и для него препятствием. Путь коннице Мамаю затрудняли многие крупные реки: Пронь, Вожа и Ока. Вступив в земли Рязанского великого княжества, ордынцы могли попросту не дойти до московских границ.

Двигаясь на юг, вдоль западных границ Рязанской земли, русская рать имела возможность прикрыть московские рубежи от ударов войска литовского великого князя Ягайло. Кроме того, идя данным маршрутом, Дмитрий Иванович разделял земли Рязанского и Литовского княжеств. Если же вспомнить, что великий князь Олег Иванович заключил договор с союзником Мамаю – Ягайло³⁷, то такое разъединение сил правителей Переяславля-Рязанского и Вильно не было лишено смысла.

В то же время русские войска проходили вблизи от расположенного в верховьях Оки Новосильского княжества. Его правитель был союзником князей Северо-Восточной Руси в борьбе против Мамаю и Ягайло. В случае необходимости он мог предупредить русскую рать об угрозе удара с запада. Присутствие рядом сильного войска союзников должно было поддержать новосильского князя. В сложной, полной опасностей обстановке главный принцип – держаться друг за друга, чтобы, если понадобится, получить от друзей помощь или защитить их самих от врагов.

37

О заключении Олегом Ивановичем Рязанским союзного договора с Ягайло Ольгердовичем свидетельствует один из пунктов московско-рязанского соглашения 1381 г. Он подразумевал обязательное сложение правителем Переяславля-Рязанского крестного целования в отношении ВКЛ. Косвенно об этом свидетельствуют и пространные рассказы о его переписке с Ягайло в «Сказании о Мамаевом побоище».

Наконец, западные волости Рязанской земли тянулись к Московскому великому княжеству. Не случайно после Куликовской битвы к великому князю Дмитрию Ивановичу обратились рязанские бояре. Они просили его принять их владения под свою власть³⁸. На наш взгляд, эти рязанцы могли происходить из Мстиславля, Жадена городища, Жадемля, Дубка и Броднича. Симпатии населения тех земель, по которым проходило объединенное русское войско, были важным фактором, способным сыграть свою роль в сборе информации, поиске дорог и получении продовольствия. Немного южнее и восточнее пути, по которому шли русские полки, лежал Пронский удел. В 1378 г. его князь Даниил Владимирович был союзником Дмитрия Ивановича. Он проявил себя в битве на р. Воже³⁹. Едва ли Мамай мог забыть это, и пронский князь, в отличие от Олега Рязанского, не пытался в 1380 г. заигрывать с ордынцами. Следовательно, идя вдоль западных границ Рязанской земли, можно было не опасаться нападения с востока.

Тем не менее переход на правобережье Оки означал многократное возрастание опасности для русского войска. Широкая река была не просто неким рубежом, Ока не раз становилась удобным заслоном от ордынской угрозы⁴⁰. Путь русских полков, спешивших от Лопасни навстречу войскам Мамаевой Орды, был дорогой в неизвестность. Где войско Мамай? Как поведет себя Олег Рязанский? Что будет делать Ягайло? Эти вопросы не могли не волновать русских воинов. Ведь если Олег Рязанский открыто перешел на сторону Мамаю или литовский великий князь с северо-запада вышел в тыл русской рати, то, оказавшаяся в окружении врагов, отрезанная от баз снабжения, она оказалась бы беззащитной в степи.

Недаром, когда в городах, в которых собрались воины под знамена великого князя Дмитрия Ивановича, узнали о том, что он переправился через Оку, их жителей охватила печаль. Заплакали, зарыдали

³⁸ Об этом говорит одно из самых ранних сообщений о Куликовской битве, помещенное в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, косвенно – московско-рязанский договор 1381 г. Летописи сообщают о приезде бояра, а в договоре перечислены рязанские «уезды», которые Дмитрий Иванович обязался вернуть великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому (ПКЦ. С. 10, 19). Тем не менее говорить о том, что бояре лишь из этих мест обратились в Москву после Куликовской битвы, можно только предположительно.

Подробнее о нем см.: Кузьмин А. В. Князя Пронские, бояре Монастыревы и дворяне Кусаковы – участники битвы на р. Воже... С. 78–80.

⁴⁰ Так было в 1373 г. и неоднократно в XV–XVI вв.

жены ушедших на войну мужчин. Они понимали, что их мужья шли «на острые копыта за всю землю Русскую»⁴¹.

В это время, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», великий князь Дмитрий Иванович повелел отправить в разведку третью сторожу. Во главе ее был поставлен опытный воевода Семен Мелик. В его задачу входило выяснение точного местоположения Мамаю.

При этом московский великий князь повелел своим воинам и союзникам: «...да аще кто идет по Рязанской земли, никто же не коснется ни единому власу»⁴². Мелкие недоразумения между их войском и жителями рязанских окраин не должны были подтолкнуть их сюзерена к союзу с Мамаем.

Предвестником ожидающих опасностей стали опустевшие села, встречавшиеся на пути русского войска. Вспоминая его продвижение навстречу Мамаю, автор «Задонщины» записал: «И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличут, но только часто вороны грают трупу ради человеческого»⁴³. Эти строки были подражанием тексту «Слова о полку Игореве». Обращение к гениальному произведению древнерусской литературы навевало воспоминание о неудачном походе в 1185 г. новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев. Тогда в степи погибла вся его рать. Но, как и два века назад, в 1380 г. воины, несмотря на предзнаменования, вселяющие в их души тревогу, шли навстречу неизвестности, готовые встать на пути войска врага, кочевавшего у южных границ Рязани.

Движение войск великого князя Дмитрия Ивановича произвело сильное впечатление на Олега Ивановича Рязанского. Зная об их маршруте, начиная с момента их выступления из Москвы он занял выжидательную позицию. Олег Рязанский не спешил присоединиться к русскому войску. Однако, хотя его бояре и воеводы знали о выступлении русских князей против Орды еще за 15 дней до их вступления в пределы Рязанской земли, Олег Иванович не сообщил об этом движении Мамаю⁴⁴. Из-за этого темник фактически до сражения оставался в неведении о движении войск противной стороны.

ПКЦ. С. 34, 56

Там же. С. 159.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 104.

Возможно, что это следы какого-то конфликта великого князя Олега со своими боярами. Они не сообщают ему важные новости, за что он их упрекает.

Полки великого князя Дмитрия Ивановича перекрыли пути, связывавшие Рязанское великое княжество и ВКЛ⁴⁵. Это затруднило объединение участников антирусского союза, заставив Ягайло также быть осторожным. «Сказание о Мамаевом побоище» свидетельствует, что он, узнав о нейтралитете рязанского великого князя Олега Ивановича, остановился в пределах Новосильского княжества под Одоевом⁴⁶.

Войска великого князя Дмитрия Ивановича двигались к Дону, избегая на своем пути каких-либо городов Рязанской земли. Скорее всего, они не пошли в сторону позднейшего Веневского монастыря, а, обойдя Каширу и Ожерелье с запада, свернули на Каширскую дорогу южнее города. Затем к западу от Серебряных Прудов войска переправились через Осетр и двинулись по дороге, проходившей у городищ у р. Истошны, у сел Мочилы и Пронь-Городище. По данным «Сказания о Мамаевом побоище», 5 сентября, на память пророка Захарии, Дмитрий Иванович уже был в «23 поприщах» от Дона в месте, имевшем название Березуй⁴⁷. Иногда оно отождествляется с Березовским городищем, расположенным вблизи от современного г. Венева. Оно находилось на возвышенности, разделявшей реки Осетр, Шат, Дон и Пронь. Здесь у небольшой речки Тетяковки сходились дороги, шедшие из Орды, ВКЛ, Переяславля-Рязанского и Москвы. Несколько неукрепленных древнерусских поселений, расположенных в этом месте, были окружены обширными верховыми болотами, через которые проходили гати. Однако с наибольшей вероятностью местом дневки русского войска стал Елифанский луг. Он расположен по Данковской дороге в 23–24 км (т. е. примерно в 23 поприщах) от будущей стоянки на Дону 6–7 сентября. К северу от дороги Елифань – Богородицк располагались две Березовки: Писаревка, Березовка тож и Березовка, Хотяйцево тож – современные Писарево и Хотянцево⁴⁸.

⁴⁵ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 157.

⁴⁶ Там же. С. 161. Этому известию вторит и «Летописная повесть о Куликовской битве». Она сообщает, что Ягайло не дошел до Куликова поля, остановившись в Одоеве. Сведений об осаде или штурме этого города, принадлежавшего московскому союзнику – князю Роману Семеновичу Новосильскому, в источниках нет. Это придает данному известию сомнительный характер (ПКЦ. С. 39, 61, 161, 212).

ПКЦ. С. 165. Б. М. Клосс считает, что с данным Березуем «логичнее отождествлять показанную на современных картах д. Березовку, находящуюся примерно в 21 км к северо-западу от истоков Дона». По его мнению, «через этот пункт выходили к Дону во времена автора «Сказания», который перенес современные ему данные о Березое в XIV в.» (Там же. С. 21).

Зайцев А. К. Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом побоище»? // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Тула, 2004. Т. 2. С. 5–12.

Укрепленный самой природой перекресток стратегически важных дорог стал местом последней остановки перед встречей с врагом. Здесь великий князь Дмитрий Иванович ждал спешившие к нему резервы, собирал известия о Мамае, Ягайло и Олеге Рязанском, приводил войска в порядок после длительного марша⁴⁹. В русский стан прибыли два воина из сторожи Семена Мелика. Они привели нового языка из числа сановников Мамаея. От него удалось узнать, что темник еще не знает о движении русского войска, он не спешит и стоит на Кузьминой гати, поджидая своих союзников. Стало ясно, что ордынцы лишь через три дня смогут подойти к реке Дон.

Именно в стане у Березуя, по данным «Сказания о Мамаевом побоище», к русским войскам присоединились дружины князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Это были отряды опытных воинов из Полоцкой и Брянской земли. Вместе с Ольгердовичами они пришли на службу в Москву из ВКЛ⁵⁰. На наш взгляд, данное упоминание о времени появления в русском войске литовских князей следует признать вымышленным. Дело в том, что оба брата уже с 1380 г. вместе служили великому князю Дмитрию Ивановичу. По всей видимости, они выступили в поход из Москвы вместе с основной ратью.

За два дня до праздника Рождества Пресвятой Богородицы (6 сентября) русские войска подошли к Дону⁵¹. За ним начинались владения Мамаевой Орды. В верхнем течении Дона граница между русскими и татарскими владениями в это время проходила вдоль данной реки. Все памятники Куликовского цикла отмечают, что правобережье Дона принадлежало Орде. «Задонщина» отмечает: «Ци буря соколи (т. е. князя Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич – *Авт.*) зонесется из земли Залеския в поле Половецкое»!⁵². В «Летописной повести» о Куликовской битве» говорится, что «князю же перешедшу за Донъ

⁴⁹ *Зайдов О. Н., Шебанин Г. А.* К вопросу о пути следования войск Дмитрия Донского на Куликово поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 155–161.

«Сказание о Мамаевом побоище» говорит об их совместном бегстве из ВКЛ непосредственно перед Куликовской битвой. На самом деле братья бежали порознь задолго до русско-ордынского столкновения 1380 г. В тексте повествуется, что обещавшие свою помощь князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи привели 70 тыс. человек (в некоторых списках 7 тыс. (ПКЦ. С. 114)) кованой рати. Они имели «мечи литовские, сулицы немецкие» (Там же. С. 99, 106). Князья хотели испытать свои «кофыи фряские о доспехи татарские, мечи булатные о шеломах басурманские» (Там же. С. 100, 107).

⁵¹ ПКЦ. С. 34; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 118.

⁵² ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 98.

в поле чисто в Мамаеву землю, на усть Непрядвы...»⁵³. Из их числа наиболее авторитетно известие «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского». Оно отмечает, что русские войска «срете» Мамая «в татарском поле, на реце Дону»⁵⁴. Аналогичная характеристика данной территории есть и в летописной повести о Куликовской битве. Она также подчеркивает, что Мамаева земля начиналась на правом берегу р. Дон.

В этом районе степь языком поднималась вдоль правого берега Дона, раскинувшись с запада на восток на 120 км и с севера на юг – на 80 км. Западными пределами этого поля служили леса по берегам рек Черни, Зуши, Оки и Упы, на востоке его ограничивал Дон, на юге – Красивая Меча. Северную границу поля образовывали реки Люторич (приток Дона) и Шиворона (приток Упы)⁵⁵. С северо-запада непосредственно к Куликову полю примыкали Тульские места. В московско-рязанском договоре 1381 г. сказано, что при Тайдуле, матери хана Джанибека, Тулу «ведали» баскаки. Показательно, что в этом документе город назван «местом». Древнерусского города, расположенного на месте современной Тулы, тогда еще не было. По крайней мере, его следы на территории Тулы не обнаружены.

С большой вероятностью на роль Тулы может претендовать Торховское городище, имевшее посад на р. Синей Тулице⁵⁶. В середине XIV в. этот район сохранял русское население. Оно подчинялось власти одного из улусов Орды. В договоре 1381 г. земли, отвоеванные московским и рязанским великими князьями на Верхнем Дону, характеризуются как «Татарские места»⁵⁷.

Название поля, избранного великим князем Дмитрием Ивановичем и его советниками для сражения, в XIV в. было еще неизвестно. Наряду с Куликовым полем названием местности, известной по «Задонщине» в первой половине XVI в. (и вплоть до 1556 г.), было

⁵³ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 120–122.

⁵⁴ Там же. С. 212.

⁵⁵ Кузнецов О. Ю. Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999. С. 16–33.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Гриценко В. П., Наумов А. Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. 2003. № 1. С. 6–11. Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 245–249.

Мамаев луг⁵⁸. Лишь со второй половины XVI в. за ним окончательно утвердилось название Куликово поле.

С запада к району Куликова поля примыкало Новосильское княжество, владения которого граничили с Брянской землей. Некоторые исследователи считают, что после разорения Новосили осенью—зимой 1375 г. (перед Николиным днем – 6 декабря)⁵⁹, в 1376 г. князь Роман Семенович был вынужден из-за набегов татар из Мамаевой Орды перенести свою столицу в расположенный севернее от него Одоев. Без указания на дату об этом сообщает Румянцевская редакция родословных книг 40-х гг. XVI в.⁶⁰ Соседний с ним Брянск ранее принадлежал союзнику Дмитрия Ивановича Московского – Дмитрию Ольгердовичу.

Значительно южнее от Куликова поля находился ордынский улус. В грамотах митрополитов Феогноста и Алексия 1330 и 1356 гг. он называется Червлёный Яр. Его границы определяются лишь приблизительно. Очевидно, Червлёный Яр занимал левобережье Дона от устья Воронежа до Хопра, все Похоперье и пространство между этими реками⁶¹. Некоторые ордынские владения не имели устойчивых границ. Часто они зависели от сезонных перекочевков. Весной татары двигались на север, а в августе – на юг.

Когда говорят об ордынских землях, обычно представляют степи, занятые кочевниками, перегоняющими свои стада в поисках лучших пастбищ. Земли, расположенные южнее места битвы 1380 г., обычно воспринимаются как районы татарских кочевий. Однако археологические исследования данной местности показывают весьма высокую плотность заселения Подонья русскими людьми. Их поселения на юге встречаются вплоть до рек Битюг, Савал, Карачан и Ворона. На

⁵⁸ Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы. С. 101.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 24; Т. 15. Вып. 1. Стб. 113.

⁶⁰ «...Роман, из Новосили в Одоев пришел жити от насилья от татарского» // РИИР. 1977. Вып. 2. С. 112.

Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992. С. 234–235; Амелькин А. О. Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. С. 88; Селезнев Ю. В. Червлёный Яр – улус Золотой Орды // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: Материалы VII региональной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В. П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 98–100; Он же. Воронежский край в составе Джучиева улуса: (Червлёный Яр – улус Золотой Орды) // Край Воронежский. Воронеж, 2002. Вып. 4. С. 21–27.

водоразделах Подонья на данных землях встречаются и ордынские археологические памятники – погребения и мечети.

Мамай в это время кочевал вдоль левобережья Дона, подходя к рязанским границам. Его воины накануне Куликовской битвы оказались именно к востоку от Дона. Это хорошо видно как из ранних, так и из поздних свидетельств источников о Мамаевом побоище. Появление ордынцев в Подонье автор «Задонщины» определяет как вторжение в пределы Руси: «Ведомо намъ, брате, что у быстрого Дону царь Мамай пришел на Русскую землю...»⁶². Книжник вкладывает в уста князя Владимира Андреевича, обратившегося к великому князю Дмитрию Ивановичу, следующие слова: «Уже бо поганые поля русские наступают и вотчину нашу отнимают!»⁶³ В битве, согласно «Задонщине», Владимир Андреевич вновь обращается к Дмитрию Ивановичу с призывом не отступать, потому что «уже бо поганые татары поля наши наступают»⁶⁴. Однако данная фраза относится к событиям, предшествующим битве, поскольку после этих слов Дмитрий Иванович спешил к р. Дон. В Верхнем и Среднем Подонье русские земли были только на левом берегу. На правом были владения, подчиненные ВКЛ и Орде.

В «Сказании о Мамаевом побоище» в качестве мест, где кочевали ордынцы, упоминаются реки и урочища Донского Левобережья (Кузьмина Гать, Воронеж). Следовательно, неспешное передвижение сил Мамаева вдоль рубежей Руси, длившееся, согласно «Летописной повести о Куликовской битве», 3 недели, начиная с 23 июня, шло вдоль р. Воронеж и, возможно, Хопра, не выходя на правый берег р. Дон.

Такое расположение татарских пастбищ заставляло ожидать наступления Мамаева с востока. Поэтому войска великого князя Дмитрия Ивановича остановились на левом берегу р. Дон. Союзники выставили сторожи у р. Кочур в 50 км ниже того места, где расположились русские полки. Это было сделано для того, чтобы нападение ордынцев не стало неожиданным. «Сказание о Мамаевом побоище» указывает, что этим передовым отрядом командовал Фома Кацибей. Его воины должны были занять старые земляные укрепления на высоком берегу Кочура и предупредить великого князя о начале движения противника⁶⁵.

⁶² ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 96.

⁶³ Там же. С. 102.

⁶⁴ Там же. XIV – середина XV в. С. 106.

⁶⁵ ПКЦ. С. 106.

Однако другим источникам Фома Кацибей не известен. Это вызывает сомнения в достоверности свидетельства указанного источника⁶⁶.

На Дону в стан русского войска пришла грамота с благословением от преподобного Сергия Радонежского⁶⁷. Ее текст не сохранился. В позднем пересказе утверждается, что троцкий игумен призывал русских князей до конца биться с ордынцами, надеясь на помощь Бога и Пресвятой Богородицы.

В те же дни, когда русские полки стояли на р. Дон (5–6 сентября), Мамай, наконец, узнал о местоположении русских полков. Столкновение сторожи Семена Мелика с ордынцами оказалось неожиданным и очень болезненным для последних. Мамай был раздосадован не только захватом одного из своих вельмож и понесенными потерями (они не могли быть велики)⁶⁸, но и внезапным появлением в близости от его станов русского войска. В этих условиях Мамай не стал дожидаться своих медлительных союзников. Ему также не хватило времени для сбора кочующих вдоль р. Воронеж татар, чтобы вместе с ними напасть на противника. Мамаю стала очевидной и двусмысленность поведения великого князя Олега Рязанского, который считался его союзником, ибо на сведения его разведки темник опирался в своих расчетах. Теперь для победы ордынцам надо было быстро и решительно действовать. Мамаев стан пришел в движение.

По всей видимости, стремясь перехватить стратегическую инициативу, Мамай решил быстрым маршем достичь Дона, переправиться на его правый берег и, прикрываясь рекой от русских войск князя и обойдя их, соединиться с войсками ВКЛ, чтобы затем напасть на беззащитные земли Северо-Восточной Руси.

Вестники, прибывающие от Семена Мелика, в это время торопят великого князя Дмитрия Ивановича, сообщая ему о передвижении татар. Чувствуя приближение битвы, одни русские воины радовались, желая совершить подвиг, другие же печалились, предвидя свою гибель в бою⁶⁹. Тогда Дмитрий Иванович обратился к князьям и воеводам

⁶⁶ Там же. С. 216–217.

⁶⁷ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 118. Это известие «Летописной повести о Куликовской битве» еще раз подчеркивает ошибочность известия «Сказания о Мамаевом побоище» о свидании Дмитрия Донского и преподобного Сергия Радонежского накануне сражения. В случае, если бы встреча состоялась, не было бы необходимости в присылке грамоты. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», это известие пришло в утро самой Куликовской битвы (Там же. С. 173).

⁶⁸ Возможно, речь идет о потерях на Воже (Там же. С. 121).

⁶⁹ Там же. С. 163.

с речью, чтобы поддержать их воинский дух: «Приспе, братие, время брани нашея... Аще оживемъ – Господеви есмы, аще умремъ за миръ сей – Господеви есмы!»⁷⁰.

В «Летописной повести о Куликовской битве» и «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что русские князья и воеводы долго совещались о дальнейших действиях⁷¹. Автор «Летописной повести» отмечал, что одни призывали Дмитрия Ивановича: «Поиди, княже, за Дон», а другие, наоборот, отговаривали: «Не ходи, понеже зло умножишася врази наши, не токмо татарове, но и Литва, и рязанци»⁷². Автор «Сказания о Мамаевом побоище» в качестве причины, заставившей великого князя переправиться на правый берег Дона, назвал мысль, высказанную князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами: «Аще хочещи крепкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будетъ ни единому же помышления въспять». Однако полководцу, отвечавшему за все войско, едва ли подобало им рисковать, поддавшись красивой идее: «И аще побиемъ, тѣ вси спасемся, аще ли умрем, тѣ вси общую смерть примемъ от князей и до простых людей»⁷³. Схватка между войсками Дмитрия Ивановича и Мамаю была неизбежна, но ставить свое войско в невыгодное положение спиной к реке только ради того, чтобы сражение началось быстрее, как будто противоречит элементарному здравому смыслу.

Спор между князьями и воеводами, скорее всего, был вызван иными причинами. Незадолго перед битвой татары кочевали вдоль р. Воронеж, их появления ждали на левом берегу р. Дон. Здесь пролегал удобный путь, которым кочевники во время походов на Русь пользовались и позднее – в XVI–XVII вв. Однако последние данные разведки говорили о возможном продвижении ордынцев на правом берегу Дона. Перед русскими полководцами встал вопрос: так по какому же берегу реки будет идти Мамай? И ошибка в определении пути его войска могла дорого всем стоить.

Вопрос о форсировании русскими войсками р. Дон 7–8 сентября 1380 г. вызывает определенную полемику в историографии.

Если С. М. Соловьев просто описывал события Куликовской битвы, никак не комментируя решение великого князя переправиться на

⁷⁰ БЛДР. Т. 6. С. 128.

⁷¹ ПЛДР. XIV – середина XV в. С.118.

⁷² БЛДР. Т. 6. С.126.

⁷³ Там же. Т. 6. С. 164, 166.

правый берег Дона⁷⁴, то В. А. Кучкин ограничился констатацией наличия совета перед форсированием реки и факта переправы. Движение по левому берегу р. Дон русских войск он объясняет в первую очередь тем, что, «зная, что Мамай кочует на правобережье Дона, Дмитрий, идя левым берегом, избавлялся от неожиданной атаки ордынской конницы. На марше его полки от такой атаки заслонял Дон»⁷⁵. Более простым было объяснение Н. М. Карамзина. Он полагал, что важным фактором переправы было желание не только «удержать робких от бегства», но и «предупредить соединение Ягайла с Мамаем»⁷⁶. Близко к этому наблюдению историографа мнение А. А. Горского. Он отмечает, что великий князь, принимая решение «отказаться от удобной позиции, прикрытой от противника Доном», тем самым «вынудил Мамайя вступить в бой до подхода Ягайло (который бы резко изменил соотношение сил)»⁷⁷.

Более концентрированно проблему переправы русских войск через р. Дон сформулировал военный историк Е. А. Разин. Целесообразность форсирования реки он определяет следующим образом: «...переправа через Дон имела не только моральное, но и тактическое значение, так как определяла способ действий русской рати. На левом берегу реки можно было дать только оборонительный бой. Переправившись через Дон, необходимо было действовать наступательно, т. е. сохранить инициативу в своих руках». В этих условиях «река в тылу русской рати при уничтожении мостов через нее обеспечивала от удара с тыла, где могли появиться литовцы и рязанцы, и от глубоких обходов татарской конницы». Е. А. Разин указывает, что «теоретической основой такого решения могло быть "Поучение" Владимира Мономаха»⁷⁸.

Тем не менее выбранная позиция на Куликовом поле вызывает с тактической точки зрения массу вопросов. Ведь сохраняется вероятность опасности, что противнику удастся сбросить в реку русские полки, не оставивших себе никаких путей отхода на случай неудачного исхода сражения. Недаром авторы научно-популярной работы «Эпоха Куликовской битвы» высказывают мнение о том, что весь «ход Куликовской битвы наводит на мысль, что внезапное движение войск Мамайя и Дмитрия и их столкновение были спровоцированы.

⁷⁴ Соловьев С. М. Соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 323.

⁷⁵ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 14.

⁷⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. Стб. 38.

⁷⁷ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...» М., 2001. С. 123–124.

⁷⁸ Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 2. С. 277.

Заставить Дмитрия перейти через Дон могло лишь известие о том, что Ягайло очень близко и идет на помощь татарам. Тогда маневр Дмитрия понятен – разбить Мамай до подхода литовцев, за Доном и Непрядвой прикрыть свои тылы от внезапного нападения Ягайло»⁷⁹.

Однако представляется более вероятным, что, выдвигаясь далеко на юг за пределы своих владений, Дмитрий просто не знал (да и не мог знать), какой дорогой поведет свои войска Мамай. Видимо, абсолютно не случайно в «Летописной повести о Куликовской битве» отмечается остановка русских войск, когда его полки «приде к реце к Дону» за два дня до Рождества Богородицы (6 сентября). Именно здесь «приспе грамота от преподобного игумена Сергия», и здесь войска и воеводы «сташа... много думающе»⁸⁰.

Принять решение о дальнейших действиях было непросто, ведь сам Мамай тянул время, не предпринимая в отношении противника никаких активных действий. В «Летописной повести о Куликовской битве» отмечается, что Мамай встал за Доном, т. е. на правом берегу⁸¹, а в «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что он кочевал вдоль р. Воронеж, выйдя к реке у ее устья⁸². Очевидно, что здесь, у впадения Воронежа в Дон, произошло определенное изменение планов Мамаея. Оно могло быть вызвано новыми известиями. Однако вполне вероятно, что войска Мамаевой Орды просто обходили природные рубежи. Такую возможность следует предполагать, учитывая традиционные маршруты татарских набегов в XVI–XVII вв. Ясно, что первоначально татары шли по Донскому Правобережью, в которое от Оки была выслана сторожа. Перед битвой другая крепкая сторожа стояла в Левобережье Дона на реку Кочур. «Задонщина» упоминает как места кочевков Мамаея сразу два берега Дона. Ордынцы появляются у реки Мечи (правый берег) и около Чур-Михайлова городища (левый берег)⁸³.

В рассказе о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи особо подчеркивается, что известие о пребывании Мамаея на Правобережье Дона было получено Дмитрием Ивановичем во время его похода: «...переехавъ Оку, прииде ему паки другыя вести, поведаша ему Мамаея за Доном собравшася»⁸⁴.

⁷⁹ Быков А. В., Кузьмина О. В. Эпоха Куликовской битвы. М., 2004.

⁸⁰ ПКЦ. С. 34.

⁸¹ Там же. С. 9. 68.

⁸² Там же. С. 139.

⁸³ БЛДР. Т. 6. С. 106.

⁸⁴ ПКЦ. С. 9.

Таким образом, становится ясно, что Дмитрий Иванович не знал, по какому берегу движутся войска Мамаея: чтобы не пропустить ордынцев, необходимо было выслать разведку по обоим берегам Дона. Лишь получение надежных свидетельств (вероятно, от Семена Мелика, как об этом свидетельствует «Сказание о Мамаевом побоище»⁸⁵) о движении противника по правому берегу р. Дон поставило перед русскими князьями и воеводами вопрос о необходимости срочной переправы через реку. В противном случае Мамай обходил их полки с тыла, получал возможность соединиться с войсками Ягаило и Олега Рязанского, ворваться в земли Северо-Восточной Руси, оказавшейся без больших войск, ушедших в степь вместе с великим князем.

Другой вариант развития событий может быть сформулирован из свидетельства «Летописной повести». Ее автор вкладывает в уста Мамаея, узнавшего о местоположении русских войск, следующие слова: «Двигнетесь, силы моя темныя, и власти, и князи, и поидемь станемь у Дону противу князя Дмитриа, доколе приспееть к намь съветникъ нашъ Ягаило [съ] своею силою»⁸⁶. Данная фраза подразумевает намерение темника поставить свои войска напротив русской рати, выбрав линией рубежа реки Дон. Он намеревался ожидать здесь, в виду противника, подхода войска из ВКЛ, рассчитывая на действия в тылу Дмитрия Ивановича еще одного своего союзника – Олега Рязанского.

В сложившейся подобным образом оперативной обстановке вполне логичным было решение преградить путь противнику и не дать ему перехватить инициативу. Это, в свою очередь, требовало срочного форсирования Дона, что и было блестяще осуществлено русскими князьями и воеводами. А. К. Зайцев справедливо заметил, что переправа русских войск через реку Дон позволяла «навязать Мамаю неожиданное сражение в невыгодной для него позиции и до соединения с союзным Ягаило»⁸⁷.

В это время к князю один за другим должны были прибывать вестники, сообщая, что татары уже близко и все приближаются к русской рати. Около полудня к Дмитрию Ивановичу примчался Семен Мелик со своей дружиной. Его преследовало множество татар из передовых разъездов войска Мамаея. Увидев основные силы русских, они воз-

⁸⁵ Там же. С. 167, 168.

⁸⁶ Там же. С. 72.

⁸⁷ Зайцев А. К. Историко-географическое исследование района Куликова поля. С. 199.

вратились к ставке Мамаю и сообщили ему, что русские полки стоят у Дона. Семен Мелик привез важную весть. Он сообщил, что Мамай стоит на Гусином броду и только одна ночь отделяет его от русских полков.

Итак, Мамай оказался вынужден принять бой именно на Куликовом поле, бросая свои войска в сражение с марша, неотдохнувшими.

ГЛАВА 7

БИТВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Сообщение разведчиков Семена Мелика («Сказание о Мамаевом побоище») не оставляло никаких сомнений, что враг идет по правой стороне р. Дон и может обойти русские полки. Поэтому возможно, что часть русских войск могла быть переведена на правый берег Дона еще до получения информации о продвижении к нему ордынцев (по крайней мере, указания на такую возможность есть в «Сказании о Мамаевом побоище»)¹. Однако сразу после ее получения великий князь Дмитрий Иванович решил в ту же ночь мостить мосты, разыскать броды на р. Дон и переправляться на его правый берег. Таким образом, в ночь на 8 сентября русские полки двинулись вверх по течению к переправам через р. Дон. Им было необходимо перейти на другой берег реки и встать на пути войск Мамаю, чтобы не дать темнику обойти главные силы Руси и прорваться на незащищенные территории русских княжеств.

В XIV в. в районе Куликова поля было две переправы через реку Дон: выше устья р. Непрядвы и южнее, выше устья р. Смолки. До бродов через Дон в районе Смолки русской рати было ближе, но и противник также находился недалеко от них. Тем не менее великий князь Дмитрий Иванович, по всей видимости, именно здесь решил переправляться на правый берег, поскольку времени идти к месту более безопасной переправы у него не было. Оставалось надеяться, что русские полки успеют перейти Дон до появления Мамаю. Кроме того, с юга, откуда могли появиться ордынцы, переправа была прикрыта р. Смолкой.

Русский книжник так описывал эту переправу: «И ключа смертныя растерзахуся, трусь же бе страшень и ужась събраннымь чадом из-

¹ «Князь же великий повеле вьинству всему Донъ возитися» (БЛДР. Т. 6. С. 166).

далече от востока и до запада. Поидоша за Дон, в дальня части земля, и преидоша Донъ вскоре люто и свирепо и напрасно, яко основанию земному подвизатися от селикихъ силъ»².

Согласно «Летописной повести о Куликовской битве» переправа произошла непосредственно перед столкновением с татарами, но, судя по тексту «Сказания о Мамаевом побоище», ночь накануне сражения русские полки провели уже на правом берегу, выстраиваясь там между 9 и 12 часами дня³. Можно предполагать, что начавшаяся еще поздним вечером переправа могла продолжаться вплоть до появления ордынских всадников, что вызвало некоторое противоречие в источниках. Тем не менее с большим доверием следует относиться к свидетельству «Летописной повести».

Завершая переправу, русские полки занимали свои места на Куликовом поле. По данным Краткой летописной повести, в 1380 г. оно «бысть... чисто и велико зело»⁴. В «Сказании о Мамаевом побоище» довольно ясно и четко отмечается, что расставлял войска опытный и искусный воевода князь Дмитрий Михайлович Боброк Волынский: «Еже бо воевода прежни с литовскими князми, именем Дмитрии Боброков, родомъ земли Волынские, сии же нарочит бысть полководец велми, урядиша полци и поставиша по достаянию, елико где коему подобает стоати»⁵. Однако «Летописная повесть» отмечает, что «князь великии Дмитрии Ивановичъ съ всеми князми русскими, изрядивъ полкы, поиде противу поганыхъ»⁶, не выделяя особо чью-либо роль, кроме командного значения князя Дмитрия Ивановича.

Район Куликова поля, на котором выстроились в ожидании войск Мамай русские полки, располагался между Доном и Непрядвой. В XIV в. они были полноводными реками. Этот участок поля был более низким в сравнении с отдаваемыми в распоряжение ордынцев площадками⁷. С юга он прикрывался реками Смолкой (приток Дона) и Нижним Дубняком (притоком Непрядвы). Расстояние между их верховьями составляло лишь 4 км. Южнее пролегала р. Курца (приток Дона). От ее истоков до истоков Верхнего, Среднего и Нижнего

² ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 120, 121.

Там же. С. 165.

ПКЦ. С. 9.

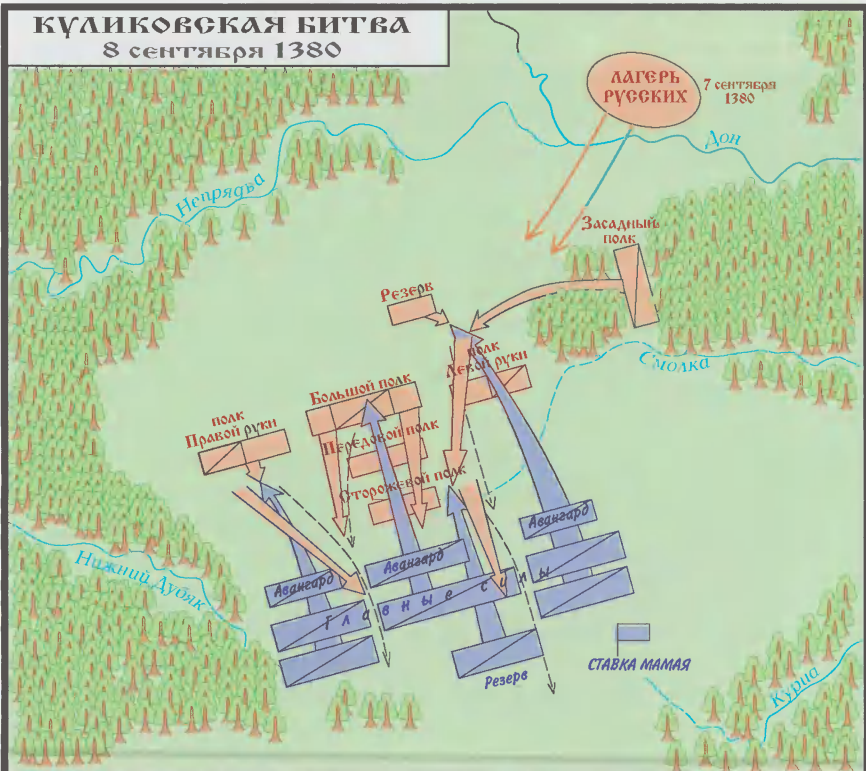
Там же. С. 168.

Там же. С. 75.

Зайцев А. К. Историко-географическое исследование района Куликова поля. С. 200–201.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

8 сентября 1380

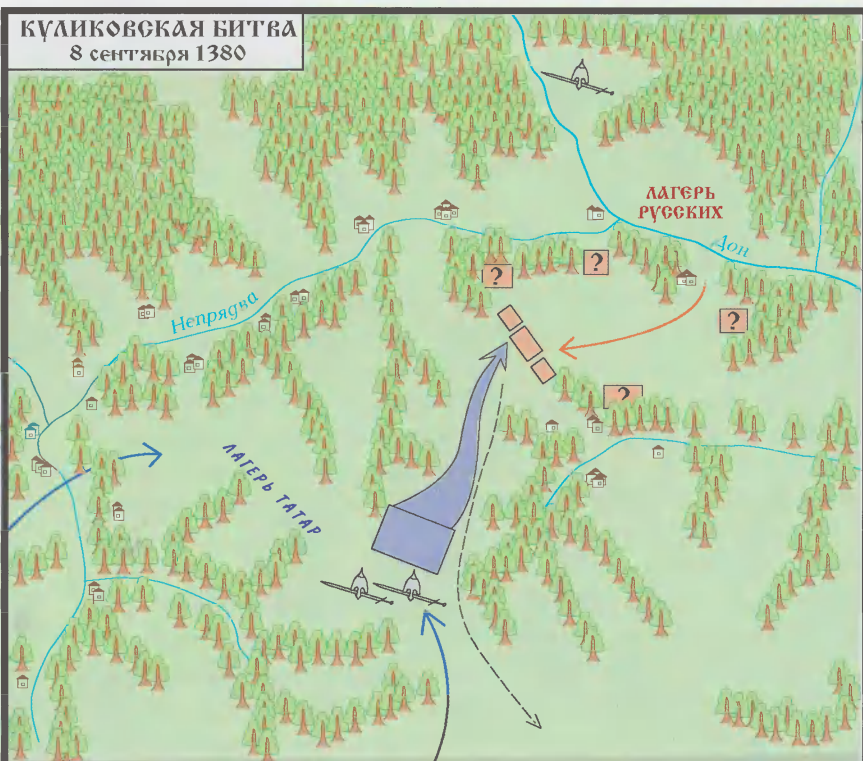

- Бой русских сторожевого и передового полков с авангардом Мамоевой орды
- Направления ударов главных сил врага

- Внезапный удар засадного полка и разгром войск Мамая
- Отступление войск Мамая и преследование врага русскими войсками

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

8 сентября 1380

Основные силы русских

Место расположения засадного полка

Места археологических находок

Русские поселения, найденные археологами на месте Куликовской битвы

Дубяков было 6–8 км. С юга над участком, на котором выстроились полки, господствовала высота у дер. Казинки, а над восточным краем Куликова поля возвышался Красный холм. Берега рек и овраги покрывали небольшие дубравы⁸.

Однако до сих пор остается немало вопросов, связанных с непосредственным местом сражения. Это обусловлено отрывочностью и краткостью сведений источников. Это вызывает неоднозначность их трактовок. Привычная для нас схема сражения составлена на основе данных «Сказания о Мамаевом побоище» и предположений С. Д. Нечаева (схема № 1)⁹. На протяжении XIX – начала XXI в. исследователи вносили уточнения и корректировки относительно расположения и протяженности линии фронта, местонахождения тех или иных полков. В целом, как отметил А. Е. Петров, «представления о битве стали более правдоподобными»¹⁰.

Однако неоднозначность толкований данных комплекса письменных источников вызвала к жизни гипотезу о месте боя не на правом берегу р. Непрядвы, как традиционно считается, а на левом. Гипотеза была озвучена в преддверии 600-летнего юбилея сражения В. А. Кучкиным¹¹ и К. П. Флоренским¹². Она вызвала обоснованную критику¹³. Тем не менее нельзя не признать заслугу В. А. Кучкина и К. П. Флоренского, которые выявили уязвимые места в традиционной концепции места локализации Куликовской битвы.

В 2003 г. А. Е. Петров предложил иную схему сражения (см. схему № 2). Несомненная заслуга автора состоит в учете результатов работы палеопочвенников и археологов в районе битвы, о чём ранее уже писали исследователи, критиковавшие гипотезу В. А. Кучкина – К. П. Флоренского. При этом А. Е. Петров подчеркивает, что предложенный план «не фиксирует “точного” расположения полков на поле в разные моменты боя». Исследователь справедливо считает, что «в такой реконструкции может быть представлено гипотетическое расположение противников перед началом битвы, не противоречащее

⁸ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 123.

⁹ *Нечаев С. Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. С. 125–126.

¹⁰ *Петров А. Е.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // ДРВМ. 2003. № 3 (13). С. 26.

Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 47–53.

Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8. С. 41.

¹³ *Хотинский Н. А.* История и география Куликова поля. М., 1988.

скудным данным источников по этому вопросу». К сожалению, археологические находки XIV в. представлены в настоящий момент весьма скудно. Тем не менее следует не согласиться с малообоснованным мнением А. Е. Петрова о том, что единичные находки современного битве оружия почти ничего не дают для решения вопроса о локализации Куликовской битвы¹⁴. Карта находок наглядно показывает кучность распространения предметов (карта находок)¹⁵, надежно датированных временем битвы. Это позволяет, на наш взгляд, сместить построения войск далее от слияния Непрядвы и Дона (нежели предложено А. Е. Петровым). Именно так предлагают размещать войска противников составители Большой иллюстрированной энциклопедии «Куликово поле»¹⁶. Реконструкция ландшафта Куликова поля и расположения войск в битве, составленная М. П. Гласко, М. И. Гоняным и А. К. Зайцевым, основана на многолетних исследованиях в районе сражения и на данный момент может рассматриваться в качестве наиболее приемлемой.

Казалось бы, занимая не самую выгодную позицию для генерального сражения (спиной к реке), великий князь Дмитрий Иванович должен был занять высоты, господствующие над полем. Но он не сделал этого. В первый момент кажется, что лишь поспешность, с которой русские полки выходили на поле Куликово, воспрепятствовала этому. Но это не так. В те годы, когда еще не распространилось огнестрельное оружие, холмы, лишенные крутых склонов, не давали войскам никаких преимуществ. Важным было не обладание высотами, дающими хороший обзор и увеличение дальности выстрела, а возможность одновременно ввести в бой наибольшее количество воинов. Выйдя к гряде холмов, простирающейся между Смолкой и Дубяком, русские полки сжали бы свои фланги, позволяя противнику построить свои силы более широким фронтом и наседать и с южного, и с юго-западного, и с юго-восточного направлений. Встав же в низине между четырьмя реками, Дмитрий Иванович вынудил врага проходить через узкую горловину между Смолкой и Дубяком и подставлять свои фланги под удар русских воинов.

Этот капкан, подготовленный Мамаю, свидетельствует о продуманности расположения русских войск на Куликовом поле.

¹⁴ Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти. С. 28–29.

¹⁵ Дзуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле. С. 210

¹⁶ КПБИЭ. С. 319 (иллюстрации).

Русские воины по приказу князя Дмитрия должны были сразу подготовиться к бою («и ту изопольчишася обои на бои»¹⁷; «Велики же князь Дмитрии съ братомъ своимъ с Володимеромъ *изрядивъ полкы* (курсив мой. – *Авт.*) противу поганыхъ...»¹⁸), чтобы враги не застали их врасплох¹⁹. Сам великий князь, ожидая схватки, собрал все свои силы в одном месте – на небольшом участке Куликова поля русские князья приготовили свои полки к бою, все воеводы облачились в доспехи²⁰.

Как же стояли в тот день русские воины? Существует обоснованное мнение, что в конце XIV в. еще не было устойчивого разделения на большой полк (главные силы), полки правой и левой руки; передовой, сторожевой и засадный полки. Князья командовали своими дружинами, и соподчинению их друг другу препятствовала их независимость друг от друга. Обычно князь вел свою рать сам, не разделяя ее на отдельные полки, и, лишь задумывая маневр, мог разделить свои силы на отряды. Если же действовала коалиция князей, то каждый князь командовал своим войском. Но к последней четверти XIV в. уже начала проявляться необходимость деления многочисленной рати на отдельные полки. Так, за два года до Куликовской битвы объединенное русское войско, разгромившее ордынцев на реке Воже, было разделено на три части и нанесло удар по ордынцам с трех сторон. Причем одним флангом командовал пронский князь Даниил Владимирович, другим – окольничий Т. В. Вельяминов.

Привычная расстановка войск, известная всем с детства по многочисленным учебникам, научной и научно-популярной литературе, впервые упомянута (описана) в «Сказании о Мамаевом побоище». Как установлено, это памятник более позднего времени – конца XV – начала XVI в.

Выглядит данное построение следующим образом: в центре – большой полк; по флангам – полки правой и левой руки; передовой (авангард) и сторожевой (частный резерв) полки; засадный полк (общий резерв).

С большой долей вероятности можно предполагать, что «Сказание о Мамаевом побоище» отражает реалии построения войск уже своего

¹⁷ ПКЦ. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 165.

²⁰ Там же. С. 121.

времени, а не конца XIV в.²¹ Именно для этого времени (конец XV в.) разрядные книги начинают фиксировать пятичленное деление войск: большой полк, полки правой и левой руки, передовой и сторожевой полки²². Однако любопытно, что разряды фиксируют при описании похода московских ратей под Рязань против отряда ордынского царевича Мустафы в 1443 г. наличие трех полков: большого, передового и сторожевого. Как отдельную воинскую единицу источники называют великокняжеский двор²³. Примечательно, что полки правой и левой руки в данной росписи не названы. Надо полагать, что в кратчайшие сроки, которые были отведены на сбор войск осенью 1443г., они были просто не сформированы. Следовательно, можно говорить о том, что к середине XV столетия шло или уже завершилось формирование деления войск на пять полков. Вероятно, в силу оперативной обстановки применялось трехчленное построение, что может сближать тактические приемы середины XV в. с тактическими приемами 1380-х гг.²⁴

Другим немаловажным фактором при оценке возможностей построения князем Дмитрием своих ратей именно так, как зафиксировано в поздних источниках, являются предшествующие и синхронные свидетельства о военном искусстве Орды того времени. Для рассматриваемого вопроса принципиальными будут известия о том, что именно пятичленное построение войск использовали в своих военных акциях хан Узбек (1313–1342) и хан Токтамыш (1380–1395). К примеру, в персоязычной «Истории Вассафа» при описании событий войны Орды с хулагуидским Ираном зимой 1318/19 г. отмечается, что Узбек собрал армию «по многочисленности равной муравейнику», в которой при построении в боевые порядки «разместились правое и левое крыло, авангард (манкыла) и арьергард (кечка)»²⁵ (источник называет четыре части, подразумеваемая наличие центра, как неотъемлемой части боевого построения

Петров А. Е. «Сказание о Мамаевом побоище» и становление разрядного делопроизводства // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта ИАИ. М., 2000. С. 99–106.

См., например: Разрядная книга, 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 21 (поход на Великий Новгород Ивана III Васильевича в 1477–1478 гг.), 26 (поход на Казань 1484 г.), 27–28 (поход на Казань 1487 г.), 30–31, 33, 34–35, 36–37, 38, 39–40 (походы русско-литовской войны в 1492–1494 гг.) и др.

Разрядная книга, 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 17; ПСРЛ. Т. 18. С. 192.

Ср.: большой полк, полк левой и правой руки (1378 г.) и большой полк, передовой и сторожевой (1443 г.)

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 86–89, 173–179.

ордынцев), а в «Книге побед» Шериф-ад-Дина Йезди при описании битвы Токтамыша с Тимуром отмечается: «...показались сторожевые посты. Токтамыш-хан украсил центр и фланги своего войска...»²⁶ Показательно, что пятичленное деление войск Орды подчеркивается при многочисленности собранных армий.

Учитывая тот факт, что Русь к 1380 г. находилась в зависимости от Орды уже почти 140 лет, русские дружины во главе со своими князьями участвовали в ордынских военных операциях и могли перенять военный опыт степняков. Поэтому можно предполагать влияние ордынского воинского искусства на русское. Ярким примером этому может служить описание похода объединенных русско-ордынских войск на ВКЛ зимой 1274/75 г. и осады Новогрудка. Галицко-волынская летопись фиксирует трехчленный боевой порядок, в котором правый фланг составили татары, центр – полк Льва I Даниловича Галицкого, левый фланг – полк Владимира Васильковича Владимиро-Волинского²⁷. Следовательно, деление армий на три полка в русских войсках фиксируется и в конце XIII в.²⁸ (а вообще известно с XI в.). Боевой порядок на марше подразумевает наличие авангарда и арьергарда. Тактическое деление русских ратей имеет ряд сходных черт с воинским искусством Орды конца XIV в. и явно свидетельствует о взаимовлиянии на способы ведения войны между ними. Как подчеркивает В. А. Кучкин, «пятичленное деление и построение полков (то есть, вероятно, на сторожевой полк, великий полк, полки правой и левой руки и запасной, арьергардный полк) в XIV в. было русским известно»²⁹.

Таким образом, мы можем констатировать, что построение русских войск (пять полков плюс засадный), отмеченное в поздних памятниках Куликовского цикла («Сказание о Мамаевом побоище»), могло применяться на Руси в конце XIV в., в том числе 8 сентября 1380 г.

²⁶ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 120, 168. «Туктамыш-хан, дабы поднять великоление своего боевого корпуса, как и корпусов левого и правого флангов, поставив там принцев крови...» Мирхонд. Отрывок из «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбия вал малик вал хулафа» – «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов» // Миргалиев И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007. С. 31; «Он (Токтамыш. – Авт.) украсил и укрепил как центр, так и правый и левый фланги своей армии, поместив там принцев крови...» Хондемир. Отрывок из 3-го тома «Хабиб-ас-сияр» – «Друг биографий» // Там же. С. 50.
БЛДР. 2000. Т. 5. С. 306; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872–873.
Ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 86.
Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 15. О пяти полках подробнее см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 119.

В «Сказании о Мамаевом побоище» мы находим также и распределение воевод по полкам. Во время смотра под Коломной, отмеченного в памятнике, большой полк составили дружины самого великого князя и белозерских князей; полк правой руки возглавил князь Владимир Андреевич, к которому присоединились ярославские дружины; полк левой руки возглавил князь Глеб Васильевич Друцкий; передовой полк возглавили братья Дмитрий и Владимир Александровичи Всеволожи. Далее автор «Сказания» приводит список воевод по полкам – коломенский полк возглавил Микула Васильевич Вельяминов; владимирский и юрьевский, вероятно объединенный, – Тимофей Васильевич Волуй, костромской – Иван Родионович Квашня, переяславский – Андрей Иванович Серкиз. Воеводами серпуховского князя были Данило Белеут (?) и Константин Кононович. С ними были князья Федор Елецкий, Юрий Мещерский и Андрей Муромский.

На поле битвы передовой полк возглавляют братья Всеволожи, правый фланг – М. В. Вельяминов с коломничанами, левый фланг – Тимофей Волуй с костромичами³⁰.

В исторической науке сложилось вполне обоснованное недоверие к явным анахронизмам в перечислении князей и воевод, содержащимся в «Сказании о Мамаевом побоище»³¹. По мнению А. А. Горского, большего доверия заслуживают сведения Новгородской IV летописи Дубровского (середина XVI в.) и Архивской летописи (список XVIII в.). На Куликово поле «помимо великокняжеских войск и отрядов Ольгердовичей вступили: Федор Романович Белозерский с сыном, Иван Васильевич Вяземский, Андрей Федорович Ростовский, Андрей Федорович Стародубский, один из ярославских князей Васильевичей, Федор Михайлович Моложский, Семен Константинович Оболенский, Иван Константинович Тарусский, Роман Михайлович (бывший князь Брянский), Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Семеновича Новосильского»³².

Если перечень князей и воевод в летописях Дубровского и Архивской признать достоверным, то распределение высших командных

³⁰ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 155, 175.

³¹ Подробнее об этом см.: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 492–494; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 7; *Он же.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 109–113; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 97–98; и др.
Горский А. А. Москва и Орда. С. 99; *Он же.* К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле. С. 29–37.

должностей во время битвы выглядело следующим образом. Передовой полк возглавили Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, боярин М. В. Вельяминов и князь Федор Романович Белозерский. Большой полк возглавил великий князь Дмитрий Иванович, бояре Иван Квашня и Михаил Бренк, князь Иван Васильевич Смоленский. Полк правой руки был отдан под командование князя Андрея Федоровича Ростовского, боярина Федора Грунки и князя Андрея Федоровича Стародубского. Полком левой руки руководили князь Ярославский (его имя не названо, только отчество – Васильевич), боярин Лев Иванович Морозов и князь Федор Михайлович Моложский. Сторожевым полком командовали боярин Михаил Иванович (Акинфов), князья Семен Оболенский и Иван Тарусский, боярин Андрей Иванович Серкиз. Руководить засадным полком были назначены Владимир Андреевич Серпуховской, боярин князь Д. М. Боброк-Волынский, князь Роман Михайлович Брянский, князь Василий Михайлович Кашинский и сын новосильского князя Романа³³.

О подробностях событий, непосредственно предшествовавших битве, и самого сражения мы также узнаем из «Сказания о Мамаевом побоище». К примеру, в памятнике отмечается, что великий князь Дмитрий Иванович со своими воеводами не только расставил полки на определенной позиции, но и объезжал их и осматривал свои силы с «высокого места» – Красного холма, где во время битвы разместится ставка Мамаю. Рассказывая об этой поездке, русский книжник описывал, что князья и воеводы увидели, как образа святых, шитые на христианских знаменах, светились в солнечных лучах; как золоченые стяги шумели, расстилаясь, как облака, и тихо трепетали, словно хотели промолвить что-то. Богатыри же русские стояли несокрушимой стеной. Хоругви их, точно живые, колыхались, доспехи же сияли – будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их – словно заря утренняя, яловцы же шлемов их колыхались, как пламя огненное.

Описывая чувства, с которым смотрели на свое войско русские полководцы, автор «Сказания о Мамаевом побоище» писал: «Умилено бо видети и жалостно зрети таковых русских събраниа и учреждения ихъ, вси бо равнодушъни, единъ за единаго, другъ за друга хоцеть умрети, и вси единогласно глаголюще: Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Константину победу». Пред-

³³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 486.

чувствуя тяжелые потери в предстоящем бою, князья одновременно и горестно вздыхали, и восхищались: «*Неть было прежде нас, ни при насъ, ни понасъ будетъ таково воинство уряжено*»³⁴.

Далее в «Сказании о Мамаевом побоище» отмечается, что, вернувшись к войску, великий князь Дмитрий Иванович сошел с коня и, преклонив колена на виду у всех ратников, молился перед знаменем большого полка, на черном полотнище которого был вышит образ Спаса. Автор источника привел в своем произведении речь, с которой великий князь обратился к своим воинам. Дмитрий Иванович нашел те слова, которые должны были показать ратникам всю важность предстоящего сражения, наполнить сердца их любовью к Отечеству, породить чувство ответственности перед своими близкими: «*Братиа моа мила, сынове русскыя. От мала и до велика! Уже, братиа, ночь приспе, и день грозный приближеся – в сию ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, силенъ в бранех. Зде пребудете, братие, на местех своих, немятушеся. Койждо вас ныне учредитесь, утре бо неудобь мощно тако учредитесь: уже бо гости наши приближаются, стоять на реце Непрядве, у поля Куликова опльчишеся, утръ бо нам с ними питии общую чашу, межу събою поаеденую, еяже, друзи мои, еще на Руси възделеша. Ныне, братья, уповайте на Бога жива, миръ вам буди о Христе. Аще утре ускорять на нас приити погани сыроядцы*»³⁵.

Однако необходимо отметить, что более ранние памятники не содержат подобных известий и вряд ли существует возможность принимать данные художественные вставки за достоверную информацию о предшествующих битве эпизодах. Скорее, это представления русских книжников конца XV – начала XVI в. – времени составления «Сказания о Мамаевом побоище» – о том, как должна была проходить подготовка к сражению.

³⁴ «Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного» (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 164, 165).

«Братья мои милые, сыны русские, все от мала до великого! Уже братья ночь наступила, и день грозный приблизился. – в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь братья на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются. Стоят на реке Непрядве у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на Бога живого, мир вам пусть будет с Христом, та~~к~~ как утром не замедлят на нас пойти поганые сыроядцы» (Там же. С. 166, 167).

Столь же сомнительны известия «Сказания», в которых подробно описывается, что ордынские всадники, вернувшиеся из разведки накануне битвы, привезли Мамаю неутешительную весть – войско русских князей в 4 раза больше его, и оно готово встать на их пути. Стало очевидно, что надежды темника обойти русское войско не оправдались. В связи с этим вполне правдоподобно выглядит художественный образ «Сказания о Мамаевом побоище», когда в уста Мамаю слова, которые он произнес почти в истерике, понимая, что у него теперь уже нет выбора: «Тако силы моа, аще не одолею русских князей, ть како имамъ възвратитися въсвояси? Сраму своего не могу тръпети»³⁶. Но, по всей видимости, и данные сентенции – всего лишь вымысел книжников более позднего времени.

В то же время легко представить себе ужас Мамаю, когда все – и спешка, и ночные марши, и долгие переходы, с помощью которых он надеялся обойти русские войска, – оказалось напрасным. Да, он успел за трое суток пройти путь от своего стана на Кузьминой гати и достиг Гусиного брода и р. Мечи³⁷. Однако кони его воинов устали, а им предстояло после нескольких ночных маршей с ходу нести своих всадников в ожесточенный бой. Темник понимал, что утомленные животные не смогут выдержать еще и это испытание. Призрачный шанс успеть проскочить со всеми силами вблизи русских манил Мамаю. Он рассчитывал к утру быть на Непрядве, заставлял своих воинов гнать лошадей в ночной поход.

Ночная поездка русских князей, связанная с осмотром позиций на Куликовом поле, сопровождалась и разведкой. Книжники оценили ее как гадание князя Дмитрия Боброка. Выехав с великим князем между войск, он ловил звуки ночи, сходил с коня и прикладывался ухом к земле, пытаясь внять ее гулу. Дмитрий Боброк «услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится,

³⁶ «Таковы все мои силы, и если не одолею русских князей, то как возвращусь во-свояси? Позора своего не перенесу!» (Там же. С. 162, 163).

По мнению А. К. Зайцева, в верхнем течении Красивой Мечи имелся целый комплекс составных гидронимов с опорным словом «Меча»: Плотовая Меча, Ситова Меча, Каменная Меча и Турдеева Меча. Последняя (современная р. Турдей) находится ближе всего к устью р. Непрядвы (40 км по прямой), и именно с ней соприкасается Ефремовская дорога при впадении в нее р. Гусиная Лапа (Гусиный Лапок – XVIII в.), где и в настоящее время имеется легкопроходимый брод. Его А. К. Зайцев предлагает отождествлять с Гусиным бродом «Сказания о Мамаевом побоище» (Зайцев А. К. Где находилось «место рекомое Березуй» «Сказания о Мамаевом побоище»? С. 7).

будто гром великий гремит». Ордынцы своим движением распугали обитателей степи. Вой волков, клик воронов и гомон птичий, трепет земли и плеск крылами гусей и лебедей говорили о ночном марше татар. Скрип их телег напоминал громкое рыдание женщин. Над русским же станом было тихо. На основании этих звуков воевода предсказал своему войску трудную победу. Считается, что опыт полководца подсказывал Дмитрию Боброку, что войско врага будет уставшим. Это обеспечит победу, но слишком много идет врагов, и им нелегко будет сломить их³⁸.

В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится о том, что утром Фома Кацибей, стоявший в дозоре на р. Кочуре, рассказал великому князю Дмитрию Ивановичу видение на вечерней заре. Стоя на высоком месте, он увидел облако, движущееся с востока. Большие его очертания казались отрядами всадников, будто войска, шествовавшие к западу³⁹. Сияние же пробивающегося солнечного света с южной стороны показалось ему похожим на фигуры двоих юношей, которые как будто обрушили свои мечи-лучи на это темное войско. И туча исчезла. Великий князь истолковал это видение как предзнаменование победы, но просил сохранить его в тайне.

«Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что перед самым утром 8 сентября великий князь отослал вверх по Дону засадный полк, поставив во главе его своего двоюродного брата Владимира Андреевича и дав ему своего лучшего воеводу князя Дмитрия Боброка⁴⁰. Правда, достоверность данного известия вызывает ряд вопросов. Во-первых, ранние летописные повествования о Куликовской битве не знают этого факта⁴¹. Во-вторых, местность не позволяла разместить скрытно огромную массу всадников, поскольку большие лесные массивы остались на левом берегу Дона, а само поле предстоящего сражения, по мнению автора «Летописной повести о Куликовской битве», было открытое и обширное⁴². Да и сама отсылка лучших воинов вверх по

³⁸ См., например: *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. С. 279.

³⁹ Возможно, это символическое описание похода Мамаю за Дон (ПлДР. XIV – середина XV в. С. 169–171).

Там же. С. 171.

Как отметил В. А. Кучкин, намек на существование засадного полка есть в «Задонщине». Памятник подчеркивает большую роль в исходе битвы не только князя Дмитрия, но и Владимира Андреевича: «Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Владимиръ Андреевич полки поганых вспять поворотили» (*Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 15).

⁴² ПлДР. XIV – середина XV в. С. 123.

Дону отправила бы их далеко в тыл за левый фланг русских боевых порядков. Сам состав этого полка также вызывает определенные сомнения: смог ли князь Владимир Андреевич стерпеть верховенство великокняжеского боярина и воеводы князя Дмитрия Боброка? стал бы великий князь Дмитрий Московский менять перед боем командование полка правой руки?⁴³.

Тем не менее автор «Сказания», повествуя о выделении засадного полка и его последующей атаке, делает немаловажную оговорку: «Се же слышахом от вернаго сего самовидца, сии же бысть от полку княже Володимерова Ондреевича»⁴⁴. Поэтому вполне справедлив вывод о том, что отсылка «на рассказ очевидца Куликовской битвы должна принадлежать не автору “Сказания”, а одному из источников “Сказания” Ссылка проливает свет на то, как составлялись рассказы о Мамаевом побоище»⁴⁵. Вслед за исследователями необходимо признать, что «в отличие от многих других известий “Сказания” рассказ о засадном полке заслуживает доверия»⁴⁶.

«Летописная повесть о Куликовской битве» свидетельствует, что утром 8 сентября «всходящу солнцу, и бысть тма велика по всей земли, и мгляно было бяше того утра до третиаго часа»⁴⁷. Вероятно, именно в этих непростых климатических условиях русским князьям и воеводам пришлось строить свои полки. По крайней мере, именно так можно истолковать дальнейшие слова «Летописной повести» о том, что «князь же великий исполчи полки своа велиции, и вся его князи русстии свои полкы устроивше»⁴⁸.

По всей видимости, русские полки, окруженные плотной белой пеленой, ожидающие появления противника, должны были испытывать чувство тревоги. Именно это состояние и отразил в своем произведении автор «Сказания о Мамаевом побоище», описывая приближение ордынского воинства: «И в то время, братье, земля стонеть велми, грозу велику подаваючи на встокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле Куликово прегибающеся, реки же вы-

По сведениям «Сказания о Мамаевом побоище», до этого князь Владимир Андреевич командовал полком правой руки. Однако Новгородская IV летопись по списку Дубровского изначально помещает его в засадный полк, что, вероятно, заслуживает большего доверия (Азбелев С. Н. Устная история. С. 241–281).

ПКЦ. С. 179.

Там же. С. 219.

Кушкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 15–16.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 121; ПКЦ. С. 73.

⁴⁸ Там же. С. 73.

ступаху из мествъ своихъ, яко николи же бытии толиким людем на месте том»⁴⁹. Менее образно и более кратко описывает появление татар автор «Летописной повести». Однако выглядит эта характеристика не менее тревожно: «Бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в поле»⁵⁰.

По свидетельству «Сказания о Мамаевом побоище», поддерживая боевой дух русских ратников, великий князь сел на своего лучшего коня, облачился в парадные доспехи и объезжал полки, обращаясь к ним с речью⁵¹. После этого он пересел на другого коня и переоделся в новые доспехи, отдав прежние своему другу Михаилу Бренку. Князь повелел ему стоять в центре Большого полка под великокняжеским знаменем. Дмитрий Иванович понимал, что воины этого главного соединения в час битвы должны видеть своего полководца, думать, что он видит их. Сам же великий князь хотел знать все происходящее в бою и собирался бывать на разных участках сражения. Из оружия Дмитрий Московский взял копье и железную палицу. Надо полагать, что данное известие «Сказания о Мамаевом побоище» представляет собой как минимум недостоверное свидетельство. Столь пространное описание с обменом одеждами могло быть вызвано желанием автора памятника обогатить свидетельство «Летописной повести» о том, что «князь великий наеха наперед в сторожывых полцех на поганого царя Теляка... Таче потом недолго попустя отъеха князь в велики полкъ»⁵².

В то же самое время участие командующего войсками в первой схватке также вызывает множество сомнений. Однако нельзя полностью отрицать возможность такого поступка со стороны князя Дмитрия.

Еще одним известием «Сказания о Мамаевом побоище», которое следует признать недостоверным, является упоминание о том, что в утро самой Куликовской битвы пришла грамота с благословением от преподобного Сергия Радонежского, вдохновлявшего воинов на защиту православия⁵³. Согласно «Летописной повести» послание

⁴⁹ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 170, 171.

⁵⁰ ПКЦ. С. 74.

⁵¹ «Отцы и братья мо, Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и спаситель душ наших» (БЛДР. Т. 6. С. 175).

⁵² ПКЦ. С. 75.

⁵³ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 173.

от троицкого игумена было получено накануне, еще на левом берегу Дона⁵⁴.

По данным «Летописной повести», появившимся ордынским всадникам дали возможность выстроиться в боевые порядки: «И ту исполчишася татарстии полци противу христьян»⁵⁵. По всей видимости, конница Мамаева выстроилась традиционным для степняков образом: центр и два крыла. При этом «Летописная повесть» упоминает о сторожевом полку ордынцев: «Начаша ся съездати сторожевыи пльки рускии с татарскими»⁵⁶. Однако в памятнике, возможно, отразилось лишь сближение противников: если в русских войсках сторожевой полк был, то, по представлениям книжника, он должен был быть и у ордынцев, а появление передовых рядов противника должно было рассматриваться как атака «сторожевого» полка. В то же время есть основания полагать, что Мамай мог выстроить свои войска, разделив их на пять (как это делал Узбек)⁵⁷ или четыре части (как это делал Токтамыш)⁵⁸. Причем и в том, и другом случае отмечалось наличие авангарда – сторожевых постов. Немаловажно в этом случае свидетельство (правда, скорее всего, недостоверное) «Сказания о Мамаевом побоище» о наличии при ставке Мамаева трехтысячного отряда⁵⁹, который, являясь арьергардом, должен был бы выполнять роль общего резерва. При наличии авангарда, центра и двух крыльев это была бы пятая часть войск. Однако сведения этого позднего источника необходимо использовать с осторожностью, ибо данные ранних памятников позволяют реконструировать построение войск Мамаева лишь гипотетически. Традиционно в историографии в центре ордынских войск располагают генуэзскую пехоту. Однако с тактической точки зрения это неоправданно, так как атака конного войска в этом случае задерживалась бы медленным движением европейской пехоты. К сожалению, данные источников позволяют нам

⁵⁴ ПКЦ. С. 71.

Там же. С. 74. Новгородская I летопись младшего извода также отмечает, что «исполчишася Татарове измаилтески род противу крестьянь» (Там же. С. 22).

ПКЦ. С. 75.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 87.

Подробнее см. выше (примеч. 25–26).

Судить о количестве резерва можно на основании упоминания «Сказания» о наблюдении Мамаем за битвой в сопровождении трех князей (ПКЦ. С. 177). Князьями в русской письменной традиции называли тысячников. Однако абсолютно доверять сведениям памятника нет оснований.

только гадать о том, были ли в составе войск Мамаю «фряги» вообще и если были, то где они располагались в ходе боя (не исключено, что Мамай оставил их при своей ставке, как резерв).

Книжники XVI в. поместили в текст «Сказания о Мамаевом побоище» предание о поединке отважного Александра Пересвета, шедшего на бой в передовом полку, с огромным и могучим ордынским богатырем. Крикнув слова прощания своему брату и его сыну, христианский воин устремился на врага. Татарин также помчался навстречу противнику. Ряды христиан только успели все воскликнуть: «Боже, помоги рабу Своему!» – как ударили два могучих соперника друг друга копьями, так что показалось, будто земля едва не проломилась под ними, и упали оба с коней, и скончались. Позднее книжники добавили еще некоторые подробности этого поединка: якобы наш воин упал на миг позднее татарского и, умирая, благословил русскую рать⁶⁰.

Таким же литературным вымыслом являются слова данного источника, произнесенные, по преданию, после поединка великим князем Дмитрием Ивановичем: «Се уже гости наши приблизились и ведут промеж собою поведенную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша, уже бо время подобно, и час приде храбрость свою комуждо показати». Русские воины хлестнули своих коней и с кличем «С нами Богъ!» устремились на врага. Ордынцы, воззвав к своим богам, также

⁶⁰ Это сказание является плодом фантазии книжника, поскольку: 1) ни одно другое произведение не содержит информации о поединке; 2) его участник Александр Пересвет назван иноком, что, согласно «Правилам святых отцов», делает невозможным его участие в битве; 3) противник Пересвета назван печенегом, что указывает на анахронизм, почерпнутый из сказания «Повести временных лет» о поединке у Переяславля в 992 г.); 4) его имя в разных текстах звучит по-разному – Челубей, Темир-Мурза, Товрул, Христоврул; 5) в «Задонщине» Пересвет упомянут скачущим среди сражения, что было бы невероятно, если бы он пал в самом его начале; 6) Пересвет в «Задонщине» наделен золотым шоломом – атрибутом, не свойственным монаху. Более вероятным кажется такое объяснение этих противоречий: поединок был придуман автором «Сказания о Мамаевом побоище» под влиянием библейского рассказа о поединке Давида с Голиафом и киевлянина с печенегом; Пересвет как воин участвовал в битве и был смертельно ранен в ходе нее; перед смертью он принял постриг и был погребен в Симоновском монастыре (а не в Троицком, что было бы естественнее, будь он троицким иноком); народная же память все упростила, сделав Александра Пересвета только монахом (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 175–177; *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 107; ПКЦ. С. 218; 312–313; *Кузьмин А. В.* Мнимые и реальные участники Куликовской битвы. С. 101–102; *Он же.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI в. С. 5–29; *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 174–175, 249. Примеч. 26; и др.).

бросились на русских. Именно так началось сражение по данным «Сказания о Мамаевом побоище»⁶¹.

Однако ранние памятники повествуют о начале битвы более прозаично. В «Кратком летописном рассказе» отмечается лишь, что «соступишася обои»⁶². «Летописная повесть» отмечает, что битву начали русские и татарские сторожевые полки. В схватке участвовал сам великий князь Дмитрий, причем он первым обрушился на хана Тюляка, от имени которого и правил Мамай. Возможно, что и номинальный повелитель Орды, чувствуя всю значимость предстоящего сражения, также оказался в первых рядах своих сторож. Но, понимая, что главные события еще впереди, Дмитрий Иванович вскоре после первой схватки отъехал в Большой (Великий) полк⁶³. Любопытную деталь сохранил рассказ Новгородской I летописи младшего извода: «Москвичи же мнози небывалци, видевшее множество рати татарской, устаршишася и живота отчаявшися, а инии на бегы обратишася»⁶⁴. По всей видимости, многие новобранцы, не бывавшие ранее в боях и тем более не участвовавшие в больших сражениях против ордынцев, во время первой атаки противника испугались и даже побежали.

Вероятно, именно в этот момент началось движение основных сил ордынцев. В «Летописной повести» оно описано следующими словами: «*И се поиде велика рать Мамаева, вся сила татарская*». Навстречу татарским полкам двинулись русские «великие полки» (Большой полк и полки Правой илевой руки): «А отселе князь велики Дмитрии Ивановичь съ всеми князьми рускими, изрядивь полкы, поиде противу поганыхъ половець и съ всеми ратьми своими»⁶⁵.

В Новгородской I летописи подчеркивается, что «бысть брань на дългъ час зело»⁶⁶. В «Летописной повести о Куликовской битве» отмечается, что полки покрыли поле на 10 верст⁶⁷. По всей видимости, имелась в виду глубина построения обеих войск, так как по фронту

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 177.

ПКЦ. С. 9.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 123.

ПКЦ. С. 22.

Там же С. 75.

Там же. С. 22. Вероятно, это литературный прием, целью которого было подчеркнуть значительность сражения. По данным «Летописной повести», битва длилась три часа. При этом превышение длительности события более часа может восприниматься как «дългъ час» и не расцениваться как преувеличение автора Новгородской I летописи младшего извода.

⁶⁷ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 123.

они не могли занять пространство большее, чем позволяло расстояние между истоками Смолки и Дубяка, то есть около 4 км⁶⁸. Большая глубина боевых порядков придавала русским и ордынским силам необыкновенную устойчивость и делала развернувшееся сражение необычайно ожесточенным.

Русский книжник, оставивший нам «Летописную повесть о Куликовской битве», писал, что «бысть сеча зла и велика, и брань крепка» и что от сотворения мира не было такой битвы. Отмечает он и необычайное упорство сражающихся противников: «Прольяся кровь аки дождева тучи, обоих, русских сынов и поганых, и множество безчисленно падоша трупия мертвых от обоих. И много Руси побиени быша от татарь, и от Руси – татаре. И паде труп на трупе, паде тело татарское на телеси христианском; индеже видети бяше русинь за татариним ганяшеса, а татаринь русина стигаше. Смятоша бо ся и размесиша, кииждо бо своего супротивника искаше победити»⁶⁹.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище», явно преувеличивая реальную ситуацию, дает еще более красочную картину боя, отмечая, что «съступишася грозно обе силы великиа, крепко бьющееся, напрасно сами себе стираху, не токмо оружиемъ, нъ и от великиа тесноты под коньскими ногами издыхаху, яко немощно бе вместитися на том поле Куликове: бе место то тесно между Доном и Мечею». Оба войска казались уже не собранием множества людей, а единой природной стихией: «Из нихъ же выступали кровавые зари. А в них трепеталися силнии мльνια от облистаниа мечнаго». Треск копий и звон мечей заглушали все звуки. Сражающиеся видели в хаосе общей схватки только тех, кто был рядом с ними, не имея возможности обозреть развернувшееся свирепое побоище целиком. Воинам казалось, что время остановилось и битва длится уже и «час и третий, и четвертый, и пятый и шестой». Однако все происходило очень быстро⁷⁰.

В «Сказании о Мамаевом побоище» отмечается, что после долгого сражения «начаша одолевати погании». Более ранние памятники, отмечая упорность битвы, не говорят о перевесе ордынцев на тех или иных участках фронта. Тем не менее указанная фраза «Сказания о Ма-

⁶⁸ Иногда говорят, что Куликово поле не могло вместить два таких многочисленных войска, но размеры поля, на котором действовали русские и татарские воины, при соотнесении с более реальной численностью войск (подробнее см. главу 5) делают данный факт вполне вероятным.

⁶⁹ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 122, 123.

⁷⁰ Там же. С. 176, 177.

маевом побоище» традиционно рассматривается в историографии как указание на прорыв конницей Мамаев левого фланга русских войск⁷¹. На наш взгляд, на известии лишь данного источника нет оснований говорить о прорыве какого-либо места во фронте русских войск, тем более левого фланга. Данная формулировка памятника свидетельствует только о том, что татары начали теснить русских, причем по всему фронту. Она может быть сравнима с фразой «Задонщины»: «Поганья татарове поля наступают, а хоробрую нашу дружину побывают»⁷². Таким образом, можно констатировать, что оснований для вывода о прорыве строя русских полков в источниках нет. При этом памятники отмечают большие потери, которые вызвали утрату позиций русскими войсками и отступление к Непрядве и Дону.

Именно в этот момент, по всей видимости, и был введен в бой общий резерв русских войск, осуществлена знаменитая атака засадного полка. По данным «Сказания о Мамаевом побоище», князь Владимир Серпуховской торопился вступить в битву, но опытный воин князь Дмитрий Боброк удерживал его. «Что убо плъза стояние наше? Который успех нам будет? Кому нам пособити? Уже наши князи и бояре, вси русские сынове напрасно погибають от поганых, аки трава клонится!» – восклицал Владимир Андреевич. Воевода же неизменно отвечал: «Не уже пришла година наша»; «Пождите мало, буавии сынове русские, будеть ваше время коли утешитися, есть вы с кем възвеселитися». И ратники его полка оставались на месте, горько плача, видя друзей своих, поражаемых ордынцами, и всей душой стремились в гущу схватки⁷³. Как отметил автор памятника, когда ветер подул из-за спины русских воинов, Дмитрий Боброк воскликнул: «*Наше время приспе, и часъ подобный приде!*» – и рече: «*Братъа моа, друзи, дръзайте: сила бо Святого Духа помогает нам!*»⁷⁴ Словно соколы, срывающиеся на стаю птиц, устремились ратники на врага⁷⁴.

См., например: *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. С. 285; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 19; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения. С. 67.

ПКЦ. С. 102.

«Так какая же польза в стоянии нашем? Какой успех у нас будет? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, жестоко погибают от поганых, будто трава клоняться!»; «Не пришел еще наш час... Подождите, буйные сыны русские, – сдерживал он рвущихся в бой молодых воинов, – наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!» (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 178, 179).

«Настало наше время!» – и, обратившись к своим воинам, произнес: «Братья мои, друзья, смелее: сила Святого Духа помогает нам!» (ПЛДР. XIV – середина XV в.

Однако надо полагать, что данное описание атаки засадного полка является вымыслом.

В то же время само введение в сражение резерва во главе с князьями Владимиром Андреевичем и Дмитрием Боброком упрочило позиции русских войск. Вероятно, В. А. Кучкин прав в том, что атака засадного полка позволила перестроиться и перейти в контрнаступление большому полку⁷⁵. Это, в свою очередь, решило исход битвы: отход ордынцев превратился в паническое бегство. Автор «Сказания о Мамаевом побоище», описывая данный эпизод, вложил в их уста следующие слова: «Увы нам, Русь паки умудрися: уншии с нами брашася, доблии вси съблюдошася»⁷⁶.

«Сказание о Мамаевом побоище» подробно описывает участие в битве Дмитрия Ивановича. По его данным, практически в самом начале битвы он был ранен и сброшен с коня. Много раз слева и справа от него падали убитыми его воины, а его самого враги обступали, подобно воде, со всех сторон. Удары обрушивались на голову и плечи великого князя, наносились в его живот и грудь. Но доспехи отразили удары и спасли жизнь великому князю. С трудом он выбрался из гущи рукопашной схватки, но не смог уже снова сесть на коня и снова броситься на врага⁷⁷. Израненный в схватке с четырьмя ордынцами, великий князь вышел из битвы, чтобы укрыться в дубраве⁷⁸.

Источник уделяет много внимания также поведению Мамаю. В нем отмечено, что в ужасе темник молился, но, увидев новых русских воинов, которые скакали по полю, гоня перед собой его полки, как овечье стадо, сказал своим приближенным: «Побегнем, ничтоже бо добра имам чаати, нъ поне свои главы унесем»⁷⁹. По данным «Сказания о Мамаевом побоище», темник в панике бежал с поля боя. Услышав об этом от своих вестников, его темники и властители также бежали. Увидев это, все многоплеменное войско Мамаю обратилось в бегство.

С. 179). Ветер назван южным, что подходит для библейских аналогий, но не соответствует реалиям. Выход из-за дубравы также не соответствует географии Куликова поля. Подробнее об этом см.: Рудаков В. Н. «Духъ Южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище». С. 135–157.

Кучкин В. А. Победа На Куликовом поле. С. 19.

«Увы нам, Русь снова перехитрила: младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» (ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 178, 179).

Там же. С. 177. Сам князь не был изранен, а доспех его был помят и пробит (Там же. С. 127).

Там же. С. 181.

«Бежим, ибо ничего доброго нам не дождаться, та хотя бы головы свои унесем!» (Там же. С. 181).

Словно гонимые гневом Божиим, одержимые страхом ордынцы метались, ища спасения, а русские воины преследовали их.

Однако надо полагать, что подробности личного участия великого князя Дмитрия Ивановича и Мамаю в битве если не полностью вымысел автора «Сказания о Мамаевом побоище», то, по крайней мере, значительно приукрашенное и преувеличенное известие.

Завершающим этапом сражения стало преследование побежденных. Всадники Дмитрия Ивановича гнали противника до самого края Куликова поля. Много врагов было убито, некоторые утонули при переправе. Полки Дмитрия Ивановича гнали татар до р. Мечи, на берегах которой был расположен стан ордынцев. Там русские ратники разгромили еще множество врагов и захватили все их имущество и все их стада. Мамаю же удалось уйти от погони, по объяснению «Сказания о Мамаевом побоище», в связи с тем, что утомленные кони русских воинов не могли догнать его свежих лошадей⁸⁰.

Хронология битвы обычно определяется, исходя из упоминаний в «Летописной повести» о продолжительности сражения в течение 3 часов – с 6 до 9 часов утра. В современном измерении времени данный промежуток соответствует периоду между 10 час. 35 мин. и 13 час. 35 мин.⁸¹ Показательно, что сведения «Сказания» о вступлении в бой засадного полка («Осмаго же часа година» – 8 часов) – 12 час. 35 мин. – полностью укладываются в хронометраж битвы «Летописной повести». Данный факт позволил В. А. Кучкину сделать вывод о том, что «согласованность разных источников относительно хронологии важнейших эпизодов битвы позволяет с доверием относиться к содержащимся в них хронологическим указаниям»⁸². Однако столь точная хронометрия сражения в памятниках Куликовского цикла вызывает определенные сомнения. Во-первых, ранние произведения ее не знают. Во-вторых, как предположил В. Н. Рудаков, находясь за пределами русских княжеств, там, где нет церквей и, стало быть, служб и колокольного звона, участники событий не могли точно вычислить время⁸³. Правда, В. Н. Рудаков не учел того факта, что русские войска традиционно сопровождалась священнослужителями и, следовательно, службы велись, а соответственно, определялось и время

⁸⁰ Там же. С. 125, 181.

Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 50.

Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 19.

Рудаков В. Н. «Духъ южный» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище». С. 145–146.

(хотя, по всей видимости, и приблизительно). Тем не менее четкое определение времени сражения с 6-го по 9-й час наводит на мысль о сакральном значении данного упоминания. Ведь именно с 6-го по 9-й час происходила мученическая смерть Иисуса. И таким образом кровопролитное сражение на Куликовом поле должно было приравниваться к искупительной жертве Христа⁸⁴. В то же время говорить о том, что хронология битвы – полностью плод фантазии книжников позднего времени, преждевременно. Ведь, имея в распоряжении достоверные сведения, авторы ранних источников могли посчитать их незначимыми (незначительными) и потому предпочли не помещать в текст своих сочинений. В то же время составители более поздних произведений могли придать им сакральное толкование, внося евангельские символы, придав им тем самым значимость и, соответственно, необходимость их включения в состав повествования.

Итак, о ходе битвы, используя сведения сохранившихся источников, с большей или меньшей надежностью можем заключить следующее: 1) в ночь с 7 на 8 сентября 1380 г. русские войска форсировали Дон. По всей вероятности, целью переправы было преградить путь войскам Мамаю, спешно двигавшимся по правому берегу Дона, создавая тем самым угрозу их обхода с тыла и прорыва противника в незащищенные центральные районы страны; 2) русские войска могли быть разделены на пять полков с выделением засадного полка. Вероятно, Мамай ввел свои войска в бой традиционным, насколько позволял ландшафт, для кочевников построением: центр и два крыла. Возможно также наличие авангарда (сторожевого полка) и арьергарда (резерв). Однако данное суждение следует отнести к разряду гипотез; 3) непосредственно бой начался со столкновения сторожевых полков, а затем последовало столкновение основных сил противников. Причем, судя по данным «Летописной повести», атака носила обоюдный характер; 4) свидетельства источников позволяют утверждать, что прорвать оборону русских войск в каком-либо одном месте ордынцам не удалось. Однако русские полки постепенно начали терять свои позиции, медленно отступать, а на ряде участков наблюдалось и бегство («Москвичи же мнози небывальци то видевши, устрашишася и живота отчаявшеся, и на беги обратившеси, и побегоша»⁸⁵), правда, назвать

⁸⁴ Гнеушев А. А. Хронология Куликовской битвы: герменевтический анализ памятников «Куликовского цикла» // Новик. Воронеж, 2001. Вып. 5. С. 79–83.

⁸⁵ ПКЦ. С. 76.

его паническим нельзя; 5) исход битвы решило введение в бой общего резерва, который традиционно рассматривается как атака засадного полка. Именно появление на поле боя свежих воинов позволило русским войскам перейти в контрнаступление по всему фронту. Ордынцы сначала отступили, а затем побежали. Преследование противника осуществлялось до р. Мечи, где был захвачен обоз противника.

Литовскому князю Ягайло не хватило до места битвы порядка 130–140 км. Его войска остановились под Одоевом⁸⁶. Правда, «Летописная повесть» отмечает, что Ягайло «не поспеша на сродь за малымъ, за одино днище или и менши»⁸⁷. Следовательно, войска ВКЛ и Куликово поле разделяло 25–30 км – один дневной переход пешего войска или 55–60 км – для всадника.

Показательно, что в Сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг. отмечено, что Ягайло «увернулса за 30 верст»⁸⁸. Однако не исключено, что свидетельство о разделении литовских и русских войск расстоянием равным одному дневному переходу относится не к битве 8 сентября, а к более позднему времени, когда союзные Дмитрию Московскому войска возвращались в свои княжества и подверглись грабежу литовцев.

В частности, в немецких хрониках сохранились свидетельства о подобном нападении войск ВКЛ: «Когда они (победители – русские. – *Авт.*) отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и <литовцы> отняли у русских их добычу и убили их много на поле»⁸⁹. Тем не менее данные свидетельства русских письменных памятников позволили А. К. Зайцеву предполагать расположение войск Ягайло где-то в районе Волова, у истоков Непрядвы, Мечи и Упы⁹⁰. В данной ситуации Олег Иванович предпочел ничего не предпринимать. Таким образом, разгром войск Мамаевой Орды способствовал развалу опасной для Москвы коалиции ВКЛ, Орды и Рязанского великого княжества. Это избавило великого князя Дмитрия Ивановича сразу от трех противников.

⁸⁶ ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 127, 157.

⁸⁷ ПКЦ. С. 39.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 253, 332.

⁸⁹ Detmar-Chronik von 1101–1395 mit der Fortsetzung von 1395–1400. S. 568.

⁹⁰ Зайцев А. К. Историко-географическое исследование района Куликова поля. С. 195.

ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Преследование ордынских войск продолжалось до р. Мечи, однако силы Мамаю не были полностью уничтожены. Темник нашел прибежище в крупнейшем торговом городе своего Крымского улуса – Кафе. Здесь ему удалось в кратчайшие сроки собрать новые войска, с которыми он, по данным русских источников, планировал новое вторжение на Русь. Но «приде к нему весть, что идет на него некий царь с востока именем Тактамыш». Мамай был вынужден изменить планы и направить свою армию против нового врага. Оба войска встретились на р. Калке – той самой реке, на берегах которой монгольские войска за 157 лет до того впервые разгромили разрозненные силы князей Руси. Битвы между войсками хана Токтамыша и Мамаю не произошло. Подчинявшиеся крымскому темнику князья «спешше с конев своих и биша челом царю Тактамышу... и яшася за него». Видимо, это решение ордынской аристократии было вызвано гибелью хана Тюляка, от имени которого правил темник. Мамай остался без армии и бежал в Кафу, по всей видимости, надеясь нанять там новое войско. Но владевшие городом итальянские купцы предпочли не ссориться с Токтамышем. Мамай был ими убит¹.

Великий князь Дмитрий Иванович и все русское войско встали на месте ордынского стана («на обедницах поганых»)². Ратники, окончив преследование противника, собирались под свои знамена³.

Красочно описывая ситуацию после боя, автор «Сказания о Мамаевом побоище» отмечал, что победители утерли пот свой и, отдохнув, вознесли великое благодарение Богу⁴. Князь Владимир Андреевич,

ПКЦ. С. 41; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 129, 131, 187, 189; и др.

² ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 129.

³ Там же. С. 181.

⁴ Там же. С. 129.

стоя под великокняжеским стягом, призвал к себе литовских князей Ольгердовичей и приказал трубить сбор. Примерно через час собрались почти все уцелевшие воины, но среди них не было великого князя. Всех охватила тревога. Достигнутая такой высокой ценой победа могла обратиться ничем, поскольку среди них не было человека, который мог бы использовать ее плоды на благо Руси. Владимир Андреевич отправился разыскивать двоюродного брата. Князь ездил по полкам, расспрашивая ратников, не видел ли кто великого князя Дмитрия Ивановича. В печали серпуховской князь произнес: «Если пастух погиб – и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?» Князя Андрей и Дмитрий Ольгердовичи утешали его, говоря, что, возможно, великий князь жив, но ранен и лежит где-то среди павших. Из расспросов участников битвы удалось восстановить почти все действия Дмитрия Ивановича до начала общего наступления русских полков. Появилась надежда, что он жив. Князь Владимир Андреевич послал по всем направлениям Куликова поля воинов, повелев им найти великого князя.

Страшно было смотреть на поле, где трупы навалены, как стога сена, а кровь собиралась в лужи, три дня наполняя собой реки. Наконец, победитель был найден лежащим в тени сломленной березы. Собравшиеся князья и воеводы оказали ему помощь. Великий князь осмотрел ряды своего войска. Он поблагодарил живых и объехал Куликово поле, прощаясь с теми, кто пал в бою. Великий князь повелел каждому воину похоронить своего убитого ближнего, не оставляя их тела на растерзание зверям и птицам. Одновременно шел подсчет живым и мертвым. Итак, ликуя о победе и скорбя о потерях, стояли русские полки на месте битвы восемь дней⁵.

По всей видимости, данные сентенции «Сказания» были направлены на подчеркивание особого символизма одержанной победы, которая не могла расцениваться как полная без наличия живого главы православного войска – символа Божественного покровительства. Вряд ли, таким образом, они отражают реальное положение дел.

Исходя из сообщения «Сказания о Мамаевом побоище» о том, что великий князь повелел выступить в обратный путь на Воздвижение Креста Господня, то есть 14 сентября, можно думать, что древнерусский книжник, указывая на восьмидневное стояние русских войск «на костях», начал отсчет срока не с момента победы над татарами, а с их

⁵ Там же. С. 129, 181, 183, 185, 187.

прибытия на поле битвы в ночь с 7 на 8 сентября. В таком случае с Куликова поля полки должны были выступить только на следующий день после приказа – 15 сентября.

На восьмой день пути войска великого князя пришли в Коломну (21 сентября). Великий князь Дмитрий Иванович пробыл в Коломне 4 дня и выступил из города в пятый день на память святой Евфросинии. Она отмечалась 25 сентября⁶. К Андронникову монастырю под Москвой русские полки подошли на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, т. е. 1 октября⁷. Причем при датировке событий автор явно использовал традицию «включающего счета», когда в количественные данные включались дни начала и завершения события, как «полные» сутки счета⁸.

Радостная весть летела по Русской земле, обгоняя возвращающиеся войска. Гонцов с сообщением о победе великий князь Дмитрий Иванович отправил сразу же, и они достигли Коломны на следующий день, в воскресенье, на память Иоакима и Анны⁹. 11 сентября, в день памяти Феодоры Александрийской, радостное сообщение достигло Москвы¹⁰.

Возвращаясь с Донского побоища, ратники гнали с собой бесчисленные табуны коней, караваны верблюдов, стада волов, везли доспехи, одежды и товары, захваченные у побежденных¹¹. Эта добыча соблазнила рязанского великого князя Олега Ивановича и всех, кто поехал восвояси через его отчину Рязанскую землю. Несмотря на то, были они бояре или слуги, он приказал хватать и грабить победителей и обобранными до нитки отпускать. Очевидно, это событие носило массовый характер, поскольку в московско-рязанских договорах 1381 и 1402 гг. поднимался вопрос о возвращении захваченного имущества и отпуске на свободу людей, возвращавшихся с Дона домой после битвы¹². Таким образом, память о грабеже рязанцев сохранялась в древнерусском обществе и находила отголоски в актовом материале.

Сообщая московскому великому князю о грабеже рязанцами его людей, бояре не вполне точно «поведаша князю великому, что князь

⁶ ПКЦ. С. 180, 221.

⁷ Там же. С. 193, 221–222.

⁸ *Аверьянов К. А.* О местонахождении митрополита Киприана в 1380 г. С. 192–193.

⁹ ПКЦ. С. 108, 130, 133.

¹⁰ Там же. С. 186–187, 220.

ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 129.

¹² ПКЦ. С. 62

Олег рязанский посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на реках мосты переметаль»¹³. Желая покарать противника, великий князь Дмитрий Иванович хотел послать рать против великого князя Олега Рязанского. Однако неожиданно приехали его бояре и поведали, что он оставил землю свою и бежал вместе с княгиней, детьми и частью бояр в ВКЛ. Обращаясь к Дмитрию Ивановичу, рязанцы «молиша его много о семь, дабы на них рати не посылалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь же послуша их и приимъ челобитье их, рати на них не посла, а на Рязанскомъ княжении посади своя наместники»¹⁴.

Таковы непосредственные итоги битвы на Куликовом поле.

Однако битва «на Дону, на Непрядве» имела много далекоидущих последствий. В первую очередь, необходимо определить военное значение победы московского великого князя. Этому может помочь сравнение Куликовской битвы с другими военными столкновениями Руси и Орды. В первой половине XIV в. русско-ордынские конфликты не выбивались из ряда столкновений более раннего времени (с момента установления ордынского ига).

В частности, в рамках борьбы за Владимирское великое княжение между правителями Твери и Москвы и та и другая сторона не гнушалась приводить на Северо-Восточную Русь ордынские полки.

Так, например, в 1315 г. владимирский великий князь Михаил Ярославич Тверской в рамках борьбы за новгородский престол, который тогда занимал его противник великий князь Юрий Данилович Московский, пришел к Торжку в сопровождении ордынского отряда.

В результате боя, который произошел 4 февраля 1316 г., новгородские войска, которые возглавляли младший брат Юрия – князь Афанасий Данилович и князь Федор Ржевский, тверичи одержали убедительную победу. По данным Тверской летописи, в этой битве новгородцев погибло более тысячи человек¹⁵. В результате переговоров с побежденными великий князь Михаил Ярославич занял желанный престол, а жители Новгорода выплатили ему контрибуцию в 5 тысяч гривен серебра¹⁶.

ПКЦ. С. 81.

Там же. С. 81; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 129, 189.

ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529; Т. 3. С. 94–95; Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 239; Т. 5. С. 206; Т. 7. С. 187; Т. 10. С. 179; Т. 15. Стб. 408; Т. 15. Вып. 1. Стб. 36; Т. 16. Стб. 60–61; Т. 17. Стб. 29; Т. 18. С. 88; Т. 23. С. 97–98; Т. 24. С. 107; Т. 25. С. 160; Т. 26. С. 98; Т. 30. С. 102.

¹⁶ Там же. Т. 10. С. 179.

Однако в 1317 г. политическая ситуация резко изменилась. Юрий Данилович заключил брак с сестрой Узбека. Тем самым ему удалось добиться влияния на ордынского хана. В 1317 г. Юрий Данилович при поддержке ордынских войск во главе с эмиром Кавгадьем вторглись в пределы владений союзников Михаила Ярославича. Правитель Твери был вынужден признать переход Владимирского великого княжения в московские руки, но при условии неприкосновенности его отчины – Тверского великого княжества. Отступив в Тверь, великий князь Михаил Ярославич «заложил большой град кремник»¹⁷. Не доверяя, очевидно, обещаниям великого князя Юрия Даниловича и Кавгадыя, он начал готовиться к обороне.

Его опасения оказались не напрасны. Юрий Данилович в сопровождении ордынских войск и своих русских союзников начал вторжение в Тверское великое княжество, где «много зла творяху»¹⁸. Кроме того, предполагалось, что новгородцы должны были вторгнуться в пределы владений Михаила Ярославича с севера. Однако Михаил стремительным маршем неожиданно для них появился под Торжком и вновь нанес поражение новгородцам, которые в этом бою потеряли около 200 человек. Вернувшись в Тверь, Михаил Ярославич собрал военные силы со всех своих городов и 22 декабря 1317 г. в битве у с. Бортенева разгромил войска князей Северо-Восточной Руси, заставив ордынский отряд Кавгадыя выйти из боя и укрыться в лагере¹⁹.

На фоне данных событий происходили менее масштабные вторжения ордынцев. В 1316 г. они «много зла сотвориша Ростову»²⁰. В 1318 г. «прииде из Орды посол лют именем Кокча». У Костромы он убил 120 человек, а затем «весь Ростов повоева ратью»²¹. В 1320 г. к великому князю Юрию Даниловичу пришел из Орды посол Байдеры, который «много зла учиниша в Володимери»²². В 1322 г. «прииде из Орды князь Иван Данилович, а с ним посол силен зело именем

¹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 180–181.

¹⁸ НПЛ. С. 95–96, 337–338; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529; Т. 3. С. 466–467, 579; Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 243; Т. 5. С. 207; Т. 7. С. 187–188; Т. 10. С. 180–181; Т. 15. Стб. 409–410; Т. 15. Вып. 1. Стб. 37–38; Т. 16. Стб. 61–62; Т. 17. Стб. 29; Т. 18. С. 88; Т. 23. С. 98; Т. 24. С. 107–108; Т. 25. С. 161; Т. 26. С. 98; Т. 30. С. 103; и др. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 410.

Там же. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529; Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 243; Т. 5. С. 206; Т. 7. С. 187; Т. 16. Стб. 61; Т. 24. С. 107; Т. 25. С. 161; Т. 26. С. 98; и др.

Там же. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529; Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 243; Т. 5. С. 207; Т. 7. С. 188; Т. 10. С. 181; Т. 17. Стб. 29; Т. 18. С. 89; Т. 23. С. 99; Т. 24. С. 108; Т. 25. С. 161; Т. 26. С. 98; Т. 30. С. 103; и др.

²² Там же. Т. 10. С. 187.

Ахмыл». Пройдя по городам Владимиро-Суздальской земли, он «град Ярославль взяша и сожгоша и много полона бесчисленно взя»²³. Лишь вмешательство потомков царевича Петра Ордынского уберегло от разорения Ахмыловой рати город Ростов.

Зимой 1327/28 г. 50-тысячная ордынская армия при поддержке князей Северо-Восточной Руси разорила Тверское великое княжество. Данная военная операция была мезтью хана Узбека за антиордынское восстание в Твери в августе 1327 г., во время которой погиб его двоюродный брат Чол-хан²⁴. Этот поход надолго подорвал политическую и экономическую мощь Твери. Она надолго выбыла из борьбы за Владимиро-Суздальское великое княжение.

Во время княжения Ивана I Даниловича Калиты «бысть тишина великая по всей Русской земле на 40 лет, и пересташа татарове воевати Русскую землю»²⁵. Однако данные слова, по-видимому, прежде всего следует относить к Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской земле. Дело в том, что уже к зиме 1333/34 г. летописцы относят очередной поход ордынцев на Смоленск. При поддержке ордынцев брянский князь Дмитрий штурмовал город. По данным Никоновского свода 1520-х гг., князь Дмитрий Брянский и Иван Смоленский «бившася много» и «взяша мир». Рогожский летописец 1440-х гг. заметил, что брянский князь просто «взяша мир»²⁶.

В 1339 г. войска Орды во главе с эмиром Тоглу-беом (Товлублием), усиленные московскими, владими́ро-суздальскими, рязанскими, ростовскими, юрьевскими и полками других русских князей, вновь оказались под стенами Смоленска, правитель которого признавал сюзеренитет ВКЛ. Мощная коалиция «стояша у града немного, дни 8, и поидоша прочь граду не успевшее ничто же»²⁷.

Там же. Т. 1. Вып. 3. Стб. 530; Т. 3. С. 96, 339, 457; Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 244; Т. 5. С. 261; Т. 6. Вып. 1. С. 382, 397; Т. 7. С. 198; Т. 10. С. 188; Т. 15. Стб. 414; Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; Т. 16. Стб. 63; Т. 17. Стб. 29; Т. 18. С. 89; Т. 23. С. 101; Т. 24. С. 114; Т. 25. С. 157; Т. 26. С. 107; Т. 30. С. 103; Т. 37. С. 71; и др.

Там же. Т. 1. Вып. 3. Стб. 530; Т. 3. С. 466–467; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 260–261; Ч. 2. Вып. 1. С. 243; Т. 5. С. 217; Т. 7. С. 200; Т. 10. С. 194; Т. 15. Стб. 415–416; Т. 15. Вып. 1. Стб. 42–43; Т. 17. Стб. 30; Т. 23. С. 102; Т. 24. С. 115; Т. 25. С. 168; Т. 26. С. 111; Т. 30. С. 104; Т. 37. С. 71, 166; и др.

Там же. Т. 10. С. 209; Т. 15. Вып. 1. Стб. 44; Т. 18. С. 90; и др.

Там же. Т. 10. С. 206–207; Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.

Там же. Т. 1. Вып. 3. Стб. 531; Т. 5. С. 254; Т. 6. Вып. 1. С. 411, 412, Т. 7. С. 206; Т. 10. С. 211; Т. 15. Стб. 421; Т. 15. Вып. 1. Стб. 51–52; Т. 16. Стб. 73; Т. 17. Стб. 125; Т. 18. С. 93; Т. 23. С. 105; Т. 24. С. 117; Т. 25. С. 172; Т. 26. С. 113; Т. 30. С. 106. Т. 37. С. 72; и др.

В 1342 г. пронский князь Ярослав Александрович добился у хана ярлыка на Рязанское великое княжение. В сопровождении ордынского отряда он вторгся в его пределы и овладел Переяславлем-Рязанским, где «много зла сотвори христианом, иных уби, а иных плени», заставив его правителя Ивана Ивановича Коротопола бежать из города²⁸.

Таким образом, большинство военных акций того времени было подконтрольно центральной власти в Орде и не носило исключительно грабительский характер.

Ситуация резко изменилась в период «великой замятни» в Орде. В первую очередь, в это время растет число военных набегов на Русь из ордынских улусов. Летом 1365 г. князь Тагай совершил набег на Рязанское великое княжество. Ему легко удалось захватить Переяславль и разорить его окрестности. В 1367 г. болгарский князь Булат-Темир совершил набег на владения городецкого князя Бориса Константиновича. Однако в обоих случаях войска улусных князей при возвращении в степь были разгромлены ратями русских князей²⁹.

В это время новгородские ушкуйники начинают активно грабить территорию поволжских улусов Орды. В 1361 г. они приплыли к болгарскому городу Жукотина (Джаке-тау), который был ими захвачен и разграблен³⁰. Летом 1374 г. ушкуйники спустились на судах от Вятки к Булгару, разграбили его посад и взяли «окуп» с города размером в 300 рублей. После этого около 800 ушкуйников на 50 ушкуях спустилось до Сарая-Берке, разорив поселения на берегах р. Волги. В августе 1375 г. две тысячи ушкуйников осуществили новый набег в Поволжье. Ограбив первоначально ряд русских городов, включая Кострому и Нижний Новгород, ушкуйники спустились до Булгара. Здесь они продали пленников. Из Булгара они доплыли до Астрахани, собрав огромные трофеи. Потеряв бдительность, они были по частям истреблены по приказу местного ордынского князя³¹.

При этом русские князья под давлением противоборствующих в Орде сторон начинают вмешиваться в дела соседствующих с ними улусов. Осенью 1370 г. нижегородско-суздальские войска под коман-

²⁸ ПСРЛ. Т. 7. С. 209; Т. 10. С. 215; Т. 15. Вып. 1. Стб. 54; Т. 18. С. 94; Т. 23. С. 107; Т. 24. С. 118; Т. 25. С. 174–175; и др.

²⁹ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 231; Т. 6. Вып. 1. С. 438; Т. 8. С. 14; Т. 11. С. 9; Т. 15. Вып. 1. Стб. 85; Т. 16. Стб. 93; Т. 23. С. 106; Т. 20. СПб., 1910. Ч. 1. С. 192; Т. 23. С. 114; Т. 24. С. 124; Т. 30. С. 116; и др.

Там же. Т. 10. С. 232; Т. 15. Вып. 1. Стб. 69.

Там же. Т. 11. С. 20–21; Т. 15. Вып. 1. Стб. 109; Т. 18. С. 115; Т. 24. С. 130; Т. 25. С. 190; Т. 30. С. 120; и др.

дованием князей Бориса Константиновича и Василия Дмитриевича Кирдяпы ходили в поход на Булгарский улус. Их сопровождал посол Мамаю Ачи-ходжи. Глава мятежного улуса князь Хасан сдался без боя. В Булгаре вокняжился новый правитель – Мамат-Салтан³².

В начале 1377 г. войска князей Северо-Восточной Руси во главе с московским воеводой князем Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским, князьями Василием и Иваном Дмитриевичами напали на Булгарский улус. В данном случае поход был инициативой русских князей, боровшихся против Мамаевой Орды и ее ставленников³³.

Во время этого военного противостояния в августе 1377 г. войска князей Северо-Восточной Руси потерпели чувствительное поражение в битве на р. Пьяне³⁴. Следствием этого стал приход на окраину Нижегородско-Суздальского княжества ордынцев. В конце августа «пришед прежереченный Арапша и пограби Засурье и огнем пожже и отъиде с полоном...»³⁵.

Однако уже в 1378 г. наступил перелом в пользу Руси. Правда, сначала удача улыбнулась войскам темников. Летом 1378 г. во время стремительного набега они овладели Нижним Новгородом (24 июля) и ограбили его окрестности³⁶. Другая рать под командованием князя Бегича была направлена против Московского великого княжества, но достичь его не смогла. В пределах Рязанского великого княжества в битве на р. Воже ордынцы потерпели сокрушительное поражение³⁷.

Таким образом, в XIV в. походы ордынцев на княжества и земли Руси в 1315, 1316, 1322, 1327, 1334 и 1342 гг., так или иначе, были связаны с внутрирусскими усобицами. В 1318 и 1320 гг. в рамках ордынских посольств были разграблены территории отдельных русских

³² Там же. Т. 6. Вып. 1. С. 445; Т. 8. С. 17; Т. 11. С. 9; Т. 15. Вып. 1. Стб. 92; Т. 18. С. 159.

Там же. Т. 6. Вып. 1. С. 445; Т. 8. С. 24–25; Т. 11. С. 24–25; Т. 15. Вып. 1. Стб. 116–117; Т. 18. С. 117–118; Т. 25. С. 192; и др.

³⁴ НПЛ. С. 375; ПСРЛ. Т. 4. С. 307–309; Т. 5. С. 236; Т. 8. С. 25–26; Т. 11. С. 27–28; Т. 15. Стб. 436–437; Т. 15. Вып. 1. Стб. 118–119; Т. 16. Стб. 104–105; Т. 18. С. 118–119; Т. 23. С. 120–121; Т. 24. С. 134; Т. 25. С. 193; Т. 26. С. 124; Т. 27. С. 70–71; С. 248–249, С. 330–331; Т. 30. С. 122–123; Т. 37. С. 75; и др.

ПСРЛ. Т. 8. С. 25–26; Т. 11. С. 27–29; Т. 25. С. 193; Т. 27. С. 70–71; и др.

Там же. Т. 11. С. 42; Т. 15. Вып. 1. Стб. 133–134; Т. 18. С. 126–127; Т. 23. С. 124; и др.

НПЛ. С. 375; *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 415–416; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 536; Т. 4. Ч. 1. С. 309–310; Т. 5. С. 237; Т. 8. С. 32–33; Т. 11. С. 42–43; Т. 15. Стб. 439; Т. 15. Вып. 1. Стб. 134–136; Т. 16. Стб. 105–107; Т. 17. Стб. 40; Т. 18. С. 126–127; Т. 23. С. 124; Т. 24. С. 141–142; Т. 25. С. 199–200; Т. 26. С. 124–125; Т. 30. С. 128; Т. 37. С. 75; ПЛДР. XIV – середина XV в. С. 92–94; и др.

княжеств. В 1339, 1375, 1377 и 1378 гг. ордынские войска совершали карательные экспедиции в пределы пограничных земель Руси. Исключительно грабительские цели преследовали набеги в 1365, 1367, 1373, 1377 и 1378 гг. (Араб-шах).

Между тем с начала 1360-х гг. и русские войска постепенно начинают выдвигаться на территорию ордынских улусов. В 1370 и 1377 гг. они совершили поход на Булгар. В 1361 и 1375 гг. новгородские ушкуйники ограбили территорию нескольких улусов Орды вдоль р. Волги.

Важным последствием Куликовской битвы стал тот факт, что, победив Мамаю, Токтамыш разослал послов, «поведаая... свой приход, как сел на царстве и победил спорника своего и их врага Мамаю победи». Русские князья, в том числе и Дмитрий Иванович Донской, «посла его отпустиша с честью и дары». А весной 1381 г. «послаша в Орду ко царю кииждо своих киличеев со многими дары»³⁸.

Летом 1381 г. хан Токтамыш отправил Ачи-Ходжу «къ великому князю Дмитрию Ивановичю и къ всемъ князем Русскимъ»³⁹. Однако этот ордынский посол доехал лишь до Нижнего Новгорода. Испугавшись чего-то, он вернулся в Орду. Это событие имело большие последствия.

Летом 1382 г. земли Владимирского, Московского и Рязанского великих княжеств подверглись ордынскому разорению. Поход возглавил лично хан Токтамыш. Его целью стало принуждение московского великого князя выполнять свои вассальные обязательства. В конце августа 1382 г. Москва была захвачена ордынцами обманом, сожжена и разграблена.

Впрочем, осенью 1382 г. в Москву прибыл ханский посол Карач «о миру и с жалованием от царя».⁴⁰ В то же время надо полагать, что посол прибыл к великому князю Дмитрию Ивановичу не только для налаживания переговорного процесса. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что 5 сентября 1382 г. в Орду отправился тверской великий князь Михаил Александрович⁴¹. Военное поражение московского великого князя в противостоянии с Токтамышем оживило попытки правителя Твери вновь включиться в борьбу за

³⁸ ПКЦ. С. 41.

³⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 131. В Московском летописном своде конца XV в., восходящем к своду 1479 г., сохранилась важная подробность: «зовущи их в Орду» (Там же. Т. 25. С. 206).

⁴⁰ Там же. Т. 25. С. 210.

⁴¹ Там же. Т. 15. С. 147, 442.

Владимирское великое княжение. В ответ 23 апреля 1383 г. великий князь Дмитрий Иванович отправил в Орду своего сына князя Василия Дмитриевича «з дары и со мною честию»⁴², «тягаться с великим князем Михаилом Тферским о великом княжении»⁴³. Хан Токтамыш оставил Владимирское великое княжение правителю Москвы, но его старший сын был вынужден остаться в Орде как заложник.

Итак, Токтамышева рать на Руси и разорение ею Москвы в 1382 г. привели к восстановлению подчинения русских княжеств Орде. Тем не менее ее законный (в отличие от Мамаю) правитель окончательно признал главенствующее положение Москвы в системе княжеств Северо-Восточной Руси⁴⁴. Прямым следствием этого стали передача Дмитрием Ивановичем своему сыну Василию I Дмитриевичу по завещанию Владимирского великого княжения как «отчины» и выдача ему ярлыка в 1389 г. Произошло окончательное его включение в состав отчины московских великих князей, что ранее не признавали ни законные ханы Орды, ни «нелегитимный» Мамай⁴⁵. Это важное событие заложило основу государственной территории будущей России.

В то же время Токтамыш осознавал неустойчивость своей власти на Руси. Поэтому в его ставке остались и долгое время удерживались в качестве почетных заложников сыновья великих князей Северо-Восточной Руси: Василий Дмитриевич Суздальский, Василий Дмитриевич Московский, Александр Михайлович Тверской и Родослав Ольгович Рязанский⁴⁶. Впервые в истории русско-ордынских отношений великий хан пошел на такой шаг.

Войны княжеств Северо-Восточной Руси под предводительством правителя Владимирского и Московского великих княжеств сначала с Мамаем, а затем с Токтамышем в конце 1380-х гг. поставили вопрос об их независимости от Орды. Впервые в княжеских актах: завещании Дмитрия Ивановича Донского и его договорной грамоте с Владимиром Андреевичем Серпуховским – допускается возможность их самостоятельного существования от Орды («А оже ны Бог избавит ослобонит

Там же. Т. 11. С. 81.

Там же. Т. 25. С. 211.

Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV века: причины, особенности, результаты // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир: Сб. тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка. М., 1998. С. 33.

Горский А. А. Москва и Орда. С. 118.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146, 148, 149, 153.

от Орды...»⁴⁷). При этом в духовной грамоте великого князя даже предусматривалось распределение удержанной от Орды дани между его сыновьями: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть»⁴⁸. Ранее, на протяжении второй половины XIII и почти всего XIV в., у князей не возникало даже мысли о возможности независимого существования Руси (по крайней мере, никаких следов попыток освобождения княжеств в источниках не сохранилось).

Показательно, что уже автор наиболее раннего произведения Куликовского цикла, «Задонщины», отражая общественное мнение на Руси, вкладывает в уста бегущих с Куликова поля ордынцев следующие слова: «А в Русь ратью нам не хаживати, а *выхода нам у русских людей не прашивать* (курсив мой. – Авт.)»⁴⁹. Данное упоминание о прекращении выплаты дани явно перекликается с положениями второй духовной грамоты великого князя Дмитрия Донского и его договорной грамоты с Владимиром Андреевичем Серпуховским, о которых говорилось выше⁵⁰. Данные примеры наглядно иллюстрируют укоренение в общественном сознании русских людей мысли о возможности освобождения своей страны от зависимости Орды. Это явление было результатом прежней победы русских князей на Куликовом поле.

Необходимо также обратить внимание на то, что после событий 1380 г. значительно изменилась расстановка политических сил в Восточной Европе.

И. Б. Греков справедливо заметил, что победа на Куликовом поле, «значительно ослабив Орду, создала в Восточной Европе качественно новую политическую ситуацию»⁵¹. В первую очередь стали реализовываться искусственно сдерживавшиеся до сих пор объединительные процессы на Руси. Военно-политический успех Дмитрия Донского в 1380 г. означал получение им огромного перевеса в неустойчивом равновесии между Калитовичами и Ольгердовичами, превращая Владимирское и Московское великие княжения в ведущую силу для политической консолидации русских земель.

⁴⁷ ДДГ. № 11. С. 31.

⁴⁸ Там же. № 12. С. 36.

⁴⁹ ПКЦ. С. 118.

⁵⁰ ДДГ. № 11. С. 31.

⁵¹ Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. С. 135.

Изменилось и положение литовского кандидата на Русскую митрополию архиепископа Киприана. До сентябрьских событий 1380 г. он являлся активным критиком церковной политики великого князя Дмитрия Ивановича. Киприан был конкурентом московских ставленников на Русскую митрополию. Поэтому он негативно воспринимался властями Москвы. Между тем после смерти Михаила-Митяя и победы на Куликовом поле Москва превратилась в главный центр объединения Руси. Киприан, олицетворявший собой идею воссоздания общерусской митрополии⁵², становится естественным союзником Дмитрия Ивановича Донского. В мае 1381 г. по личному приглашению правителя Москвы Киприан торжественно въехал в его стольный город. Он стал митрополитом, власть которого признавала вся Русь. И вполне закономерно, «что в этих условиях изменились отношения Москвы с Рязанью, Тверью, Великим Новгородом, возможно, даже с Нижним Новгородом»⁵³.

Так, например, известно, что московско-рязанские отношения были недружелюбными накануне и во время Куликовской битвы. Об этом наглядно свидетельствуют данные летописей и договор, заключенный между правителями Москвы и Переяславля-Рязанского в 1381 г. В заключительной части документа в первую очередь декларировалось прекращение между ними соперничества. При этом великие князья провозглашали необходимость сотрудничества друг с другом. Правда, Олег Иванович должен был теперь выступать в качестве «молодшего» брата Дмитрия Ивановича и следовать во всем в рамках московской политики. Этот договор особенно выделял роль Москвы в отношениях с Ордой и подчеркивал новое положение Рязанского великого княжества: «А с татары аже будет князю великому Дмитрию миръ и его брату, князю Володимеру, или данье, ино и князю великому Олгу миръ или данье с одиного со княземъ с великимъ з Дмитреемъ. А будет немиръ князю великому Дмитрию и брату его, князю Володимеру, с татары, князю великому Олгу быти со княземъ с великимъ сь Дмитриемъ и сь его братомъ с одиного на татаръ и битися с ними»⁵⁴.

Подробнее об этом см.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. С. 135.

ДДГ. № 10. С. 29–30. О датировке акта подробнее см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 245–249.

В это время изменился характер отношений Москвы и с Великим Новгородом. Согласно наблюдениям И. Б. Грекова, «если в 1379 г. на берегах Волхова присутствовал, как мы знаем, представитель Литовско-Русского княжества Юрий Наримантович, то в 1381 г. его здесь уже не было; зато тогда уже были восстановлены отношения Великого Новгорода с великим князем московским... О сближении Москвы с Великим Новгородом в 1381 г. говорит и факт закладки в этом же году на новгородской территории церкви Св. Дмитрия»⁵⁵.

Менее ясны отношения Москвы и Нижнего Новгорода. Как заметил И. Б. Греков, «у нас есть лишь косвенные данные о возможно намечавшемся в ту пору сближении суздальских князей с московским правящим домом». Некоторое прояснение позиции правителя Нижнего Новгорода дают известия о положении суздальского архиепископа Дионисия в эти годы. Так, И. Б. Греков считал, что, «если в период, предшествовавший Куликовской битве, Дионисий, поддержанный Ордой и нижегородскими князьями, энергично добивался предоставления ему митрополии всяя Руси (Царьград тогда отклонил эти претензии, санкционировав сосуществование двух других митрополитов – московского Пимена и литовско-русского Киприана), то в послекуликовский период, когда реальным главой всей русской церкви оказался Киприан Дионисий, находясь сначала в Константинополе, а потом в Новгороде Великом, оставался скромным епископом Суздальским, поддерживавшим тесные связи с Нижегородским княжеством, сохранявшим лояльное отношение к Киприану и подтверждавшим этим существование такого же отношения нижегородских князей к Москве»⁵⁶.

Есть основания полагать, что Куликовская битва содействовала сближению Москвы и с рядом политических группировок в ВКЛ. Во многом именно с результатом изменившегося в 1380 г. соотношения сил в Восточной Европе надо связывать новый этап борьбы жителей Полоцкой земли летом 1381 г. против ставленника великого князя Ягайлы – Скиргайло.

Прямых свидетельств о поддержке Полоцка со стороны Москвы в источниках как будто нет. Тем не менее И. Б. Греков основываясь на наблюдениях российской и польской историографии, справед-

⁵⁵ Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. С. 136–137.

⁵⁶ Там же. С. 139–140.

ливо заметил, что «у нас есть основания считать, что московская поддержка все же была оказана как Полоцку, так и князю Полоцкой земли Андрею Ольгердовичу». Исследователь обращает внимание на тот факт, что эта помощь могла получить «юридическое оформление в том недатированном договоре Дмитрия Донского и Андрея Полоцкого, сведения о котором сохранились в описи архива Посольского приказа 1626 г.»⁵⁷. По мнению И. Б. Грекова, в «пользу датировки этого договора 1381 г. говорит не только маловероятность его заключения в предшествующий период⁵⁸, когда Андрей Полоцкий был либо политическим союзником Ольгерда (до 1377 г.), либо князем-эмигрантом в Москве (в 1379–1380 гг.), не только фиксируемое источниками восстановление в 1381 г. влияния Андрея Ольгердовича в Полоцкой земле, вряд ли достижимое в тех условиях без поддержки московского князя, но и развитие последующих событий в Великом княжестве Литовском, особенно осенью 1381 г. и в начале 1382 г.»⁵⁹.

Именно с соглашением между великими князьями Дмитрием Московским и Андреем Полоцким И. Б. Греков склонен связывать внутривосточную активизацию великого князя Кейстута Гедиминовича. В октябре 1381 г. он открыто выступил против Ягайло. Кейстут заставил своего племянника отказаться от великокняжеского престола в свою пользу. Став правителем Вильно, Кейстут и Дмитрий Московский заключили между собой союзный договор. Согласно его статьям, Ржевское княжество вернулось под сюзеренитет Москвы. Те же статьи уточняли московско-литовские рубежи⁶⁰.

Таким образом, фактически на протяжении почти двух лет после Куликовской битвы политическая обстановка в Восточной Европе оказывалась чрезвычайно благоприятной для политической консолидации земель Руси. Тем не менее, говоря о происходившем после Куликовской битвы процессе объединения русских земель, нельзя забывать, что он протекал неравномерно. И. Б. Греков подчеркивал, что «сначала в условиях полного ослабления власти Орды над Русью,

Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 34–35.

О датировке договора см.: *Греков И. Б.* Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. С. 139.

Там же. С. 140.

Там же. С. 140; *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 149–161.

в условиях военных поражений Мамаия и медленного усиления власти Тохтамыша данный процесс протекал довольно интенсивно, потом, по мере восстановления под эгидой Тохтамыша политической мощи Ордынской державы, он замедлился, а после вторжения нового ордынского хана на территорию Руси почти приостановился»⁶¹.

Сама же победа в Куликовской битве явилась одним из переломных моментов в истории непростых взаимоотношений Руси с Ордой. Сделав вполне очевидной саму возможность победы русских земель над мощными силами Орды, результаты сражения наметили путь дальнейших действий русских князей в отношении господства Орды в Восточной Европе. Это был, по словам И. Б. Грекова, «тот путь, который был связан с преодолением поддерживаемой Ордой искусственной расщепленности русских земель и на который встали уже в 90-е годы XIV в. ведущие политические силы данного региона. Не секрет, что именно они осуществляли в указанный период как военно-политическую подготовку к еще одной схватке с Ордынским государством (состоявшейся на берегах Ворсклы в 1399 г.), так и идеологическую подготовку к ней в форме создания соответствующей историко-публицистической литературы, ставившей своей целью не только пропаганду опыта Куликовской битвы, но и подчеркивание исторических заслуг как самой Московской Руси, так и определенных группировок Литовско-Русского государства»⁶².

Немалое значение для оценок последствий событий 1380 г. имеют наблюдения над монетной чеканкой эпохи Куликовской битвы.

В первую очередь необходимо отметить, что денежное обращение в русских княжествах XIII–XIV вв. носило самостоятельный характер. Оно не зависело от денежной системы Джучиева улуса. Ордынский «выход» выплачивался в виде слитков. Ордынские монеты практически не обращались на территории центральных земель Руси. В основном серебряная ордынская монета в конце XIII–XIV вв. встречается в Среднем и Нижнем Поволжье, южнорусских степях, Крыму, Северном Кавказе и других местах. Лишь в землях русских княжеств по Верхнему Дону, Северскому Донцу, Верховьях Оки, землях Рязанского

⁶¹ Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. С. 141.

⁶² Там же.

великого княжества и южных районах Нижегородского княжества встречаются золотоордынские дирхемы⁶³.

Главные русские княжества – Московское, Тверское, основная часть Нижегородского, Новгородская и Псковская земли до конца XIV в. не знают массового монетного обращения вообще. Ни свои, ни западные, ни золотоордынские монеты здесь практически не встречаются.

Монетная чеканка на Руси восстановилась во второй половине XIV в. Сначала в Московском, а затем в Нижегородско-Суздальском и Рязанском великих княжествах возникают собственные монетные дворы. Позже их собственный чекан начинает Тверское великое княжество.

Монеты начальной чеканки Московского великого княжества на лицевой стороне монет имели легенды с именем хана Токтамыша. Этот факт ярко свидетельствует о его политической зависимости от Орды⁶⁴. Помещение имени хана на монетах Калитовичей говорит о санкции на это со стороны правителя Сарая. Таким образом, в отличие от правителей Рязани или Нижнего Новгорода они имели разрешение на помещение имени хана на своих монетах. Княжества, начавшие чеканку денег без санкции Сарая, нарушали прерогативы хана. Проводником ордынской политики на Руси формально становился правитель Москвы.

Между тем к 1410-м гг. Калитовичи начинают чеканить монеты с двумя русскими сторонами. После окончания правления в Орде хана Токтамыша великий князь Василий I Дмитриевич перестает размещать на своих деньгах знаки зависимости (в частности – имя хана)⁶⁵. В 1412 г. после возобновления вассальных отношений Руси и Орды в Москве начинается чеканка монет с нечитаемыми подражаниями. Как считал Г. А. Федоров-Давыдов, это событие было политической акцией, такой же, как и помещение имени хана «только на более низком уровне»⁶⁶. Оно выражало общую зависимость княжества от Орды, а не от конкретного, занимающего в данный момент престол хана. Однако к середине 1420-х гг. в Московском великом княжестве вновь чеканят монеты с обеими русскими сто-

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 45–70.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 141.

Там же. С. 55.

⁶⁶ Там же. С. 141.

ронами. На них никогда более не появляются ни имена ханов, ни нечитаемые подражания.

Удельные московские князья, чеканя свои монеты (Боровско-Серпуховской, Дмитровский и Можайско-Белозерский), обычно не помещали на них никаких символов зависимости от Орды. Это объясняется тем фактом, что политические отношения с Сараем они осуществляли через Москву. Исключение составляют лишь монеты князя Владимира Андреевича Серпуховского. Ряд оборотных сторон его монет оформлен так же, как и московских: помещена арабская легенда с именем Токтамышша. Это ставит его монеты в один ряд с монетами Москвы. В них выражена явная претензия на более высокий статус княжества в составе Московского государства (по сравнению с другими уделами), а также на особые, по-видимому, самостоятельные от великого князя отношения с Сараем. Кроме того, права на чеканку монеты с довольно высоким статусом Владимир Серпуховской мог получить как владетель Московской трети. Указанные факты вполне согласуются с данными духовной серпуховского князя и сведениями договорных грамот Владимира Андреевича с Дмитрием Ивановичем Донским и его сыном Василием I Дмитриевичем. В этих документах князь Владимир Андреевич Храбрый обязуется внести отдельную сумму дани, причитающуюся с его удела, не в московскую ее часть, а во Владимирский «выход»⁶⁷. Однако после 1399 г. чеканка в Серпуховском княжестве прекращается, что свидетельствует о преодолении Москвой разногласий в своих отношениях с данным уделом⁶⁸.

Поскольку московская денежная чеканка развивалась экономически независимо от золотоордынской, то все признаки ее зависимости от правителя Сарая, помещавшиеся на монетах, были результатом политической игры. Как подчеркивал Г. А. Федоров-Давыдов, «черты монетного типа, которые были ордынскими, – следствие политической, а не экономической зависимости от Золотой Орды»⁶⁹. Москва ликвидирует их, как только для этого возникнет реальная возможность. Это была одна из первых политических акций, провозгласивших независимость Руси от Орды.

В Нижегородско-Суздальском княжестве для совершения торговых операций ордынские монеты использовались слабо. Поэтому в

⁶⁷ ДДГ. № 11. С. 31; № 13. С. 38; № 17. С. 49.

⁶⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. С. 82–83.

⁶⁹ Там же. С. 141–142.

княжестве также начинается собственный чекан. На монетах на лицевой стороне помещались имена и титулы князей. На обратной же стороне чеканилось нечитаемое подражание арабским надписям на ордынских монетах. Итак, нижегородско-суздальские князья также декларировали зависимость от Орды, а не от конкретного хана. По-видимому, это было связано с достаточно близким расположением их владений от ордынских улусов, где в период «замятни» очень часто менялись правители.

В период же установления относительно прочной власти хана Токтамыша такая декларация могла символизировать противопоставление власти Орды претензиям на Нижегородско-Суздальское княжество со стороны Москвы. Причем московским Калитовичам таковая декларация не требовалась: они непосредственно не подчинялись Орде и не могли противопоставить ее власть столице. «Нечитаемые» подражания, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, делали ранг монет Суздаля довольно высоким: ведь великий князь Дмитрий Константинович был самостоятельным правителем⁷⁰. В то же время помещение на своих монетах имени хана Токтамыша ставило московского князя на более высокое место в иерархии. Ведь главным представителем хана на Руси становился именно он, и у него были соответствующие полномочия, дарованные правителем Сараем. В 1392 г. с его санкции Нижегородско-Суздальское княжество впервые утратило самостоятельность, и чеканка монет все больше приобретает в оформлении московский характер. Прежде всего, уравниваются с московскими показателями весовые нормы монет в Нижнем Новгороде и Суздале. В течение XV в. на нижегородских монетах постепенно появляется весь комплекс изобразительных и письменных элементов, соответствующий московской чеканке⁷¹.

В Рязанском великом княжестве самостоятельное монетное дело начинается с надчеканки на ордынских дирхемах. Происходит это в конце правления великого князя Олега Ивановича. При нем же возникают первые подражания ордынским монетам, что свидетельствует о стремлении к независимому производству монет. Со временем они сменяются подражаниями подражаниям⁷². Данная особенность монет-

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 88.

Там же. С. 124.

Янин В. Л., Янина С. А. Начальный период рязанской монетной чеканки // НС. 1955. Вып. 1. С. 110.

ной чеканки в Переяславле-Рязанском свидетельствует о достаточно сильных претензиях на суверенитет его правителя. Надчеканка тамги и позднейшее введение подражаний подчеркивают определенную независимость этого княжества от власти Орды.

Монеты великих князей Олега Ивановича и его сына Федора Ивановича (1402 – ок. 1417) анонимны. В правление Ивана Федоровича (ок. 1417–1456) резко меняется тип монет, прекращается изготовление подражаний и на монетах впервые читается надпись на русском языке. Она содержит титул, имя и отчество князя.

Итак, за период 1382–1434 гг. наблюдается постепенный переход Рязанского великого княжества от использования ордынских монет к чеканке собственных. Причем ни на подражаниях ордынским дирхемам, ни на рязанских монетах не читаются имена ордынских ханов (например, Токтамыш). Этот факт свидетельствует о самостоятельном начале чекана, не санкционированном из Сарая.

Монетное дело Тверского великого княжества также не содержит элементов зависимости от Орды. Начало чеканки в Твери и ее уделах абсолютно не зависело от воли хана, что свидетельствует о достаточно сильных претензиях правителей Твери на независимость от Орды уже в начале XV в.

Итак, за период 1380–1430-х гг. русская средневековая монетная чеканка пережила три периода. Первый – конец XIV в. – время политической зависимости русских княжеств от Орды, выражавшееся в размещении имени хана на монетах (например, в Москве) или нечитаемых подражаниях (например, Нижний Новгород и Суздаль). Для второго периода – 1400–1410-е гг. – характерно появление монет с обеими русскими сторонами. Это были явные претензии на независимость. Особенно ярко они проявились в монетном деле Московского и Тверского великих княжеств. Это было связано с обоснованным непризнанием узурпации власти в Орде темником Идигу (Едигеем). В 1410–1420-х гг. на монетах Московского княжества, одного из самых мощных в то время, вновь появляются нечитаемые подражания. Они символизируют зависимость Руси от Орды. Проведение в жизнь данного мероприятия было вызвано возобновлением в 1412 г. вассальных отношений русских княжеств к Орде. Однако помещение подражаний, а не имен ханов говорит о выражении Москвой лояльности по отношению к Орде, а не к конкретному правителю. Это свидетельствует о нежелании Москвы восстанавливать зависимость от Сарая в полной мере. В конце 1420-х

1430-х гг. нечитаемые подражания исчезают. С данного времени в Москве чеканят монеты с двумя русскими сторонами. В связи с этим необходимо отметить, что общей тенденцией в отношении монетного дела в русских княжествах было их стремление к независимой от Орды чеканке. Их правители избрали разные пути избавления от признаков зависимости. В результате данных действий к середине XV в. русские княжества и земли уже не имели на своих монетах какие-либо символы зависимости от Сарая.

Система монетной чеканки, установившаяся на Руси в XIV – первой трети XV в., ярко иллюстрирует важнейшее изменение в русско-ордынских отношениях. К середине XV в. удельные князья теряют право на утверждение своих владений в Орде. Это право переходит в руки великих князей. Наиболее ярко этот статус прослеживается по монетной чеканке в столице и уделах Московского великого княжества.

Таким образом, в результате выросшей военно-политической силы русских княжеств, ярко проявившейся в битвах на Воже и Куликовом поле, стало возможным появление в русских княжествах собственной монетной чеканки. Данный факт был вынужден признать победитель Москвы хан Токтамыш и санкционировать монетный двор в Москве. Несмотря на то что в большинстве начавших собственный чекан княжествах сохранялись какие-либо признаки зависимости от Орды (чеканка имени хана или нечитаемых подражаний), тем не менее начало массового выпуска монет практически одновременно в ведущих княжествах Северо-Восточной Руси свидетельствует об очередном их важном шаге на пути к самостоятельности. Показательно, что такой шаг стал возможным именно после победы общерусского войска на Куликовом поле 8 сентября 1380 г.

ПАМЯТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ В XV–XVII ВВ.

Куликовская битва запечатлелась в памяти рядом с самыми важными вехами русской истории, став частью нашего национального самосознания. Однако такое место победа на Дону заняла далеко не сразу.

В первую очередь необходимо отметить, что традиционно со времен киевского великого князя Владимира Святославича победы русского оружия над иноверцами ознаменовывались строительством обетных церквей. Массовое сооружение храмов-памятников началось и после взятия Казани в 1552 году¹. Однако исследователям не удастся проследить частое возведение таких церквей после Куликовской битвы². Обычно с ней связывается основание Рождественского монастыря на реке Дубенке. Само сражение произошло не в канун Рождества Пресвятой Богородицы, а на Успение, что дает основание исследователям думать об ином поводе для возведения обители (сражение на Воже 11 августа 1378 г., в канун Успения 15 августа)³. Памятником победы объединенных войск Руси на Куликовом поле также считается Николо-Угрешский монастырь под Москвой. Согласно легенде середины XVI в., великий князь Дмитрий Иванович, выступив навстречу Мамаю, по дороге на Коломну нашел на дереве

Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М., 1980.
Пуцко В. Г. Церковное искусство Московской Руси во второй половине XIV в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 230–260; *Борисов Н. С.* Воздействие Куликовской битвы на русскую культуру конца XIV–XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 123–139.
Кучкин В. А. Свидание перед походом на Дон или на Вожу? // Наука и религия. 1987. № 7. С. 50–53.

образ святого Николая Чудотворца, а возвращаясь с победой, отслужил на этом месте благодарственный молебен и обещал основать здесь монастырь. Однако первые сведения об обители относятся к периоду между 26 сентября 1432 г. – 17 июля 1445 г.⁴

В Великом Новгороде в 1381–1382 гг. была возведена церковь во имя святого Дмитрия Солунского, тезоименитого великому князю Дмитрию Московскому. В позднейших летописцах возведение этого храма объяснялось следующим образом: «Того же лета создан святой храм во имя великомученика Димитрия Солунскаго на Славкове улицы по обещанию великого князя Димитрия Донскаго. Внегда он брася с безбожным царем Мамаем и тогда явился ему святой на рати с благоверными князи Борисом и Глебом, повелевая дерзати противу безбожнаго царя Мамаю и всего его поганаго воинства – “и мы тебе вборзе будем на помощь” По сем явлении победи благоверный князь Димитрий Иоаннович безбожнаго царя Мамаю. И по благословению Пимина митрополита Московского и всея России (напомним, митрополий престол Пимен занял осенью 1382 г. – *Авт.*) постройся сия церковь, и предел присовокупи князей благоверных Бориса и Глеба на полатех, понеже в победе явистася. А сей благоверный князь Димитрий Иоаннович от корени и родства их. И к той же церкви предел присовокупи Усекновение честныя главы Иоанна Предтечи теплой, аггела отца своего, на поминование родителей своих в вечныя роды»⁵. С. Н. Азбелев считает, что «из одного факта постройки церкви в честь небесного покровителя Дмитрия Донского на другой год после Куликовской битвы очевидна тесная связь одного события с другим»⁶. Таким образом, мы вправе отнести этот храм к памятникам Куликовской битвы.

Обычно к реликвиям Куликовской битвы относят иконы Пресвятой Богородицы. Однако их появление более вероятно связывать с событиями 1395 г. Тогда уход войск Темир-Аксака от границ Руси

Чернов С. З., Гончарова Н. Н., Лебедева Е. Ю. Некрополь Николо-Угрешского монастыря по данным археологических раскопок Никольского собора в 2004 г. // *Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева / Сост.: А. Л. Баталов, Н. А. Кренке. М., 2008.*

Азбелев С. Н. Новгородские местные летописцы // *ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 367–368; Он же.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // *Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 116.*

Азбелев С. Н. Устная история. С. 149.

был интерпретирован русскими книжниками как Ее заступничество⁷. Даже Донская икона Пресвятой Богородицы была написана лишь в 1385 г.⁸

Прямым вещественным памятником победы русских войск над Мамаем следует считать лишь каменный крест из Софийского собора в Великом Новгороде, созданный в 1380-х гг. по повелению архиепископа Алексея⁹

В качестве хронологического рубежа Донское побоище первоначально использовалось лишь в договорных грамотах московского и рязанского князей, и то только в связи с конкретной проблемой освобождения рязанцами пленных. Показательно и отношение к этому событию – оно переносилось из грамоты в грамоту вплоть до 1447 г., когда, вероятно, уже не было в живых ни одного из непосредственных участников событий¹⁰.

Место и значение Куликовской битвы можно проследить на примере сохранившихся поминальных списков – синодиков. В частности, состав имен погибших, помещенных в редакцию Вселенского Синодика 1411 г., представляет собой перечисление белозерских князей и московских воевод. Этот факт дал возможность А. А. Булычеву сделать вполне закономерный вывод о том, что «большую часть русского войска составляли дружины Владимирского и Московского (с уделами) великих княжеств, находящихся “под рукой” великого князя Дмитрия Ивановича»¹¹. По мнению исследователя, есть основания полагать, что редакция Вселенского Синодика 1411 г. повторяла по содержанию тексты из освидетельствованного патриархом «Синодика Царегородского». Этот синодик киевский митрополит Киприан «отправил псковскому духовенству в 1395 г. ... а тот, в свою очередь, восходил, скорее всего, к официальному поминовению, составленному сразу после победы над войсками Мамаю»¹². Так или иначе, можно заключить, что в первые

Маркина Н. Д. Две иконы «Богоматерь Владимирская» начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 168–177.

Лифшиц Л. И. Икона «Донской богородицы» // Древнерусское искусство. М., 1970. С. 87–114.

Николаева Т. В. Победный крест XIV в. // Древнерусское искусство, XIV–XV вв. М., 1984. С. 86–93.

Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы. С. 93.

Булычев А. А. Поминание павших на Куликовом поле... С. 46.

Там же. С. 42. Из послания митрополита Киприана псковскому духовенству около 1395 г.: «Да приложили есмы к тому, как православных царей поминати, также и

десятилетия после сражения победа на Дону рассматривалась как исключительно московское, а возможно, как великокняжеское Дмитрия Ивановича «дело».

Первоначально события русско-ордынского столкновения нашли свое отражение лишь в кратких статьях Белорусской I, Рогожского летописца, Симеоновской и Новгородской I летописей. Эти рассказы о Куликовской битве не превышают по объему сообщения о других крупных сражениях конца XIV в. (например, рассказ о сражении на р. Воже). В первых откликах на победу великого князя Дмитрия Московского над Мамаем русско-ордынское столкновение подавалось как эпизод в извечном противостоянии христиан и «поганого рода Измалтеского», показывалась жестокость сражения, победа объяснялась Божией помощью¹³. В Новгородской I летописи младшего извода, в соответствии с теорией Мефодия Патарского о казнях Божиих¹⁴, было добавлено, что нашествие случилось «грех ради наших».

В то же время в памятнике при описании страха москвичей-небывальцев встречается библейская цитата: «Не помянувши реченного пророкомъ, како единъ поженеть 1000, а два двигнет тму, аще не богъ предасть их»¹⁵, которая отсылает нас к Второзаконию: «**Како поженѣтъ ѣдинъ ты́сащы, и два двѣгнѣта тмы, аще не бгъ ѡдаде ихъ, и гдъ предаде хъ**» (Втор. 32: 28–30).

В контексте повествования данная сентенция показывает, кому из противоборствующих сторон покровительствует Господь Бог. Поскольку победа оказалась на стороне православного воинства, именно ему и должна принадлежать Божественная защита.

В летописных рассказах в первую очередь подчеркивается, что «безбожнии злочестивии ордынскии князь Мамаи погании... поиде на великаго князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую... хотя пленити землю Русскую». Московский князь в ответ «собрать воя многы, поиде противу их, хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за православную веру христианьскую и за всю Русскую землю» «и дръзнуша по бозе за веру христианьскую». Таким образом, великий князь Дмитрий Иванович выступает как защитник веры против безбожного Мамаи.

князей великих, и мертвых и живых, якоже мы здесь в митрополю поминаем, такоже и крещенье детиное и всякого христианина...» (РИБ. Т. 6. № 30. Стб. 239–241).

Филошкин А. И. «Куликовский цикл». С. 172–187.

Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 50–61.

¹³ ИКЦ. С. 22–23.

В связи с этим фактом «поможе богъ князю великому Дмитрию Ивановичу... Богъ бо невидимою силою устраши сыны Агаряны»¹⁶, что, по мнению И. Н. Данилевского, происходит чуть ли не впервые «за все время ордынского владычества на Руси»¹⁷.

При этом показательно, что рассказ летописца завершается словами о том, как хан Токтамыш разгромил Мамаю на р. Калке: *«И оттуду послы своя отпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичу и ко всем князем Рускым, поведая им свои приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю победи, а самъ шед седе на царстве Волжском. Князи же Рустии пословъ его отпустиша съ честию и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша кождо своих килчиевъ со многыми дары ко царю Токтамышю (курсив ред.)»*¹⁸.

И. Н. Данилевский, присоединяясь к словам Л. И. Шохина, составителя сборника работ академика М. Н. Тихомирова, отмечает, что с приходом к власти в Орде восстанавливалась вертикаль управления монгольского образца. Поэтому выступление Дмитрия против Мамаю – это борьба с узурпатором власти, а значит, он – союзник хана Токтамыша¹⁹. При этом А. А. Горский полагает, что «посылка даров и поминков» означала констатацию факта восстановления законной власти в Орде и формальное признание Токтамыша сюзереном»²⁰.

В тот же период общественного подъема 1380–1382 гг., вызванного победой на Дону, была создана «Задонщина». Ее новые редакции были составлены в 70-х гг. XV в. Тем не менее вероятно, что произведение передает общую радость от победы²¹. «Задонщина» – поэтический памятник, посвященный событиям 1380 г. Как подчеркивал Л. А. Дмитриев, «автор “Задонщины” не ставил перед собой задачи описать все события Куликовской битвы. “Задонщина” – это лирический отклик на Куликовскую битву». По ряду косвенных признаков она датируется 1380-ми гг. К ним относится «упоминание в числе городов, до которых донеслась слава победы Дмитрия Донского над Мамаем, столицы Болгарского царства Тырново, захваченной и разгромлен-

¹⁶ ПКЦ. С. 9–10.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 278.

ПКЦ. С. 11.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 277.

²⁰ *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 101.

²¹ *Филлошкин А. И.* «Куликовский цикл». С. 176.

ной турками в 1392 г. Об этом свидетельствует и упоминание города Орнача, разгромленного во время борьбы Тамерлана с Тохтамышем и переставшего существовать после 1392 г.». В то же время «основным аргументом сторонников датировки “Задонщины” 1380-ми гг. является сам характер произведения»²².

Установлено, что из двух известных редакций «Задонщины» Краткая представлена хотя и древнейшим, но единственным списком памятника, а Пространная, в которой описывалась не только первая, но и вторая, победная фаза Куликовской битвы, известна в трех полных списках: Синодальном (С), Ундольского (У) и Историческом 1 (И-1). Кроме того, значительный фрагмент из заключительной части Пространной редакции «Задонщины» сохранился в списке Историческом 2, а начало той же редакции памятника – в «Ждановском списке»²³.

«Задонщина», как произведение литературное и поэтическое, содержит крайне мало надежной информации о событиях, связанных с Куликовской битвой. Однако именно в данном памятнике наиболее четко прослеживаются оценочные характеристики событий осени 1380 г. Здесь последовательно проводится идея не просто борьбы, направленной на защиту Руси, а борьбы за христианскую веру. По наблюдениям А. А. Горского, в «Задонщине» рефрены «за землю Русскую» и «за веру христианскую» встречаются в девяти фрагментах. Всего же исследователь выделяет четыре «рефрена-призыва»: 1) «за землю Русскую»; 2) «за веру христианскую» (варианты – «за веру крещеную», «за крестьяны»); 3) «за святые церкви»; 4) «за обиду великого князя»²⁴.

В результате анализа различных списков памятника А. А. Горский приходит к заключению, что «вероятнее всего... рефрены содержались уже в первоначальном, авторском тексте “Задонщины” конца XIV в., но теоретически можно допустить, что у всех ее сохранившихся списков был один протограф, созданный позже, между концом XIV и серединой XV в. ... и рефрены появились только в нем»²⁵. Исследователь делает вывод, что «в эпоху Куликовской битвы рядом со светской концепцией защиты “Русской земли” (сохранявшей ведущее значение) встала концепция защиты христианской веры. Это отражало как возросшую

Дмитриев Л. А. Задонщина. С. 345–347.

ПКЦ. С. 88, 95; *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросины в конце XV в. // ТОДРЛ. Т. 17. С. 130–168.

Горский А. А. Историко-патриотическая концепция «Задонщины». С. 100. Там же. С. 109–110.

степень христианизации общества, так и усиление роли церковной идеологии в общественной мысли, отчасти связанное с постоянным противостоянием мусульманской в ту эпоху Золотой Орде»²⁶.

Не менее последовательно в «Задонщине» проводится идея искупления грехов. В первую очередь битва расценивается как место Божьего Суда: «И рече князь велики Дмитриеи Ивановичь: “Братия бояра и князи и дети боярские, то вам сужено место меж Доном и Непром, на поле Куликове на речке Непряде”» (список В. М. Ундольского)²⁷.

Искупление прежних грехов тесно связывалось именно с кровопролитнейшей битвой на Дону. Она расценивалась (правда, не явно) как искупительная жертва: «Бытии утупу великому на речце Непрадене, меж Дона и Днепра, пасти великому трупу человеческому на поли Куликове, пролитии крови» (С)²⁸. «Прилеяша тучи на Русскую землю, из них выступали кровавые зори, а в них трепещутся сильные молыньи. Бытии стуку великому на речке Напряде, между Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролится крови на речке Непряде» (У)²⁹. «Черная земля под копытами под костми татарскими носити кровью земля. Сильныя волцы изступишася вместо, протекоша лугы и холмы кровию, возмутишася реки и потоки, езора... иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна... жалостно видети крови христианское, зоне жъ трава кровью полита» (С)³⁰. «Жалостно видети кровь крестьянская» (У)³¹. Памятники Куликовского цикла подчеркивают ее кровопролитность. Вероятно, данные указания перекликаются с Новозаветными установками на искупление грехов, встречающимися в Послании к евреям святого апостола Павла: «Да и все почти по закону *очищается кровью*, и без *пролития крови не бывает прощения* (курсив наш. – Авт.)» (Евр. 9: 22).

За множество потерь православное воинство и его князья заслуживают прощение и, как следствие, победу над противником: «Тако господь богъ помиловал князеи русских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича меж Дона и Непра» (У)³².

²⁶ Горский А. А. Историко-патриотическая концепция «Задонщины». С. 113.

²⁷ ПКЦ. С. 119.

²⁸ Там же. С. 99.

²⁹ Там же. С. 114.

³⁰ Там же. С. 100–101.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 118.

Любопытны сентенции, которые отложились в Пространной редакции «Задонщины» по списку ГИМ, на одну из которых обратил внимание И. Н. Данилевский. Приводя цитату из памятника «И отскочи поганый Мамай от своая дружины серым волком и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: “Чему ти, поганьи Мамаи, на Рускую землю, то ти была орда Залеская времена первьи, а не бытии тебе в Батыя царя. Царь Батыи былъ 400 000 вою, воеваль всю Рускую землю и пленил от вьстока и до запада. А казнилъ богъ Рускую землю за съгрешение и ты пришелъ, князь Мамаи, на Рускую землю съ многими силами съ девятью ордами, съ 70 князьми, а ныне бежишь самъдевать в лукоморье...”»³³, исследователь отмечает, что «для автора “Задонщины” (которого, согласитесь, трудно упрекнуть в недостатке патриотизма!) – как, очевидно, и для его редакторов и читателей – “Руская” или “Залеская земля” имеют вполне конкретный – и совершенно неожиданный для нас синоним: “орда Залеская”... Нужны ли лучшие доказательства того, что Русь рассматривала себя как часть Орды?»³⁴. Однако можно истолковать данный фрагмент и в том смысле, что автор «Задонщины», предлагая читателям вымышленный разговор фрягов с Мамаем, для которого «орда» не «земля», а «войско». Итак, перед нами не самоидентификация русских по отношению к Орде, а представления автора памятника о том, как воспринималась Русь прежде всего в Орде, а затем у ее ближайших соседей (например, итальянских колоний Крыма).

Другой установкой памятника являются вложенные в уста татар слова: «А в Русь ратью не ходити, а выхода нам у рускихъ князеи не прашивати»³⁵. Эти слова перекликаются с установкой завещания Дмитрия Донского: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть»³⁶. По мнению А. А. Горского, эти слова «были актуальны в 1380–1382 гг. и отобразили тот общественный подъем, на гребне которого Дмитрий Иванович решился фактически не подчиняться и законному “царю” – Токтамышу»³⁷.

Там же. С. 131.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 282.

ПКЦ. С. 130–131.

ДДГ. № 11. С. 31.

³⁷ Горский А. А. Москва и Орда. С. 139.

При этом слова «Задонщины» «А не бытии тебе в Батыя царя. Царь Батыя былъ 400 000 вою, воевалъ всю Русскую землю и пленил от востока и до запада. А казнилъ богъ Русскую землю за съгрешение» можно истолковать и в том смысле, что покорение Батыем Руси было связано с наказанием Бога православных за их прегрешения. Между тем поход Мамаия к подобного рода войнам отнести нельзя. Именно поэтому он терпит поражение и вынужден бежать «поганый Мамаи, и от насъ по задлешью»³⁸.

Таким образом, отмеченное в «Задонщине» помилование князей Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского должно рассматриваться не столько как избавление от угрозы со стороны Мамаия, но как освобождение русских земель от ордынского ига, которым православные были наказаны в лице Батыя и его войск. Правда, можно считать, что автор памятника лишь подчеркнул, что Мамаю не удалось повторить поход Батыя.

Показательно, что в Краткой редакции «Задонщины» особо подчеркнуто, что «тогда было благовещение на Пасху»³⁹. Вероятнее всего, данная вставка была сделана Ефросином в преддверии 1492 г. – ожидаемого конца света. Дело в том, что совпадение Пасхи и Благовещения – так называемая Кириопасха – рассматривалось в Средневековой Руси как потенциальная дата конца света. Как отметил И. Н. Данилевский, «подобное предзнаменование придавало происходящему (событиям, связанным с Куликовской битвой. – *Авт.*) еще больший драматизм»⁴⁰.

Таким образом, поэтическая «Задонщина» отразила все установки, характерные для описания Куликовской битвы. Это и защита Руси, и христианства от иноверцев, и жертвенное искупление грехов на поле битвы, и связанное с ним избавление от иноземного ига, которое, в свою очередь, связано с освобождением от выплат дани. При этом «Задонщина» «оказала влияние на последующие рассказы о “Мамаевом побоище” – как летописные, так и внелетописные»⁴¹.

Не позднее первой четверти XV в. для общерусского свода была написана «Летописная повесть о Куликовской битве». Она была по-

³⁸ ПКЦ. С. 131.

³⁹ Там же. С. 91.

⁴⁰ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 278–279.

Рудаков В. Н. Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII–XV в.: (Эволюция представлений, сюжетов, образов): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. С. 210.

мещена в памятнике общерусского летописания, ставшем протографом Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей и всех восходящих к ним летописей. По всей вероятности, упомянутый свод был составлен при дворе митрополита Фотия. Не исключено, что участие в этом принимал Епифаний Премудрый⁴².

В «Летописной повести о Куликовской битве» произошло концептуальное переосмысление сути сражения на Дону. По мнению составителя, безусловно соответствовавшему взгляду церкви, Куликовская битва была не просто эпизодом в противостоянии христиан и поганых басурман, не просто победой православного воинства, но испытанием, потребовавшим от каждого выбора своего пути (в подражание Христу или в подражание Иуде) и зависимости судеб мира от этого выбора (воскресение земли или гибель). Иначе понимается и значение победы, которая, по мнению автора «Летописной повести», предотвратила конец света⁴³, поскольку выбранное русским воинством поведение рассматривалось как угодное Богу.

В СИ-НІV столкновение московского великого князя и ордынского темника уже традиционно рассматривается как противостояние православного христианства и безбожных «измаильтян»: «Окаанный же Мамаи разгордевся, мневъ себе аки царя, нача злыи съветъ творити, темныя своа князи поганыя звати, и рече имъ: “Поидемъ на рускаго князя и на всю землю Русскую, яко же при Батыи было, христианство потеряем, а церкви божиа попалимъ [огнемъ] и кровь христианскую прольемъ, а законы их погубимъ” И сего ради... съ яростию подвижася и силою многою, *хотя пленити христианъ*» (выделено мной. – Авт.)⁴⁴.

Показательно, что столь же традиционно нашествие иноплеменников связывается с Божьим провидением: «...Се же бысть грехъ ради наших, въоружаются на ны иноплеменници, да быхомъ ся отступили от своих неправдъ, от братоненавидения, и от сребролюбия, и в неправды судящих, и от насилья. Но милосердъ бо есть богъ человеколюбець, не до конца прогневается на ны, ни въ веки враждуетъ»⁴⁵. Однако автор завершает отсылку к Божественной воле оптимистической цитатой из 102-го псалма: «Щѣдръ ѿ мѣтивъ гдѣ, долготерпѣливъ

Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. С. 6–11, 19–20.

Филошкин А. И. «Куликовский цикл». С. 172–186.

ПКЦ. С. 30, 65–66.

⁴⁵ Там же. С. 39, 79.

и многомѣтливъ. Не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждѣетъ» (Пс. 102: 8–9).

Данная выдержка из памятника ставит под сомнение утверждение В. Н. Рудакова, который отмечает, что особенностью памятников Куликовского цикла, в том числе и «Летописной повести», «является практически полный отказ от традиционного для предшествующего периода восприятия нашествия как кары Господней “за грехи”»⁴⁶.

В то же время, в отличие от письменной традиции XIII–XIV вв., теперь степень прегрешений выглядит не столь катастрофично. Автор памятника не только констатирует возможность прощения «милосердного человеколюбца», которая в случае исправления христиан декларируется в ранних рассказах. В нем впервые напрямую утверждается намерение Господа помиловать Русь и избавить православных от порабощения: «Но хотя человеколюбивый богъ спасти и свободити родъ христианский молитвами пречистыя его матери от работы измаилтская, от поганого Мамая и от сонма нечестиваго Ягаила, и от велеречиваго и худаго Олга Рязаньского» (выделено мной. – Ю. С.)⁴⁷.

В то же время события 1380 г. не просто показатель богоизбранности русского народа, его прощения, которое еще нужно заслужить. В связи с этим в рассказе возникают мотивы искупления грехов в кровопролитнейшем сражении с иноверцами. Как отметил А. И. Филлюшкин, в рассказе «события 1380 г. рассматриваются в аспекте выбора пути служения: Богу или дьяволу, судьбы Христа или поступка Иуды». Исследователь отмечает, что в отличие от ранних летописных рассказов «на смену констатации события и его воспеванию приходит концептуальное осмысление битвы и ее значения в истории Руси и в вековом противостоянии Москвы и Степи. В повествовании появляется некая схема с четко обозначенными ролями персонажей»⁴⁸.

Главное действующее лицо, роль которого должна быть положительной, это православное московское воинство во главе с великим князем Дмитрием. Для выделения данной роли автор описывает переход его войск за Дон и их построение на Куликовом поле в словах и категориях, близких к описанию в Евангелии мученической смерти

⁴⁶ Рудаков В. Н. Отображение монголо-татар в древнерусской литературе... С. 159.

⁴⁷ ПКЦ. С. 30, 65–66.

⁴⁸ Филлюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 176–177.

Иисуса на кресте. Тем самым автор приравнивает битву русского воинства с Мамаем к крестному пути Христа.

Так, например, отмечается: «Заутра же в субботу порану, месяца сентября 8 день, в самыи праздник госпожинъ, въсхлдящу солнцу, и бысть тмя велика по всей земли и мгляно было бяше того утра до третиаго часа. И повеле господь тме уступитьи, а свету пришествие дарова. Князь же великый исполчи полки своа велици, и вся его князи русстии свои полкы устроившее, и великыа его воеводы облачишася въ одежда местныа. И ключа смертныа растерзахуся, трусь же бе страшень и ужась събраннымъ чадомъ издалече от востока и до запада»⁴⁹.

Данные изречения отвечают евангельскому описанию смерти Иисуса:

«И совлѣкше єго, ѡдѣлаша єго хламѹдоу червлѣноюѡ Ѡ шестагѡ же часа тма бысть по всѣй землѣ до часа девѣтагѡ. И сѣ, завѣса церковная раздрѣса на двѡе съ вышнагѡ краѣ до нѣжнагѡ: и земля потресѣса: и каменїе распадѣса» (Мф. 27: 28, 45, 51);

«Бывшѡ же часѡ шестомѡ, тма бысть по всѣй землѣ до часа девѣтагѡ» (Мк. 15: 33);

«Бѣ же часѡ ѣкѡ шестый, и тма бысть по всѣй землѣ до часа девѣтагѡ: и помѣрче солнце, и завѣса церковная раздрѣса посредѡ» (Лк. 23: 44–45).

Показательно, что и сама битва описывается как событие жертвенного порядка: «И бысть сеча зла и велика и брань крепка, и трусь великъ зело, яко от начала миру сеча такова не бывала великимъ княземъ русскимъ, яко же сему великому князю всея Руси. Бьющим же ся им от шестаго часа до 9-го, пролься кровь аки дождева туча обоих». А также: «Москвичи мнози небывалци то видевши, устрашишася и живота отчаявшеся, и на беги обратившееся, и побегоша, а не помянуныа, яко мученици глаголаху друг къ другу: “Братье, потерпимъ мало, зима яра, но раи сладокъ; и страстенъ мечь, но славно венчание”»⁵⁰.

Вероятно, автор подчеркивал Новозаветные установки на искупление грехов, встречающиеся в Послании к евреям святого апостола Павла: «Да и все почти по закону *очищается кровью*, и без *пролития крови не бывает прощения* (курсив наш. – Авт.)» (Евр. 9: 22).

Правильный выбор между добром и злом обеспечивает русскому воинству Божественное покровительство, которое в конечном итоге

ПКЦ. С. 35–36, 73.

⁴⁹ Там же. С. 37–38, 75–76.

гарантирует ему победу: «И по сехъ же въ 9 часъ дни призри господь милостивыма очима на все князи русстии и на крепкыя воеводы и на вся христиане, и не устрашишася, дерзнуша яко велици ратници. И видеша верни, яко въ 9 часъ бьющееся, аггели помогающее христианомъ, и святых мученикъ полкы, и воина великаго мученика Христова Георгия, и славнаго Дмитрия, и великих князеи тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершаннаго полка небесных силъ вели архистратигъ Михаилъ. Два воеводы ведеша оканнии полци тресолнечныя полкы и пламенны их стрелы, яже идуть на нихъ; безбожнии же Татарове от страха божия и от оружия христианьскаго пажуху. И възнесе богъ десницею великаго князя Дмитрия Ивановича на победу иноплеменникъ»⁵¹.

Существенным для сюжетной линии повествования стало то, что поведение великаго князя может служить образцом для истинного защитника православной веры. Дмитрий Иванович готов выступить в защиту православия: «...рече к брату своему Володимеру и всемъ княземъ и воеводамъ: “Поидемъ противу сего окааннаго и безбожнаго и нечастиваго и темнаго сыроядца Мамаа за правоверную веру христианскую, за святыя церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, суцая и не суцаа. И возьмъ с собою скипетръ царя небеснаго – непобедимую победу, и възприимемъ Аврамлю доблесть” И нарекъ бога и рече: “Господи, в помощь мою вьни, боже, на помощь мою потщис, и да постыдяться и посрамляются и познають, яко имя тебе господь, яко ты еси единъ вышнии по всеи земли”». Кроме того, он «слышав невеселую ту годину, что идуть на него вся царства, творящей беззаконие, а ркуще: “еще наша рука высока есть”, идее к соборной церкви матери божиин богородици и проля слезы и рече: “не презри и христианъ сих, избави нас от сыроядець сих и помилуй мя”»⁵², «и дръзнуша по бозе за веру христианскую»⁵³.

Великий князь готов пожертвовать собой во имя христианства: «Но яко же хощу словомъ, такоже и деломъ, наперед всех и пред всеми главу свою положити за свою братию и за вся христиане, да и прочи, то видевши, примуть со усердиемъ дерзновение»⁵⁴. Это он демонстрирует в начале битвы: «Сам же князь велики наеха наперед

⁵¹ ПКЦ. С. 38, 76–77.

⁵² Там же. С. 31–32, 67–68.

⁵³ Там же. С. 81.

⁵⁴ Там же. С. 39, 78.

в сторожевых полцах на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго Дявола Мамаа»⁵⁵. Его поведение вдохновило русских воинов: «Не хотяше ся утешити, зане пошли с великымъ княземъ за всю землю русскую на остраа копя»⁵⁶.

Сделав выбор в пользу служения Христу, Дмитрий Иванович получил Божественное покровительство: «Богъ заступил его в день брани щитомъ истины и оружиемъ благоволения осениль есть над главою его, десницею своею защитилъ его и рукою крепкою и мышцею высокою богъ избавилъ есть укрепивый его».

Данный мотив находит аналоги в ряде Псалмов:

«Твоа мышца съ силоу: да оукрепитсѧ рѣка твоа, и вознесѣтсѧ десница твоа» (Пс. 88: 14);

«Не бо мечемъ своимъ наслѣдиша зѣмлю, и мышца хъ не спасѣ хъ, но десница твоа и мышца твоа и просвѣщеніе лица твоего, ѡкв блговолилъ еси въ нихъѣ» (Пс. 43: 4);

«Вплещиа своимѧ ѡсѣнитъ тѧ, и подъ крилѣ егѡ надѣешиа: ордѣемъ ѡбыдетъ тѧ стина егѡ» (Пс. 90: 4);

«Воспойте гдѣви пѣснь новѧ, ѡкв дивна сотвори гдѣ: спсѣ егѡ десница егѡ и мышца стѧа егѡ» (Пс. 97: 1).

Покровительство Всевышнего также объясняется автором категориями Псалмов: «Не на лукъ бо мои уповаю, и оружие мое не спасеть мене, – якоже рече Давидъ пророкъ. – Вышняго положил еси прибежище твое, не придет к тебе зло и рана не приступит к телеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповестъ о тебе съхранити тя въ всех путех твоих, и не убоишиа от стрелы летящаа в день»⁵⁷. Это – перефразированные установки 43-го и 90-го псалмов:

«Не на лукъ бо мой уповаю, и мечъ мой не спасетъ менѣ: сплѧ ко еси насъ ѡ стѣжающихъ намъ, и ненавидящихъ насъ посрамилъ еси» (Пс. 43, 7);

«Не оубоишиа ѡ страха ноциагѡ, ѡ стрѣлы летѧщиа во дни, ѡ ѡкв ты, гдѣ, оупованіе мое: вышняго положилъ еси прибѣжище твое. Не прійдетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизитсѧ телеси твоему: ѡкв аггломъ своимъ заповѣсть ѡ тебѣ, сохранити тѧ ко всѣхъ пѣтѣхъ твоихъ» (Пс. 90: 5, 9, 10, 11).

Там же. С. 37, 75.

Там же. С. 34, 71.

Там же. С. 39, 79.

Автор часто вкладывает в уста великого князя слова, цитирующие или перефразирующие книги Ветхого Завета, особенно Псалтырь. Примером может служить его молитва перед походом: «Дмитрии въздохнув из глубины сердца своего и рече: “Господи, светы неправедных разори, а зачинающих рать ты погуби, но он почаль кровь христианскую проливати, а не яз, яко мльнию мечь мои, и примет суд рука моа, въздамь месть врагомь и невидящим мя въздамь, и упою стрелы моа от крови их, да не ркут невернии: кто есть богъ их? Отврати, господи, лице свое от них и покажи им, господи вся злаа напоследокъ, яко род развращаемъ есть, и несть веры в них твоеа, господи. [И пролии на них гневъ твои, господи,] на языки не знающа тебе, господи, и имени твоего святого не призваша. Кто богъ велеи, яко богъ нашъ! Ты еси богъ, творяи чюдеса единъ”»⁵⁸.

Слова, приписываемые великому князю Дмитрию Ивановичу, перефразируют Второзаконие и Псалтырь:

«**Я**кв поштрю ѡкоже мѡлнїю мечь мѡй, ѡ прїиметь сѡдъ рѡка мѡл, ѡ въздамь месть врагомь ѡ ненавїдшымь мѡ въздамь: оупою стрѣлы мѡѡ ѡ кровѣ, ѡ мечь мѡй снѣстъ мѡса ѡ кровѣ ѡзвеныхъ ѡ плѣненїѡ, ѡ главь князей ѡзыческихъ» (Втор. 32: 41–42);

«**Б**же, во стѣмь пѡть твоѡ: кто бгъ велїи, ѡкв бгъ нашъ; **Т**ы еси бгъ творѡи чдеса: сказѡлъ еси въ людехъ силѡ твоѡ» (Пс. 76: 14–15);

«**П**ролїи гнѣвъ твоѡ на ѡзыки незнающыѡ тебе, ѡ на царствїѡ, ѡже мене твоегѡ не призваша: **Д**а не когда рекѡтъ ѡзыцы: гдѣ естѣ бгъ хъ; ѡ да оувѣстѡ во ѡзыцѣхъ предъ очїма нашими ѡмщенїе кровѣ рабѡ твоихъ пролитыѡ... **В**оздаждь сосѣдшымъ нашимъ седмерицею въ нѣдро хъ поношенїе хъ, мже поносиша тѡ, гдѡ» (Пс. 78: 6, 10, 12).

Еще одна молитва великого князя связывает положение Руси уже с Новозаветными установками. Автор отмечает, что Дмитрий Иванович «рече: “Что есть великое свирепство Мамаево, аки некаа ехидна прыскаючи, пришед от некиа пустыня, пожрети ны хошет, Не предаи же мене, господи, сыроядцу сему Мамаю, покажи ми славу своего божества, владыко. И где аггелстїи лицї и где херувимское предстоянїе, где серафимское шестокрилное служенїе? Тебе трепещет вся тварь, тебе поклоняются небесныа силы, ты солнце и луну сотвори и землю украси всеми лепотами.

⁵⁸ ПКЦ. С. 33, 69–70.

Яви, боже, славу свою и ныне, господи, преложи печаль мою на радость, помилуй мя, яко же помиловаль еси слугу своего Моисея, в горести душа възпивша к тебе, и столпу огню повелель еси ити пред нимъ и морскыя глубины на сушу преложи, яко владыка сыи, господь, страшное, възмущение на тишину преложиль еси” И си вся изрекши брату своему и всемъ княземъ и воеводамъ великим и рече: “Приспе, братъе, время брани нашае и прииде праздникъ царици Марии, матерее божиин богородици и всехъ небесныхъ чиновъ и госпожи всея вселеныа, и честнаго ея рожества. Аще оживемъ – господиви есмы, аще умремъ за мир сей – господеву есмы!”⁵⁹.

Завершающая фраза обращения великого князя перекликается с положениями послания апостола Павла к римлянам: «**Никто́же бо насъ себѣ живѣтъ, и никто́же себѣ оумираѣтъ: аще бо живѣмъ, гдѣви живѣмъ, аще же оумираѣмъ, гдѣви оумираѣмъ: аще оубо живѣмъ, аще оумираѣмъ, гдѣни есмы**» (Рим. 14: 7–8).

Данная сентенция подчеркивает, что выбор в пользу истинной веры сделан, причем произошло это еще в период принятия христианства на Руси. Поэтому результат участия в Куликовской битве предрешен – и умершие, и выжившие получают спасение.

Любопытен образ конно-колесничного войска захватчиков, вводимый автором в текст «Повести» также устами Дмитрия Ивановича: «Сии на колесницахъ, а си на конихъ; мы же въ имя господа бога нашего призовемъ; победы дай ми, господи, на супостаты и пособи ны оружиемъ крестнымъ, низложи врагы наша; на тя уповаючи побежаемъ, молящеся прилежно къ пречистой ти матери»⁶⁰. Напрямую данный образ связан с 19-м псалмом: «**Син на колесницахъ, и син на конехъ: мы же во имя гда бга нашего призовемъ**» (Пс. 19: 8). Но показательна идейная связь мотива конно-колесничного войска в связи с победой израильтян над египтянами, обеспеченной Божественной волей: «**И елика сотвори сила египетстѣи: колесницы хъ и кони хъ какъ потопи вода моря чернаго, предъ лицемъ хъ, гонящимъ имъ вслѣдъ васъ, и погуби ихъ гдъ бгъ до днешняго дне**» (Втор. 11: 4).

В завершение описания битвы отмечается: «И, отдохнув от труда своего, велико благодарение принесе богу, такуюю победу давшему

⁵⁹ Там же. С. 35, 72–73.

⁶⁰ Там же. С. 34, 71.

на поганья, избавляющему раба своего от оружия люта: “Помянулъ еси, господи, милость свою, избавил ны еси, господи, от сыроядецъ сих, от поганяго Мамая и от нечъстивыъ измаиловичъ, и от беззаконныхъ агарянь, подаваа чъсть яко сынъ своеи матери. Уставиль еси стремление страстное, яко же еси уставиль слuze своему Моисею и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великихъ князеи, на окааннаго и на проклятаго братоубиицю безглавнаго зверя Святополька”»⁶¹.

Таким образом, сделавший верный выбор, получивший Божественное покровительство великий князь Дмитрий Иванович приравнивается к ветхозаветному Моисею, освободившему израильский народ от египетского рабства, приведшему его в Палестину, а также заложившему фундамент государственности. Второе место занимает царь Давид, преобразовавший племенной союз потомков Иакова в единое Израильско-Иудейское государство. В одном ряду уподобляемых также стоят Константин Великий, крестивший Империю, и киевский великий князь Ярослав Мудрый. Показательно, что все перечисленные исторические лица связаны с крепким и единым государством. Надо полагать, что Дмитрий Донской после Куликовской битвы рассматривался в «Повести» как глава единого Православного государства.

Если роль жертвенного искупления отводится православному воинству во главе с московским князем Дмитрием, то роль богоотступника – великому князю Олегу Рязанскому. Именно он «поборник бесерменский, лукавый сын», который «от нас изыдоша и на ны быша»; при этом «Дешегубливыи Олегъ нача зло к злу прикладати... антихрестова предтечу, именовъ Епифана Кореова... – стати ему у Оки с треглавными зверми сыроядцы, а кровь прольати. Враже изменниче Олже, лихоимъства открываеши образы, а не веси, яко мечь божии острится на тя, яко же пророкъ рече: “Оружие извлекоша грешници и напягоша лукъ стреляти въ мракъ правна сердцемъ, и оружия их внидут въ сердца их, и луци их съкрушатся”»⁶². Данные сентенции связаны со славами Псалтыря:

«**Ѳкѡ сѣ, грѣшници налѣкоша лѣкъ, оуготоваша стрѣлы въ тѣлѣ, сострѣляти во мрѣцѣ правымъ сердцемъ**» (Пс. 10: 2);

⁶¹ ПКЦ. С. 40, 80.

⁶² Там же. С. 30, 66.

«Мѣчь извлекѡша грѣшницы, напругѡша лѣкъ свой, низложити оубѡга ѡ нища, заклати правыѡ сердцеѡмъ. Мѣчь хъ да внидетъ къ сердца хъ, ѡ лѣцы хъ да сокрѣшатса» (Пс. 36: 14–15).

Особо обращается внимание на то, что «Олгу же уже отпадшему сана своего от бога»⁶³. Обращаясь к коломенскому епископу Герасиму, Дмитрий Иванович просит: «Благослави мя, отче, поити противу окааннаго сего сыроядца Мамайя и нечъстиваго Ягаила, и отступника нашего Олга, отступившаго от света въ тму». Правитель Рязанской земли – «Святополкъ новыи, възда же ему, господи, седмь седмерицею». При этом «князь же Дмитрии уведавъ лесть лукаваго Олга, кровопивца христиа[н]скаго, новаго Иуду предателя, на своего владыку бесится»⁶⁴. «И придет ему день велики господень в суд, аду и ехидну»⁶⁵ – именно такое наказание ожидает великого князя Олега Рязанского.

В конечном итоге среди различных оценочных эпитетов Олега Рязанского мы находим определение его как нового Святополка и нового Иуды. То есть именно он рассматривается как законопреступник (подобный Каину – братоубийца) и богоотступник (предатель Истинной Веры, подобный Иуде).

При этом с образом Олега Рязанского связано введение одного из элементов эсхатологических мотивов в повествование. Боярин рязанского великого князя Е. Кореев назван «Антихристовым Предтечей». Таким образом, его господин Олег Иванович ставится в один ряд с Антихристовыми слугами.

Главным же противником православного воинства является «окаянный, безбожный, нечестивый, поганый, старый злодей» Мамай. Одной из его главных характеристик является гордыня. Он начинает свой поход на Православную Русь «разгордевся»⁶⁶, а кочует на Воронеже «ста за Дономъ, възбуявся и възгордяся, и гневаяся»⁶⁷. При этом автор повести подчеркивает, что Мамай не был ханом. Он лишь «мневъ себе аки царя». Причем, по мнению автора, темник желает уподобиться не просто хану Орды, а именно Батыю – покорителю Руси. Последний же рассматривается не просто как победитель русских князей, а именно как враг православного христианства.

Судьба темника неприглядна: «А Мамаи съ страхомъ въстрепетав ѡ велми въстенавъ и рече: “Великъ богъ христианескъ и велика сила

Там же. С. 31, 67.

Там же. С. 32–33, 69–70.

Там же. С. 65–66.

Там же. С. 30, 65–66.

⁶⁴ Там же. С. 32, 68.

его! Братие измаиловичи, незаконнии агаряне, побежите неготовыми дорогами»». Здесь, возможно, книжник вложил в уста темника мотивы 76-го псалма: **«Бже, во стѣмь пѣть твою: кто вѣ вѣлїи, ѿкъ вѣ нашь; Ты єси вѣ творѣи чюдеса: сказаи єси въ людехъ силѣ твою»** (Пс. 76: 14–15). Далее автор сообщал: «И самъ вдавъ плещи свои и побеже скоро паки къ Орде. И то слышавшее темныя его князи и власти, и побегоша. И то видевши и прочии иноплеменницы, гоними гневомъ божиимъ и страхом одержими сущею от мала и до велика, на бегъ устремишася... Князи же полцы гнаша съдомлян, бьющее, до стана их, и полониша богатства много, вся имена их, и вся стада содомскаа»⁶⁸.

Собрав «остаточную силу», Мамай пытался организовать второй поход на Русь. Однако ему пришлось столкнуться с другим своим противником – ханом Токтамышем. Стычка оказалась для темника неудачной:

«Мамай же, гонимъ сыи, побежа пред Тактамышовыми гонители, и прибеже близъ города Кафы, и сослася с ними по докончанию и по опасу, да бы его приняли на избавление, донде же избудеть от всех гонящих его. И повелеша ему, и прибежа Мамай в Кафу съ множествомъ имениа, злата и сребра. Кафинци же свещашася, и створиша над нимъ облесть, и ту от нихъ убьень бысть. И тако конецъ безбожному Мамаю.

А самъ царь Тактамышъ шедъ взя орду Мамаеву и царици его, и казны его, и улусы все поима, и богатство Мамаево раздели дружинѣ своеи. И отпусти послы своя на Русь к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем князем русскимъ, поведѣ имъ свои приход, как сель на царствеи победилъ спорника своего и ихъ врага Мамайя победи, а самъ шедъ седе на царстве Волжескомъ. Князи же русстии посла его отпустиша съ честию и с дары, а сами на весну ту за ними послаша в Орду ко царю кийждо своих киличеевъ со многими дары»⁶⁹.

Данное пространное завершение летописной повести должно было подчеркнуть, что Божественного покровительства у Мамайя нет. И иллюстрация его постоянного после битвы на Куликовом поле бегства «неготовыми дорогами», потери имущества и, в конечном итоге, гибели, вероятно, находила основу в Ветхозаветных текстах.

⁶⁸ ПКЦ. С. 38, 77.

⁶⁹ Там же. С. 41, 82.

Так, в Книге Левит отмечается: «**ШЕ** же не послѣшаете мене, ниже сотворите повелѣній моихъ сіихъ, ꙗко ѿутверждѣ лице мое на васъ, и падете предѣ врагѣи вашими, и поженѣтъ вы ненавидѣщїи васъ, и побѣгнете ни комѣже гонѣщѣ васъ (Левит. 26: 14, 17).

Во Второзаконии также можно найти сходные идеи: «**Да** дастъ тѣбѣ гдѣ на изсѣченіе предѣ врагѣи твоими: побѣдиши едиными изыдеши къ нимъ и седмию пъти побѣдиши ѿ лица хъ, и бѣдѣши въ разсѣланїе во всѣхъ царствахъ земныхъ, и бѣдѣтъ мертвецѣи ваши (сѣбѣ птицѣмъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ, и не бѣдетъ ѿгонѣнїя)» (Втор. 28: 25–26).

Русский книжник отмечал, что Божественной поддержки у Мамаея нет. Следовательно, Господь покровительствует именно русскому воинству. Именно в «Летописной повести» появляются мотивы искупительной жертвы, принесенной русским воинством на Куликовом поле. Они были подкреплены автором произведения прямыми и косвенными отсылками к Евангелию.

Кроме того, все содержание повести призвано показать, что ордынцы и Мамай действуют как орудие дьявольского искушения. Божественное покровительство теперь относится к православному русскому воинству. Причем в памятнике впервые в летописной традиции декларируется намерение Господа помиловать Русь (этот мотив присутствует в поэтической «Задонщине»), искупающую на Куликовом поле прегрешения, и избавить православных от иноплеменного и иноверного порабощения. И здесь показательное нередкое обращение автора к образу библейского пророка Моисея, который руководил освобождением израильского народа от египетского рабства. Тем не менее победа над Мамаевой Ордой еще не рассматривалась как причина освобождения от ордынского ига, а победивший Мамай хан Токтамыш традиционно расценивался как царь, чью власть признают князья Руси. Данные установки восходят к краткому летописному рассказу о Куликовской битве.

Такое же осмысление событий русско-ордынского противостояния в 1380 г. отразилось в таких созданных в первой четверти XV в. Памятниках, как «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» и «Житие преподобного Сергия Радонежского». Автором второго из них стал Епифаний Премудрый. Некоторые исследователи не исключают, что его перу может принадлежать и первое произведение.

В «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», как и в «Летописной повести о Куликовской битве», подчеркивается глобальность столкновения и наступление повсеместной гармонии (как в Русской земле, так и за ее пределами) в результате победы великого князя Дмитрия Ивановича. В «Слове» отмечается и участие неких христиан в натравливании Мамаю на русские земли⁷⁰.

Самостоятельно, вне летописных сводов «Слово» не встречается. Оно находится лишь в составе летописной статьи 6897 (1389) г. Древнейший вид «Слова» сохранился в Новгородско-Софийском своде 40–50-х гг. XV в. (в Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях). В более поздних летописных сводах текст памятника восходит к этому виду и передается с различными сокращениями⁷¹.

Взаимоотношения Руси и Орды в «Слове» рассматриваются исключительно в связи с Куликовской битвой. Оно оценивается как сражение за истинную веру. В частности, автор памятника подчеркивает, что «врази же его (Дмитрия. – *Авт.*) взаведиша ему, живущий окресть его, и навадиша на нь нечъстивому Мамаю, так глаголющее: “Дмитрий, великий князь, себе именует русской земли царя и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию” Он же наваженъ лукавыми съветники, иже христианскы веру дръжаху, а поганых дела творяху». Причем Мамай очерчивает свои планы следующим образом: «“Преиму землю Рускую, и церкви христианскыя разорю, и веру их на свою преложу, и велю поклоняться своему Махмету. Идеже церкви были, ту ропаты поставлю и баскаки посажаю по всем градомъ рускымъ, а князи рускыя избюю”. Аки и преже Агагъ, царь васанескъ, похвалися на кивот завета Господня, иже в Силоме: сиче похвалився, самъ погыбе»⁷². В этом тексте отчетливо слышится переключка с библейским текстом (Нав. 12: 4–6; 1 Цар. 15: 3, 7–9, 17–29, 32–35).

Великий князь Дмитрий Иванович «призва велможи своя и вси князи Рускыя земля, сущая под властью его, и рече к ним: “Лепо есть намъ, братие, положити главы своя за правоверную веру христианскую, да не преляти будут гради наши погаными, ни запустеют святыя

⁷⁰ Амелькин А. О. Епифаний Премудрый о войне московского великого князя Дмитрия Ивановича с татарами. С. 137–146.

Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 403, 405.

⁷² БЛДР. Т. 6. С. 208.

Божия церкви, и не рассеани будемь по лицу всеа земля, ни поведени будут в полонъ жены и чада наша, да не томими будемь погаными по вся дни, аще за нас умолит Сына своего и Бога нашего пресчистаа Богородица”. И отвещаши ему князи рускые и велможя его: “Господине рускый царю! Ркли есмя, тебе служба, живот свой положити, а ныне тебе доля кровь свою прольемь, и своею кровию второе крещение приимемь”».

Автор данного памятника связывает битву на Куликовом поле с Новозаветными сюжетами. Ведь жертвенная смерть на кресте Иисуса Христа приводит к искуплению грехов человечества. В частности, в Послании к евреям святого апостола Павла подчеркивается: «И сегѡ рѡди нѡвомихъ завѣтѡхъ ходѡтай естъ, да смѣрти бѡвшеи, во ѡскѡплѣнїе прѣстѡплѣнїи бѡвшихъ въ пѣрвѣмъ завѣтѣ (курсив наш. – Авт.), ѡбѣтовѡнїе вѣчнаго наслѣдїа прїимѡтъ звѡннїи» (Евр. 9: 15). Ниже в Послании отмечается: «Да и все почти по закону *очищается кровью*, и без *пролития крови не бывает*». И ѡчнѡдѡ крѡвїю всѡ ѡчищѡютсѡ по закѡнѡ, ѡ безъ кровѡпролитїа не бѡвѡетъ ѡставленїе прощѣнїа» (курсив наш – Авт.) (Евр. 9: 22). Следовательно, результатом сражения должно явиться искупление прегрешений русских людей – «своею кровию второе крещение приимемь».

Следствием приверженности православию русского войска, возглавляемого «царем» Дмитрием Ивановичем, является победа, которая описывается следующими словами: «И въсприимъ Авраалю доблесть, помолився Богу и помощника имуще святителя Петра, новаго чудотворца и заступника Рускыа земля, и поиде противу поганаго, аки древний Ярослав, на злочистиваго Мамаа, втораго Святополька... Мнози же достовернии видяху аггелы Божиа, помогающа христианомъ. И поможе Богъ князю Дмитрию, и сродници его, святаа мученика Борис и Глебъ; и окаанный Мамай от лица его побеже. Треклятый же Святополькъ в пропасть побеже, а нечестивый Мамай без вести погыбе. И възвратися князь Дмитрий с великою победою, якоже преже Моиси, Амалика победив»⁷³. В первую очередь, при этом Дмитрий Иванович сравнивался с праотцами Авраамом и Моисеем. Показательно, что «злочистивый Мамай» был назван вторым Святополком, то есть он воспринимался как часть культурного и духовного поля Руси того времени.

⁷³ Там же. Т. 6. С. 210.

Идея помощи Небесных Сил в событиях 1380 г. нашла отражение в Святынях, созданных во второй четверти XV в. К их числу относится икона Богоматери на троне с младенцем на руках и предстоящими перед ней святым Сергием Радонежским и архангелом Михаилом. Этот образ, связанный с победой, отражает представление иконописца и заказчиков иконы о заступничестве Пресвятой Богородицы по молитве преподобного. Не случайно и присутствие на иконе Архангела Михаила – архистратига Небесного Воинства⁷⁴.

Переосмысление событий 1380 г. происходит уже в новую историческую эпоху, когда Русь не только вышла из подчинения Орде, но и сама стала подчинять себе отдельные ее улусы. На рубеже XV–XVI вв. наступил новый этап и в восприятии противостояния Руси и Орды на Куликовом поле. Победа великого князя Дмитрия Ивановича над темником Мамаем стала считаться подтверждением особого статуса страны, служащей вместилищем «правды»⁷⁵. Эти взгляды нашли отражение в «Сказании о Мамаевом побоище».

В летописных рассказах последней трети XV в. отдельные воспоминания о Куликовской битве появляются уже не как простое свидетельство об этом историческом событии, а как образ, имеющий важное смысловое значение. Так, в повествование о походе Ивана III на Новгород и Шелонской битве 1471 г. есть напоминание о победе Дмитрия Донского над Мамаем⁷⁶.

Особое звучание победа в 1380 г. получает в послании ростовского епископа Вассиана Рыло великому князю Ивану III, помещенном в ряде летописей под 1480 г. В нем содержится призыв к активной обороне против нашествия Ахмата на Русь со ссылкой на пример Куликовской битвы.

«Послание на Угру» Вассиана Рыло представляет собой яркое публицистическое произведение. Ростовский архиепископ Вассиан (1467–1481) был обеспокоен колебаниями великого князя Ивана III Васильевича осенью 1480 г., которые были вызваны политическими спорами, возникшими в русском обществе в связи с нашествием хана Ахмата. Вассиан призывал великого князя к решительным действиям

⁷⁴ Овчинникова Е. С. Новый памятник станковой живописи XV в. круга Рублева // Древнерусское искусство, XV – начала XVI в. М., 1963. С. 106–110; Она же. Куликовская битва в древнерусской миниатюре и иконе // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 115–119.

⁷⁵ Филлюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 172–186.

⁷⁶ ПЛДР. Вторая половина XV в. Л., 1982. С. 386.

против Орды, приводя в пример библейские сюжеты и деятельность его предков⁷⁷.

Оценка позиции ростовского архиепископа, бывшего ранее настоятелем Троице-Сергиева монастыря, в историографии различна. Некоторые исследователи считают, что спор Вассиана с великим князем свидетельствует о принадлежности его к так называемой «консервативной группе феодалов». Так, например, по мнению П. Н. Павлова, «на основании Послания Вассиана никак нельзя сделать вывод и о “централистских настроениях”»; «не выступает Вассиан в роли “мужественного патриота” и “прогрессивного деятеля”»⁷⁸. Исследователь близок к точке зрения А. Е. Преснякова, который считал, что «“церковники-иерархи” с преувеличенной риторикой требовали битвы в самый неподходящий момент, а затем по-своему окрасили изложение всей этой истории»⁷⁹. Однако большинство исследователей (Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов, Ю. Г. Алексеев и др.) видят в Вассиане Рыло одного из идеологов складывающегося Русского государства⁸⁰. Еще Н. М. Карамзин подчеркивал, что Вассиан был «старец ревностный ко славе Отечества»⁸¹.

И. М. Кудрявцев, специально посвятивший творчеству Вассиану Рыло исследование, полагал, что писатель говорил о том, что «пришло время освобождения и великий князь Московский должен выполнить свою великую миссию вождя-освободителя, миссию нового библейского царя-судьи». По наблюдениям И. М. Кудрявцева, Вассиан Рыло привел в своем послании множество аргументов в пользу высказанной им мысли. И «все эти аргументы усиливаются тем, что пронизаны идеями своего времени... главные из которых – идея богоизбранности русского народа, идея богоустановленности власти великого князя, идея преемственности власти московского князя от великих князей киевских и другие. Все это идеологическое снаряжение подчинено

Лурье Я. С. Вассиан Рыло // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 124.

Павлов П. Н. Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г. // Ученые записки Красноярского государственного педагогического ин-та. Красноярск, 1955. Т. 4. Вып. 1. С. 201.

Пресняков А. Е. Иван III на Угре // Сборник статей, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 289.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 882; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начало XVIII в. М., 1969. С. 320; *Алексеев Ю. Г.* Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 127–128; и др.

⁸¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Калуга, 1993. Т. 5–8. С. 234.

главному стремлению к национальному освобождению и укреплению русского централизованного государства»⁸².

По мнению А. А. Горского, Вассиан Рыло призывал к активной вооруженной борьбе с Ордой и ее ханом, который на протяжении XIII–XV вв. считался сюзереном Руси и носил титул «царь». Ростовский архиепископ, чтобы подвигнуть Ивана III на активные действия, «объявляет Ахмата самозванным царем», поскольку «и сам Батый, завоевавший Русь, не был царем, и не был царским род, к которому он принадлежал, т. е. род Чингисхана»⁸³.

Позицию Вассиана Рыло можно уточнить, на наш взгляд, рассмотрев его аргументацию в отношении истории отношений Руси и Орды с момента завоевания до второй половины XV в., приведенную в «Послании».

В первую очередь, Вассиан Рыло связывает историю Руси с Библейской историей: «Ныне же дерзнух написати къ твоему благородству (Ивану III. – *Авт.*)», нечто же мало хощу воспамянути от божественаго Писания, елико Богъ вразумит»⁸⁴. При этом Русь называется им «новым Израилем»⁸⁵.

В связи с данным тезисом Вассиан Рыло раскрывает взаимоотношения Руси и Орды. Он отмечает, что монгольское нашествие во главе с Батыем было наказанием русских людей за их прегрешения. Однако это была не единственная причина порабощения, «но точию наши ради согрешения и неисpravления к Богу, паче же отчаания, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батыа, иже пришед разбойнически и поплени всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска»⁸⁶. Итак, кроме грехов, особенно подчеркивается отчаяние и маловерие как другие причины пленения. Поэтому необходимо раскаяние, чтобы избавиться от столь унижительного для христианского правителя рабского положения. Ведь «истинное покаяние – престати от греха», «яко же древле согрешающии израильтяне к Богу, и поработи их Богъ иноплеменником; егда же покаахуся, тогда воставляет имь Богъ от ихъ колена судиа и избавляше их от

⁸² Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. 1951. Т. 8. С. 177–178.

⁸³ Горский А. А. Москва и Орда. С. 173.

⁸⁴ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 522.

⁸⁵ Там же. С. 532, 534.

⁸⁶ Там же. С. 530, 532.

работы иноплеменник». Данные события автор связывает с исходом израильтян из Египта. Однако «согресиши сынове Израилеви господу Богу, и господь Богъ предасть их в работу в руце врагом ихъ. И паки покаашеся, и востави имъ господь Богъ Июдю от рода их, и изби хананея и ферзея и поима царя Аданивезека».

Таким же образом следует вести себя и русским людям: «Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не только свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, Новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит»⁸⁷.

Библейская традиция связывает все несчастья израильского народа с волей Всевышнего, которую нельзя нарушить. И если ранняя русская публицистика приравнивала ордынское владычество к «Вавилонскому плену»⁸⁸, который требовал от искренне верующего смирения перед Божиим наказанием, то Вассиан Рыло вводит в свою аргументацию мотивы «Египетского рабства». Избавление израильского народа от владычества фараона также было связано с волей Бога. Однако переселение из Египта требовало активного сопротивления фараону. При чем подразумевалась завоевательная программа, подобно покорению израильтянами Хананеев и Ферезеев и пленению царя Адони-Везека (Суд. 1: 4–7). Иван III Васильевич, подобно ветхозаветным Моисею, Иисусу Навину и судье Иуде, объявляется освободителем «Нового Израиля». Укрепить его в этой мысли призвана оценка Вассианом Рыло именно действий Иуды по отношению к Адони-Везеку: «Июда же не усумневся и не рече тако, яко не царь есмь сый, ни от рода царьскаго, како царю съпротивлюся, но на Бога надеяние и всю надежу имея, царя царем побеждая. Поймав же и казнию повелев казнить его (Адони-Везека. – *Авт.*), и взя землю их, поработи их сыном Израилевом»⁸⁹.

Кроме того, активное сопротивление «окаанному мыслемому волку, еже глаголю страшливому Ахмату»⁹⁰ Вассиан связывает с борьбой Дмитрия Донского против Мамаю. Дмитрий Иванович «не пощаде живота своего избавления ради христьянского!». Он был готов «и до

⁸⁷ Там же. С. 532.

⁸⁸ См., например: БЛДР. Т. 6. С. 72. Подробнее об этом см.: Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // ВМГУ. Сер. 8. 1999. № 6. С. 23–24.

ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 534.

Там же. С. 524.

смерти страдати за веру и за святые церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овецъ, яко истинный пастырь, подобяся преже бывшим мученикомъ». В результате он «Ангелы удиви и человеки возвесели своим мужеством, и сподвизающимися ему иже до смерти, от Бога согрешением оставление приаши и венци мученичьскими почтени быша, равно яко же первии мученици, иже веры ради пострадаша от мучителей, исповедания ради Христова умроша». А те кто «от супротивных уязвляеми и по победе живи обретошася, сии *кровию своею отмыша первые съгрешения* (курсив мой. – Авт.) и яко победители крепци врагом явишася, и великим хвалам и чести достойни быша не токмо от человекъ, но и от Бога»⁹¹.

Теперь Вассиан Рыло проводит параллели уже с новозаветной историей: ведь жертвенная смерть на кресте Иисуса Христа приводит к искуплению грехов человечества. В частности, в Послании к евреям святого апостола Павла подчеркивается: «И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для *искупления от преступлений, сделанных в первом завете* (курсив мой. – Авт.), призванные к вечному наследию получили обетованное» (Евр. 9: 15). Ниже в Послании отмечается: «Да и все почти по закону *очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения* (курсив мой. – Авт.)» (Евр. 9: 22). Таким образом, по мнению Вассиана Рыло, нелегкая победа Дмитрия Донского над Мамаем не только и не столько показала возможность борьбы с Ордой в связи с покаянием в грехах, но и явилась искупительной жертвой. Она сделала возможным покровительство Всевышнего в противостоянии безбожным татарам.

Именно в связи с изменением степени христианского благочестия и превращением Руси в «Новый Израиль» Ивану III Васильевичу предстоит не только окончательно освободить от владычества иноземцев, «но нам и их *поработит* (курсив мой. – Авт.)», точно так же «яко же древле согрешающии израильтяне к Богу, и поработи ихъ Богъ иноплеменником; егда же покаахуся воставляет имъ Богъ от их колена судиа и избавляаше их от работы иноплеменник, и *работаху им иноплеменници* (курсив мой. – Авт.)»⁹². Ведь власть хана не только не легитимна политически, но и не освящена Божественной волей: «И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называться

⁹¹ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 528, 530.

⁹² Там же. С. 532.

царю повиноватися тебе (Ивану III. – *Авт.*), великому Русских стран христьянскому царю!»⁹³

Призывая Ивана III Васильевича к открытой борьбе с ханом Ахматом, Вассиан Рыло формулирует целостную концепцию ордынского владычества на Руси. Во-первых, связывая Русскую землю – «Новый Израиль» – с библейской историей, автор уподобляет ей события истории отечественной. Отсюда вытекает сентенция о наказании за грехи. Именно так он рассматривает нашествие Батыя на Русь: монголо-татарское вторжение есть кара Божья за отступление русских людей от православной веры. И подобно древнему Израилю по факту искреннего раскаяния должно последовать помилование Руси и освобождение от власти иноплеменников. Ордынское владычество приравнивается в «Послании» к «Египетскому рабству» и требует действенного сопротивления.

Кроме того, Вассиан Рыло рассматривал возможность активного противостояния Орде в связи с искуплением кровью грехов русскими людьми в битве с Мамаем на Куликовом поле. Данные идеологические построения связывают историю Руси уже с новозаветной библейской традицией. Особо Вассиан Рыло подчеркивал роль в этом жертвенном искуплении прадеда Ивана III Васильевича – Дмитрия Донского. При этом мотивы искупления грехов, которые можно приравнять по значению к Воскресению, перекликаются с идейными установками «Сказания о Мамаевом побоище»⁹⁴.

Данные события истории русско-ордынских отношений подводят к отрицанию принадлежности к царскому роду хана Ахмата и всех потомков Чингисхана. В свою очередь, этот вывод делает вполне оправданным открытое вооруженное сопротивление войскам его Орды. Более того, Божественное покровительство, по мнению Вассиана Рыло, не только должно способствовать освобождению от иноземного владычества, но и в дальнейшем должно привести к покорению Орды великому князю как главе «Нового Израиля». Это – внешнеполитическая программа, которую Иван III Васильевич начнет осуществлять, настойчиво выдвигая свои войска против Большой Орды в 1485, 1487 и 1491 гг., а также установлением в 1487 г. фактического протектората над Казанским ханством⁹⁵.

Там же. С. 530.

Филошкин А. И. «Куликовский цикл». С. 184.

Сб. РИО. 1884. Т. 41. № 12. С. 44; № 16. С. 58; № 17. С. 60; № 30. С. 115; ПСРЛ. Т. 8. С. 223; Т. 23. С. 274; Т. 25. С. 231–232; и др.

«Сказание о Мамаевом побоище» – самый подробный из памятников Куликовского цикла. Оно дошло до нас в большом числе списков. Все они делятся на восемь редакций, которые подразделяются на множество вариантов. Впервые тексты «Сказания» на редакции разделил С. К. Шамбинаго. Л. А. Дмитриев пересмотрел его классификацию и уточнил их соотношение. По его мнению, наиболее близка к первоначальному тексту Основная (далее – О) редакция «Сказания». Следующая по старшинству редакция – Летописная (далее – Л), которая была включена в позднюю, третью (середина XVI в.) редакцию Вологодско-Пермской летописи⁹⁶. Л. А. Дмитриев к числу старших редакций также относит Киприановскую (К), вошедшую в состав Никоновского летописного свода 1520-х гг., и Распространенную редакции.

Вопрос о времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» до сих пор представляется весьма сложным⁹⁷. Ссылки его автора на «верного самовидца, иже бе от польку Владимира Андреевича»⁹⁸ заставляют датировать «Сказание» не позднее первой половины XV в., а упоминание бояр Всеволожей, да еще и с княжеским титулом, заставляют предполагать время написания периодом 1426–1433 гг., когда Иван Всеволож был опекуном внуки князя Владимира Андреевича Серпуховского и контролировал Радонежский удел⁹⁹. Правда, в тексте «Сказания» встречаются и более поздние датирующие подробности: упомянут митрополит Киприан, кропивший святой водой уходивших на битву воинов в Константино-Еленовских воротах Московского Кремля. Здесь налицо ошибочное упоминание Киприана. По мнению подавляющего большинства исследователей, в августе 1380 г. он отсутствовал в Москве. Название Константино-Еленовских ворот Кремля появилось между 1476 и 1490 гг.¹⁰⁰ Б. М. Клосс первоначально

⁹⁶ Лурье Я. С. Летопись Вологодско-Пермская // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 37–38.

⁹⁷ Повести о Куликовской битве. С. 406–509.

⁹⁸ Там же. С. 70.

⁹⁹ Скрынников Р. Г. Где и когда было составлено «Сказание о Мамаевом побоище». С. 205–210. Мнения о раннем возникновении «Сказания о Мамаевом побоище» придерживались И. Б. Греков и С. Н. Азбелев (*Греков И. Б.* О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27–36; *Он же.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 316–317; *Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской Летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. статей, 1973 г. М., 1974. С. 164–172; *Он же.* Об устных источниках летописных текстов: на материале Куликовского цикла // Там же, 1976 г. М., 1976. С. 78–101; *Он же.* Об устных источниках летописных текстов: На материале Куликовского цикла // Там же, 1980 г. М., 1981. С. 129–146; и др.).

¹⁰⁰ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 7; *Он же.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 109–114.

датировал памятник 1513–1518 гг.¹⁰¹ Позднее он пришел к выводу, что более вероятным следует считать 1518–1522 гг.¹⁰² В. С. Мингалев относил время создания этого памятника к 30–40 гг. XVI в.¹⁰³ По нашему мнению, более справедлива точка зрения тех исследователей, которые датируют «Сказание о Мамаевом побоище» концом XV – первой четвертью XVI в. Позднейшие ее редакции в «Летописце» князя И. Ф. Хворостинина, Феодосия Сафоновича, «Синописиса», редакции, объединяющей тексты редакции «Синописиса» и Основной редакции, датируются уже XVII в.¹⁰⁴ Они отражают взгляды своей эпохи на события 1380 г.

По данным «Сказания о Мамаевом побоище», поход Мамаю начался «попущениемъ божиим»¹⁰⁵; «Безбожный царь Мамай грядет на нас неуклонным образом... Преосвященный же митрополит рече великому князю (Дмитрию. – *Авт.*): “Видиши ли, господине, попущениемъ божиим, а наших ради согрешений, идет пленити землю нашу”»¹⁰⁶. При этом именно в данном источнике особенно часто подчеркивается роль дьявола в событиях 1380 г.: «Навождением диаволским воздвижеса царь от восточныя страны, именем Мамай... Внииде в сердце его подстрекатель Диавол, како егда пакости деет, христианом потреблену бытии, яко да не славится имя господне в людех его. Он же, безбожный царь, нача рвением диаволим носыму бывати»¹⁰⁷; «И нача подвижнее быти диаволом палим непрестанно, ратуя на христианы»¹⁰⁸; «Он же нечестивый царь, разжением дияволом на свою пагубу»¹⁰⁹.

В «Сказании о Мамаевом побоище» Мамай получает ряд новых непривлекательных эпитетов «еллинъ сыи верою, идоложрец, иконоборец, злый христианский укоритель»¹¹⁰. По данным источника, он – язычник и явный противник христианства. При этом если в ранних повестях

Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище». С. 253–262.

Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 2. С. 344.

Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. С. 12–13.

Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 372–373.

ПКЦ. С. 137, 138, 226.

Там же. С. 229.

Там же. С. 137, 226.

Там же. С. 138: «Слышав же безбожныи царь от своих агарянь, нача подвиженъ бытии, дьяволомъ хвалимъ, [иже] непрестанно ратуя на христианство... нача глаголати къ отступникомъ своимъ... А не ведыи того, яко господня рука высока естъ» (Там же. С. 226).

Там же. С. 239.

¹¹⁰ ПКЦ. С. 226.

Мамай пытается узурпировать высший царский титул, то в «Сказании о Мамаевом побоище» он последовательно называется царем. По подсчетам В. Н. Рудакова, в его Основной редакции Мамай назван царем более 40 раз¹¹¹. Повышение статуса темника было связано с целями, которые преследовал автор памятника. По мнению А. И. Филюшкина, «основной мыслью произведения является противостояние “правды” и “отступников”, царя – служителя истинного Бога и царя ложного»¹¹². В данном случае повышение титула Мамаю призвано возвысить статус великого князя Дмитрия Ивановича. Автор вкладывает в уста Мамаю следующие слова: «Мне убо, царю, достоит победити подобнаго себе, и довлеет ми царская честь»¹¹³. Таким образом, царский статус Мамаю связывается с его предполагаемой победой над великим князем.

При этом Мамай последовательно приравнивается к несправедливым царям: «Первому отступнику Батию и новому законопреступнику Юлиану возревновав... Тако во оныи дне Иерусалим пленен был Титусом Римским и Навходоносоромъ Вавилонским»¹¹⁴.

Примером для Мамаю выступает завоеватель Руси Батый. Темник «со всеми силами, неуклонно яряся на веру христианскую ревнуя беззконному Батию»¹¹⁵, «нача испытovati от старых еллин, како той безбожный царь Батий плени землю Русскую, како случися ему от них. И тако сказа ша ему все, како плени Батий Киев и Володимер и всю Русь и Словенскую землю, и великого князя Димитриевича уби, и многих славных изби князей русских православных, и святыя монастыре оскверни, и вселенскую церков златоверхую разбив. Ослепленну же ему (Батию. – *Авт.*) очима, и тому не разуме, како господь бог будет годе. Тако во оныи дне Иерусалим пленен был Титусом Римским и Навходоносоромъ Вавилонским за их согрешение и маловерие. Да не до конца прогневается господь, ни во веки враждуетъ»¹¹⁶. Последняя фраза подчеркивает Божественную волю в наказании и милости верующих и является цитатой из 102-го псалма: «ЩЕДРЪ ѿ МЛТНВЪ ГДЪ, ДОЛГОТЕРПѢЛНВЪ ѿ МНОГОМЛТНВЪ. НЕ ДО КОНЦА ПРОГНѢВАЕТСА, НИЖЕ ВО ВѢКЪ ВРАЖДЕТЪ:» (Пс. 102: 8–9).

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 302.

Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 180.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 228.

¹¹⁴ ПКЦ. С. 137, 138, 226.

¹¹⁵ Там же. С. 229.

¹¹⁶ Там же. С. 226.

Данная цитата могла быть заимствована автором памятника из «Летописной повести», где она сохранилась практически в такой же формулировке¹¹⁷. Однако в «Летописной повести» эта цитата отнесена непосредственно и исключительно к нашествию и действиям Мамаю, тогда как здесь она характеризует завоевание Руси Батыем и весь период ордынского господства.

Кроме того, по словам автора «Сказания о Мамаевом побоище», Мамай желает быть подобен не столько Батыю, сколько Вавилонскому царю Навуходоносору: «Аще бым хотел своею силою древный Иерусалимъ пленити, яко же и халдеи (вавилоняне. – *Авт.*)»¹¹⁸.

При этом стремление Мамаю много превосходит совершенное Батыем. Он «нача глаголати ко отступником своим... яко: “Не хошу аз тако творити, како Батий”, рка: “Егда же убо доидем Руси, убью князя их и изберу, который города красныи довлеют нам, и ту придем и ту сядем ведати, тихо и безмятежно поживем». Не ведый того, яко господня рука высока есть”»¹¹⁹. Итак, если нашествие Батю было Божиим наказанием во исправление грехов, а стало быть, явлением временным до помилования, то поход Мамаю ставит под вопрос само существование православной Руси.

Как в «Летописной повести», так и «Сказании о Мамаевом побоище» положительными героями было русское воинство, которое возглавляет великий князь Дмитрий Иванович. Уже в начале памятника отмечается: «Хощем, братие, начатии повести новые победы, яко случися брань на Дону провославным христианом з безбожными агаряны, како возвысися рог христианский, а поганых уничижи господь и посрами их суровство, яко иногда Гедеоном над мадиамы злыя и преславным Моисеем на фараона»; или «Подобаеть намъ поведати величестия божиа, како створи волю боящихся его, како способствова великому Димитрию Ивановичу над безбожными татары»¹²⁰ При этом «жалостно бе видети и грозно зрети таковых воин русских собрания и храбрости таковаго учреждения, вси бо един за единого хотят умерети и вси един глас начаша глаголати: “Господи боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Константину, победу. И покори под нозе враги, яко же иногда Аммалика кроткому Давыду” Сему же удивишася литовский князь и рекоша к себе: “Истинне бытии

Там же. С. 39, 79.

Там же. С. 228.

Там же. С. 226.

¹²⁰ Там же. С. 137.

при нас, ни преже, ни по нас такому войску. Подобны суть макидонскому войску, мужеством их и бысть Гедеоновы снужницы, господь же своею силою вооружил их!»¹²¹. Таким образом, устами литовского великого князя автор произведения приравнивал войско великого князя Дмитрия Донского к армии Александра Македонского.

Источник подчеркивает, что к Дмитрию Донскому присоединяются сыновья великого князя Ольгерда. Причем «князь же великий Дмитрий возрадовася радостию великою силе божией, яко не удоб бе мощно такому бытию, яко дети отца оставляют и поругашася, яко иногда волсви Ироду, и приидоша на помощ нашу. И многими дарми почти их, яко бе мощно на путь радующеся и веселящеся о святом Дусе, земнаго уже отвергошася, глаголющее себе безсмертнаго инаго пременения. И рече же к ним князь великий: “Братия моя милая, коей ради выны или потребы прийдосте семо ко мне? Аз убо разумею, яко не мене ради прийдосте семо, но господь посла вас в путь свой. Воистинну ревнители есте отца нашего Авраама, тайно воскоря Лотове поможт”»¹²². Они высказывают твердое желание выступить защитниками Православия. Старший Андрей заявляет: «Ныне убо подвизаимся, братие, не земнаго ради живота, но небесныя почести желающе, юже господь дает творящим волю его»¹²³. Его брат Дмитрий отвечает: «И сим путем подвига сего добраго, еже открыл еси брату моему старейшему... готов есм по твоему наказанию, брате господине... якоже иногда Иосиф со Вениамином»¹²⁴; «ити путем подвига сего... готовится днесь противу наказанию»¹²⁵.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» особо подчеркивает, что братья выступают против воли своего отца. Возможно, именно для раскрытия этого сюжета и вводится в повествование образ Ольгерда, который на самом деле умер еще в 1377 г. Поведение братьев Ольгердовичей было подкреплено евангельской цитатой: «Во предании будете родителми и братиею и умертвят вас имени моего ради. Претерпевый же до конца, той спасется»¹²⁶ («Прѣдани же вѣдете ѿ родитѣли ѿ братїею ѿ родомъ ѿ дрѣги, ѿ оумертвѣтъ ѿ вѣсь: ѿ вѣдете ненавидими ѿ всѣхъ мене моегѡ ради: ѿ вѣсь главы вѣшеа не погїбнетъ: въ терпѣнїи вѣшемъ стѣжитѣ дѣшы вѣша»

¹²¹ ПКЦ. С. 240.

¹²² Там же. С. 164, 237–238.

¹²³ Там же. С. 162–163, 237.

¹²⁴ Там же. С. 237.

¹²⁵ Там же. С. 163.

¹²⁶ Там же. С. 237.

(Лк. 21, 16–19)). Выбор, сделанный братьями, должен приблизить их личное спасение.

Примером для всех войск служит поведение его предводителя: «Слышав же то великий князь Дмитрии Иванович, яко грядет на нь (о таковых бо патерик рече: “Поистине бо отсекошася своя масличыны и присадишася к дикой масличыне”) безбожнии же царь Мамай со всеми силами, неуклонно яряся на веру христианскую ревнуя беззконному Батию, князь великий Дмитрий Иванович велми опечалився о безбожныхъ нахожению. И став пред святою иконою господня образа, юже во зглавии его стояше, и, пад на колену свою, начат молитися: “И аще смею молитися, господи, смиренный раб твой, то к кому простру уныние мое? Но на тебе надеюся, господи, боже мой, возверзну печаль мою. Ты бо сведителю, владыко, яко отцем нашим, иже наведе на ны и на вся грады их злого Батия. И еще бо, господи, тому страху и трепету в нас сушу велику. И ныне, господи, не до конца прогневайся на ны, вем бо, господи, яко мене ради хочещи всю землю нашу погубити. Аз бо согреших пред тобою паче всех человек, сотвори убо, господи, слез моих ради, яко же Иезекиино, укроти, господи, свирепому сему, еже на ны воздвиглся”»¹²⁷.

В противовес гордыне Мамаю автор «Сказания о Мамаевом побоище» подчеркивает смирение православного князя. И Дмитрий, и его воины взаимно приводят слова верности истинной вере: «Аз же, братие, за веру хочю потерпети даже и до смерти... И мы ж, господине, готовы есмы умерети с тобою и главы своя положити за святую веру и за твою великую обиду»¹²⁸, «яко дерззаютъ побарати по вере»¹²⁹. Данная решимость православного воинства умереть за веру четко соответствовала христианскому мировосприятию. Как подчеркивает А. Е. Мусин, «нравственное богословие всегда выдвигало на первый план идею умирания за веру, это хорошо прочувствовал Н. А. Бердяев, сказавший, что на войну идут не убивать, а умирать. Христианский воин вступал в особые отношения со смертью и будущим временем, бросая ей вызов и надеясь победить как ее, так и сопутствующее ей неумолимое время»¹³⁰.

Там же. С. 229.

Там же. С. 231.

Там же. С. 148.

¹³⁰ Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. С. 82.

В источнике особо подчеркнута роль митрополита Киприана. По мнению В. В. Колесова, появление в памятнике Киприана связано с трехчастной композицией произведения. В частности, троичное разбиение исследователь видит и в отношении к «священнослужителям, с точки зрения композиционной струи исполняющим функции связи между Божьей волей и земной силой князя... Удивлявшую исследователей необходимость включения Киприана в повествование можно толковать как потребность заполнить верхний уровень в этой триаде, поскольку, с точки зрения церковной иерархии, действительный мольщик князя Сергей не мог стать ее верхним пределом»¹³¹.

По версии источника, Дмитрий Иванович обращается за советом к митрополиту и получает следующий ответ: «Видиши ли, господине, попущением божим, а наших ради согрешений, идет пленити землю нашу, но вам подобает, князем нашим православным, тех нечестивых дарми утолити, четверицею усугубити. *Аще того ради не смирится, но господь его смирит, того ради господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (выделено нами. – Авт.). И тако ж случися великому Василию в Кесари. Егда отступникъ Июлиан, идый к Персом, хотя разорити град его, святыи же Василий помолися со всеми христианы господу богу и собра много злата и посла к нему, дабы его утолити иогл того преступного злого. Он же паче възъярився, и господь посла на него воина своего Меркурия. Изби Меркурий божиею силою злаго отступника злого Юлиана со всеми силами его. Ты же, господине, возми злато, еже имаеши, и пошли противу ему, паче исправися»¹³². Таким образом, Киприан «с помощью апелляций к библейским цитатам и примеру из церковной истории (осада Юлианом отступником Кесарии) переводит суть конфликта в противостояние смирения (Дмитрий) и гордыни (Мамай)»¹³³. Правда, в конечном итоге митрополит благословляет князя на вооруженное сопротивление ордынцам: «Пресвященныи же митрополить великому князю рече: “...ты же именем господнимъ противися имъ, и господь в правду будетъ помощник, а от всеведущаго владычня ока не можеше избыти, от крепкия руки его”»¹³⁴.

¹³¹ Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб., 2004. С. 359–360.

¹³² ПКЦ. С. 144–145, 229.

¹³³ Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 181.

¹³⁴ ПКЦ. С. 146, 230.

Отрицательными персонажами «Сказания о Мамаевом побоище» являются великие князья – Олег Рязанский и Ольгерд/Ягайло Литовский. Последний из них титулуется королевским титулом, что отражает ситуацию, сложившуюся в 1386 г., когда Ягайло стал королем Польши.

Отношения Олега и Мамаея характеризуются следующим образом: «Посла же Олег великий князь Резянский к царю Мамаю незаконному своего посла с великою честью и со многими дарми, ярлык свой написа к нему сицевым образом: “... твой посажник Олег Резанский... що хочещи ити на Русь, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича Московского, огрозитися ему хочещи... Мене же, раба твоего, Олга Резанского, держава твоя пошадит... И еще, царю, молю тя, оба есмы твои рабы, и я велику обиду приях от того ж Димитрия”»¹³⁵. В источнике подчеркивается, что великие князья Ольгерд Литовский и Олег Рязанский «не ведяху, что помышляху, что глаголаху яко несмысленный младый детща, не ведуща божия силы и владычня смотрения. Поистине рече: “Аще кто ко богу веру держит з добрыми делы и во правду в сердци имеай, не может бытии без многих враг”»¹³⁶. Как метко подметил А. И. Филюшкин, они «ведут себя как малые дети, изъявили покорность татарам, прежде всего, от “неразумия” и нетвердости в истинной вере»¹³⁷.

Поведение князей не может получить никакого оправдания, и автор «Сказания» отмечает: «О таковых пророкъ рече: не сътвори суседу своему зла и не копаи под нимъ ямы. Да и тебе богъ в горшее не вержеть» или «О таковых бо рече пророк: “Не сотвори суседу своему, ни ближнему своему зла; ни рый, не подкопывай под другом своим ямы. Сам бо горше в ню ввержен будеши”». Данные слова являются практически точной цитатой из Книги Притчей Соломоновых: «ИЗРЫВА́Й Я́МЪ СКРЕННЕ́МЪ ВПАДЕ́ТСА ВЪ НЮ: ВАЛЪ́АЙ ЖЕ КА́МЕНЬ НА СЕБЕ́ ВАЛИ́ТЪ» (Притч. 26: 27).

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» вложил в уста темника следующий ответ: «И царь Мамаи... списавъ списание сице Олгерду литовскому и Олгу рязаньскому: “...мне убо ваша пособья не надобна, но аще бы азъ хотелъ, своею силою древней Иерусалимъ пленил бы, яко халдеи, но чести вашей ради, но моимъ именемъ, [а] вашей

Там же. С. 227.

¹³⁶ Там же. С. 228.

¹³⁷ Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 181.

рукою распужен будетъ унязь Дмитриии московскыи [и] огрозиться имя ваше въ странах ваших. Мне убо царя достоинъ победить подобна себе и довляет ми царская честь»¹³⁸. Князья же «скудни умомъ велми възрадовашеся о суетне привете безбожнаго царя, а не ведущее, яко богъ власть даетъ, ему же хошетъ». Вероятно, здесь необходимо искать библейские представления о природе власти: «**Всѣа дѣша властѣмъ предержавнымъ да повинѣтса: нѣсть бо власть ꙗже не ѿ бѣга, свѣдѣнъ же власти ѿ бѣга оучинѣны сѣть. Тѣмъ же противлѣаи сѣ власти, бѣгю повелѣнью противлѣетса: противлѣающіи сѣ себѣ грѣхъ пріемлютъ**» (Рим. 13: 1–2). Далее автор памятника отмечает, что «ныне же едина вера, едино крещение, а к безбожному приложишяся вкупе гонити православную веру Христову. О таковых бо пророкъ рече: “Поистине сами отсекошяся своеа добрыа масличны и присадишяся к дивии масличне»... Ныне же сего Олга рязанскаго втораго Святополка нареку»¹³⁹. Данные слова также связываются автором со словами Нового Завета: «**Ще ли нѣкѣмъ ѿ вѣтвей ѿломѣшася, ты же, дѣвѣмъ маслинна сѣмъ, прицѣпѣи сѣ въ нѣхъ, ѿ причѣстникъ корене ѿ масти маслинныа сотвори сѣ сѣ, не хвали сѣ на вѣтви: ꙗже ли же хвалиши сѣ, не ты корень носиши, но корень тебѣ**» (Рим. 11: 17–18). В конечном итоге великий князь Олег Рязанский пришел к выводу: «Аще убо великому князю поработати – вестъ бо отнюдь измену мою, то не примет мене. Аще приложуся к нечестивому Мамаю то поистине яко древний гонитель на Христову веру, яко новаго Святополка земля мя пожрет...»¹⁴⁰ Таким образом, союзники Мамаея рассматриваются в памятнике как неразумные отступники от Истинной Веры, которых ждет неминуемое наказание Всевышнего. При этом, как отметил В. В. Колесов, в «соответствии с замыслом Сказания ни Олег, ни Ольгерд не даны в движении»¹⁴¹.

В «Сказании о Мамаевом побоище» битва представляется как место Божьего суда. Так, например, великий князь Дмитрий Иванович заявляет: «Суди, господи, межи ими и мною, яко и бысть и в преднии дни и приде Исаф на брата своего Иякова и Израиля, и Яковъ, ставъ

¹³⁸ ПКЦ. С. 142, 228.

Там же. С. 142–143.

Там же. С. 236. Вариант Ундольского: Олег: «...аще убо великому князю восхощу ныне поборати, то отинудъ не примет мя, яко вестъ бо измену мою; аще ли приложуся к нечестивому, то воистину древни гонитель буду на Христову веру, яко инога Святополка земля пожретъ мя...» (Там же. С. 161).

¹⁴¹ Колесов В. В. Слово и дело. С. 362.

на граде и рече Асфу: брате, богъ межи мною и тобою»¹⁴²; «И паки рече: «Хвалю тя, боже мои, и почитаю имя твое святое, яко не даль еси нас в погибель врагомъ нашим, не дал еси похвалы иному языку. Но суди, господи, по правди моеи, азъ въ веки уповаю на тя»¹⁴³. После битвы автор вкладывает в его уста следующие слова: «Слава и ныне, господь богъ, помилуй нас грешных. А вамъ, братие, князи и бояри и молодые люди, суженое место межи Доном и Днепра, на поле Куликви и на речки на Небрядни, а положили есте головы своя за святыя церкви и за землю Русскую и за веру християнскую... а чести есмя собе укупили, славнаго имени»¹⁴⁴. Ниже великий князь подчеркивает: «Господи боже нашъ, владыко страшныи и крепкыи, воистину бо ты еси царь славы, помилуй насъ грешных и остави нас и не отступи от насъ. Суди, Господи, обидящимъ нас и возбрани борющаа насъ, прими оружие и щить и встани в помощь мне. Даи же ми, Господи, победу на противныя враги, да и ти познають славу твою»¹⁴⁵. Данные слова связываются с установками 34-го псалма: «Сѡдѣи, гдѣи, ѡбѣдѣи мѣ, побори борѣи мѣ. Прѣими ѡрѣжѣи и щѣтъ и востѣни въ помѡщъ мою» (Сѡдѣи ми, гдѣи, по правдѣ твоѣи, гдѣи бжѣ мой, и да не возрѣдѣютсѣ ѡ мнѣ) (Пс. 34: 1–2, 24).

Показательно в этом плане, что при описании битвы «много устойчивых сочетаний, обычных для средневековых воинских повестей, и нейтральность традиционного штампа как бы стирает в глазах автора противопоставление русского воина вражескому: в бою они равны... Равные друг другу в бою, русские и вражеские воины погибают одинаково...». Однако в тексте «Сказания» «передано основное различие между христианским воином, положившим свою голову за правое дело, и “безбожными агаряны”, которые, *утрачивая свой живот* (курсив В. Колесова) (телесную жизнь), не получают жизни небесной»¹⁴⁶.

Сражение рассматривается как грандиозная жертва русских воинов. Автор памятника вкладывает в уста преподобного Сергия Радонежского следующие слова: «Рече ему (Дмитрию. – Авт.) старец: “Сие замедление су[гу]бо ти поспешиво будетъ, не [у]же бо ти венець сия победы носити, [но впредь будущих летехъ] а инемъ уже

ПКЦ. С. 145–146.

Там же. С. 184, 248.

Там же. С. 187.

Там же. С. 152–153, 232.

¹⁴⁶ Колесов В. В. Слово и дело. С. 362–363.

мнозимъ венце плетутся»¹⁴⁷. В ходе сражения отмечается: «Мнози же сынове рустии начаша радоватися зрящее своего желаниа подвига... и чающее свыше оного обетованиа прекрасных венцовъ, о них же прорече преподобнии Сергии»¹⁴⁸, а также: «...той же облакъ исполнень рукъ человеческъ, кааждо рука дрѣжаще веньци, ова же яко проповедническа и пророческа, ины же яко некаия дарове. Егда же наставшу 6-му часу, мнози венцы от облака того отпустишася на главы христианския»¹⁴⁹.

Другим признаком искупительной жертвы в ходе битвы и по ее окончании является явно подчеркиваемое автором кровопролитие сражения. В первую очередь отмечается, что перед битвой «князь же великийи видевь полци по достоянию учрежены и сшед с коня, паде на земли зелени прямо великому полку черному знамени, на немъ же въображен образ нашего Христа, въздохнув из глубины душа и нача звати велигласно: “Владыко вседръжителю, веждь смотрительным окомъ на люди сия, иже твоею десницею сътворены суть и твоею кровию искупления суть от работы аристора”»¹⁵⁰. Таким образом, автор связывает битву на Куликовом поле с искуплением грехов человечества Иисусом Христом на кресте. При этом особо отмечено, что после сражения «Донъ река кровия текла 3 дни, а река Мечь вся запрудилася трупом тотарским»¹⁵¹.

Здесь необходимо сказать, что именно жертвенная смерть на кресте Иисуса Христа приводит к искуплению грехов человечества. В частности, в Послании к евреям святого апостола Павла подчеркивается: «И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для *искупления от преступлений, сделанных в первом завете* (курсив мой. – Авт.), призванные к вечному наследию получили обетованное» (Евр. 9: 15). Далее в Послании отмечается: «Да и все почти по закону *очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения* (курсив мой. – Авт.)» (Евр. 9: 22).

Кроме того, при описании событий после битвы цитируется 24-й стих 117-го псалма, который, как отметил Л. А. Дмитриева, исполняется в стихирах к пасхальным службам¹⁵². Таким образом, комплекс

¹⁴⁷ ПКЦ. С. 151, 231–232.

¹⁴⁸ Там же. С. 166, 167, 239.

¹⁴⁹ Там же. С. 179, 246.

¹⁵⁰ Там же. С. 169, 240.

Там же. С. 185.

¹⁵² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 403.

рассмотренных образов подтверждает вывод А. И. Филюшкина о том, что «битва приравнивалась по значению к воскресению»¹⁵³.

Перед великим князем Дмитрием Ивановичем открывается возможность не просто политического выбора, но выбора пути истиной веры: «Гнездо есмо князя Володимира Киевского, иже изведе нас от смерти еллинская, ему же господь откры познати веру христианскую, якоже оному стратилату Плакиде, он же заповеда нам тую веру крепко держати и поборяти по ней. Аще кто ради постраждет в оней, то во оном веце со святыми божиими будет». Поэтому столкновение в Куликовской битве рассматривается как сражение против разрушителей истинной веры: «Сам же князь великий воздев руци свои на небо и нача плакаться глаголати: “Господи, боже, творче и человеколюбче, молитвою святых мученик Бориса и Глеба, помози, господи, яко же Моисею на Амалика, перво Ярославу на Святополка, и прадеду моему Александру на хвалящагося короля римского разорити его отчество. Не по грехом моим воздаждь ми, излий на ны милость свою, простри на нас благоутробие свое, не дай нас во смех врагом нашим, да не порадуются на нас враги наши, ни рекут страны неверных: где есть богъ их, на нь же уповаша? Как бы поражая кости мои, ругаются надо мною враги мои, когда говорят мне всякий день: “где Бог твой?”. И помози, господи, христианом, ими же величается имя твое святое”»¹⁵⁴. Не случайно в тексте присутствует цитата из Псалтири: «Не по грехом моим воздаждь ми, излий на ны милость свою, простри на нас благоутробие свое, не дай нас во смех врагом нашим, да не порадуются на нас враги наши, ни рекут страны неверных: где есть богъ их, на нь же уповаша? Как бы поражая кости мои, ругаются надо мною враги мои, когда говорят мне всякий день: “где Бог твой?”» (Пс. 41: 11).

Особое внимание привлекает к себе эпизод «Сказания» об ударе засадного полка, решившего исход битвы: «Приспе же осмыи час, абие духъ потягну ззади. Въспи же Волынецъ гласом велим: “Княже Володимеръ час приде, время приближися!” И рече: “Братья и друзи, дръзайте, сил бо святого духа помогает намъ”»¹⁵⁵. «Тако сии крепции мужи, направлении разумным своим воеводу, беху бо яко отроци Давидовы, имъ же сердца беша, аки лвовы»¹⁵⁶. Показательно, что в

¹⁵³ Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 184.

¹⁵⁴ ПКЦ. С. 242.

¹⁵⁵ Там же. С. 180.

¹⁵⁶ Там же. С. 181, 246.

«Сказании» по варианту В. М. Ундольского указание на то, что «духъ» был именно южный, нет. В редакции по Ермалаевскому списку данный эпизод описан следующим образом: «Приспе же час осмый, абие потягну духу южну созади нас»¹⁵⁷.

В. Н. Рудаков, анализируя отрывок, приходит к выводу, что «упоминание “духа южного” было связано с необходимостью описать сцену не батальную, а проведенциальную, где “дух” знаменовал собой сошествие на помощь русским “Силы Святого Духа”. Семантическая близость “духа южного” и “Святого Духа” актуализировала именно знаковую функцию исследуемого чтения... Таким образом, мы полагаем, что “духъ южный”, будучи не связан с реальным южным ветром Куликовской битвы, являл собой подчеркиваемое автором “Сказания о Мамаевом побоище” знамение снисходящей на православное воинство Божественной благодати»¹⁵⁸.

А. И. Филюшкин отметил, что воины засадного полка «...названы “отроками Давидовыми”». Толкование данного оборота может быть двояким. Возможно, здесь просто содержится отсылка на могучих воинов царя Давида. Но более вероятным представляется, что здесь русские сравниваются с «домом Давида», который «будет как Бог» (Зах. 12: 8), на который «изольется дух благодати» (Зах. 12: 10). Как известно, Давид был идеалом справедливого и истинного царя, с которым связывались мессианистские ожидания Израиля (ср. Пророчество Нафана в 2 Цар. 7: 5–18)»¹⁵⁹.

Оба исследователя пришли к справедливым выводам. Однако они не обратили внимания на ветхозаветное описание войны царя Давида с филистимлянами, которое, на наш взгляд, связывает воедино все элементы описания действий засадного полка (и сама засада в «зеленой дубраве», и «духъ южный», символизирующий снисхождение Божественной благодати, и «давидовых отроков»): «И вопроси давидъ гда: възидѣ ли ко иноплемѣнникымъ; и предади ли ихъ въ рѣцѣ мой; И рече емѣ гдѣ: не исходи на срѣтеніе имъ, но оуклониса ѿ нихъ, и пристѣпниши къ нимъ близъ дѣрѣвы плача: и вѣдетъ, егда оуслышиши гласъ шѣма ѿ дѣрѣвы плача, тогда снідеши къ нимъ, ѿкъ тогда изыдетъ гдѣ предъ тобою същи на брани иноплемѣнники» (2 Цар. 5: 23–24; 1 Пар. 14–15).

¹⁵⁷ ПКЦ. С. 246.

¹⁵⁸ Рудаков В. Н. «Духъ южный» и «осьмой час» в «Сказании о Мамаевом побоище». С. 142.

¹⁵⁹ Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 184.

Как и в «Летописной повести», так и в данном памятнике поведение Мамаю после сражения ярко иллюстрирует судьбу безбожника. Во-первых, темник «и паки обратишася и Даша в плещи и побегоша в поле неуготованными дорогами в лукоморье»¹⁶⁰. Во-вторых, как отметил А. И. Филюшкин, Мамай «напрасно зовет своих неверных богов»¹⁶¹: «Мамаи же видевь победу свою, нача призывати боги своя Перуна, Ираклия, Салавата, Хурса и великого пособника Махъмета, и не бысть ему помощи от них»¹⁶². Завершение его земной жизни описано кратко: «А поганьи Мамаи приде же на место, идеже есть сам град Кафа назданъ бысть, и познанъ бысть не от коих купецъ и ту убиень бысть от фрязовъ, испроверже зли живот свои»¹⁶³. При этом, в отличие от «Летописной повести», автор «Сказания» не акцентирует внимания на злоключениях Мамаю – его судьба предопределена его выбором (он есть орудие дьявола).

Встречу победоносного войска автор «Сказания о Мамаевом побоище» описывает следующим образом: «Митрополить же Киприанъ срете великаго князя в Одрееве монастыре з живоносными кресты и съ святыми иконами и огради крестомъ и рече: “Радуися, княже нашъ велики Дмитрии Ивановичъ, победивъ своа супротивники. Новьи еси Александръ, вторыи Ярославъ, победитель своимъ врагомъ”. И окропи его святою водою и рече ему митрополить: “Сыну мои, господине великыи князь, яко ты царствуеши въ векъ. Земля твоя спасетсѧ” И рече ему князь великыи: “Азь, отче, велми пострадах за веру и за свою великую обиду, и дасть ми господь богъ помощь от крепкия своя руки”... иде в церковь и нача молитися съ слезами и рече: “Образ божьи нерукотворный, не забуди нищих своих до конца. Не предал еси нас врагом нашимъ в покорение и да не порадуются о нас». Изыди изъ церкви и рече ему пресвященный митрополит: “Поиде, господине, на благословенное себе место, на град Москву, и сяди, господине, на своем княжении”»¹⁶⁴.

Здесь показательно, что митрополит сравнивает Дмитрия не только с Ярославом Мудрым, но и с Александром. Как правило, летописцы четко соблюдали хронологическую последовательность, и надо полагать, что объектом сравнения здесь был Александр Македонский.

¹⁶⁰ У С. 182; Е. С. 246–247.

¹⁶¹ Филюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 183.

¹⁶² У С. 182; Е. С. 246–247.

¹⁶³ У С. 187; Е. С. 250.

¹⁶⁴ У. С. 190–191.

Это тем более вероятно, что ранее войска московского князя приравнивались к македонской армии.

Логическим завершением событий стало возвращение великого князя Дмитрия Донского и его православного воинства в Москву: «А сам възратися въ свою отчину и приде на град свои Москву и сяде на своем княжении, царствуя въ веку»¹⁶⁵. При этом, как отметил А. И. Филюшкин: «Царь Дмитрий взошел, как солнце, и осветил всю русскую землю»¹⁶⁶. Не исключено, что по замыслу автора «Сказания» присвоение царского статуса Мамаем, напрямую связанное с его победой над московским князем («Мне убо, царю, достоит победити подобнаго себе, и довлеет ми царская честь»¹⁶⁷), должно было означать получение Дмитрием Ивановичем подобного права на царский титул в результате победы над своим противником.

Показательно, что вполне четко формируется и концепция ордынского владычества на Руси. Время ее покорения ордынскими ханами и особенно Батыем приравнивается к ветхозаветному «Вавилонскому плену»: «Тако во оныи дне Иерусалим пленен был Титусом Римским и Навходоносоромъ Вавилонским за их согрешение и маловерие». В то же время автор рассматривает период господства Орды над Русью как время значительного бедствия. Ведь подавление иудейского восстания в 70 г. н. э. римским императором Титом сопровождалось многочисленными жертвами и значительными разрушениями, в том числе святынь. Однако данный период в представлении автора носит ясно выраженный временный характер: «Да не до конца прогневается господь, ни во веки враждуеть».

В то же время до момента сражения статус русских князей определяется в разных вариантах Основной редакции следующим образом. Московское великое княжество в послании Ольгерда Мамаю называется ханским улусом: «Господине, хощешу казнити свои улусь, московскаго князя Дмитрия»¹⁶⁸. В другом случае великий князь назван «служебником»¹⁶⁹. Князь Олег Рязанский обозначается как «улусник» или «услужник»¹⁷⁰.

¹⁶⁵ ПКЦ. С. 194.

¹⁶⁶ *Филюшкин А. И.* «Куликовский цикл». С. 184.

¹⁶⁷ ПКЦ. С. 228.

¹⁶⁸ Там же. С. 140–141; БЛДР. Т. 6. С. 142; и др.

¹⁶⁹ ПКЦ. С. 228.

¹⁷⁰ Там же. С. 140–141, 228; БЛДР. Т. 6. С. 142.

При этом устами великого князя Олега Рязанского автор «Сказания о Мамаевом побоище» отмечает: «Аз бо чаях по преданному яко не подобает русскому князю противу восточнаго царя стояти»¹⁷¹. И так, время, когда Господь наказывал Русь пленом иноплеменников и иноверцев, прошло. Теперь Дмитрию Ивановичу предстоит доказать этот факт в битве с Мамаем, победа в которой будет означать обретение независимости.

Показательно, что лишь в Летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» сохраняется известие о признании русскими князьями власти хана Токтамыша, после его победы над Мамаем (восходящее к «Летописной повести»). В подавляющем большинстве других редакций памятника данный факт отсутствует. Тем самым, на наш взгляд, его автор или редакторы показывали, что власть любого «восточного царя» над Русью стала нелегитимной после победы на Куликовом поле.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно к рубежу XV–XVI вв. русские люди интерпретировали победу на Куликовом поле как особое событие. В начале XV в. еще сохранялась близость восприятия сражений на Воже и на Дону. В «Житии преподобного Сергия Радонежского» не определено, в каком году святой благословил московского князя на борьбу с татарами, только по упоминанию церковных праздников можно догадаться, что речь идет о Вожской битве¹⁷². В «Летописной повести о Куликовской битве» Рогожского летописца 40-х гг. XV в. ошибочно дано название «О войне и о побоище иже на Воже»¹⁷³. Тем не менее Куликовская битва начинает приобретать особое значение и казаться событием, предотвратившим скорое наступление конца света. На рубеже XV–XVI вв. победа на Дону в глазах потомков становится событием, утвердившим избранность Руси («Сказание о Мамаевом побоище»). Именно тогда благословение Сергия Радонежского перед Вожской битвой было приурочено к победе на Куликовом поле.

Такое резкое преувеличение значения Куликовской битвы общественным сознанием особенно заметно, если сопоставить итоги сражения с их осмыслением потомками. Ведь победа Дмитрия Ивановича

¹⁷¹ ПКЦ. С. 160.

¹⁷² Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 109–114.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 139.

не означала свержения власти Орды, ибо его противником был не «царь», а узурпатор Мамай, разгром которого способствовал усилению власти хана Токтамыша¹⁷⁴.

Переосмысление событий 1380 г. в эту новую историческую эпоху заставило еще раз обратиться к «Задонщине», новые редакции которой были составлены в 70-х гг. XV в.¹⁷⁵ Причем авторы переработок сочли необходимым сохранить восторженность первоначального текста.

Обращение к теме победы на Куликовом поле стало довольно часто использоваться в официальной публицистике в конце XV и особенно в XVI в. Именно при Василии III Ивановиче его прапрадед, великий князь Дмитрий Иванович, обрел свое историческое прозвище Донской¹⁷⁶. Так он назван в сообщении о чуде, свершившемся в Архангельском соборе Московского Кремля над могилой победителя Мамаю. Впервые это известие встречается в Степенной книге, а затем повторяется в разрядных книгах XVII в. В Пространной редакции Разрядной книги 1475–1605 гг. записано: «Лета 7033-го году загорелась о себе свеча в Орхангиле в церкви над гробом великого князя Дмитрея Ивановича Донского и гореша шесть дней, а угасла о себе же»¹⁷⁷.

Время создания единого Русского государства требовало обращения к фигурам прошлого, которые все больше стали приобретать общерусское значение. Для поставленной проблемы показательны данные редакции «Жития Александра Невского», помещенной в Великие Четьи Минеи (Успенский список)¹⁷⁸. Данный канон святопочитания был завершен в 1552 г. В памятнике, посвященном жизни и деятельности великого князя Александра Ярославича, в ряду чудес у его могилы есть описание молитвы в 1380 г. двух старцев. Они просили святого о помощи Дмитрию Ивановичу в его борьбе с иноплемениками. По свидетельству «Жития», святой Александр Невский восстал из могилы и оказал просимую помощь своему праправнуку¹⁷⁹.

¹⁷⁴ Горский А. А. События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 69.

Дмитриев Л. А. Задонщина. С. 346.

Петров А. Е. «Свеча загорелась сама собой»...: Память о Куликовской битве в идеологии Российского государства XV–XVI вв. // Родина. 2003. № 12. С. 103. Разрядная книга, 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 191.

Мансикка В. И. Житие Александра Невского: разбор редакций и тексты. СПб., 1913. [Приложение]. С. 15–31.

Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 94.

Обе фигуры – и князя Александра, и князя Дмитрия – таким образом, оказывались символами борьбы за православную веру и независимость. Обращение же к событиям Куликовской битвы в связи с канонизацией Александра Невского в 1547 г. показывает то важное место данного события, которое Мамаево побоище занимало в общественном сознании русского общества того времени.

Особенно плотно воспоминаниями о событиях 1380 г. была наполнена эпоха Казанского взятия. Борьба с казанскими татарами, чьи грабительские набеги не давали спокойно жить никому, воспринималась как дело «земское и государево», т. е. общерусское дело, постоянно заставляла обращаться к образам Куликовской битвы.

О Куликовской битве и великом князе Дмитрии Ивановиче говорится в «Большой челобитной» Ивана Семеновича Пересветова¹⁸⁰. Упоминания о них есть в «Степенной книге» и «Казанской истории»¹⁸¹. Иван IV Грозный во время своего похода на Казань всячески старался подражать своему предку. Еще в 1546 г. перед походом он молится перед образом Николая Угрешского, чудесное явление которого связывалось с походом великого князя Дмитрия Ивановича против войск Мамаея. В 1552 г. во время похода на Казань царь повторяет поступки великого князя Дмитрия Ивановича, причем именно в том виде, в каком они описаны в «Сказании о Мамаевом побоище».

Царь получает благословение митрополита, отправляет свои войска в Коломну (что было значительным отклонением от прямого пути), посещает Троице-Сергиев монастырь, молится перед иконой Богородицы, бывшей на Куликовом поле. Не случайно при войске Ивана IV Грозного находились «животворящий крест» и икона Богоматери, «иже бе на Дону» у великого князя Дмитрия Ивановича. Иван IV Грозный не просто сам повторяет поступки своего прапрапрадеда, но и заставляет окружающих следовать ему. Показательно, что в Троице-Сергиеву обитель он отправляется вместе со своим двоюродным братом («Сам же государь царь и великий князь поиде з братом своим со князем Владимиром Андреевичем к живоначальной Троице и ко преподобному Сергию») – т. е. ведет себя так, как это делали в «Сказании о Мамаевом побоище» Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич. Старицкий князь – полный тезка героя 1380 г. Царь, как и великий князь Дмитрий Иванович, порывается вступить

¹⁸⁰ Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956. С. 449, 465, 474.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 21. Пол. 2. С. 408; Т. 19. Стб. 374.

в сражение в первых рядах («Слышите, князи и бояре, и воеводы и все людие, первое слово, иже рех вам: ни усумнится ни един вас ехати ко граду без моего ведома и повеления, егда же аз повелеваю, тогда постражите по православной вере до конца... яко же бо нам сам хочу пострадати за святых церкви и за христианство и за свое отечество не токмо до крови, но и до смерти»¹⁸²), вынуждая окружающих его бояр удерживать его.

В честь преподобного Сергия Радонежского, благословившего московского князя на битву с Мамаем, была возведена церковь в Сви-язске – русской крепости, построенной у самого сердца Казанского ханства. В этом храме свершались в период казанского взятия чудеса¹⁸³. Из основанной преподобным Сергием Троицкой обители к войску царя Ивана IV Грозного приходят именно два инок. Это рождает ассоциацию с Пересветом и Ослябей. Как некогда князю Дмитрию накануне Куликовской битвы святой Сергий послал благословенную грамоту, так троицкие монахи передали Ивану IV Грозному икону, на которой изображено видение преподобного Сергия, просфору и свя-тую воду. В благодарственной молитве к святому царь прямо ссылался на пример 1380 г.: «Ускори ныне на помощь нашу и помогаи молитва-ми си, якоже иногда прадеду нашему на Дону на поганого Мамая»¹⁸⁴. Возможно, с воспоминанием о Мамаевом побоище было связано и явление преподобного Сергия в Казани накануне штурма города¹⁸⁵. Не случайно и то, что Дмитрием (в честь Дмитрия Ивановича) царь называл своего первенца, родившегося в дни казанского взятия¹⁸⁶.

Иван IV Грозный вспоминал «достойного хвалы великого государя Дмитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами» в своем послании к князю Андрею Михайловичу Курб-скому¹⁸⁷.

Значимость событий 1380 г. для русских людей XVI в. хорошо видна и в отношении к реликвиям Куликовской битвы. Так, в походах на врага (казанцев и ливонцев) использовались икона Пресвятой Бо-

¹⁸² Разрядная книга, 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 434–435.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 62–63.

¹⁸⁴ Там же. Стб. 137–138.

¹⁸⁵ Там же. Стб. 143.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 474. Впервые это сопоставление имен осуществила З. П. Морозова (*Морозова З. П. Прорись иконы «Явление Николы на дереве князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой»*. С. 211).

¹⁸⁷ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 283.

городицы¹⁸⁸, именуемая Донская, и хоругвь¹⁸⁹, которые, по преданию, побывали на Куликовом поле. Особое почитание получила Донская икона после отражения набега крымских татар на Москву в 1591 г.¹⁹⁰ Тогда же была упомянута и еще одна реликвия Донского побоища – трофейная чаша «словет Мамай»¹⁹¹.

Характерно, что именно с XVI в. Дмитрий Иванович Московский получает прозвище Донской, отмечающее Куликовскую битву как основной жизненный подвиг князя. Это прозвище, как говорилось выше, впервые встречается в сообщении о чуде, свершившемся в Архангельском соборе Московского Кремля. Затем оно наблюдается в приписке к Никоновской летописи в списке Оболенского, относящемся к 1561–1566 гг.¹⁹² или к 80-м гг. XVI в.¹⁹³ Степенная книга, составленная в 1560–1563 гг.¹⁹⁴, в сообщении о событиях 1525 г. также именуется великого князя Дмитрием Донским¹⁹⁵. В составленном около 1575 г. Шумиловском списке Никоновской летописи под 7016 г. в рассказе о перезахоронении князей в новом Архангельском соборе Донскими названы два князя – Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич¹⁹⁶. Характерно, что в росписях Архангельского собора 1564–1565 гг. великий князь назван еще просто Дмитрием Ивановичем.

В это время также появляются изображения Дмитрия Ивановича. Его образ помещен среди других защитников православия от иноверцев на иконе Церковь воинствующая¹⁹⁷. Есть он и среди предков московского государя в росписях Архангельского собора, созданных в 1564–1565 гг. Хотя фрески XVI в. не сохранились, мы можем утверждать это с достаточной степенью уверенности, поскольку дошедшие до наших дней росписи Архангельского собора в 1666–1667 гг. лишь

¹⁸⁸ Сама икона написана в ок. 1385 г. (*Лифшиц Л. И.* Икона «Донской богородицы». С. 87–114).

Рабинович М. Г. Древнерусские знамена // Новое в археологии. М., 1972. С. 177.

Аренкова Ю. И. Мехова Г. И. Донской монастырь. М., 1971. С. 2.

Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы. С. 102.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 199.

Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиевского монастыря 80-х гг. XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 247–249; *Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы. С. 101.

Покровский Н. Н. Афанасий (в миру Андрей) // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 73–79. ПСРЛ. Т. 21. С. 408.

Там же. Т. 13. С. 7.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 283; *Она же.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 22–39.

возобновляли прежние фрески¹⁹⁸. В конце XVI в. были предприняты и первые попытки передать зрительный образ событий 1380 г. Именно в это время были созданы миниатюры «Лицевого летописного свода»¹⁹⁹ и миниатюры лицевого «Жития преподобного Сергия Радонежского»²⁰⁰, которые отражали и события Куликовской битвы.

Тема былых заслуг своих предков в борьбе с иноземцами стала актуальной для русских бояр в годы Смуты. Причем для них это обращение к событиям 1380 г. было способом доказать свое сословное превосходство. Они начинают активно использовать имя Дмитрия Донского в своих летописцах и родословцах²⁰¹. Ссылки на Куликовскую битву есть и в «Ином сказании», созданном в боярской среде в 1606 г.²⁰² Это говорит о восприятии борьбы с Мамаем как необычайно значимого дела, но эта борьба в общественном сознании уже не является самоценной и выполняет роль фона для рассмотрения иных (внутренних) проблем. Однако Смута начала XVII в. заставила злободневно звучать события борьбы с иноверцами. Так, в Описи архива Посольского приказа 1614 г. прозвище Донской при имени князя Дмитрия Ивановича упоминалось в 11 из 15 случаев. Но в период умиротворения, наступившего в Русской земле после Смутного времени, эта тема стала не так актуальна. В Описи архива Посольского приказа 1626 г. прозвище Дмитрия упомянуто лишь дважды из 24 случаев²⁰³.

Интерес к событиям 1380 г. отразился в появлении еще одной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», помещенной на страницах летописца князя И. Ф. Хворостинина. Ее текст был составлен с привлечением двух источников – «Летописной повести о Куликовской битве» из Степенной книги и Распространенной редакции «Сказания». Однако в условиях борьбы с Крымом и Турцией тема

¹⁹⁸ Сизов Е. С. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Государственные музеи Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 71–73, 83.

¹⁹⁹ Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного: (Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода) // ТОДРЛ. Т. 34. С. 49–60; Куликовская битва. Из Лицевого летописного свода XVI в. Л., 1980; Овчинникова Е. С. Куликовская битва в древнерусской миниатюре и иконе. С. 115–119.

²⁰⁰ Белоброва О. А. О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского // ТОДРЛ. Т. 34. С. 243–246; Овчинникова Е. С. Куликовская битва в древнерусской миниатюре и иконе. С. 115–119.

Демидов С. И. К вопросу о наименовании «Донской» великого московского князя Дмитрия Ивановича. С. 88–96.

²⁰² Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966. С. 374.

²⁰³ Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы. С. 102.

Куликовской битвы опять становится актуальной. Не случайно уроженец расположенного на южной окраине Курска А. Мезенцев в официальном документе «Книга Большому Чертежу», составленном в 1627 г., упомянул в качестве единственного хоронима Куликово поле²⁰⁴. Показательно, что в «Повести об Азовском осадном сидении», призванной повлиять на решение вопроса о присоединении Азова к России, снова происходит обращение к теме Донского побоища²⁰⁵. Восприятие Куликовской битвы как самого значимого события в жизни великого князя Московского закрепилось во втором издании Пролога 1642 г., неоднократно упоминавшем Дмитрия с прозвищем Донской²⁰⁶. На его белокаменном надгробии, созданном в 1636–1637 гг., также помещено его прозвище, напоминающее о победе на Дону²⁰⁷. В первой половине XVII в. возник Ермолаевский вид Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», в котором, как отмечал С. К. Шамбинаго, видны следы народно-поэтических влияний²⁰⁸.

Интерес к Куликовской битве проявляли и в Малороссии. Так, в 1651 г. «Сказание о Мамаевом побоище» в Ермолаевском виде Основной редакции было присоединено к Ипатьевской летописи в списке Яроцкого (БАН 21.3.14)²⁰⁹, т. е. до воссоединения Украины и России. С этого списка в конце XVII – начале XVIII в. была снята копия, дошедшая до нас в Ермолаевском собрании²¹⁰. Тогда же в конце XVII в. был создан еще один список (ГИМ. Собр. Уварова № 802) этого вида Основной редакции, в котором текст памятника помещен среди воинских повестей – «Александрии» (Л. 1–164) и «Повести о приходе Стефана Батория под Псков» (Л. 214–318)²¹¹.

События, связанные с Куликовской битвой, получают более широкое отражение в иллюстрациях, как на иконах, так и в миниатюрах.

²⁰⁴ Кузнецов О. Ю. Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам. С. 26–27.

Робинсон А. Н. «Поэтическая» повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. Т. 6. С. 24–59; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI–XVII вв. М., 1985. С. 88–107.

Демидов С. И. К вопросу о наименовании «Донской» великого московского князя Дмитрия Ивановича. С. 88–96; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI–XVII вв. С. 128–129; Елеонская А. С. Тема борьбы против ордынского ига в старопечатном Прологе. С. 109, 112.

Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы. С. 102.

Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 292; ПКЦ. С. 224–225.

Описание Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1959. Т. 3. Вып. 1. С. 304–306.

Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 221, 268–274; ПКЦ. С. 224.

²¹¹ ПКЦ. С. 224–225.

тюре. В настоящее время известно 9 лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище»²¹². Из них лишь рукопись «Лицевого летописного свода» датируется концом XVI в.; пять – XVII в. 1) Британский музей. Шифр: Т. 51²¹³; 2) ГИМ. Увар. № 1435²¹⁴; 3) ГИМ. Музейск. № 2596; 4) ГИМ. Увар. № 999 а (27 ил.)²¹⁵; 5) РГБ. Ф. 178. Муз. № 3123; два – XVIII в. 1) ГИМ. Барс. № 1798; 2) РГБ. Ф. 178. Муз. № 3155; одна – 1894 г. (РГБ. Ф. 242. Прянишн. № 203.)²¹⁶. Следовательно, от XVII в. до нас дошло лицевых рукописей «Сказания о Мамаевом побоище» больше, чем от всех остальных веков.

Все они иллюстрируют Основную редакцию «Сказания». По количеству и характеру лицевые списки делятся на Архаическую и Северную группы. Причем авторы миниатюр, с одной стороны, следуют некоему общему архетипу, а с другой – пытаются передать живописными средствами затаенные в тексте символы²¹⁷. Это делает лицевые рукописи важным источником по истории общественного сознания России XVII в., отражающим интерес русских людей к событиям 1380 г. и отмечающим моменты, вызывающие наивысшее сопереживание.

К XVII в. относятся и сюжетные изображения событий 1380 г. на иконах. Так, в описи Оружейной палаты 1643 г. упоминается хоругвь походной церкви с изображением явления иконы Николы на дереве великому князю Дмитрию Ивановичу. Однако здесь еще изображено только само чудо, а события Куликовской битвы лишь предполагаются²¹⁸.

²¹² Дианова Т. В. Сказание о Мамаевом побоище: (Лицевая рукопись XVII в. из собрания ГИМ). М., 1980. С. 37; Черный В. Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах: (Миниатюра как культурно-исторический феномен) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 201; и др.

Hill E. A. British museum illuminated manuscript of an early Russian Literary work. [Сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве Е. В. Хилл (Англия). Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника]. Cambridge, 1958; Дмитриев Л. А. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 239–263; Он же. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 28. С. 155–179.

Дианова Т. В., Черниловская М. М., Шульгина Э. В. Сказание о Мамаевом побоище. М., 1980.

Дианова Т. В. Сказание о Мамаевом побоище.

«Сказание о Мамаевом побоище» // КПБИАЭ. С. 583–584.

Черный В. Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах. С. 200–209; Он же. «Слово о полку Игореве» и книжные миниатюры // «Слово о полку Игореве»: комплексные исследования. М., 1988. С. 243–264.

Морозова Э. П. Прорись иконы «Явление Николы на дереве князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой». С. 212.

Однако уже в 1680 г. на иконе «Преподобный Сергей Радонежский с житием», написанной для церкви Троицы Власьевского прихода города Ярославля²¹⁹, автор изображения на доске, дополняющей образ преподобного Сергия Радонежского, проявил неподдельный интерес к Куликовской битве, сделав ее сюжетом композиции.

К кругу памятников, посвященных Мамаеву побоищу, относится и прорисовка иконы «Явление Николы на дереве князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой», датируемая по бумаге и почерку приписок 1680–1690-ми гг.²²⁰ Кажется, что можно еще более уточнить время создания иконы. Башни Московского Кремля, изображенного на заднем плане, за исключением Спасской башни, еще не имеют высоких шатров. Высотные шатры на них возникли в последней четверти XVII в. (Боровицкая получила шатер в 1666–1680-х гг., Арсенальная и Водовзводная – в 1672–1686 гг., Беклемишевская – в 1680 г., Набатная – в 1676–1686 гг., Троицкая – в конце XVII в., Никольская в XVII в. так и не получила шатра)²²¹. Следовательно, икона, с которой была сделана прорисовка, была написана до начала последней трети XVII в. На иконе, помимо самого явления образа, на заднем плане переданы два основных момента русско-ордынского противостояния – выступление русской рати к Дону и погоня за убегающим неприятелем.

Вероятно, такое пристальное внимание к Куликовской битве связано и с ее 300-летним юбилеем, а также с Чигиринской войной. Традиции подробно («повествовательно») изображать Куликовскую битву достаточно глубоко укоренились в русском быту и в последующие эпохи нашли свое развитие в народном лубке²²².

²¹⁹ *Филатов В. В.* Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 397–408; *Он же.* Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства // ТОДРЛ. Т. 22. С. 277–293; *Болотцева И. П.* «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII в. С. 115–119; *Кузнецова О. Б.* Уникальная икона «Сергий Радонежский в житии» и «Сказание о Мамаевом побоище»: (из собрания Ярославского художественного музея) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 274–284.

Морозова З. П. Прорись иконы «Явление Николы на дереве князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой». С. 209–215.

Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1983. С. 304, 305, 308, 309, 313, 314.

Санович А. Г. Русская народная картина XVIII в. «Мамаево побоище» // Сообщения Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1975. Т. 5. С. 79–102; *Иткина Е. И., Кучкин В. А.* Рукописный настенный лист с изображением Мамаева побоища. С. 154–174; *Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П.* Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке... С. 129–153.

С празднованием 300-летнего юбилея, вероятно, связано и создание новых редакций «Сказания о Мамаевом побоище». Так, в третьем издании Синописа (краткого изложения русской истории с древнейших времен до 1670-х гг.) был помещен рассказ о Куликовской битве, составленный на основе Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»²²³. Ссылаясь на то, что книга, имевшая на титульном листе указание на ее издание в 1680 г., на самом деле была напечатана в самом начале 1681 г.²²⁴, В. А. Кучкин именно этим годом (1681) датировал и помещенную в этой книге переделку памятника. Однако сама ошибка в указании на год издания на титульном листе «Синописа» представляется неслучайной. Очевидно, основная работа по созданию новой редакции «Сказания» и набора всей книги была проделана ранее – в 1680 г.

Автор новой редакции «Сказания», возможно, использовал два списка этого памятника, о чем свидетельствуют варианты к прозвищам некоторых героев, приводимые в Синописе («Захарию Тутчева, или Тушинина», «Данило Велевуж, или Белеутяк»). Один из списков принадлежал к Распространенной редакции «Сказания», откуда автор Синописа пропускал слова рассказа о посольстве З. Тютчева; другой был списком Основной редакции, вслед за которой был пропущен рассказ об участии в событиях 1380 г. новгородцев²²⁵. Киевские книжники пропустили первые 6 глав «Сказания» в Распространенной редакции, исключили целый ряд эпизодов, сократили длинные тексты молитв, плача, речей. Но при этом в текст были внесены добавления, призванные подчеркнуть благочестие великого князя Дмитрия Донского, обеспечившее его победу, и осудить Мамаю как мусульманина, следовательно, ислам и другие религии. Так, в обращении московского князя к полкам есть вставка «Возрете на древня роды и видите, кто убо верова Господеви и постыдесе? Или кто призва его и презре и? Зане щедрь и милостивь Господь, спасеть въ время скорби»²²⁶.

При описании того, как Мамай, видя свое поражение, начал призывать своих богов, в том числе и «великаго пособника своего Бахмета», автор редакции Синописа уточняет: «Мнимого великого пособника своего Бахмета». В результате текст стал более сжатым,

²²³ ПКЦ. С. 315, 338–339.

²²⁴ Маслов С. И. К истории изданий Киевского «Синописа» // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 346.

²²⁵ ПКЦ. С. 340.

²²⁶ Там же. С. 327.

более ясным и логичным, что и сделало Синописис весьма популярным чтением по русской истории в XVIII – начале XIX в., а помещенный в нем рассказ о Куликовской битве – основным источником знаний о ней²²⁷. Не случайно, что в общественной памяти в качестве противника Александра Пересвета закрепился татарский богатырь Челубей, впервые упомянутый в Синописисе, в то время как в ранних редакциях он именовался иначе (печенегом, Темир-мурзой и т. п.).

В самом начале 80-х гг. XVII в. возникла новая редакция «Сказания о Мамаевом побоище», известная под названием «Книги о побоище Мамаю, царя Татарского, от князя Владимирского и Московского Димитрия». Составление этой редакции Л. А. Дмитриев приписывал Феодосию Сафоновичу²²⁸, но, как убедительно показал В. А. Кучкин, автором данной редакции являлся Пантелеймон Кохановский²²⁹.

В конце XVII в. своеобразное описание войны 1380 г. появилось в Новгородской Забелинской летописи. Оно составлено из «Сказания о Мамаевом побоище» (основа), «Летописной повести о Куликовской битве» и сведений целого ряда местных записей о Куликовской битве²³⁰. Из особенностей данного текста следует отметить то, что в нем не только рассказывается о прибытии новгородского войска на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу, но сообщено также (в отличие от других источников), что последний отправил перед этим гонцов в Великий Новгород с призывом принять участие в отражении полчищ Мамаю²³¹.

Новгородская Погодинская летопись содержит особую редакцию «Сказания о Мамаевом побоище», которую можно назвать сводной редакцией. Особенности ее изводов хорошо передают отношения к событиям 1380 г. составителя Новгородской летописи, работавшего в 1680–1690-х гг. Рассматриваемая переработка источника характеризуется стремлением к возможно большей точности и полноте в фактических сведениях и сокращением текста, бедного конкретной информацией. Причем в списках появляются фрагменты, имеющие явно фольклорное происхождение. Так, говорится, что «Ослебя же

Там же. С. 341–342.

Дмитриев Л. А. «Книга о побоище Мамаю, царя татарского, от князя владимирского и московского Димитрия» // ТОДРЛ. Т. 44. С. 66–67.

ПКЦ. С. 366–371.

Повести о Куликовской битве. С. 464–470, 494; Азбелев С. Н. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. С. 110–117.

Повести о Куликовской битве. С. 174, 181; Азбелев С. Н. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. С. 111.

старец возложи на ся схиму и скоро изскочи из полка своего с палицею железною, и ударися на всю силу татарскую и би их улицами; и тому не видяху, како и где умре, и колко татар поби, токмо видяху, яко улицами татарове лежат, и познаша, яко безчисленное множество поби татар». В данном отрывке Ослябя получает явно эпические, былинные, фольклорные характеристики²³². Появление отрывков устного произведения в письменном памятнике может свидетельствовать о широком интересе в XVII в. к Куликовской битве.

Еще одним произведением, упоминающим события 1380 г., стало сочинение А. Лызлова «Скифская история», созданное под впечатлением походов под Чигирин и в Крым. Оно рассматривало Куликовскую битву как одно из звеньев длинной цепи столкновений оседлых народов с кочевниками²³³.

Осуществленный обзор откликов на Куликовскую битву в допетровской Руси позволяет сделать вывод, что события 1380 г. проделали сложный путь в восприятии русских людей, прежде чем заняли свое особое место в истории нашего Отечества.

²³² *Азбелев С. Н.* Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. С. 112–117.

²³³ *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990; *Чистякова Е. В., Богданов А. П.* «Да будет потомкам явлено...» С. 120–133.

ГЛАВА 10

ОБРАЗ МАМАЕВА ПОБОИЦА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ XVIII–XX ВВ.

(Куликовская битва в восприятии
Нового и Новейшего времени)

В России в годы реформ Петра I Великого произошел серьезный перелом в историческом сознании ее населения. Даже летоисчисление претерпело изменения: начало года было перенесено с 1 сентября на 1 января, а счет лет стал вестись не от сотворения мира, а по-европейски, от Рождества Христова. Не случайно сама эпоха получила наименование «века Петрова». Пафос петровских преобразований зиждился на разрыве с традицией, на отталкивании от прошлого. Россия входила в новый этап своего развития. Осмысление реформ требовало ответа на несколько вопросов: что есть Россия? С чего она началась? Каков ее путь? К чему она пришла? Каковы ее перспективы? Ответить же на эти вопросы без определения места России в мире было уже невозможно.

Желание ввести Россию в западноевропейское сообщество подталкивало к активному изучению всемирной истории, повседневному использованию ее образов. Не случайно Петр I Великий украшал свои дворцы и сады статуями, изображавшими античных богов, раскапывал стоянки первобытного человека в с. Костенки и надеялся найти здесь лагерь Александра Македонского¹.

Амелькин А. О., Ненкова А. И. Первый опыт исследования античных древностей в Воронежском крае в эпоху Петра I // «Морским судам быть...»: Межвузовский сборник научных трудов. Российскому военно-морскому флоту – 300 лет. Воронеж, 1996. С. 145–149; *Амелькин А. О.* Исследование античных древностей в Воронежском крае во время Азовских походов Петра I // Воронеж – колыбель российского военного флота: Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конфе-

В 1703 г. во время торжественного въезда в Москву царь Петр I сравнивался с Геркулесом и, подспудно, с Александром Македонским, а его отец Алексей Михайлович – с Филиппом Македонским². Поиск примеров и героев из библейской и отечественной истории переместился в Античность. При этом в школах петровского времени господствовали прагматизм и утилитаризм и истории как учебного предмета не было, молодежь учили прежде всего «сколько до инженерства и шкиперства принадлежит»³.

Петр I Великий понимал значение отечественной истории в формировании государственной идеологии. Он старался использовать ее в деле утверждения своих преобразований. Однако в петровское время издавались и получали одобрение лишь книги по истории современности («Гистория Свейской войны», «История императора Петра Великого»). Дело в том, что Новое время, властно вторгавшееся в Россию, требовало иного подхода к прошлому. Государь пытался постичь светскую и рационалистическую картину европейской истории. Не случайно он внимательно следил за переводом сочинения крупного немецкого философа, правоведа и историка Самуила Пуффендорфа «Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями»⁴.

В отечественной истории такого подхода к материалу еще не было выработано, и первая печатная книга по истории России – «Синописис» Иннокентия Гизеля – не могла удовлетворить потребность в распространении нового мироощущения через историю. Царь-реформатор считал необходимым составить новое учебное пособие по истории России⁵. Но написанные по его повелению труды А. И. Манкиева и Ф. П. Поликарпова не удовлетворили царя, они не были изданы и распространялись в рукописной традиции. Правда, отдельные, очень выгодные в пропагандистской кампании образы русской истории (сражавшийся со шведами святой великий князь Александр Невский)

ренции, посвященной 300-летию русского военно-морского флота. Воронеж, 1996. С. 55–56.

Володина Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии // ВИ. 2000. № 11/12. С. 3.

Там же. С. 4.

Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. М., 1993. С. 273; Подлинные анекдоты о Петре Великом // Там же. С. 358.

Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. С. 273; Серов Д. О. Юрьевская Степенная книга и ее автор // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 126–127.

и были востребованы Петром I (организовано перенесение мощей святого князя в Петербург, учрежден в его честь орден), чаще царь пытался соперничать с Александром Македонским⁶.

Петр I Великий любил читать летописи, но из всех героев русской истории более всего ему импонировал Иван IV Грозный, в котором он видел объединителя русских земель⁷. Куликовская битва, очевидно, не столь сильно занимала государя, хотя в первые годы своего единоличного правления он начал борьбу за Азов как войну за веру (о чем, например, свидетельствует собственноручный офорт Петра I «Победа христианства над исламом», ставший основой для медали в память взятия Азова⁸). Это сближало его действия с образом русско-ордынского противостояния, который представлен в «Сказании о Мамаевом побоище».

И. Ф. Афремовым, правда без ссылки на источник, сохранено известие о том, что Петр I Великий во время своих многочисленных посещений места строительства Ивановского канала, призванного соединить две крупнейшие водные системы Дона и Волги, посещал и Куликово поле. Канал был расположен у Иван-озера в верховьях рек Шата, Упы и Дона, и один из его шлюзов находился поблизости от «знаменитой в истории зеленой дубравы, где при Куликовской битве скрывался засадный полк». Государь «повелел заклеить все дубы приснопамятной дубравы этой»⁹. Приблизительно такая же информация есть в трудах Н. И. Троицкого и П. В. Нарциссова¹⁰.

Как установил И. Н. Юркин, Петр I Великий, скорее всего, посещал Куликово поле в 1702 г. Неизвестно, какой лес царю показали как остатки Зеленой дубравы, но наиболее вероятно, что в качестве достопримечательности он рассматривал дубраву, расположенную на берегу р. Смолки недалеко от Татинского шлюза (шлюз № 31

Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. С. 297, 308; Подлинные анекдоты о Петре Великом. С. 358.

ПСЗ. Изд. 1-е. СПб., 1830. Т. 6. № 3693, 3908; *Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого. С. 273, 326; Подлинные анекдоты о Петре Великом. С. 355.

Голландцы и русские, 1600–1917: Из истории отношений между Россией и Голландией. [М., 1989.] С. 80–81.

Афремов И. Ф. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 г.: Отрывок из Исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849. С. 65.

Троицкий Н. И. Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении: [Репр. с изд. 1890 г.] Тула, 1988. С. 14; *Нарциссов П. В.* Памятники времен татарщины // По Тульскому краю: Пособие для экскурсий. Тула, 1925. С. 559.

Ивановского канала). Показательно, что среди множества забот царь нашел время осмотреть место Куликовской битвы. Верно оценив воспитательный потенциал этого места, он приказал заклеить оставшиеся дубы, чтобы их не рубили, заложив фактическое начало музеефикации поля русской славы. Таким образом, Петр I Великий стал первым экскурсантом, посетившим Куликово поле¹¹.

В 1715 г. А. И. Манкиев, написавший по распоряжению царя «Ядро Российской истории», посчитал, что причиной Куликовской битвы стало стремление великого князя свергнуть ордынское иго – Дмитрий Иванович, «не хотел в омерзлом Татарском подданстве быть... иго... с себя сшибить умыслил»¹². Тем самым было положено начало новому восприятию победы на Куликовом поле. Вместо ликующего сообщения о победе, представленного в «Задонщине» и кратких летописных рассказах, эсхатологической оценки сражения (предотвратившего конец света), как это представлял автор «Летописной повести о Куликовской битве», вместо восприятия победы над Мамаем, как подтверждения особого статуса Руси, наиболее ярко выраженного в «Сказании о Мамаевом побоище»¹³, возникает абсолютно светское объяснение событий. Оно надолго закрепилось в исторической литературе.

Вплоть до середины XVIII в. Куликовская битва не привлекает особого внимания русского общества. И это не случайно. Историческое образование первые свои шаги начало делать лишь в 1750-х гг.¹⁴, причем первоначально основное внимание уделялось зарубежной истории. Так, на историко-филологическом факультете Московского университета более изучали «греков, римлян, других народов, их законы, религию, нравы, внутренние учреждения, междоусобные несогласия, раздоры, войны... как и от чего эти колоссы и потрясались и падали». Знакомство же с русской историей, по признанию студента этого учебного заведения Ф. П. Лубяновского, было «так мало, поверхностно, что, если бы велели нам тогда описать битву русских с татарами на Куликовом поле, я охотнее согласился бы описать Пунические войны»¹⁵. Кадеты Сухопутного корпуса знакомились с Тацитом

Юркин И. Н. Петр Великий на Куликовом поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. С. 99–110.

Хилков А. Я. Ядро Российской истории. С. 135–136.

Филлюшкин А. И. «Куликовский цикл». С. 172–186.

Володина Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии. С. 3.

Лубяновский Ф. П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 48.

и Плутархом, Ганнибалом и Юлием Цезарем, но не с Куликовской битвой и Иваном IV Грозным¹⁶.

Однако во второй половине XVIII в. обучение русских людей в области отечественной истории постепенно стало лучше. В 1760 г. тремя изданиями вышел учебник М. В. Ломоносова и А. И. Богданова «Краткий российский летописец с родословием». В 1767 г. вышел первый том беллетризированной книги Ф. Эмина «Российская история», а в 1768 г. – первый том исследования В. Н. Татищева «История Российская». Читательский интерес к прошлому России в это время был велик. Учебник М. В. Ломоносова и А. И. Богданова вышел огромным для того времени тиражом в 4000 экз.

В этих условиях роста интереса к отечественной истории Куликовская битва не могла не привлечь к себе внимание исследователей. Так, В. Н. Татищев уделил ей много места в своей «Истории Российской»¹⁷. В основу его рассказа было положено популярное в рукописной традиции XVII–XVIII вв. «Сказание о Мамаевом побоище»¹⁸. Историк удалил из его текста все фрагменты, показывающие битву в контексте вселенской истории борьбы за веру: нет описаний чудесных явлений, рассуждений о значении происходящего, воспроизведения молитв, сравнений с персонажами древней истории (Навуходоносором, Александром Македонским, Дарием, Пором, Антиохом и др.). Битва показана как одно из важных событий в истории Руси, но, во-первых, именно государства, а не Святой Руси, а во-вторых, одним из многих в ряду битв, наполнявших русскую историю. Ради этого введения в ряд известных ему сражений В. Н. Татищев десятикратно уменьшил, по сравнению с источником, численность русских войск. Лишняя события их священного значения, историк дал им рационалистические объяснения.

Большое значение Куликовской битве придавал М. В. Ломоносов. Среди заслуг Дмитрия Донского он отмечал победу над Мамаем, которого великий князь «дважды в Россию с воинством не допустил и в другой раз победил совершенно». «Началу сражения с Мамаем» (т. е. поединку Пересвета с ордынским богатырем) М. В. Ломоносов хотел посвятить одну из «живописных картин из Российской истории». Куликовская битва стала центральной темой и в трагедии М. В. Ломо-

¹⁶ Володина Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии. С. 5.
Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. С. 138–150, 286–290.

¹⁸ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 20.

носова «Тамира и Селим». При ее создании он опирался на довольно широкий круг источников. Трагедия вышла двумя изданиями 1750 г. по 600 экз. каждое и дважды (1 декабря 1750 г. и 9 января 1751 г.¹⁹) была сыграна кадетами Сухопутного шляхетского корпуса. В «Кратком изъяснении» содержания этой трагедии М. В. Ломоносов писал: «В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная гибель гордого Мамаю...», который после Куликовской битвы бежал в Кафу и «там убит от своих». События Куликовской битвы стали фоном для любовной истории вымышленного багдадского царевича Селима и дочери крымского царя Тамиры. Увидев Селима с крепостной стены, Тамира влюбляется в него. Но отец обещал ее в жены Мамаю, который обманывает крымского царя, говоря, что победил Дмитрия. Но правда выясняется, и участник битвы Нарсим в своем большом монологе рассказывает о Куликовской битве: «...Сила русская поднявшись из засады с внезапным мужеством пустилась против нас; ...во сретенье своим росияне вскричали, великой воспылала в сердцах унывших жар. Мамаевы полки увидев встрепетали, и ужас к бегствию принудил всех татар...»²⁰ Мамай погибает в схватке с Селимом и его другом. Отец Тамиры соглашается на ее брак с Селимом. Любопытно, что татары Мамаевой Орды в тексте трагедии и иллюстрации на ее обложке более напоминали современных автору турок. Это свидетельствует об актуальности темы противостояния мусульманской угрозе между русско-турецкими войнами 1736–1739 и 1768–1774 гг.

Устойчивый интерес к Куликовской битве сохранялся и позднее. Князь М. М. Щербатов в своей «Истории Российской» подробно рассмотрел события 1380 г., также опираясь на «Сказание о Мамаевом побоище»²¹. Генерал И. Н. Болтин в своих «Примечаниях» на «Историю» Леклерка стремился несколько уменьшить численность участвовавших в битве войск и размеры их потерь. Однако не потому, что хотел принизить значение Мамаева побоища, а лишь не принимая «привязанность к чудесному и огромному», существовавшую, по его мнению, у древних повествователей. Более того, И. Н. Болтин,

¹⁹ Кусков В. В. Куликовская битва в русской литературе XV – начала XX в. // На Непрядве: К 600-летию исторической битвы на поле Куликовом: Сборник. М., 1980. С. 19.

Цит. по кн.: Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII в. М., 1987. С. 287.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 1. С. 121–172.

утверждая, что «о количестве татарских войск на сражении бывших также достоверного известия не обретается, а чаятельно, что их было больше Русских»²², косвенно подчеркивал величие победы над превосходящим противником.

В конце XVIII – начале XIX в. события 1380 г. устойчиво интересуют читателей. В это время было издано несколько популярных повествований о Куликовской битве. Два сочинения о Дмитрие Донском, описывающих в числе событий его княжение и поход за р. Дон в 1380 г., вышли еще в царствование Екатерины II – в 1791 г.²³ При императоре Павле I также наблюдался устойчивый интерес к теме русско-ордынского противостояния в 1370–1380-х гг. Куликовской битве специально была посвящена книга И. Михайлова «Низверженный Мамай». Она была издана трижды, в 1798, 1810 и 1827 гг.²⁴ В 1798 г. вышел в свет «Новый Синописис» П. М. Захарьина. На его страницах разгром Мамаея рассматривался как одно из центральных событий Российской истории²⁵. Всего за XVIII в. вышло не менее 10 работ, содержащих описание Куликовской битвы²⁶.

Во второй половине XVIII в. появляется интерес и к созданию зрительного образа, связанного с победой русского оружия на Куликовом поле. Так, в 70-х гг. XVIII в. архангельский мастер, вероятно О. Дудин, создает резной портрет на кости «Великий князь Дмитрий Иоаннович», а в конце XVIII в. на Санкт-Петербургском монетном дворе была изготовлена памятная бронзовая медаль в честь Дмитрия Донского. К сожалению, ее автор неизвестен. Медаль входила

²² Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1. С. 296, 297.

Дмитрий VII Иванович Донской. Историческая надпись к нему // Разные письменные материи. 1791. С. 109–122; Дмитрий VII Иванович Донской // Словарь исторический. М., 1791. Ч. 5. С. 156.

Михайлов И. Низверженный Мамай, или Подробное описание достопамятной битвы и последовавшей за нею знаменитейшей победы, бывшей в царствование великого князя Димитрия Иоанновича, на Куликовом поле, между рек Мечи и Дона, при устье речки Непредвы, взятою из разных достоверных авторов. М., 1798.

Захарьин П. М. Новый Синописис, или Краткое описание о происхождении славяно-российского народа, владычествовании всероссийских государей в Нове Городе, Киеве, Владимире и Москве, с подробным повествованием поражения страшного татарских войск, полководца Мамаея, от Димитрия Ивановича великого князя Московского, и о последующих по нем великих князьях и царях, до вступления на престол государя императора Петра Великого. Николаев, 1798.

Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иванович Донской первоначальник русской славы. С. 151–152; Курилов А. С. Памятники Куликовского цикла и русское литературоведение первой половины XIX в. С. 184.

в серию медалей, посвященных русским великим князьям и царям²⁷. Показательно и любопытство к памятникам старины, проявляемое путешественниками конца XVIII – начала XIX в. при посещении окрестностей Куликова поля.

Этот общественный интерес не мог не найти своего воплощения в новых попытках осмысления событий 1380 г. В этом отношении примечательна изданная в 1801 г. «Истории Российского государства» И. Г. Стриттера. В ней Куликовской битве посвящено более 170 страниц²⁸. Автор не только рационалистически толковал отдельные известия средневековых источников, но и по-новому оценил значение самой битвы. Он обратил внимание на то, что победа, достигнутая большой кровью, ослабила не только Орду, но и Москву. Избавив Россию «от великой и близкой опасности», она не привела к свержению татарского ига, «да еще подала случай к ужасному опустошению» (т. е. нашествию Тохтамыша в 1382 г.). Обращая внимание на пропускаемый предшественниками объективный факт сохранения господства Орды, И. Г. Стриттер нуждался в обосновании того особого значения битвы, которое оно приобрело в общественном сознании России. Поэтому он первым из исследователей поставил вопрос о моральном значении победы в 1380 г. И. Г. Стриттер отметил, что «память оной победы... воспламенила» россиян «при последующих войнах с татарами мужеством и научила их знать собственные силы. По сему татары с того времени не могли уже, как прежде, употреблять над Россией беспредельно свою власть».

В XIX в. постепенно уходит в прошлое традиция создания рукописных книг, включавших в себя тексты, посвященные Куликовской битве, и прежде всего «Сказания о Мамаевом побоище». Если не считать копий с известных списков и списков Синописа, то от этого столетия исследователям пока известно лишь четыре старообрядческие рукописи: три списка упоминаются в археографическом обзоре Л. А. Дмитриева²⁹; еще один список в научный оборот ввел В. К. Зиборов³⁰.

На смену рукописной традиции приходят сочинения писателей нового времени. Так, в самом начале XIX в. увидел свет ряд книг, опи-

²⁷ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 301.

²⁸ Стриттер И. [Г.] История Российского государства. Отд. 1. Ч. 2. С. 357–530.

²⁹ Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. С. 481–509.

³⁰ Зиборов В. К. Поздний список повести о Мамаевом побоище. С. 69–95.

сывающих славное прошлое России, в том числе подвиг на Куликовом поле. В сочинении Г. Геракова «Герои русские за 400 лет» (1801 г.) в достаточно лаконичной форме рассказано о сражении. Причем автор от себя добавил несколько выразительных деталей, свидетельствующих о нахождении князя Дмитрия в самой гуще схватки: «Великого князя татары с коня збили, он сел на другого, татары и с сего збили и ранили его жестоко»³¹. П. Ю. Львов в сочинении «Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых» также уделил много внимания прямому участию князя в бою: «Вот и страшное Мамаево побоище, толико знаменитое в преданиях! Тут пали люди, как трава под косою. ...Димитрий посреди самой сечи разит врагов. Его отважностью ободренные рати неустрашимо сражаются...»³² Эта традиция просветительских книг о русской истории была продолжена и в последующие десятилетия³³. К началу XIX в. относится и печатная «История о походе великого князя Дмитрия... против Мамаея, царя татарского»³⁴.

В 1805 г. художник О. А. Кипренский пишет картину на историческую тему «Дмитрий Донской на Куликовом поле». Вступление России в чреду Наполеоновских войн активнее заставляло искать моральную опору в событиях отечественной истории, и Куликовская битва в тот момент как нельзя лучше подходила для этого. Мамай, надвигавшийся в 1380 г. на Русскую землю, в 1805 г. ассоциировался с Наполеоном I, а поход русских полков к Дону навстречу грозному врагу мог быть сопоставлен с выдвиганием русской армии в земли Австрийской империи. Возможно, под влиянием этих аналогий художник и выбрал сюжет для своей картины. О. А. Кипренский изобразил момент обнаружения раненого князя его соратниками, сообщающими Дмитрию Донскому о победе русского оружия над Мамаем. Облаченный художником в античные одежды князь изображен сидящим под деревом. Поза откинувшегося на ствол Дмитрия Ивановича свидетельствует о его физической слабости. Однако, окруженный несколькими

³¹ Гераков Г. Герои русские за 400 лет. СПб., 1801. С. 27–28. Отрывок из российской истории. Победа великого князя Дмитрия Ивановича, над Мамаем одержанная. СПб., 1808; Оленин А. Н. Исторические воспоминания о нашествиях на Россию. СПб., 1816.

Львова П. Ю. Храм славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых. СПб., 1803. С. 24–25.

Отрывок из российской истории. Победа великого князя Дмитрия Ивановича...; Оленин А. Н. Исторические воспоминания о нашествиях на Россию.

³⁴ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 302.

склонившимися перед ним воинами, он, устремив взгляд в небо, возносит молитву Богу. Несколько воинов поддерживают его воздетые руки. Спешащий к молящимся воин указывает на великого князя воеводе, всматривающемуся из-под руки в лицо Дмитрию Ивановичу. Хорошо организованная композиция и безупречно четкий рисунок, скульптурность форм и театральность поз, локальность цветовых пятен и идеальность образов – все это делает картину О. А. Кипренского прекрасным образцом русского классицизма в живописи³⁵.

Повествовательность картины очевидна. Действия на полотне показаны в их последовательности, начиная свое развитие с правого края картины: воевода как бы ищет великого князя, воин указывает его местонахождение, воины склоняются перед Дмитрием, а он воздаёт хвалу Богу. Художник стремился передать свое видение событий 1380 г. Главную роль в них О. А. Кипренский приписывал великому князю, не случайно именно ему на полотне воздается всеобщая честь. Большое значение для победы имела православная вера: великий князь и помогающие ему воины изображены в молитве. Использование элементов русской народной одежды подчеркивало роль народа в достижении победы. Художник уделил внимание и роли полководцев, поместив на картине одного из воевод. Но такая повествовательность приводит к некоторой искусственности образов. Сочетание античных одежд и доспехов с русскими реалиями вызывает ощущение надуманности; свойственный античным изображениям обнаженный торс человека не сочетается с характерными русскими рубахами и штанами, древнерусский шлем и обрывки кольчуги не подходят древнеримским шлемам и доспехам. Даже в изображении античных предметов допущены неточности. Так, удлиненный гиматий никогда не носился с доспехами, под которые обычно надевали тунику. В целом же эта картина представляет собой попытку передать с помощью античных образов взгляд на Куликовскую битву, близкий авторам популярных брошюр XVIII в. В начале XIX в. неизвестным художником также создается гравюра «Дмитрий Донской»³⁶.

Аустерлицкая катастрофа лишь обострила в обществе чувство патриотизма. В 1806 г. Владиславом Александровичем Озеровым (1769–1816) была написана трагедия «Дмитрий Донской». В качестве исторической основы для ее написания автор использовал сведения

³⁵ Кислякова И. Орест Кипренский. Эпоха и герои. М., 1982. С. 10. Рис. 4.

³⁶ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 300.

из «Истории Российского государства» И. Г. Стриттера³⁷. Обращение к теме борьбы с иноземным захватчиком, наступавшим на Русскую землю, было особенно актуально, ибо Россия в этот момент продолжала войну с Наполеоном I. Поэтому не случайно, что В. А. Озеров посвятил свой труд императору Александру I Павловичу.

Но в основе сюжета трагедии лежит вымышленная интрига – соперничество московского и тверского великих князей из-за нижегородской княжны. Само русско-ордынское столкновение выступает лишь фоном, на котором развиваются темы долга, самопожертвования, благородства. Действие в трагедии разворачивается следующим образом: татары угрожают Руси, идут совещания русских князей и переговоры с татарами; просватанная за тверского князя, но любящая Дмитрия Московского нижегородская княжна Ксения приезжает в стан русского войска, между ними происходит выяснение отношений; тверской князь решает покинуть войско Дмитрия и тем обречь его на поражение; чтобы спасти любимого и Русскую землю, Ксения соглашается стать женой тверского князя, но после победы он уступает и отдает княжну князю Дмитрию. Этот выдуманный сюжет нарушает многие стороны исторической обстановки, сложившейся к 1380 г., и противоречит данным письменных источников: московский князь был уже давно женат на дочери нижегородского князя, тверской князь не соперничал за ее руку с Дмитрием Московским и не был на Куликовом поле. Несмотря на это, пьеса имела много исторических подробностей: совет перед переправой за Дон, обмен одежд между Дмитрием и Бренком, уряжение полков, упоминание о благословении Сергия Радонежского, поединок Пересвета (который, правда, В. А. Озеров дублирует еще и поединком самого Дмитрия), удар засадного полка, измена Олега Рязанского, обнаружение после победы раненого великого князя под деревом. Слухи о премьерe пьесы быстро взбудоражили Санкт-Петербург³⁸. Первое представление состоялось 14 января 1807 г. и имело огромный успех. «Ни одна пьеса не производила такого удивительного восторга, как “Дмитрий Донской”», – писал в «Летописи русского театра» П. Арапов. Роль Дмитрия играл А. С. Яковлев,

Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX в. (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX в.). Пролог: Избр. тексты. М., 1990. С. 83.

Жихарев С. П. Записки современника. Дневник чиновника. Воспоминания старого театрала. Л., 1989. Т. 2. С. 18, 70, 79, 82, 88, 92; *Гордин М. А.* Искусство театрала // *Жихарев С. П.* Записки современника... Л., 1989. Т. 1. С. 26.

Ксении — Е. Семенова. Как отмечал П. Арапов, Яковлев «был величественен, превосходит, Семенова идеально прелестна...»³⁹. Новое представление 23 мая вызвало еще больший восторг публики⁴⁰.

Но не все одинаково отнеслись к пьесе. Она вызвала разговоры в гостиных и споры за столом «для сварения желудка», оды автору, подражания и пародии⁴¹. И если И. А. Дмитриевский считал, «что, конечно, верности исторической нет, но она написана прекрасно и произвела удивительный эффект», то Г. Р. Державин возмущался тем, что В. А. Озеров вывел «Дмитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всех обычаев тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о своей любви к Димитрию»⁴². По мнению М. А. Гордина, такой взгляд был обусловлен неприятием романтического построения сюжета, когда исход Куликовской битвы и само освобождение от ига ставилось в зависимость от любовной истории⁴³. Но публику, очевидно, волновали не столько поэтические достоинства (или недостатки) пьесы, а ее патриотическое звучание. По свидетельству С. П. Жихарева, особый восторг публики вызывали фразы: «Беды платить врагам настало нынче время...», «Ах! Лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный!»⁴⁴.

Грозный 1812 г. оказался очень важным для развития национального самосознания России. Подъем патриотических чувств не только позволил одолеть Наполеона, чья армия объединила вооруженные силы почти всех европейских государств, но и оживил интерес к прошлому Отечества⁴⁵. В то время русские люди неоднократно вспоминали о Куликовской битве как о великой странице своей истории. В 1812 г. была возобновлена на сцене трагедия В. А. Озерова «Дмитрий Донской». Спустя годы А. С. Пушкин помнил восторженный прием пьесы, хотя к ее автору он относился скептически⁴⁶. В XVIII строфе I главы «Евгения

³⁹ Цит. по: *Державина О. А.* Древняя Русь в русской литературе XIX в. С. 84.

⁴⁰ *Жихарев С. П.* Записки современника... Т. 2. С. 318.

⁴¹ Там же. С. 95–96, 102, 106–107, 110, 320.

⁴² Там же. С. 99.

⁴³ *Гордин М. А.* Искусство театра. С. 24.

⁴⁴ *Жихарев С. П.* Записки современника... Т. 2. С. 92–93.

⁴⁵ *Пауткин А. А.* Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г. П. Мешетича // ГДЛ. 1995. Сб. 8. С. 202.

Пушкин А. С. Мои замечания об русском театре // Пушкин А. С. ПСС. Т. 7. С. 7–9; *Он же.* Письмо П. А. Вяземскому от 23 февраля 1823 г. // Там же. Т. 10. С. 46; *Он же.* Заметка на полях статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» // Там же. Т. 7. С. 383; *Он же.* Письмо к издателю «Московского

Онегина» есть строки: «Там Озеров невольны дани / Народных слез, рукоплесканий / С молодой Семеновой делил»⁴⁷.

Обращение к славной победе над Мамаем встречается в текстах, написанных многими участниками Отечественной войны, как в момент свершения событий, так и в произведениях, созданных по их следам. Так, хорошо известно письмо главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова к хозяйке села Тарутино А. Н. Нарышкиной, в котором, говоря о ее селе, ставшем местом расположения лагеря русской армии, главнокомандующий писал: «Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамаея»⁴⁸. В проникнутом пафосом народной войны против вражеских полчищ стихотворении В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» Дмитрий Донской представлен в ряду славных полководцев Древней Руси, чьи тени мчатся в высоте на рать иноплеменных⁴⁹. Показательно, что поэт писал свое стихотворение в расположении армии накануне боя у Тарутино⁵⁰. Он обратился к образам Куликовской битвы в то же самое время и в том же месте, что и М. И. Кутузов. В стихотворении «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» Г. Р. Державин пишет: «Доколь Москва, Непрядва и Полтава течь будут, их не умрет слава». В стихах А. Ф. Воейкова «К Отечеству» есть строки: «Мамай с ордой татар, как волк на верный лов, зубами скрежеща бежит из нырищ, гладный...»⁵¹ С. Н. Глинка публикует свои стихи «Речь Дмитрия Донского к войску перед сражением на Куликовом поле»⁵². После вступления русской армии в Париж Н. М. Карамзин написал стихотворение «Освобождение Европы и слава Александра I», в котором есть строки, позволяющие видеть сопоставление автором нашествия Наполеона с татарским

вестника» // Там же. Т. 7. С. 52; *Он же*. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Там же. Т. 7. С. 148–150.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. ПСС. Т. 5. С. 14–15.

Кутузов М. И. Письма. Записки. М., 1989. С. 450.

Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов // Вестник Европы. 1812. № 23. 24 дек. С. 176–196.

Бородино, 1812 г. М., 1987. С. 303.

Пауткин А. А. Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г. П. Мешетича // ГДЛ. 1995. Сб. 8. С. 199.

Глинка С. Н. Речь Дмитрия Донского к войску перед сражением на Куликовом поле // Русский вестник 1812; цит. по ст.: *Пауткин А. А.* Традиции древнерусской литературы... С. 199.

разорением Руси. Поэт славит русский народ, который «главы под иго не склонял».

Сравнение героических событий 1812 г. с отражением Мамаева нашествия сохранилось и в мемуарах их участников. Так, например, в 1815–1816 гг. член Союза спасения поэт-декабрист Ф. Н. Глинка, вспоминая Бородинскую битву, писал: «Сама собою, по влечению сердца, 100-тысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую была готова поить до сытости своей кровью, это живо напоминало приготовления к битве Куликовской»⁵³. К образам «Сказания о Мамаевом побоище» прибегал в своих «Исторических записках» и безвестный, хотя и талантливый артиллерийский капитан Г. П. Мешетич. Работая над ними в 1818 г., он неоднократно прибегал к героическим и воинским образам этого памятника древнерусской литературы⁵⁴. Однако большинство мемуаристов либо избегали архаики, либо прибегали в исторической ретроспективе к античным образам⁵⁵. Вскоре после изгнания войск Наполеона из России (в 1813 г.) была написана и книжка Ф. Покровского, изданная в 1823 г. в Туле⁵⁶.

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вышедшей в 1816–1817 г. и ставшей ярким явлением в развитии общественного сознания России, Куликовская битва была показана как важнейшее событие в истории Отечества⁵⁷. Историк поставил ее в один ряд с Ледовым побоищем и Полтавской битвой. Одновременно он отмечал, что окончательно ликвидировать иго не удалось. Н. М. Карамзин в своих представлениях об итогах Куликовской битвы исходил из своеобразного сочетания геополитического понимания вопроса (он указывал, что Дмитрий Донской не мог развить успеха «и разгромить Орду в ее Волжских улусах», поскольку она была еще очень сильна) и чисто военного подхода (утверждал, что поход в степи Орды осенью представлял огромные трудности для русского войска, понесшего большие потери и имевшего много раненых).

⁵³ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 303.

⁵⁴ 1812 г.: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания отдела письменных источников ГИМ. М., 1991. С. 46, 49, 50, 52, 54, 56, 64, 67; Пауткин А. А. Традиции древнерусской литературы...

Пауткин А. А. Традиции древнерусской литературы... С. 199–200.

Покровский Ф. Дмитрий Донской, великий князь Московский: Историческое повествование.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 61–78, 28–41 [вторая пагинация].

Историк много внимания уделил критическому разбору исторических источников о событиях 1380 г. Труд Н. М. Карамзина оказался настолько популярен, что имя, данное им сражению (Куликовская битва), широко распространилось и закрепилось в общественном сознании.

Куликовская битва привлекала внимание не только русской аристократии, но и «крепостной интеллигенции», т. е. представителей простого народа. В 1823 г. крепостной юноша А. В. Лоцманов опубликовал свое сочинение «Задонская битва». В нем, опираясь на изданные к тому времени литературу и летописи, он воспеваёт подвиг народа⁵⁸. В том же году увидела свет и анонимная «Повесть о нашествии Мамаю»⁵⁹. Ещё одна брошюра, посвящённая Куликовской битве, была напечатана в 1825 г.⁶⁰

В атмосфере патриотического подъёма, охватившего общество после разгрома наполеоновских войск и вступления русской армии в Париж, родилось увлечение строительством монументальных памятников историческим лицам и событиям. В июне 1820 г. тульский гражданский губернатор граф Владимир Федорович Васильев (1782–1839) предложил местному дворянству принять участие в сооружении на месте Донской победы «столба или часовни, или богадельни для изувеченных воинов»⁶¹.

Под влиянием этого помещик Дмитрий Степанович Нечаев (1742–1820), владевший землями Куликова поля, известил, что он «почтёт за щастливейшим случаем в жизни его, ежели сей драгоценный для каждого русского памятник... сооружен будет в дачах его поместья...»⁶². Это желание через генерал-губернатора Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний Александра Дмитриевича Балашева (1770–1837) было доведено до императора Александра I Павловича. В январе 1821 г. крупнейшему скульптору-монументалисту того времени И. П. Мартосу (1754–1835) было поручено «сделать памятник Дмитрию Донскому из меди и поставить

⁵⁸ Курмачева М. Д. Крепостной интеллигент о Куликовской битве. С. 178–180; Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 23.

Повесть о нашествии Мамаю // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. № 6. С. 247.

Битва Задонская или поражение Мамаю на полях Куликовских. Историческое событие, происшедшее 1380 года Сентября 8 дня. М., 1825.

Куликово поле: летописи и документы. Тула, 1982. С. 15.

Карпова Е. В. Работа И. П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому. С. 264.

на Куликовом поле»⁶³. При составлении программы памятника скульптор опирался на те повествования о Куликовской битве, где особо подчеркивалось личное участие князя в рукопашной схватке с противником. Скорее всего, этими текстами могли быть сочинения П. Ю. Львова, Н. М. Карамзина и В. А. Озерова. Однако из-за отсутствия средств проект «заснул у графа Кочубея». Судя по подготовленным материалам, памятник планировался в духе классицизма, причем в нем хорошо чувствовалось влияние знаменитых медальонов Ф. Толстого, посвященных событиям 1812–1814 гг.⁶⁴

Подготовка сооружения памятника на Куликовом поле способствовала росту научного интереса к самому месту сражения и его реликвиям. В рамках работ по проектированию монумента И. А. Витовтов проводил землемерные работы, в результате которых был осуществлен некоторый сбор находок на месте сражения. Его деятельность подтолкнула помещиков, владевших землями в районе Куликова поля, к составлению своих коллекций русских древностей. Одно из таких собраний связано с именем С. Д. Нечаева – директора училищ Тульской губернии и члена Императорского общества истории и древностей Российских в Москве. Интерес С. Д. Нечаева к данной теме был стимулирован инициативой его отца, который предложил соорудить в их поместье памятник русским воинам⁶⁵. Коллекция С. Д. Нечаева включала в себя «панцири, кольчуги, шлемы, мечи, копья, наперсные кресты, складни и т. п.»⁶⁶. Владелец неоднократно дарил вещи из своего собрания своим друзьям и знакомым (например, А. А. Бестужеву-Марлинскому)⁶⁷

С. Д. Нечаев вел и научно-исследовательскую деятельность⁶⁸. Активным собирателем был также граф Василий Алексеевич Бобринский

⁶³ Частная переписка Ивана Романовича Мартоса (1817–1830 гг.) // Киевская старина. 1896. Т. 53. С. 354–355.

⁶⁴ Нечаев С. Д. Письмо из Тулы. С. 149; Проект памятника на Куликовом поле. Из бумаг С. Д. Нечаева // Старина и новизна. 1905. Кн. 9. С. 1–6; Аицурков В. Н. На поле Куликовом. 600 лет. С. 70–72, 82; Куликово поле: летописи и документы. Тула, 1982; Карпова Е. В. Работа И. П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому. С. 261–273.

⁶⁵ Нечаев С. Д. Письмо из Тулы. С. 149.

⁶⁶ Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1902. Т. 2. С. 541; Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 г. С. 72–78.

Осипов В. Перстень с поля Куликова... Хроники шести судеб. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 3–80; Шахов В. Липецкий энциклопедический словарь. Липецк, 1994. С. 312.

⁶⁸ Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. С. 125–129; Он же. Описание вещей, найденных на Куликовом поле. С. 348–350; Он же. О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях. С. 307–311.

(1804–1874)⁶⁹. Управляющий его именем Бергольц большую часть находок подарил тульскому губернатору В. Ф. Васильеву⁷⁰. Другая часть находок с Куликова поля (несколько бердышей, стрел, копий, крестов и складней) находилась в собрании тульского губернатора Василия Алексеевича Левшина (1746–1826)⁷¹. Курганы и городища Ефремовского уезда, в том числе и на Куликовом поле, обследовал местный помещик Андрей Гаврилович Глаголев (1793–1844), также бывший членом Императорского общества истории и древностей Российских в Москве и корреспондентом по Тульской губернии известного исследователя славянских древностей З. Я. Доленги-Ходаковского⁷².

Интерес к месту сражения проявляли и путешественники. Так, в 1825 г. поле битвы посетили известный собиратель древностей и издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин (1787–1839), рязанский помещик и литератор М. Н. Макаров (1785–1847)⁷³.

Этот интерес к месту Мамаева побоища, проявляемый со стороны тульских помещиков и заезжих дворян, пробудил и у крестьян, живших на Куликовом поле и в его ближайшей округе, стремление приобщиться к героическому прошлому своего Отечества. Освоение исторического богатства края они осуществляли через создаваемые ими легенды и предания. Так, в первой четверти XIX в. появились предания о связи карстовых провалов с погребениями павших в битве воинов и бытовала легенда о том, что церковь села Монастырщины (старейшего из ныне существующих на Куликовом поле), основанного в 80-х гг. XVII в., возведена на месте дубовой часовни, поставленной

⁶⁹ *Свиньин П. П.* Обзорные путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии // *Отечественные записки*. 1826. № 69. С. 53; *Афремов И. Ф.* Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы... С. 46; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля. С. 62. *Макаров М. Н.* Село Рождественно-Монастырщина и поле Куликово. С. 21; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля. С. 62–63. *Нечаев С. Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. С. 127; *Присенко Г. П.* В плееде российских просветителей. Василий Алексеевич Левшин (1746–1826) // *Гордость земли тульской*. Тула, 1991. Т. 2. С. 30; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля. С. 63. *Глаголев А. Г.* Записка о городищах, курганах и других старинных насыпях в Тульской губернии // *Вестник Европы*. 1820. № 23. С. 187; *Он же.* Красивая Меча из памятных записок 1823 г. // *Журнал МВД*. 1835. Ч. 15. С. 310; *Наумов А. Н.* История археологического изучения Куликова поля. С. 63. *Свиньин П. П.* Обзорные путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии // *Отечественные записки*. 1826. № 69. С. 53; *Макаров М. Н.* Село Рождественно-Монастырщина и поле Куликово. С. 25–27.

над могилами русских воинов. Иконостас этого храма был объявлен подарком преподобного Сергия Радонежского. Не случайно, что алтарь этой церкви был освящен во имя Рождества Пресвятой Богородицы, т. е. в честь того праздника, на который и произошла Куликовская битва. Эти предания обратили внимание не только С. Д. Нечаева, но и писателя и путешественника М. Н. Макарова⁷⁴.

Осваивали события 1380 г. и художники. В 20-х гг. XIX в. неизвестным автором была создана еще одна гравюра, передающая зрителям образ Дмитрия Донского⁷⁵.

Образ подвига в освободительной борьбе против врагов Отечества вдохновил и русских поэтов. Так, в 1822 г. К. Ф. Рылеев написал думу «Дмитрий Донской», которая была сначала опубликована в журнале «Сын Отечества», а затем вышла в составе сборника поэтических дум декабриста⁷⁶. Поэт ставит перед собой цель – напомнить о подвигах предков, воссоздать эпохи народной истории, возбуждать любовь к отечеству, славить подвиги добродетельных или славных героев русских⁷⁷ – и достаточно полно передает все события русско-татарского противостояния 1380 г., отраженные в «Сказании о Мамаевом побоище», «Синописе» и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Национально-освободительные мотивы в этой думе звучат как призыв к освобождению и от социального гнета («Летим – и возвратим народу... / Святую праотцев свободу / И древние права граждан», «За вольность, правду и закон!»)⁷⁸.

В том же духе написаны два стихотворения Н. М. Языкова: «Песнь барда» и «Боян к русскому воину при Дмитрие Донском»⁷⁹. Вольнолюбивые декларации вкладывались в уста древних героев и служили намеками на современность⁸⁰: «Сокрылися века полночной славы, / Побед и воль-

⁷⁴ Макаров М. Н. Село Рождественно-Монастырщина и поле Куликово. С. 15–17; Демидов С. И. История мемориализации Куликова поля // Куликово поле: возрождение памяти. Тула, 2002. С. 223; Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 300.

Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 300.

Рылеев К. Ф. Дмитрий Донской // Сын Отечества. 1822. № 10. 9 окт. С. 315–318; Он же. Стихотворения. М., 1825.

Рылеев К. Ф. Думы. Стихотворения. М., 1825. С. V.

Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 219, 224–226; Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 23;

Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX в. С. 87.

Языков Н. М. Песнь барда // Новости литературы. 1823. Ч. 6. С. 94–96; Он же. Боян к русскому воину при Дмитрие Донском // Новости литературы. 1824. Ч. 9. Июль. С. 42.

Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 226–227.

ностей века». В 1825 г. К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев публикуют в своем альманахе «Полярная звезда» на 1825 г. стихотворение Василия Никифоровича Григорьева (1803–1876) «Нашествие Мамаея (песнь Баяна)»⁸¹. Оно явно носит тираноборческий характер. В это время в «Украинском журнале» увидело свет и стихотворение В. Розальон-Сошальского «Баян на Куликовом поле». В нем также мы услышим близкие декабристам, но далекие от нравов и идей XIV в. слова, воспевающие свободу: «Проснулся грозный глас свободы. / Восстаньте предки из гробов / Зреть торжество своих сынов, / Постыдный бег презренного тирана!» Стихотворение завершается славословием Дмитрию, пробудившему свой народ и заслужившему благодарность потомков⁸².

Однако после разгрома декабристского движения атмосфера в стране меняется. Это не могло не найти отражение в восприятии событий Мамаева побоища. Историки продолжали заниматься Куликовской битвой, но в их взглядах на события 1380 г. происходит смещение акцентов. Так, Н. С. Арцыбашев в 1827 г. выпустил в свет статью «Дмитрий Донской»⁸³, написанную в духе «скептического» направления историографии. Критически разобрав показания источников (летописей, актов, историко-географических материалов, родословцев и сообщений иностранцев), а также труды предшественников, Н. С. Арцыбашев пришел к выводу, что «обстоятельства сей войны так искажены витийством и разноречием летописцев, что во множестве переиначек и прибавок весьма трудно усмотреть настоящее»⁸⁴. Однако при изложении событий с 1361 по 1389 г. его рассказ фактически повторяет труд Н. М. Карамзина⁸⁵. Н. А. Полевой считал, что «Куликовская битва – первая победная песня Руссов»⁸⁶. Он восхваляет вдохновителей и руководителей борьбы с Ордой, осуждает князей, которые уклонились от похода против Мамаея⁸⁷.

⁸¹ Полярная звезда: Альманах, изданный А. А. Бестужевым и К. [Ф.] Рылеевым (1823–1825): Избр. страницы. М., 1982. С. 153.

Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 227–228.

Арцыбашев Н. С. Дмитрий Донской // Вестник Европы. 1827. Ч. 153. № 9. С. 3–26; № 10. С. 81–110; № 11. С. 161–191; № 12. С. 241–270; № 14. С. 154–160.

⁸⁴ *Арцыбашев Н. С.* Дмитрий Донской. С. 180.

⁸⁵ *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1838. Т. 2. С. 130–131.

⁸⁶ *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1833. Т. 5. С. 75; *Курилов А. С.* Памятники Куликовского цикла и русское литературоведение первой половины XIX в. С. 201, 204;

Полевой Н. А. История русского народа. Т. 5. С. 111–131; *Троицкий В. Ю.* Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 220–221; *Елизаветина Г. Г.*

В 1820–1840-х гг. продолжалась публикация популярных книг и статей о Куликовской битве и Дмитриии Донском, но они уже носили иной характер. Основную массу исторической литературы о событиях 1380 г. составляли популярные сочинения, основанные главным образом на сочинениях И. Г. Стриттера и Н. М. Карамзина. Они прославляли власть монарха⁸⁸. Бросается в глаза «нарочитость» используемых авторами художественных средств. Часто герои этих книг «со страстной откровенностью, “декоративно” выражают свои чувства»⁸⁹. Такие книжки стоят на грани исторического повествования и лубочной литературы.

В 1827 г. Александр Орлов издал в Москве в университетской типографии героическую поэму «Дмитрий Донской или начало российского величия». Основной ее идеей было напоминание о подвиге предков. В предисловии к ней поэт признается, что ему хотелось бы рассказать о более современных событиях, но, не чувствуя в себе достаточного умения и таланта, он вынужден обратиться к давно минувшим героическим событиям. Таким образом, вновь подчеркивается актуализация памяти о Куликовской битве, которая служит аналогом событий 1812 г. Однако автор относится к Мамаеву побоищу именно как к событию давно ушедших времен. Несмотря на то что во второй четверти XIX в. в русской литературе давно уже господствовал романтизм, поэт написал свое произведение в стиле классицизма, воспринимая его как архаический и, следовательно, более подходящий к XIV в.

Художественные приемы А. Орлов заимствовал из «Россиады» Хераскова, фактический материал для поэмы – из «Синописа». Часть подробностей он опускал, излагал многое по-своему и домысливал. В текст вводятся рассказ об унынии, воцарившемся в Москве после получения известий о походе Мамаея; описание чудесного видения Бес-смертия, Правды и Славы; видения святых русских князей Владимира, Александра Невского и Михаила Черниговского; рассказ о стихийных

Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов. С. 234–236.

⁸⁸ Казадаев А. Историческое похвальное слово Дмитрию Донскому; Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837; Гурьянов И. Дмитрий Иоаннович Донской, или Ужасное Мамаево побоище. Повесть XIV ст.; Димитрий Иоаннович Донской, или История о Мамаевом побоище и др.

Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке... С. 134, 141, 144; Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 221–223, 230–232.

бедствиях и безумце, смущающем народ страшными предсказаниями; видение небесного воинства переносится из описания окончания сражения в сцену ночного гадания князя⁹⁰. При этом А. Орлов, в нарушение реалий XIV в., считает, что московский великий князь был самодержавным правителем (Дмитрий Донской приказывает послу Мамаю: «Скажи ему, что я России властелин, и повелитель мой Небесный царь один») и вел борьбу за укрепление величия Русского государства (святые князя обращаются к нему: «Спасай отечество, крепи его державу, / России возврати утраченную славу»).

Еще одно поэтическое обращение к теме Куликовской битвы связано с Василием Ивановичем Красовым (1810–1854). Пылкий поэт, чуткий филолог, член кружка Н. В. Станкевича, В. И. Красов был выходцем из семьи священников и, в силу этого обстоятельства, отражал взгляды разночинцев на славную страницу отечественной истории. Летом 1832 г. по пути в имение Станкевичей он посетил место битвы и посвятил Куликову полю стихи⁹¹. В этом лиро-эпическом произведении плач о былой гибели Руси переплетается с прославлением победы русского оружия. Куликово поле становится местом объединения трагедии и славы, символом бесконечных пространств России. Автор воздает хвалу великому князю Дмитрию Донскому. Его образ превращается в образ русского духа. В стихотворении сочетаются удачное мелодическое построение, яркие образы с порой примитивными рифмами и сбивчивыми ритмами. Возможно, поэтому оно не стало популярным.

В 1832 г. в Москве в Университетской типографии вышел в свет исторический роман XIV в. «Сокольники или поколебание владычества татар над Россиею. Эпизод из княжения Димитрия Донского». Хотя, судя по заглавию, его автор – Сергей ...кий – хотел раскрыть одну из ярчайших страниц русской истории. Однако центром его повествования стал любовный сюжет. Автор посвятил роман приключениям двух пар: боярина Всеслава и простой девушки Марии, а также разбойника Владимира и боярышни Елены. Лишь в третьей части поднята тема Мамаева побоища. Чувствуется, что автор ориентируется на читателя, которого в большей степени интересует судьба двух неравных пар. Подобно В. А. Озерову, он пытается показать развитие личных судеб героев

⁹⁰ Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX в. С. 84–87.

⁹¹ Красов В. [И.] Куликово поле. Н. В. С[танкевичу] // Телескоп. 1832. № 19. С. 309–311.

на фоне судьбы страны. Но, признавая закономерность хода событий, автор строит любовный сюжет уже не с князем, а с вымышленными героями. В 1870 г. этот роман, привлечший невзыскательные вкусы публики, был переиздан в несколько сокращенном виде.

В 1837 г. в типографии А. Ф. Смирдина печатается еще один исторический роман, посвященный событиям русской истории второй половины XIV в. Это сочинение, подписанное М. Д., представляет собой образец запоздалого сентиментализма. Автор, абсолютно незнакомый с русским и татарским бытом эпохи начала национального возрождения Руси, заставляет своих героев говорить языком начала XIX в., подчиняет их действия логике дворян первой половины своего столетия. Возвеличивание самодержавной России, свойственное эпохе императора Николая I Павловича, породило в этом произведении патетику и восторженность. Автор пытался показать идеального государя, постоянное народное ликование при его появлении. Помня о судьбе декабристов, автор на историческом примере оправдывает суровое наказание заговорщиков. Желая развлечь публику, М. Д. вводит ненужные для развития сюжета романа романтические истории (встречи заговорщиков с волшебником, спасение заточенной в башне пленницы ее женихом, которому помогает друг-татарин, поставление сельского священника в епископы и др.)⁹².

В том же 1837 г. увидела свет работа Н. В. Савельева-Ростиславича «Историческое значение и личный характер Дмитрия Донского», изданная сразу в двух журналах и в виде отдельной книжки⁹³. Написанная в консервативно-романтическом духе, она была направлена на доказательство самобытности русского исторического пути. Автор не скрывал горького негодования, возникающего при чтении книг, «в которых для вида, прикрываясь личиною мнимого космополитизма» «стараятся исказить истину, выставить на позор и посмеяние то, что составляет драгоценнейшее достоинство народа – славу его собственную и славу тех лиц, которых он единодушно, единогласно будет признавать представителями этой славы»⁹⁴. Он был уверен, что

⁹² М. Д. Дмитрий Донской. 1837.

⁹³ *Савельев-Ростиславич Н. В.* Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы // ЖМНП. 1837. № 6. С. 378–407; *Он же.* Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1837. Т. 9. № 3. С. 44–76; Там же.

Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. С. 1; *Троицкий В. Ю.* Куликовская битва в творчестве русских романтиков... С. 230; *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 25–26.

«уважение и слава предков есть уважение самих себя, залог будущего величия, источник самостоятельности, единства и возвышенности народного духа». Восхваляя великого князя Дмитрия, Н. В. Савельев-Ростиславич писал, что «борьба с монголами и свержение ига их были не действиями одного человека, но целого народа»⁹⁵. Однако в целом его сочинение было апологетикой монархического строя. Книга Н. В. Савельева-Ростиславича и другие работы на эту тему вызвали полемику. В ней приняли участие В. Г. Белинский и Н. А. Полевой. Эта полемика – пример того, каким образом интерпретация и оценка в историографии дел «давно минувших дней» могли приобрести остроту звучания в общественной борьбе в России XIX в.⁹⁶

Большинство работ второй четверти XIX в., посвященных Куликовской битве, не выходило за рамки того материала, который был осмыслен И. Г. Стриттером и Н. М. Карамзиным, лишь изредка дополняясь некоторыми соображениями. Ни серьезного анализа причин победы на Куликовом поле, ни понимания эпохи, ни раскрытия роли народных масс и отдельных личностей в событиях 1380 г. авторы этих работ не представили. Все сводилось к прославлению Дмитрия Донского (иногда с другими героями) и декларированию приверженности авторов интересам народа. Но именно такое освещение Куликовской битвы устраивало власти и поощрялось ими. Сочинения о Куликовской битве и Дмитрии Донском, отвечавшие официальной идеологии, широко пропагандировались. Многократно были изданы соответствующие тексты из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, очерк «О святых митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» А. Майкова выдержал 5 изданий, сочинение К. Н. Бестужева-Рюмина «О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище» – 7 изданий, сочинение Н. В. Савельева-Ростиславича было опубликовано при поддержке Министерства народного просвещения, отмечено наградой и перепечатано в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» и издано отдельной брошюрой, а сам автор был избран «со-ревнователем» Общества истории и древностей Российских⁹⁷.

⁹⁵ Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской... С. 3.

⁹⁶ Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. № 1. Отд. 6. С. 12; Северная пчела. 1838. № 6. С. 22; Сын отечества. 1838. Т. 1. № 2. С. 24–31; Современник. 1839. Т. 14. С. 37; Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1839. № 15; Маяк. 1840. Кн. 9. С. 48–55; Отечественные записки, 1843. Т. 26. № 2. С. 66–67; Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 25–26.

Пушкарёв Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке... С. 130–131; Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве

В контексте этого историко-литературного процесса произошло и важное научное открытие – введение в широкий оборот, художественное и научное осмысление памятников литературы Древней Руси. Известные и ранее в составе летописей, они не воспринимались как памятники общественной и эстетической мысли. Их значение недооценивал и Н. М. Карамзин⁹⁸. Двукратная публикация «Сказания о Мамаевом побоище» И. М. Снегиревым не изменила ситуации⁹⁹. Ссылка на эти издания встречается лишь в написанной в 1832 г. книге Н. С. Арцыбашева, рецензиях Н. А. Полевого и В. Г. Белинского. После этого «Сказание о Мамаевом побоище» на длительное время вновь пропадает из поля зрения исследователей¹⁰⁰. Большой отклик имело издание нескольких редакций памятника, осуществленное И. М. Снегиревым спустя 10 лет¹⁰¹. Вскоре памятник вошел в новый сборник произведений древнерусской литературы, осуществленный И. П. Сахаровым¹⁰².

В этот период времени, когда идет увлечение древнерусскими преданиями и фольклором, было осуществлено издание преданий о Мамаевом побоище, существовавших у крестьян Куликова поля¹⁰³. Большую роль в сохранении памяти о Куликовской битве сыграл помещик Тульской губернии И. Ф. Афремов (1794–1866)¹⁰⁴.

В царствование Николая I Павловича, когда Российская империя достигла своего наивысшего могущества, вопросы сохранения и изучения главных событий в русской истории стали частью государственной политики. После нереализованных проектов архитекторов И. П. Мартоса (1754–1835) и А. П. Мельникова (1784–1854),

русских романтиков... С. 230; Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 25–26.

Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке... С. 197–200.

⁹⁹ Древнее сказание о победе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского над Мамаем. М., 1829; Сказание о побоище великого князя Дмитрия Иоанновича Донского // Русский зритель. 1829. Ч. 5. № 17/20. С. 6–66.

¹⁰⁰ Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1838. Т. 2. С. 229; Московский телеграф. 1833. № 7. С. 423–424; Молва. 1835. Ч. 9. № 10. Стб. 162–163; Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке... С. 197.

Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3. Кн. 1. С. I–XVI, 1–80.

Сказания русского народа, собранные И. [П.] Сахаровым. 3-е изд. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 4. С. 63–82.

Макаров М. Н. Русские предания. Другая книжка. М., 1838.

Афремов И. Ф. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы...

длительных споров о месте памятника по воле императора на Куликовом поле был установлен памятник-обелиск Дмитрию Донскому. Авторами монумента стали А. П. Брюллов (1798–1877) и инженер А. А. Фуллон. Для каждого из них это оказалось самой грандиозной работой. В колонне сочетались черты позднего классицизма и тогда еще нового русско-византийского стиля. Местом ее установки был избран Красный холм на юго-восточной окраине поля, поскольку С. Д. Нечаевым и И. Ф. Афремовым, благодаря найденным археологическим артефактам, было доказано, что битва разыгралась на землях между селом Монастырщина и Красным холмом. Будучи воспитанником Н. М. Карамзина, Николай I Павлович понимал роль исторической памяти в осуществлении государственной политики. Подготовка к открытию памятника озвучила многие ныне известные формы мемориализации события на месте его свершения: охрана элементов ландшафта, установка памятников, строительство храмов, ежегодные праздничные торжества и создание музея. Вся дальнейшая история увековечения памяти Куликовской битвы фактически развивалась в русле реализации этих проектов. Колонна на Красном Холме была открыта 8 сентября 1850 г. – в 470-ю годовщину знаменитого сражения и в 500-летний юбилей со дня рождения великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Торжества, свершаемые по этому поводу, стали первым праздничным мероприятием, связанным с годовщиной битвы. Уже тогда сложился церемониал всех последующих торжеств на Куликовом поле: народные гулянья, участие гражданских, военных и духовных властей, праздничный молебен по убиенным в битве¹⁰⁵.

Сооружение памятника и его торжественное открытие оживили общественный интерес к событиям 1380 г. В середине XIX г. были изданы гравюры «Дмитрий Донской» (по рисунку Вернье) и «Дмитрий Донской, сопровождаемый князьями и боярами, объезжает Куликово поле после битвы». В 1850 г. А. Г. Рубенштейн написал оперу «Куликовская битва»¹⁰⁶. И. П. Сахаров подготовил книгу, посвященную памятникам Тульской губернии¹⁰⁷. В 1852 г. В. М. Ундольским и И. Д. Беляевым было осуществлено издание самого раннего из сохранившихся поэтических откликов на победу над Мамаем – «За-

¹⁰⁵ Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 301–303.

¹⁰⁶ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 300.

¹⁰⁷ Сахаров И. П. Памятники Тульской губернии. СПб., 1851.

донщины» (по списку В. Ундольского)¹⁰⁸. Именно с публикации этого произведения начался новый этап в изучении как памятников Куликовского цикла, так и в развитии науки о литературе Древней Руси¹⁰⁹. Но высказанное И. Ф. Афремовым пожелание видеть при памятнике на Красном холме музей и восстановить историческую Зеленую Дубраву остались тогда нереализованными¹¹⁰.

Однако превращение воспоминаний о Куликовской битве в прославление монархического строя в России вызвало у либерально-демократических деятелей скептицизм. С. М. Соловьев, повествуя о событиях, связанных с Куликовской битвой, ведет изложение сдержанно, точно следуя показаниям источников. Историк рассматривал Куликовскую битву как величайшее сражение мировой истории, сравнивая ее значение с битвой на Каталаунских полях и Турским сражением, которые спасли Западную Европу от гуннов и «аравитян». Куликовская битва, по мнению С. М. Соловьева, «носит одинаковый с ними характер... отчаянного столкновения Европы с Азией». По его мнению, победа на Куликовом поле граничила с тяжким поражением из-за больших людских потерь, понесенных русским воинством¹¹¹.

У представителей революционно-демократического лагеря во второй-третьей четверти XIX в. отчетливо проявилось желание оспорить не только понимание самого Мамаева побоища, но и поставить под сомнение сам ход события. Писатели его круга всячески старались подчеркнуть роль народа в победе на Куликовом поле. «Дух народный, – писал в 1841 г. В. Г. Белинский, – всегда был велик и могущ: это и показывает и быстрая централизация Московского царства, и Мамаевское побоище, и свержение татарского ига... Это же доказывает и обилие в таких характерах и умах государственных и ратных, каковы были – Александр Невский, Иоанн Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской»¹¹². Полемизируя со славянофилами и

¹⁰⁸ Слово о Великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победы супостата своего царя Мамаю // Временник Императорского Общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 14. Отд. 2. С. I–XIV, 1–8.

¹⁰⁹ *Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П.* Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке... С. 216.

Афремов И. Ф. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы... С. 66; *Гриценко В. П., Наумов А. Н.* Музей-заповедник «Куликово поле»... С. 303.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. Т. 3–4. С. 284–288, 633–637.

Белинский В. Г. Избр. философские соч. М., 1948. Т. 1. С. 352, 353; *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 26.

М. П. Погодиным, утверждавшими, что русский народный характер всегда был смиренным и кротким, В. Г. Белинский напоминал, что «Димитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью»¹¹³. Но В. Г. Белинский, считая «Сказание о Мамаевом побоище» «драгоценным материалом древней русской литературы», «не мог принять слишком, по его мнению, яркую религиозную окраску “Сказания о Мамаевом побоище”, тот дух смирения, которым оно проникнуто».

А. И. Герцен, будучи западником, подчеркивал, что в годы татарского ига все стороны жизни понесли существенный урон, а сам русский национальный характер потерпел существенные искажения. Он отмечал выдающуюся роль Москвы в деле освобождения от «варварского ига» и связывал осознание и реализацию идеи централизации с процессом борьбы против иноземных врагов. При этом А. И. Герцен, черными красками рисуя положение народа, принижал значение сражения на Куликовом поле, считая, что «русские князья, бояре, воеводы, пришедшие за Дон отыскивать свободы» сами стали «истыми монгольскими татарами» Византийской Орды¹¹⁴.

Подобно В. Г. Белинскому и А. И. Герцену, с точки зрения извлечения уроков из истории национально-освободительной борьбы, Куликовской битвой интересовались Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Они высоко оценивали Куликовскую битву как выдающееся событие русской истории и отводили народным массам решающую роль в победе Руси. Н. Г. Чернышевский был согласен с взглядами В. Г. Белинского на способность русского народа к борьбе за свою свободу и с высокой оценкой деятельности Дмитрия Донского¹¹⁵. При этом Н. А. Добролюбов критиковал церковно-религиозную окраску «Сказания о Мамаевом побоище»¹¹⁶.

Несколько раз к теме Куликовской битвы обращался известный русский историк Николай Иванович Костомаров (1817–1885).

¹¹³ *Белинский В. Г.* Избранные философские сочинения. М., 1948. Т. 2. С. 298, 299; *Елизаветина Г. Г.* Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов. С. 236; *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 26.

Елизаветина Г. Г. Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов. С. 238–242.

Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. М., 1950. Т. 1. С. 769. *Добролюбов Н. А.* Избранные философские сочинения. М., 1945. Ч. 1. С. 96; *Елизаветина Г. Г.* Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов. С. 234–246.

В 1864 г. он написал о ней свою первую статью, которую издал отдельной брошюрой¹¹⁷. Историк в беллетристической форме изложил свое видение событий 1380 г. В своей постоянной полемике с предшествующей историографией он стремился принизить роль великого князя Дмитрия Ивановича в борьбе с Мамаем, а традиционно осуждаемую позицию великого князя Олега Рязанского, наоборот, оправдывал. При этом Н. И. Костомаров для подтверждения своих выводов был вынужден «передергивать» сведения источников.

Задачи, которые Н. И. Костомаров поставил перед собой, были уже очевидны его современникам. По мнению С. А. Венгерова, Костомаров «написал статью, имеющую целью доказать, что окруженный ореолом геройской славы Димитрий Донской на самом деле всего менее был героем и что освободил Россию не он, а исключительно благоприятно сложившиеся обстоятельства»¹¹⁸. Те же мысли есть и в его более ранней статье 1862 г.¹¹⁹

Неуважительное отношение Н. И. Костомарова к одному из знаковых событий в истории Отечества вызвало протест со стороны молодого литератора Дмитрия Васильевича Аверкиева (1836–1905). Вместе с писателем Виктором Ипатьевичем Аскочинским (1813–1879) и крупным историком и литератором Михаилом Петровичем Погодиным он вступил в горячую полемику¹²⁰. Н. И. Костомаров не менее запальчиво отвечал своим оппонентам¹²¹. Против его скептицизма оппоненты использовали апологетическое прославление великого князя Дмитрия Ивановича Донского.

¹¹⁷ *Костомаров Н. И.* Куликовская битва // Месяцеслов на 1864 г. СПб., 1864. [Приложение]. С. 3–24; То же. СПб., 1864 [отдельный оттиск]; То же // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1867. Т. 3. С. 3–42.
Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь. СПб., 1889. Т. 1. С. 74.
Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 27.
 Рец. // Голос. 1863. № 335. 17 дек.; *А. Ш.* Рец. // Журнал для родителей и наставников. 1864. № 3. С. 24–28; *Аверкиев Д. В.* Костомаров разбивает народные кумиры // Эпоха. 1864. № 3. С. 276–297; *Погодин М. [П.]* Два слова о статье Н. [И.] Костомарова «Куликовская битва» // День. 1864. № 4. С. 19–22; Переписка гг. Погодина и Костомарова // Голос. 1864. № 32. 1 февр.; № 62. 3 марта; *Погодин М. [П.]* Ответ г. Костомарову на его возражение, помещенное в газете газете «Голос» // День. 1864. № 7. С. 20–22; *Аверкиев Д. [В.]* Как отвечают гг. профессора // Эпоха. 1864. № 4. С. 287–291; *Державина О. А.* Древняя Русь в русской литературе XIX в. С. 92; и др.
 Переписка гг. Погодина и Костомарова // Голос. 1864. № 32. 1 февр.; № 62. 3 марта; *Костомаров Н. И.* Апология за Дмитрия Донского гг. Аверкиева и Аскочинского // Голос. 1864. № 124. 6 мая.

В этих условиях Д. В. Аверкиев решил еще раз напомнить читателям об эпическом звучании событий русско-ордынского противостояния конца XIV в. В октябре 1864 г. в журнале «Эпоха» вышла его пьеса «Мамаево побоище – летописное сказание (Картины русской жизни XIV века)». Это было первое крупное литературное произведение Д. В. Аверкиева. Оно сразу же вызвало споры среди публицистов и историков¹²². В полемике хорошо проявилось восприятие Куликовской битвы русским обществом второй половины XIX в.

Д. В. Аверкиев происходил из патриархальной купеческой семьи. Его дед, бывший старообрядец, был влюблен в русскую старину. Атмосфера почтительного отношения к прошлому царила в его семье. Несмотря на дыхание новой эпохи, учебу в коммерческом училище, университете и дружбу с Н. А. Добролюбовым, Д. В. Аверкиев не поддерживал ни либералов, ни нигилистов. Большая часть его пьес и повестей написана на сюжеты из русской истории. Свои сочинения автор публиковал в журнале «Эпоха», издаваемом братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими. Это издание ориентировалось на ценности, принятые почвенниками, критиковало революционно-нигилистическую идеологию, материализм и утилитарный подход к искусству. С особым вниманием редакторы «Эпохи» относились к истории. В ней они замечали основы русской самобытности. Свой эстетический и философский идеал издатели искали у А. С. Пушкина¹²³.

Хорошо знавший памятники Куликовского цикла Д. В. Аверкиев был возмущен тем, что Н. И. Костомаров пытался поставить под сомнение священные имена русской истории, а освобождение Руси оценить как результат сложившихся обстоятельств. Поэтому драматург решил в пьесе «изобразить в картинах прошлую жизнь с возможно большего числа сторон».

Взяв за основу «Сказание о Мамаевом побоище», Д. В. Аверкиев переделал его текст в драматические сцены, построив пьесу по образцу трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». События, представленные в 19 сценах и эпилоге, охватывали время с весны 1380 до зимы 1381 г. По ходу пьесы место действия постоянно менялось: Рязань, Москва, Троицкая обитель, опять Москва, Девичье поле

¹²² Державина О. А. Куликовская битва в русской драматургии второй половины XIX в. // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 247–257; Она же. Древняя Русь в русской литературе XIX в. С. 91–103.

¹²³ Державина О. А. Куликовская битва в русской драматургии... С. 247.

под Москвой, Коломна, Березуй, вторично Рязань, Куликово поле и снова Москва. В пьесе действовало 52 персонажа. Одна их часть была историческими лицами, другая – вымышленными. Автор стремился не только вывести на сцену те или иные социальные типы, но и показать людей с индивидуальными характерами. Д. В. Аверкиев пытался сделать свой рассказ о событиях 1380 г. понятным своим современникам, а действующие лица пьесы должны были быть и легко узнаваемыми, и эпическими одновременно. Так, великий князь Дмитрий Иванович не выглядел легендарным героем, но одновременно был показан человеком глубоко верующим и сознающим всю свою ответственность за страну и народ. Поэтому не случайно, что он был изображен действующим в согласии с людьми. Лишь там, где речь шла о его личной судьбе, он принимал самостоятельное решение.

В предисловии Д. В. Аверкиев дает указание, что народные сцены в пьесе должны исполняться не статистами, а опытными артистами, тем самым показывая, что он воспринимает события 1380 г. не как героическое деяние князя, а как народную драму. Эпilog пьесы, в котором говорилось о тревожных предзнаменованиях, моровой язве и возможном нашествии хана Токтамыша, призван был показать, что победа над Мамаем стала лишь началом долгого и трудного пути национального возрождения страны. Д. В. Аверкиев скрыто противопоставил сильных, но способных к смирению людей XIV в. своим современникам, с их «мятежным духом», «сердечным голодом» и «греховным недовольством».

Стремясь к исторической достоверности, Д. В. Аверкиев не во всем следовал версии «Сказания о Мамаевом побоище», которое, по мнению О. А. Державиной, было известно автору по ее изданию в «Русском историческом сборнике»¹²⁴. Так, из упомянутых в источнике лиц в пьесе нет ни митрополита Киприана, отсутствовавшего в 1380 г. в Москве, ни З. Тютчева, чье посольство к Мамаю было всего лишь поздним легендарным преданием, ни новгородцев, которые не имели физической возможности быстро собраться и прийти на помощь. Вместо них в действие были введены дети и сестра московского великого князя, семья, бояре и воеводы рязанского князя.

Поставленная Д. В. Аверкиевым цель – в деталях показать развитие событий 1380 г. – привела к некоторой растянутости и перегруженности пьесы, лишенной к тому же острого конфликта, необходимого

¹²⁴ Державина О. А. Куликовская битва в русской драматургии... С. 248–249.

в драматическом произведении. Некоторые действующие лица (как, например, Симеон Васильевич), сцены (12-я и 14-я) и явления (1-е и 2-е в 4-й сцене, 1-е в 18-й сцене) критиками оцениваются как избыточные¹²⁵. Однако они позволяют увидеть различные типы людей, живших на Руси в это опасное и героическое время. В пьесе показаны знать и народ, мужчины и женщины, мужья и жены, отцы и дети. Действие пьесы построено не столько на развитии событий, сколько на их тревожном ожидании. Благодаря этому драматург смог показать жизнестойкость, патриотизм и веру русского народа.

Д. В. Аверкиеву удалось достаточно убедительно реконструировать дух эпохи, показать ее живые образы. Пьеса была написана им без излишней архаизации с использованием живой русской речи, множеством народных выражений, пословиц и поговорок. В подражание «Борису Годунову» использовался пятистопный ямб и белый стих. Герои лишь изредка в репликах и монологах произносят речи, которые могут быть восприняты как избыточные и искусственные. Тем не менее это утяжеление пьесы дало зрителю необходимый ему исторический комментарий.

Произведение Д. В. Аверкиева обратило на себя внимание его современников. Драма с огромным количеством действующих лиц и постоянно меняющимся местом действия была сложна для постановки. Несмотря на это, она была поставлена в Александринском театре в Санкт-Петербурге (шла 13, 20 и 31 декабря 1865 г.) и Малом театре в Москве в 1865–1881 гг.¹²⁶ Это, безусловно, говорит об оценке пьесы, которую ей дали власти.

В свою очередь, из революционно-демократического лагеря на Д. В. Аверкиева обрушилась ожесточенная критика. Известный литературный критик-нигилист Д. И. Писарев бранил автора как за содержание пьесы, так и за ее литературные качества. По его мнению, Д. В. Аверкиев недостаточно показал роль народа в борьбе с Мамаем. Несправедливость этого утверждения осталась на совести Д. И. Писарева, который признавался, что сам русских летописей не читал и читать не станет, не замечая, что тем самым демонстрировал всем свою ограниченность. Критик также упрекал драматурга в неоправданном многословии. По мнению Д. И. Писарева, оно было вызвано желанием

¹²⁵ Там же. С. 254–255.

¹²⁶ История русского драматического искусства. М., 1980. Т. 5. С. 470; Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX в. С. 102.

получить большой гонорар. Желая любой ценой уничтожить драматурга, критик без всяких объяснений и совершенно незаслуженно обвинил его в «мракобесии и сикофанстве»¹²⁷. Эти неизвестно откуда взявшиеся обвинения были убийственны в глазах как революционно настроенных демократов, так и либералов. Злоба, с которой Д. И. Писарев обрушился на Д. В. Аверкиева, говорит об абсолютном неприятии критиком благоговейного отношения драматурга к такому знаковому событию, как Куликовская битва. Особое раздражение у Д. И. Писарева вызывала сцена, где подчеркивалась роль преподобного Сергия Радонежского как духовного вождя Руси.

Не оставил своих попыток переоценки русской истории и Н. И. Костомаров. В своей новой работе им была дана еще более жесткая оценка как политике Дмитрия Ивановича, так и его личным качествам¹²⁸. По мнению историка, «он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли обстоятельства; он... раздражал Орду, но не воспользовался ее временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности; и последствием всей его деятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой»¹²⁹. Передача княжеских доспехов воеводе Михаилу Бренку получила у Н. И. Костомарова негативное истолкование: «Такое переряжение могло быть только из трусости»¹³⁰. С удовольствием Н. И. Костомаров описывал бегство москвичей в битве, не замечая того факта, что летописец относил этот эпизод ко времени до начала битвы. Критикуя «Сказание о Мамаевом побоище» за недостоверность, Н. И. Костомаров признавал правдоподобными его важные известия (удар засадного полка) и не отрицал большое влияние Куликовской победы на дальнейшее развитие борьбы за освобождение от ига.

Своеобразным ответом Н. И. Костомарову стало исследование о Куликовской битве князя Н. С. Голицына в его «Русской военной

¹²⁷ Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д. И. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 331–337.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1873. Отд. 1: Господство дома Св. Владимира. Вып. 1: X–XIV ст.; То же. СПб., 1912. Кн. 1; То же. СПб., 1915. Т. 1: X–XVI ст. С. 181–206.

¹²⁹ Костомаров Н. И. Великий князь Дмитрий Иванович Донской // Костомаров Н. И. Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 244.

¹³⁰ Костомаров Н. И. Великий князь Дмитрий Иванович Донской. С. 232.

истории»¹³¹. Оно заложило начало изучению военного искусства великого князя Дмитрия Донского. За исключением общеизвестных к тому времени сведений источников, работа князя Н. С. Голицына имела подробную военно-тактическую характеристику поля боя, анализ маршрутов движения противников к Куликову полю и сам ход битвы. Военный историк доказал продуманность действий великого князя.

Скепсис Н. И. Костомарова утонул в юбилейных торжествах, посвященных трем событиям, расположенным рядом друг с другом во времени. Речь идет о 500-летию Куликовской битвы (1880 г.), 500-летию кончины великого князя Дмитрия Донского (1889 г.) и 500-летию преставления преподобного Сергия Радонежского (1892 г.). Эти даты вызвали новый всплеск внимания к Куликовской битве. Инициаторами организации торжеств были общественные деятели, ученые и тульское земство. Программа празднования 500-летия сражения, составленная известным историком Д. И. Иловайским (1832–1920), предполагала мероприятия по пропаганде значения Куликовской битвы среди общественности, организацию торжеств на Куликовом поле и в Москве, строительство храма-памятника рядом с колонной Дмитрию Донскому на Красном холме, создание музея события, проведение изысканий на поле битвы¹³². Д. И. Иловайский написал исследование, посвященное событиям Мамаева побоища. Его брошюра «Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского» была издана к 500-летию Куликовской битвы. В ней автор в несколько беллетризованной манере подробно рассказал о причинах столкновения с Мамаем, обстановке накануне Куликовской битвы, о самом сражении, его итогах и значении. В примечаниях и объяснениях к тексту Д. И. Иловайский дал характеристику использованным источникам и трудам своих предшественников. Вновь разгорелась полемика с Н. И. Костомаровым. Уже само название брошюры подчеркивало особую роль Дмитрия Донского в событиях 1380 г., которую стремился принизить Н. И. Костомаров. Вопреки его мнению, Д. И. Иловайский пришел к выводу о разумности действий московского великого князя. Историк подчеркивал его личную храбрость, отметил большое значение Куликовской победы

¹³¹ Голицын Н. С. Русская военная история. СПб., 1877. Т. 1. Ч. 1.

¹³² Иловайский Д. И. Пятисотлетие Куликовской битвы: Как праздновать этот юбилей: (Заметка) // Русский архив. 1879. № 1. С. 16; Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303.

для активизации борьбы против Орды и для укрепления авторитета Москвы на Руси¹³³. Данной оценки Д. И. Иловайский придерживался и позднее¹³⁴.

В рамках подготовки и празднования 500-летнего юбилея Куликовской битвы в 1865–1884 гг. была построена каменная церковь во имя Рождества Богородицы в селе Монастырщина. В числе лиц, осуществивших пожертвования на строительство храма, были император Александр III Александрович, Троице-Сергиева лавра, Тульская губернская земская управа, помещик села Красные Буйцы граф А. В. Олсуфьев¹³⁵.

8 сентября 1880 г. праздник, организованный тульским земством на Красном Холме, состоял из панихиды по погибшим в 1380 г. воинам, военного парада с артиллерийским салютом и крестного хода из села Монастырщина к Красному холму. В торжественных речах они призывали русских воинов быть достойными памяти их далеких предков. На праздничных мероприятиях присутствовали местные власти, духовенство и много местных жителей. Это событие широко освещали «Тульские губернские ведомости»¹³⁶. Оно было отражено в фотографиях и рисунках М. Е. Малышева. Д. Рыжов тогда же создал свой рисунок памятника. К празднику на Санкт-Петербургском монетном дворе была выпущена памятная бронзовая медаль работы Л. Штейнмана и А. Грилихеса. Торжественные мероприятия прошли и в Коломне¹³⁷.

Итогом юбилея стало возобновление интереса к событиям Мамаева побоища и Куликову полю. Куликовская битва стала восприниматься уже не просто как яркий эпизод в непростой истории взаимоотношений с Ордой, а как символ борьбы за независимость и знаковое событие. В 1881 г. на месте битвы были проведены рекогносцировочные работы офицеров Генерального штаба¹³⁸. Тульский исследователь Н. И. Троицкий (1851–1920) совершил свои

¹³³ *Иловайский Д. И.* Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880.

¹³⁴ *Иловайский Д. И.* История России. М., 1884. Т. 2. С. 114–143.

¹³⁵ *Гриценко В. П., Наумов А. Н.* Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303.

¹³⁶ Тульские губернские ведомости. 1880. № 62, 68; Празднование 500-летней годовщины Куликовской битвы, происходившее 8 сентября на Куликовом поле в Елифанском уезде Тульской губернии и 9 числа в г. Туле // Тульские губернские ведомости. 1880. № 72.

¹³⁷ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 301, 303.

¹³⁸ Празднование 500-летней годовщины Куликовской битвы. Тула, 1881. С. 6.

историко-археологические поездки на Куликово поле¹³⁹. Крестный ход от села Монастырщина к Красному холму стал традиционным. Активизируются научные исследования по истории сражения¹⁴⁰. Тем не менее имели место и примеры безразличия к реликвиям Мамаева побоища (уничтожение в 1886 г. Зеленой Дубравы)¹⁴¹, Куликовская битва прочно вошла в патриотическое сознание Российской империи последних десятилетий ее существования. Представление о значении Куликовской битвы афористично определил В. О. Ключевский, сказавший, что Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»¹⁴².

Особенно ярко внимание общественности к событиям и личностям, связанным с Куликовской битвой, прослеживается в период сербо-турецкой войны 1876 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Если обращение к образу Дмитрия Донского в период войн России с Турцией вполне закономерный факт, то возникновение в русском общественном сознании конца XIX в. Куликовской битвы как символа освобождения от иноземного врага является сложной и многоплановой проблемой. В период сербо-турецкой войны 1876 г. правительство России не санкционировало военную помощь Сербии и пыталось разрешить возникшие противоречия между конфликтующими сторонами мирным путем. Тем не менее в этой войне участвовало 5 тыс. русских добровольцев, которые освобождение Сербии от турецкого ига отождествляли с победой Руси над Ордой в 1380 г. Так, например, в августе 1876 г. в Москве было изготовлено знамя – копия знамени Московской великокняжеской дружины Дмитрия Донского со следующей надписью: «...От такого же ига избавилась и Россия в 1380 г. на Куликовом поле победою, одержанной под таковым же знаменем бывшем в Московской великокняжеской дружине и на которое в последние минуты перед битвою в лице своих князей, вождей и рати молилась вся Россия»¹⁴³. Известно, что, когда добровольцы из России

¹³⁹ *Троицкий Н. И.* Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении. С. 80–97.

Масловский Д. Ф. Из истории военного искусства в России. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 г. до Куликовской битвы включительно // Военный сборник. 1881. № 8. С. 207–238; № 9. С. 19–28.

Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В. О. Соч. Т. 2. С. 21, 23, 50, 110; *Он же.* Боярская дума Древней Руси. С. 525.

Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 гг.: Сборник документов. М., 1978. Док. 70.

прибыли в Сербию, сербский князь Милан был очень тронут этим фактом и прислал в Москву ответное обращение¹⁴⁴.

Подобное знамя было создано и в 1887 г. в подарок известному русскому генералу М. Г. Черняеву, который командовал военными силами Сербии во время сербо-турецкой войны 1876 г.

Связь освобождения Руси от ордынского ига с освобождением Балкан от османского ига в русском общественном сознании также отчетливо прослеживается в периодических изданиях конца XIX в. Их анализ показывает, что в контексте борьбы православной Сербии и мусульманской Турции русское общество обращалась к Дмитрию Донскому, как символу освобождения народа, в данном случае сербского, от иноземного ига¹⁴⁵.

Имена героев Куликовской битвы присваивались военным кораблям и воинским подразделениям. В XVIII – начале XX в. в составе русского военного флота находилось шесть кораблей, носивших имена героев Куликовской битвы. Во второй половине 90-х гг. XIX в. были спущены на воду крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской», броненосцы «Ослябя» и «Пересвет». В 1904–1905 гг. эти корабли принимали участие в неудачных морских сражениях Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны на Румынском фронте действовал русский полк, носивший название Куликовского¹⁴⁶.

В начале XX в. правительство, церковь и дворянство в условиях нарастающих противоречий в обществе пытались сплотить его вокруг царя при помощи обращения к героическому прошлому России. Это время превратилось в эпоху празднования многочисленных юбилеев: основание Петербурга, Полтавская баталия, победа у Гангута, изгнание Наполеона из России, 300-летие избрания на царство династии Романовых. На этом фоне становится особенно показательным, что в качестве знакового из событий предшествовавшего воцарению Романовых периода была избрана и Куликовская битва.

Тульское духовенство предложило возвести на Куликовом поле возле «мертвого безгласного монумента» храм. Помещики граф А. В. Олсуфьев (1843–1907) и князь М. В. Голицын (1873–1942) об-

¹⁴⁴ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 гг. Док. 116.

Подробнее об этом см.: *Власова Ю. В.* Сербо-турецкая война 1876 г. и общественное мнение России: Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. С. 104.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 304; *Наумов А.* [Н.] Великое сражение Руси // Родина. 2005. № 9. С. 65.

ратились к епископу Тульскому и Белевскому Питириму (1858–1919) с инициативой создания такого храма-памятника во имя преподобного Сергия Радонежского. Генерал-адъютант граф А. В. Олсуфьев сумел придать строительству почти государственное значение. Инициатива была поддержана Синодом. Возведение храма-памятника контролировал Строительный комитет. Его возглавлял граф А. В. Олсуфьев, а после его смерти – его сын, известный исследователь истории и материальной культуры Троице-Сергиевой лавры граф Ю. А. Олсуфьев (1879–1938). Для строительства храма их семья пожертвовала 36 десятин земли на Красном холме. Знаменитый русский архитектор А. В. Щусев (1873–1949), ставший основоположником особого стиля, сочетающего традиции древнерусского зодчества и архитектуры модерна, был приглашен для его сооружения. Забрав свой проект 1906 г., А. В. Щусев продолжил работу и в 1911 г. создал новый вариант храма. Это был необычный проект. Мемориальность храма должна была подчеркнуть музейная экспозиция, рассказывающая о битве. Башни, с двух сторон прикрывающие вход в церковь, напоминали древний город, их элементы – шлемы воинов, в 1380 г. преградивших врагам дорогу на Русь. Символично, что в 1913–1918 гг., когда в Европе шла Первая мировая война, на Куликовом поле возводился храм-памятник во имя преподобного Сергия Радонежского. Его освящение состоялось уже при советской власти в 1918 г., но работы по отделке храма, убранству его интерьера и оформлению иконостаса так и не были закончены¹⁴⁷.

В эти годы к теме Куликовской битвы обратился и поэт А. А. Блок. Он иначе, чем представители официальной идеологии, смотрел на события 1380 г. В его стихотворном цикле «На поле Куликовом» звучит не гордость победой, а предчувствие великих испытаний. Накануне грандиозных потрясений мировой войны и революций начала XX в. великий русский поэт А. А. Блок писал: «...Я в страшной тревоге, как перед подвигом!.. Сердце горит и ждет чего-то, о чем-то плачет, но уже торжествует, заранее торжествуя победу». «А я – здесь как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час! – вот зачем я не сплю ночей, я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: “Пробил твой час! Пора!”» Поэт остро чувствовал грядущие

¹⁴⁷ Демидов С. И. История мемориализации Куликова поля // Куликово поле: возрождение памяти. Тула, 2000. С. 36–44; Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303–306.

столкновения народов. Он понимал: для мира в целом предстоит война цивилизаций («рас»), которая для России может стать войной гражданской, в огне которой решится вопрос – быть или не быть стране. Вот почему в 1912 г. А. А. Блок в примечании к циклу «На поле Куликовом» писал: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди»¹⁴⁸.

Искренность чувств, переживаемых поэтом, помогла А. А. Блоку создать произведение, передающее, несмотря на символизм образов, дух народа в канун великих потрясений. Это хорошо почувствовал Г. Иванов, который в своей рецензии, вышедшей в 1915 г., отмечал, что в стихах цикла «нет ни одного былинного образа, никаких молодечеств и “гой еси” Но в них Россия былин и татарского владычества, Россия Лермонтова и Некрасова, волжских скитов и 1905 г.»¹⁴⁹. Но далеко не все современники поняли поэта. Так, критик И. Голов писал: «Мы не имеем права сетовать на рыцаря “Прекрасной Дамы” за его превращение в модернизированного “народника”, темно и вяло толкующего о народной стихии, но грустно и больно, когда истинный поэт начинает подменять свое стихийное творчество какой-то придуманной теоретической стихией... В стихотворениях “На поле Куликовом” не замечается внутренней необходимости, которая оправдывала бы их появление, и, по-видимому, само Куликово поле послужило лишь внешним предлогом к написанию цикла хороших, но ненужных, каких-то беспредметных стихов»¹⁵⁰. На наш взгляд, критик был не прав. Стихотворения А. А. Блока пронизаны единой темой готовности к тяжелой борьбе для освобождения себя от всего, что сковывает силы и волю к активному действию¹⁵¹.

Это чувствовали и другие писатели и художники. Так, В. А. Гиляровский составил, возможно, под влиянием самого факта появления стихов А. А. Блока, сборник «Грозный год», в котором звучали мотивы и образы, связанные с событиями Куликовской битвы¹⁵². Еще в конце

¹⁴⁸ Блок А. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 911.

¹⁴⁹ Иванов Г. Стихи о России // Аполлон. 1915. № 8/9. С. 96–97.

¹⁵⁰ Голов И. Литературные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 9 // Весы. 1909. № 9. С. 94.

Подробнее об этом см.: Усок И. Е. Куликовская битва в творчестве Александра Блока // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 258–277.

¹⁵² Гиляровский В. А. Грозный год. М., 1916.

XIX в. С. А. Коровин стал готовить картину «Куликовская битва» и написал несколько эскизов к ней.

Но неразрешаемые противоречия в жизни Российской империи подчас порождали в общественном сознании тягу к пересмотру и профанации многих образов, используемых официальной идеологией. К их числу относилась и Куликовская битва. В начале XX в. в собрании сочинений Н. И. Костомарова были переизданы работы, в которых он пытался принизить образ победителя Мамаю и значение победы русского оружия на Дону¹⁵³.

В диссертации, написанной и защищенной в предреволюционные годы и увидевшей свет уже в 1918 г., А. Е. Пресняков, рассматривая политическую борьбу на Руси в канун Куликовской битвы, особо обращает внимание на то, что «Дмитрию не удалось собрать всю великорусскую ратную силу для выступления на Куликовом поле». По мнению исследователя, «победа русских войск на Куликовом поле сгубила Мамаю, но не создала какого-либо перелома в русско-татарских отношениях; не связан с ее последствиями и какой-либо перелом во внутренних отношениях Великороссии»¹⁵⁴.

В начале XX в. научное изучение Куликовской битвы ознаменовалось большими достижениями. В этот период вышли труды, подводящие итог предшествующему источниковедческому анализу памятников Куликовского цикла. Они имеют большое значение для источниковедческих исследований событий 1380 г. Речь идет о капитальном труде С. К. Шамбинаго о памятниках Куликовского цикла и фундаментальной рецензии на него А. А. Шахматова¹⁵⁵. К сожалению, наметившийся подъем научного изучения Куликовской битвы был прерван революционными событиями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной.

В первые годы советской власти ее идеологи исходили из представления о приоритете классового начала перед всеми другими – государственным, национальным и религиозным. Поэтому положительная или отрицательная оценка того или иного исторического деятеля определя-

¹⁵³ Костомаров Н. И. Куликовская битва // Костомаров Н. И. Собр. соч.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 3. С. 519–541.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 212, 239–241, 274–275, 318–325.

Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» (СПб., 1906). С. 79–204.

лась его классовой принадлежностью, а значение события – его местом в ходе подготовки будущей пролетарской революции. В этих условиях Куликовская битва не могла привлечь к себе внимание исследователей, поскольку ее итоги не имели значения для борьбы классов.

Кроме того, постоянно давал о себе знать спор с дореволюционной историографической традицией. Россия была объявлена «тюрьмой народов», поэтому ее история как история одного государства (Руси, Московского царства, Российской империи), одного народа (русского) и одной веры (православия) вызывала неприятие историков-марксистов. Под видом пролетарского интернационализма лидеры советской власти развивали национализм народов, не достигших в социально-политических отношениях уровня государственности или давно утративших политическую самостоятельность, устроили гонение на русскую интеллигенцию. В этих условиях победа в 1380 г. могла получить скорее негативную, чем положительную оценку.

Примечательно, что в обширном труде ученика В. О. Ключевского и ведущего историка-марксиста 1920–1930-х гг. академика М. Н. Покровского не нашлось места Куликовской битве. Она упоминается в качестве исторической отсылки при описании событий 1382 г., а также в летописной цитате о походе великого князя Ивана III Васильевича на Новгородскую землю в 1471 г.¹⁵⁶ В «Русской истории в самом сжатом очерке» нет и этого. Между тем М. Н. Покровский с удовольствием подчеркивал те моменты в биографии героя битвы на Дону, которые можно было трактовать как проявление узости взглядов, эгоизма или трусости: «Недавний победитель на Куликовом поле великий князь Дмитрий Иванович бежал сначала в Переяславль, а потом, найдя и это место недостаточно безопасным, в Кострому...». Описывая разорение Москвы Тохтамышем, М. Н. Покровский отметил, что князья, предавшие москвичей, были зятьями Дмитрия Ивановича¹⁵⁷. Исследователь допустил неточность, так как на самом деле нижегородские князья были его шурьями, а Дмитрий приходился им зятем. Отмечая события 1384 г., исследователь подчеркивал узость промосковских взглядов великого князя, грабительский характер его действий и негативный результат его политических акций: «Дмитрий Иванович попытался перевалить на Новгород часть (быть может, большую) татарской контрибуции, обложив новгородцев так называемым “черным бором” –

¹⁵⁶ Покровский М. Н. Избр. произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 266.

¹⁵⁷ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. Кн. 1. С. 124–125.

поголовной податью... Два года спустя, оправившись от татарского разорения, москвичи пришли ратью под самый Новгород. Теперь Дмитрию Ивановичу удалось получить 8 тыс. ... рублей. Эта контрибуция послужила исходным пунктом для дальнейшей распри...»¹⁵⁸

Следует согласиться с мнением А. Д. Горского о том, что «в работах крупнейшего советского историка М. Н. Покровского чувствуется явная недооценка значения национально-освободительной борьбы русского народа против иноземных захватчиков». О Куликовской битве почти не писали. Самого князя Дмитрия, даже в весьма крупных и серьезных сочинениях, не упоминали или упоминали вскользь. Личность Дмитрия Донского выглядела в исследованиях 1920-х гг. непривлекательной. Со страниц марксистской литературы этого времени он предстал как крупный феодал, нерешительный и безвольный, сильно зависимый от бояр и духовенства¹⁵⁹.

Такое отношение к великому событию русской истории привело к тому, что в 1920–1930-х гг. сформировавшиеся в предшествующее время архитектурно-мемориальные комплексы Куликова поля приходят в упадок. Несмотря на декрет СНК РСФСР 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» и постановление ВЦИК и СНК 1933 г. «Об охране исторических памятников», храм Сергия Радонежского и памятник Дмитрию Донскому на Красном холме, взятые под государственную охрану, приходили в упадок. Уже в 1926 г. у колонны Дмитрию Донскому «большие чугунные тумбы вытаскиваются из земли местным населением, цепей вокруг памятника нет, окружающие памятник деревья (тополя) порублены...»¹⁶⁰.

Казалось бы, под идеологическим прессингом советские граждане должны были бы напрочь забыть о Куликовской битве. Однако память об этом событии жила в сознании людей, что привело к неизбежному возвращению образа великого побоища на Дону, открывшего путь к национальному освобождению Руси. Показательно, что в 1933 г. крестьяне местных колхозов по собственному почину посадили деревья на месте бывшей Зеленой Дубравы – тогда уже давно безлесного

¹⁵⁸ Тульскому и Белевскому. С. 138–139.

¹⁵⁹ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 31; Чугунова Н. В. Дмитрий Донской в советской исторической науке... С. 199–200; Наумов А. [Н.] Великое сражение Руси. С. 65–66.

¹⁶⁰ Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 303, 307.

одноименного оврага. Правда, вместо дубов жители Куликова поля посадили березы и ели, но само это событие является ярким свидетельством мощного потенциала народной памяти¹⁶¹.

В обращении советской исторической науки к изучению героической национально-освободительной борьбы русского народа в далеком прошлом, в частности Куликовской битвы, огромную роль сыграли Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. и другие руководящие материалы, нацеленные на улучшение исторического образования и развитие исторической науки в стране¹⁶².

В 30-х гг. XX в. в идеологии Советского государства происходят серьезные изменения. На смену идее мировой революции приходит доктрина построения социализма в СССР в условиях капиталистического окружения. К тому же в условиях роста военной угрозы со стороны нацистской Германии Коммунистическая партия и советское правительство должны были обратить внимание на военно-патриотическое воспитание граждан, которое стало ключевым в пропаганде тех лет. Вслед за провозглашением этой доктрины советская идеология начинает активно ассимилировать национальные и имперские элементы дореволюционного идеологического наследия¹⁶³. Оценки деятельности Дмитрия Донского и Куликовской битвы меняются на диаметрально противоположные. Дмитрий Донской в советской историографии становится уже однозначно положительным персонажем, более того, «крупнейшим историческим деятелем»¹⁶⁴.

В 1937 г. вышел в свет учебник по истории СССР для учащихся 3-го и 4-го классов под редакцией профессора А. В. Шестакова. Эта книга получила одобрение Всесоюзной правительственной комиссии, что позволяет рассматривать идеи, высказанные в учебнике, как официальную позицию. Деятельность князя Дмитрия Ивановича была оценена двояко: с одной стороны, князь был внуком Ивана Калиты, показанного беспринципным политиком, который «собирал» русские земли, невзирая на методы, причем специально подчеркнуто, что и потомки Ивана Калиты были такими же «собирателями». Но, с другой стороны, князь Дмитрий показан борцом с татарским игом, хотя его успехи в этой борьбе, по мнению авторов учебника,

¹⁶¹ Луцкий Е. [А.] Куликово поле // ИЖ. 1940. № 9. С. 53; Гриценко В. П., Наумов А. Н. Музей-заповедник «Куликово поле». С. 307.

¹⁶² Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 31.

¹⁶³ Чугунова Н. В. Дмитрий Донской в советской исторической науке... С. 200.

¹⁶⁴ Наумов А. [Н.] Великое сражение Руси. С. 65–66.

были невелики (специально подчеркнуто, что спустя два года после Мамаева побоища татары взяли и разорили Москву, заставив Русь снова платить дань)¹⁶⁵.

Несмотря на эти оговорки, подчеркивающие негативную сторону политики Дмитрия Ивановича, с изданием этого учебника, свидетельствовавшего об изменении официальных идеологических установок в оценке прошлого, появилась возможность комплексного изучения Куликовской битвы. Так, в вышедшей книге Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, наряду с очерком истории улуса Джучи в XIII–XIV вв., рассказывалось о борьбе Руси против ордынского ига и Куликовской битве как важнейшем событии¹⁶⁶. В 1941 г. вышло второе издание этой книги¹⁶⁷. В 1937 г. была опубликована и посвященная Куликовской битве статья К. Осипова в газете «Красная Звезда»¹⁶⁸.

История Куликовской битвы затронула и творческую интеллигенцию. В феврале 1936 г. А. А. Ахматова, находясь с 5 по 11 февраля в Воронеже, обращалась мыслью к событиям Куликовской битвы. Возможно, к этому поэтессу подтолкнуло пребывание в тех местах, где перед походом на Русь в 1380 г. кочевал Мамай. Для А. А. Ахматовой это время было драматическим: сын поэтессы (Л. Н. Гумилев) был арестован. Однако у нее хватало сил не замыкаться на личном горе и вспомнить о событиях, происходивших на этой земле. После посещения Воронежа она оставила такие строки:

*И Куликовской битвой веют склоны
Могучей победительной земли.*

Тогда же над музыкальным произведением, посвященным Мамаеву побоищу, трудился один из классиков ораториального жанра Ю. Шапорин. Мысль о кантате на стихи А. А. Блока «На поле Куликовом» пришла к композитору еще в 1918 г. Для кантаты поэт, по просьбе композитора, написал текст хора татар и почти полностью переработал одно из своих ранних стихотворений, ставшее каватиной Невесты. Работа над кантатой затянулась, перебиваясь другими сочинениями, замысел разрастался, и Ю. Шапорин в начале 1930-х гг. обратился с

¹⁶⁵ Краткий курс истории СССР: Учебник для 3 и 4 классов. М., 1937. С. 29; *Чугунова Н. В.* Дмитрий Донской в советской исторической науке... С. 200.

¹⁶⁶ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. М.; Л., 1937.

¹⁶⁷ *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 31–32.

¹⁶⁸ *Осипов К.* Куликовская битва.

предложением принять участие в составлении либретто огромного по масштабам произведения к поэту и переводчику М. Лозинскому, который написал недостающий текст и внес некоторые изменения в стихотворения А. А. Блока. В 1939 г. симфония-кантата «На поле Куликовом» была впервые исполнена, и почти сразу это сочинение было определено музыковедами как эпическое произведение.

Как и поэт, автор симфонии-кантаты не ставил перед собой задачи художественного воспроизведения исторических событий. Отказываясь от пересказа бытовой обстановки, Ю. Шапорин сосредоточился на создании образов людей Куликовской эпохи, на передачу их мыслей и чувств. Прежде всего, композитор говорил о великом чувстве любви к Родине. В 1939 г. современники услышали в ней предчувствие новых грозных испытаний. Многозначителен один из эпизодов партитуры: «Русские, остановив нашествие монголов, спасли европейскую цивилизацию». Тогда еще не знали о том, что всего через несколько лет европейская цивилизация будет спасена вновь, в огне невиданных битв XX в.

Несмотря на то что М. Лозинский стремился бережно обращаться с текстом А. А. Блока, его стихи все-таки отличались от оригинала. Это отличие было существенным и глубоким. Ю. Шапорин признался, что ему не близка символика ряда блоковских образов: она была заменена отчасти самим А. А. Блоком, но в основном М. Лозинским. Любопытно сопоставить их тексты.

У А. А. Блока:

*Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...*

У М. Лозинского:

*В дальнем поле стали наши друзья,
Все к плечу плечом.
Каждый милый в кованой кольчуге
С боевым мечом.*

Текст М. Лозинского лишен возвышенной символической интонации и обобщенности. Ясное воспроизведение последовательности

исторических событий, динамичное развитие конфликта позволяют говорить об огромной роли в кантате Ю. Шапорина сюжетно-драматического начала. У А. А. Блока нет картины битвы; у Ю. Шапорина она – центр всего повествования. Конфликт перенесен из духовно-символической сферы в сферу реальную. Это сказалось и в трактовке образов кантаты. Герой поэта «един в двух лицах», у композитора персонажи отчетливо воспринимаются в контексте места и времени. Введено и главное историческое лицо – Дмитрий Донской.

Построение сюжета кантаты необычно, действие совершается одновременно в разных местах. Так, во второй части сопоставляются два хора: русские воины и женщины на Руси. В пятой, кульминационной части в хор татар включаются реплики Витязя и женский хор. Подобный прием встречается и у А. А. Блока:

*С полуночи тучей возносила
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.*

Довольно широко в СССР развернулась и просветительская работа. Так, в предвоенные годы в различных научно-популярных, просветительских и пропагандистских изданиях вышло более полтора десятка работ, в которых была освещена победа над Мамаем. Особенно интенсивно эти работы выходили накануне 560-летия Куликовской битвы и в юбилейный год¹⁶⁹ Массовое издание брошюр и статей (в журналах и газетах) о Куликовской битве, Дмитрие Донском и Куликовом поле началось за год до юбилея. Это свидетельствует о том, что не его празднование вызвало интерес к событию, а именно обращение к этой странице отечественной истории привело к организации торжеств по поводу годовщины Мамаева побоища, тем более что в 1940 г. отмечалась не самая круглая дата этого события.

¹⁶⁹ Безбах С. Куликовская битва. С. 52–60; Ивлев А. Куликовская битва; Альшиц Д. [И.] Роль Куликовской битвы... С. 110–123; Глязер С. Куликовская битва. С. 44–51; Коган А. М. Куликовская битва. С. 15–34; Кучин П. Куликовская битва. М., 1939; Луцкий Е. А. Экскурсия на Куликово поле. С. 36–40; Он же. Куликово поле // Ученые записки МГПИ. 1941. Т. 2: Кафедра истории СССР. Вып. 1. С. 169–182; Он же. Куликово поле // ИЖ. 1940. № 9. С. 44–54; Федоров Б. В. Куликовская битва; Головкин А. Куликовская битва; Мерзон А. Ц. Дмитрий Донской; Осипов К. Куликовская битва. С. 16–19; Тамарин П. Оружие времени Куликовской битвы; Шунков В. Куликовская битва; Афанасьев В. Куликово поле. С. 153–156 и др.

Не отличаясь новизной фактического материала, авторы данных заметок по-новому рассказывали о героическом прошлом русского народа, его борьбе против иноземных захватчиков. Освещая события 1380 г. с позиций исторического материализма, они исходили из решающей роли народных масс (и прежде всего – трудящихся) в свержении ордынского ига и полностью игнорировали роль православной церкви. По мнению А. Д. Горского, эти брошюры и статьи, «несомненно, сыграли важную роль в военно-патриотическом воспитании советского народа в предвоенные годы»¹⁷⁰.

В конце 1930-х гг. изменилось отношение и к князю Дмитрию Ивановичу: он становится положительным персонажем русской истории, более того, крупнейшим историческим деятелем. Дмитрий Донской предстает, безусловно, выдающейся личностью, которая сумела поднять и организовать народ на борьбу с ордынским игом¹⁷¹. Так, Б. Д. Греков в статье, посвященной установлению татарского ига, давая оценку событиям 1370–1380-х гг., отметил, что уже в 1370-х гг. московский великий князь довольно четко сформулировал планы противодействия ханской власти, одновременно подчиняя своей воле политических соперников¹⁷².

В 1930–1940-х гг. С. Б. Веселовский провел исследование по истории служилых землевладельцев XIV–XVI вв.; им были собраны и обобщены биографические и генеалогические сведения о боярах – сподвижниках Дмитрия Донского, в их числе было немало участников Куликовской битвы¹⁷³.

Важной вехой для изучения взаимоотношений Руси с Золотой Ордой и героической борьбы русского народа против иноземного ига стало исследование А. Н. Насонова¹⁷⁴. В ней автору удалось показать ту политику, которую проводила ордынская знать в отношении Руси, предпосылки столкновения Руси с Мамаевой ордой и значение Куликовской победы. Хотя ученый достаточно внимательно исследовал борьбу русского народа против ордынского гнета, Куликовская битва подробно им не рассматривалась. Подчеркивая решающую роль на-

¹⁷⁰ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 32.

Чугунова Н. В. Дмитрий Донской в советской исторической науке... С. 200–201;

Наумов А. [Н.] Великое сражение Руси. С. 66.

Греков Б. Д. Татарское нашествие // ИЖ. 1937. № 6. С. 63.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 54, 57, 163, 197–198, 216, 218, 235, 266, 285–286, 331, 341–342, 375, 377, 397–398, 474, 482, 485, 490–491, 493, 495, 497–499.

¹⁷⁴ Насонов А. Н. Монголы и Русь.

родных масс, А. Н. Насонов писал, что «подъем, охвативший массы, объясняет нам успех в подготовке и проведении операции, завершившейся полным разгромом войск Мамаев».

При таком радикальном пересмотре исторической концепции русско-ордынского противостояния взгляды М. Н. Покровского выглядели уже не просто устаревшими – они оказались вредными. Его оценки Дмитрия Донского стали справедливо трактоваться как «очернительство» и подверглись жесткой критике. В 1940 г. вышел в свет коллективный труд советских историков «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». В нем среди многих статей была помещена и статья А. Н. Насонова «Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского». Оценивая деятельность московского князя, ее автор писал: «Объединение Руси вокруг Москвы началось при Дмитрии Донском... Население оказало поддержку Дмитрию Донскому в его борьбе за объединение Руси»¹⁷⁵.

В 1941 г. вышел в свет роман Сергея Бородина «Дмитрий Донской», который приобрел большую популярность благодаря созвучию заложенных в нем идей тому патриотическому настроению, что царило в советском обществе. Но ставшая популярной книга часто опиралась на «Сказание о Мамаевом побоище» и таким образом внедряла в сознание читателей легенды из самого мифологического источника о Куликовской битве.

После переоценки сражения стало возможным и проведение празднования 560-летия Куликовской битвы. Большой праздник с митингом и первой музейной выставкой на Куликовом поле состоялся на Красном холме у храма Сергия Радонежского и памятника Дмитрию Донскому. Однако тогда же постарались отделить религиозное содержание события (защита православной веры) от его государственного содержания (борьба за независимость страны). Храм Сергия Радонежского в 1940 г. был закрыт, остался бесхозным и подвергся сильному разрушению в годы войны¹⁷⁶.

В годы Великой Отечественной войны воспоминания о победе русских воинов на Куликовом поле активно использовались в воспитательной работе среди солдат Красной армии. Между событиями XIV и XX вв. усматривалась прямая аналогия, в рамках которой

Насонов А. Н. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сборник статей. М., 1940. Ч. 2. С. 89.

¹⁷⁶ *Наумов А. [Н.]* Великое сражение Руси. С. 66.

гитлеровская Германия сопоставлялась с Мамаевой Ордой. Большую роль в этом сыграло выступление И. В. Сталина 7 ноября 1941 г. Обращаясь к красноармейцам, участвовавшим в параде на Красной площади, он сказал: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»¹⁷⁷ Тем самым имя московского князя и его победа на Куликовом поле были поставлены в один ряд с выдающимися полководцами России¹⁷⁸.

В 1942 г. появляется специальный указатель литературы, имевший целью «помочь читателю подобрать литературу и материалы о народных героях, отмеченных т. Сталиным в его исторической речи на Красной площади в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁷⁹ и содержащий библиографию изданий, посвященных в том числе и Дмитрию Донскому. Одной из первых попыток связать героическое настоящее с героическим прошлым стала брошюра «Мужественные образы наших великих предков». Она вышла в 1941 г. с грифом «Политуправление Северо-Западного фронта», включала материалы о Куликовской битве и Дмитрии Донском¹⁸⁰.

Усиление национально-патриотических тенденций в советской идеологии того времени сделало из князя Дмитрия национального героя. Особенно это стало ясно для политработников после известного выступления И. В. Сталина. Поэтому не случайно, что Н. Яковлеву удалось опубликовать панегирический портрет Дмитрия Донского и подчеркнуть его приоритет в применении важных военных приемов: «Он отличался силой воли, решительностью и смелостью в своих боевых действиях, мужеством и храбростью в боях с врагами. Дмитрий и внешне выглядел очень сильным и крепко сложенным человеком...» Н. Яковлев отметил, что князь «впервые в истории русских сражений применил оставление засадного резерва». Его деятельность по централизации Руси, сопровождавшаяся расправами с непокорными, «была глубоко прогрессивной»¹⁸¹.

¹⁷⁷ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 40.

¹⁷⁸ Наумов А. [Н.] Великое сражение Руси. С. 65–66.

¹⁷⁹ Наши великие предки: Указатель литературы. М., 1942. С. 5.

¹⁸⁰ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 32–33.

¹⁸¹ Яковлев Н. Дмитрий Донской // ИЖ. 1942. № 5. С. 141, 143.

Хотя подобный портрет был достаточно далек от реального московского князя, в условиях борьбы с внешним врагом не на жизнь, а на смерть только так и можно было подавать это историческое лицо. Показательно, что в пособии, изданном в 1943 г. в помощь агитатору и пропагандисту, обвиняя школу М. П. Покровского в том, что она «намеренно замалчивала патриотизм наших предков», ее членам вменялось в вину и то, что они «сознательно подводили историческую базу под преступные планы расчленения и уничтожения Советского Союза, разработанные Гитлером и его приспешниками»¹⁸².

Во время войны статьи о Дмитрии Донском как полководце входили в состав сборников «Наши великие предки», изданных в Москве, Архангельске, Сталинеграде, Фрунзе, Чкалове, Кирове, Новосибирске, Хабаровске. Авторами брошюр и статей о Дмитрии Донском, вышедших в годы войны, были М. Андреев, С. В. Бахрушин, С. К. Бушуев, В. В. Мавродин, П. Е. Матвиевский, А. Михайлова, К. Осипов, А. П. Пьянков, Л. П. Ташчян, В. Тихомиров, М. Н. Тихомиров, Р. Терновая, Э. П. Ярошевский и др.¹⁸³ Так, профессор В. В. Данилевский подготовил брошюру, отпечатанную в типографии Управления Воениздата НКО имени Гимношенко в 1944 г. Ее автор провел прямые аналогии между ордями Мамая и войсками гитлеровской Германии: «Недалеко то время, когда наша героическая Красная Армия окончательно уничтожит грабительские орды гитлеровцев, как в свое время храбрая русская рать князя Дмитрия Донского уничтожила орды хана Мамая, посягнувшего на землю Русскую»¹⁸⁴. Как уже было сказано, князь Дмитрий фигурирует и в упомянутом пособии в помощь агитатору и пропагандисту¹⁸⁵.

По мнению А. Д. Горского, «трудно переоценить значение этих, более чем скромных по оформлению, напечатанных на газетной бумаге тоненьких книжечек, звавших к борьбе, к подвигам, к победе»¹⁸⁶.

Серьезные изменения в оценке Куликовской битвы и деятельности князя Дмитрия произошли и в школе. Так, один из официальных лидеров советской исторической науки А. Панкратова писала о не-

¹⁸² Героическое прошлое русского народа: (в помощь агитатору и пропагандисту). М., 1943. С. 5.

¹⁸³ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 32–33.

¹⁸⁴ Данилевский В. [В.] Дмитрий Донской. М., 1944. С. 31.

¹⁸⁵ Героическое прошлое русского народа... С. 5.

¹⁸⁶ Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 32–33.

обходимости подчеркивать на уроках истории смелый и решительный характер действий Дмитрия Донского как талантливого полководца, обстоятельно и конкретно разбирать с учениками военно-тактические вопросы Куликовской битвы¹⁸⁷.

На тему Мамаева побоища в годы Великой Отечественной войны выпускались плакаты, в которых проводились прямые аналогии между ордами гитлеровцев и ордынцев (например, плакат В. Иванова. М., 1942)¹⁸⁸.

В это же время создаются две замечательные картины, посвященные Куликовской битве: полотно Михаила Ивановича Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем» (1943, ГТГ) и работа Александра Павловича Бубнова «Утро на Куликовом поле» (1943–1947, ГТГ)¹⁸⁹. Эти произведения, задуманные и начатые в дни коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, отличаются необычайной искренностью и силой образов. Картина М. И. Авилова передает великую победу через былинное обобщение всего русского народа в одном герое – Пересвете. Он и его соперник изображены на яростно вздыбленных конях в схватке, положившей начало великой победе. Готовящиеся к бою полки отодвинуты на задний план. Таким образом, написанные крупным планом два воина, в поединке, превосходят ростом остальных людей, а вздыбленные кони усиливают это впечатление. Только Пересвет и Челубей на картине показаны в порывистом движении, остальные воины нарисованы спокойно наблюдающими за этой схваткой. Это выделяет поединщиков из общей массы людей, изображенных М. И. Авиловым. Однако Пересвет и Челубей показаны на фоне своих боевых товарищей, что делает их поединок олицетворением предстоящего сражения.

Вторая картина – А. П. Бубнова – показывает Куликовскую битву как общенациональное движение. Работа над этим величественным полотном (более чем 5 метров в ширину и почти 3 метра в высоту) заняла более четырех лет, произведение было представлено зрителям в Третьяковской галерее на Всесоюзной художественной выставке лишь в ноябре 1947 г. Художник по-иному, нежели М. И. Авилов,

¹⁸⁷ Панкратова А. Преподавание истории СССР в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма // ИЖ. 1942. № 5. С. 149.

Наумов А. [Н.] Великое сражение Руси. С. 66.

Кузнецова Э. В. Исторический и батальный жанр: Беседы о русской и советской живописи. Книга для учителя. М., 1982. С. 148; Никологорская О. «Русь великая» одолела Мамаю». С. 96–98.

представил знаменательное событие. Изобразив множество разных человеческих типов, объединенных напряженным ожиданием в единую массу, А. П. Бубнов передал битву именно как всенародный подвиг.

Недаром фигура предводительствующего полками великого князя Дмитрия Ивановича отодвинута на задний план.

Немалую роль в сохранении памяти о победе Дмитрия Донского над Мамаем сыграла православная церковь. Особенно деятельным в этом отношении был ленинградский архиепископ Алексий, взывавший в осажденном городе к патриотизму его жителей. В его проповедях часто приводились исторические параллели, в которых подчеркивалось, что Дмитрий Донской и Александр Невский одержали победы не просто благодаря своему патриотизму, но благодаря «глубокой вере русского народа, что Бог поможет в правом деле... так и теперь мы верим поэтому, что все небесные силы с нами»¹⁹⁰.

Церковные пожертвования, отправлявшиеся на самые различные нужды, в том числе и на оснащение частей Красной армии техникой и оружием, позволили оснастить танковую колонну, названную «Дмитрий Донской». Созданная на средства Русской православной церкви, верующих и священнослужителей, она стала основой 516-го танкового полка. Только ленинградцы в условиях блокады собрали для строительства этих танков 3,182 миллиона руб. 7 марта 1944 г. у деревни Горелки под Тулой 40 танков Т-34 с надписями на башнях «Дмитрий Донской» были переданы частям Красной армии. В благодарственном письме командования 516-го танкового полка на имя митрополита Николая было написано: «Выполняя Ваш наказ, рядовые, сержанты и офицеры нашей части на врученных Вами танках, полные любви к своей Матери-Родине, к своему народу, успешно громят заклятого врага, изгоняя его из нашей земли... Имя великого русского полководца Дмитрия Донского как немеркнущую славу русского оружия мы пронесем на броне наших танков вперед на запад, к полной и окончательной победе». Танки с надписью на броне «Дмитрий Донской» закончили войну в Берлине¹⁹¹. Но все же следует

¹⁹⁰ Алексий (Симанский), *патр.* Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. М., 1948. Т. 1. С. 46; Батеевков П. С., Ткачев А. М. О взаимоотношениях государства и Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/vseob.hist./viip/docs/19.pdf>.

¹⁹¹ Наумов А. [Н.] Великое сражение Руси. С. 66.

признать, что более актуален для тех лет был образ другого русского князя – Александра Невского.

В первое послевоенное десятилетие продолжали выходить научно-популярные и просветительские брошюры и статьи о Куликовской битве (особенно обильно в связи с 575-летием знаменитого сражения)¹⁹². В общих трудах этого периода также, как правило, отсутствовали историографический и источниковедческий анализ темы, а круг источников был весьма ограничен¹⁹³. По наблюдениям А. Д. Горского, эти издания были весьма полезны, они знакомили читателей с одним из крупнейших событий героического прошлого русского народа и отражали уровень научной разработки темы в то время¹⁹⁴. Преодолению популяризаторского подхода к изучению истории Куликовской битвы также способствовали работы М. Н. Тихомирова¹⁹⁵ и Л. В. Черепнина¹⁹⁶.

Этапное значение в изучении событий Мамаева побоища имело издание памятников Куликовского цикла, в котором вместе с произведениями древнерусской литературы были помещены исследовательские статьи его составителей как о самих произведениях, так и о событиях, послужившем основой для них¹⁹⁷.

Большую роль в изучении памятников Куликовского цикла сыграла и полемика, возникшая вокруг гипотезы А. А. Зимина о подражательном характере «Слова о полку Игореве». Противовесом мнению исследователя стала публикация сборника «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла», опубликованного в 1966 г. В книге были помещены статьи ведущих ученых-

¹⁹² *Бочкарев В. Н.* Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями; *Мавродин В. В.* Куликовская битва // За родную землю. XIV–XVII вв. С. 3–34; *Карасев А. В., Оськин Г. И.* Дмитрий Донской; *Ашурков В. [И.]* Куликовская битва; *Карышковский П.* Куликовская битва; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 241–242, 290–294; *Мавродин В. В.* Образование единого русского государства. С. 111–122; Очерки истории СССР. Период феодализма XIV–XV вв. Ч. 2. С. 222–226; Повести о Куликовской битве; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла; и др. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 241–242, 290–294; *Мавродин В. В.* Образование единого русского государства. С. 111–122; Очерки истории СССР. Период феодализма XIV–XV вв. Ч. 2. С. 222–226. *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. С. 33. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947; *Он же.* Куликовская битва 1380 г. // ВИ. 1955. № 8. С. 11–25; *Он же.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957; *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М.; Л., 1959. С. 325–376.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... С. 596–623; *Он же.* Отражение международной жизни XIV – начала XV в. в московском летописании. С. 238–244.

¹⁹⁷ Повести о Куликовской битве. М.; Л., 1959.

филологов Ю. К. Бегунова, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева, Р. П. Дмитриевой, М. А. Салминой, О. В. Творогова, посвященные сравнению особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», сопоставлению памятников Куликовского цикла между собой и с другими источниками, анализу исторической основы «Сказания о Мамаевом побоище» и т. д.¹⁹⁸

Юбилейные торжества 1980 г. стали важнейшим рубежом в формировании современной идеологии Куликовской битвы. К празднованию была подготовлена серия статей в массовых изданиях, научно-популярные книги и брошюры, а также научные статьи и сборники. Ряд статей о памятниках Куликовского цикла был опубликован в 1979 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома. В 1980 г. вышло еще два сборника. По итогам научной конференции 1980 г. в МГУ в 1983 г. вышел еще один сборник статей¹⁹⁹. Было сделано много интересных открытий и наблюдений, но именно в дни празднования юбилея стала ясна степень неизученности знаменитого сражения и спорность целого ряда проблем, связанных с эпохой Куликовской битвы. Именно тогда впервые на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости комплексного изучения Куликова поля.

Одновременно стало ясно, что в массовом сознании распространено традиционное изображение событий с осторожным и запоздалым обновлением данных. Куликовская битва представлялась как одно из величайших событий российской истории, первый шаг к освобождению русских земель от ордынской зависимости. Представляется, что в сражении участвовали большие массы людей с обеих сторон, которые понесли значительные потери. Однако количество войск и потерь постоянно подвергалось сомнению и корректировалось в сторону уменьшения. Из «Сказания о Мамаевом побоище» принимались эпизоды о благословении Сергия Радонежского, о поединке Пересвета с Челубеем перед сражением и об атаке засадного полка. Эта версия битвы представлена в основной массе учебников, энциклопедий и юбилейных изданий.

В 1980 г. в Третьяковской галерее прошла юбилейная выставка «600 лет Куликовской битвы». На ней были представлены картины,

¹⁹⁸ Повести о Куликовской битве. М.; Л., 1959; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. ТОДРЛ. 1979. Т. 34; Куликовская битва. М., 1980; Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980; Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983; и др.

скульптуры, мозаики, гравюры и рисунки, как хорошо известные, так и вновь созданные²⁰⁰. Эта выставка позволила увидеть, насколько штампованные образы укрепились в сознании наших современников.

Так, художник Илья Глазунов создал серию картин, объединенных темой Куликовской битвы. Идеальные, слегка иконописные образы его героев были не способны передать все напряжение и суть происходивших событий. Московский художник Юрий Михайлович Ракша (1937–1980) посвятил Куликовской битве триптих «Куликово поле», созданный для юбилейной выставки «600 лет Куликовской битвы». Давая ему характеристику, он подчеркивал: «Эта работа для меня самая главная и самая современная. Вот уже несколько лет я живу во власти Куликова поля, и время битвы приблизилось настолько... что я стал ощущать себя среди тех, кто вышел тогда на битву. А рядом с собой будто увидел своих ровесников, своих сегодняшних сограждан». Однако работу Ю. Ракши нельзя считать удачной. Скорее это такой же кич, как и картины И. Глазунова. Ходульность образов, искусственность поз не могли быть заменены мастерством отделки. Так же безжизненны и статичны образы воинов на картине Н. С. Присекина «Куликовская битва». Несколько большей живописью отличается картон Константина Васильева «Поединок Пересвета и Челубея», хотя эта работа была написана не к юбилейным торжествам, а в 1974 г. Однако примечательно, что в ней более живым персонажем представлен именно Челубей²⁰¹. Традиции более теплого и одухотворенного восприятия героев мы встречаем на картинах В. П. Криворучко (1919–1994).

Но неуклюжие методы идеологической работы дали о себе знать. Советская пропагандистская риторика, излишняя помпезность преподнесения официальной концепции вызывали чувство отторжения. Показательно, что именно в это время создается насмешливо-пародийная песня «Как на поле Куликовом засвистали кулики...».

В годы перестройки некоторые специалисты предприняли попытку переоценки истории Куликовской битвы. Так, Ю. Афанасьев в «Общей газете» поставил под сомнение тот факт, что Дмитрий Донской предпринял попытку освобождения от татар. Ю. Пивоваров и А. Фурсов в очерках о Русской системе подчеркивали татарское происхождение царской власти в России. В данных случаях речь идет не просто о не-

²⁰⁰ Никологорская О. «Русь великая одолела Мамая». С. 97.

²⁰¹ Константин Васильев: художник по зову сердца / Автор текста и сост.: А. Дорониц. М., 2005.

довольстве ограниченностью традиционного восприятия Куликовской битвы, а, скорее, о попытке деструктивного переосмысления события знакового для нашей культуры. Наиболее ярко это стремление пересмотреть все основы исторического сознания проявилось в работах А. Фоменко, А. Носовского, Г. Каспарова и их последователей.

Менее радикально, но более распространено простое недоверие к концепциям, содержащимся в учебниках и справочниках. Этот скептицизм часто опирается на тот факт, что в дни празднования 600-летнего юбилея Куликовской битвы широкой общественности стали ясны степень неизученности истории сражения и спорность целого ряда проблем.

В эпоху постсоветского религиозного возрождения как ответ скептикам и нигилистам новый импульс получил православно-патриотический ракурс восприятия Мамаева побоища. Знаковой стала канонизация князя Дмитрия Донского за любовь к ближним, служение Отечеству, благотворительность и храмоздательство²⁰². При этом замалчивались неоднозначные отношения московского князя с иерархами русской церкви, размолвка с преподобным Сергием Радонежским. Базирующаяся в основном на вере, эта версия событий нечувствительна к вполне обоснованной критике, даже когда речь идет о явных противоречиях с решением Вселенского собора в Халкидоне, запрещающего инокам вступать на военную службу²⁰³. Православные писатели и публицисты болезненно реагируют на попытки переосмысления той схемы развития событий, которая показывает единство светских властей и русской церкви в событиях 1380 г.

Еще один миф, связанный с Куликовской битвой, получил распространение в общественно-политическом сознании в начале 1990-х гг., когда в Российской Федерации наблюдался так называемый «парад суверенитетов». Масса националистической литературы, ставящей под сомнение Куликовскую битву, появилась во всех регионах Поволжья, Предуралья и юга России. Часто их авторы опираются на труды Л. Н. Гумилева, заложившего основы «неоэвразийства», по сути дела ставшего теоретической основой национализма тюркоязычных народов России.

²⁰² Петров А. Е. Мамаево побоище. Гордость и предубеждение исторической памяти. С. 67–73.

Деяния вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Казань. 1887. Т. 4. С. 147.

Все ключевые положения исторической концепции Куликовской битвы Л. Н. Гумилев изложил в юбилейном номере журнала «Огонек» за 1980 г. Он отмечал, что успех завоевателей-кочевников был предопределен и политикой русских князей; что Александр Невский в противостоянии латинскому Западу положил начало симбиозу Руси и Орды; что войско Мамаея представляло собой «механическую смесь разнообразных этносов, чуждых друг другу»; что Москва к тому времени стала местом концентрации татар, «не желавших принимать ислам под угрозой казни, и литовцев, не симпатизировавших католицизму, и крещеных половцев, и мерян, и муромы, и мордвы»²⁰⁴. Эта теория привлекла внимание читателей, поскольку она была естественной реакцией на царившее в обществе разочарование в прежних системах ценностей. За изящным языком, интересными рассуждениями о биосфере и пассионарности, за немарксистским характером концепции отходили на второй план все несоответствия и противоречия теории Л. Н. Гумилева. Его взгляды были развиты многочисленными последователями, среди которых были такие известные люди, как писатель и фольклорист Д. Балашов, филолог и публицист В. В. Кожин²⁰⁵.

Эта концепция оказалась востребованной в полунезависимом Татарстане 1990-х гг. Развенчание Куликовской битвы как события, от которого берет свое начало современная Россия, и как одного из знаковых образов русского исторического сознания заставляло националистически настроенных татарских историков попытаться развить тезисы Л. Н. Гумилева²⁰⁶.

В качестве краткого итога можно привести слова А. Е. Петрова о том, что Куликовская битва «в связи со своей значимостью, как правило, занимает четко отведенное ей место в историософской картине мира человека или группы, причем в системе аксиоматических посылов». Вследствие чего «переоценка этого события существенно подрывает весь строй исторических воззрений»²⁰⁷.

²⁰⁴ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Он же. Эхо Куликовской битвы // Огонек. 1980. № 36. С. 16–17.

Кожин В. [В.] История Руси и русского слова. М., 1999.

Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000. С. 98; Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана. Древность и Средневековье: Учебник для средних общеобразовательных школ, гимназий, лицеев. Казань, 2000.

Петров А. Е. Мамаево побоище. Гордость и предубеждение исторической памяти. С. 73.

Однако развитие общественного сознания и исторической науки невозможно без периодической переоценки событий прошлого. И несомненно, что на современном этапе данное переосмысление должно быть взвешено и обосновано. Здесь немаловажно отметить, что в условиях всеобщей переоценки ценностей продолжается именно научное изучение событий Куликовской битвы²⁰⁸. Данные исследования показывают, что необдуманные или конъюнктурные, ангажированные соображения о русской средневековой истории²⁰⁹ не выдерживают ни малейшей критики.

В то же время неизменный интерес к событиям Мамаева побоища свидетельствует не только о значительности Куликовской битвы для истории России, но и существенном месте их осмысления в общественном сознании современников и потомков. Данную, весьма важную роль в ценностных категориях национального и государственного самосознания победа на Куликовом поле занимала и занимает на протяжении вот уже более шести веков.

²⁰⁸ Подробнее об этом см. в главе 1.

²⁰⁹ См., например: *Набиев Р. Ф.* О дате и месте выдачи Токтамыш-ханом тарханного ярлыка Бек-Хаджи // *Золотоордынская цивилизация*. Казань, 2008. Вып. 1. С. 101–109; *Он же.* К вопросу о дате и месте Куликовской битвы // *Золотоордынское наследие: Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)»*. Казань, 2009. Вып. 1. С. 239–248; *Он же.* О времени завоевания Токтамыш-ханом Золотой Орды // *Ученые записки Казанского гос. ун-та*. Казань, 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 107–118 и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война Московского княжества с Мамаевой Ордой 1374–1380 гг. и ее главное событие – Куликовская битва 8 сентября 1380 г. – привели к значительным последствиям в политическом развитии Восточной Европы.

В первую очередь изменилась геополитическая ситуация. Доминировавшая долгое время в южнорусских степях Мамаева Орда, подорвав свое военное могущество, рухнула. Ее падение привело к временному восстановлению Орды под властью хана Токтамыша. Начало отношений между великим князем Дмитрием Ивановичем Донским и ханом Токтамышем привело к разорению Москвы летом 1382 г. Это способствовало восстановлению ордынского ига на Руси.

Тем не менее победа общерусского войска в Куликовской битве показала возрастающее могущество правителей Москвы и их союзников, с которыми теперь были вынуждены считаться окружавшие их соседи. Это стало очевидно не только врагам Руси, но и – что, быть может, еще более важно – ее народу. Московское великое княжество окончательно утвердило себя как лидера объединительной политики на Руси. В тесной связи с объединением русских княжеств и земель в единое государство стояло стремление к независимости. И этого не смогло изменить даже нашествие Токтамыша.

Несомненно, что по своим масштабам Куликовская битва выбивается из своего времени. И уже непосредственно после этого она оказалась событием всемирно-исторического значения. Весть о победе на Куликовом поле разнеслась за пределы страны.

«Задонщина» свидетельствует, что с особой радостью узнали о ней народы Юго-Восточной Европы, которые в это время вынуждены были с оружием в руках бороться против новых поработителей – турок-османов. В XV–XVI вв. они с надеждой смотрели на растущее могущество молодого Русского государства. По всей видимости, автор памятника и его читатели видели сходные черты в борьбе Руси с Ордой и противостоянии православных балканских народов агрессии турок-мусульман.

Огромная заслуга в победе на Дону принадлежит русским полководцам, руководившим войсками на Куликовом поле, – Дмитрию Донскому, Владимиру Храброму, Дмитрию Боброку-Волынскому, литовским князьям Андрею и Дмитрию Ольгердовичам, другим князьям и боярам. Московского великого князя Дмитрия Ивановича в памятниках русской письменной традиции называют «первоначальником русской славы». Он заслуженно занимает свое место в ряду прославленных полководцев Древней Руси – Владимира Всеволодовича Мономаха и Александра Ярославича Невского.

Куликовская битва заняла важное место в исторической памяти русского народа, а ее восприятие меняется вместе с жизнью нашей страны. Так, сразу после победы на Дону в памятниках Куликовского цикла звучит всеобщее ликование. Победоносная битва выделяется из ряда столкновений, в которых, как правило, удача была на стороне ордынцев.

Эсхатологические ожидания XV в. отразились в восприятии Мамаева (Донского) побоища как события, предотвратившего конец света. В начале XVI в. во время острого противостояния Русского государства с Казанским и Крымским ханствами создается «Сказание о Мамаевом побоище». Оно выражает отношение русского общества к событиям Куликовской битвы. Победа над войсками Мамаевой Орды рассматривается книжниками как доказательство особого права Русского государства быть носителем Благодати. Эта идея была ключевой в восприятии событий 1380 г. на протяжении XVI–XVII вв. В 1680 г. происходит новый всплеск интереса к событиям на Куликовом поле. В это время создаются три новые редакции «Сказания о Мамаевом побоище», пишутся иконы, посвященные Куликовской битве. Возможно, это было первое празднование юбилея славной победы.

Во времена Петра I Великого постепенно меняется сознание русских людей. В XVIII в. историки начинают иначе оценивать Мамаево побоище. Вместо борьбы Святой Руси с врагами Православия, как оценивали это событие в XV–XVII вв., битва на Куликовом поле стала рассматриваться как военная победа русского государя над иноземными врагами. Исследователи, жившие в послепетровское время, стараются уменьшить фантастические масштабы битвы, приведя их в соответствие со сражениями своего времени. Будучи современниками победоносных русско-турецких войн XVIII в., прежде всего они видели в Куликовской битве военную победу над азиатскими народами.

Подъем патриотических настроений на фоне внешнеполитических успехов Российской империи способствовал оживлению интереса к эпохе битвы Руси и Орды на Куликовом поле. Этому же способствовало отражение агрессии многонациональной армии Наполеона в 1812 г. Куликовская битва в это время воспринимается как пример борьбы с внешним агрессором за независимость Родины.

В XIX в. вокруг отношения к событиям Мамаева побоища разгорелась полемика между представителями самых разных направлений общественной мысли. В 1880 г. состоялось первое юбилейное празднование 500-летия Куликовской битвы. Именно ее образы избрал А. А. Блок для того, чтобы выразить свои мысли и чувства накануне великих потрясений начала XX в.

Попытки вычеркнуть Куликовскую битву из исторической памяти потомков, предпринятые в 20–30 гг. XX в., не увенчались успехом. Немаловажную роль воспоминания о победе на Куликовом поле сыграли в поддержании боевого духа советских солдат в годы Великой Отечественной войны.

Всплеск интереса к событиям Куликовской битвы, несомненно, вызвал 600-летний юбилей сражения. Он же помог очертить круг еще не решенных задач. В настоящий момент изучение эпохи великого князя Дмитрия Донского переживает небывалый подъем. Правда, нестабильное положение в нашем обществе порождает множество теорий, порой самых фантастичных, нацеленных на переосмысление этого знаменательного события нашей истории. Однако научные изыскания историков, археологов, архивистов, литературоведов, искусствоведов и исследователей других специальностей, кто так или иначе сталкивается с вопросами эпохи Куликовской битвы, показывают, что она была и является одним из самых ярких событий в русской истории.

История и оценка Куликовской битвы требуют взвешенного и продуманного осмысления, не терпят популистских, конъюнктурных и легковесных высказываний и суждений, часто не подкрепляющихся фактическим материалом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ИСТОРИКАМИ	8
§ 1. Изучение Куликовской битвы и ее времени в отечественной историографии в 1715–1980 гг.....	8
§ 2. Изучение Куликовской битвы и ее времени в отечественной историографии в 1980–2005 гг.....	31
ГЛАВА 2. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В ОСВЕЩЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ	58
ГЛАВА 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НЕЙ РЕГИОНАХ НАКАНУНЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ	94
§ 1. Внутреннее положение в Орде в 1360–1370 гг. и ее взаимоотношения с государствами Средней Азии и Закавказья.....	95
§ 2. Внутреннее положение на Руси в годы «великой замятни»	99
§ 3. Великое княжество Литовское в системе взаимоотношений с Ордой 1360–1370 гг.	103
ГЛАВА 4. РУСЬ И МАМАЕВА ОРДА В НАЧАЛЕ 1370-Х ГГ. «РОЗМИРЬЕ» 1374–1379 ГГ	129
ГЛАВА 5. СИЛЫ СТОРОН	145
§ 1. Силы Мамаевой Орды.....	146
§ 2. Силы русских княжеств.....	150
§ 3. Вооружение сторон накануне Куликовской битвы	157
§ 4. Планы противоборствующих сторон	191
ГЛАВА 6. ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВНИКОВ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ	199
ГЛАВА 7. БИТВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ	223

ГЛАВА 8. ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ.....	246
ГЛАВА 9. ПАМЯТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ В XV–XVII ВВ.	266
ГЛАВА 10. ОБРАЗ МАМАЕВА ПОБОИЩА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ XVIII–XX ВВ. (Куликовская битва в восприятии Нового и Новейшего времени)	321
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	378

Научное издание

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА
в свидетельствах современников
и памяти потомков

Серия: Исторические исследования

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *К. М. Сатретдинова*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 24. Тираж 1000

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46
Тел.: (499) 766-74-57. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

ISBN 978-5-91791-074-1

Типография МБА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография посвящена рассмотрению восприятия событий Куликовской битвы в общественном сознании России на протяжении XV–XX столетий. Особое внимание уделено самому Донскому побоищу и его осмыслению в ранних источниках, а также в исследованиях, публицистике, художественных произведениях, живописи. На оценки влияли эсхатологические воззрения, установки Просвещения, господствовавшие идеологические течения, а также внешнеполитические и внутриросийские события.

В настоящее время изучение эпохи Дмитрия Донского переживает подъем. Нестабильное положение общества порождает попытки (в т.ч. фантастичные) переосмыслить значение битвы.

Новые исследования Куликовской битвы учеными приносят новые открытия в изучении этого ключевого события русской истории.

